

ФФ

2 95

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

!ВНИМАНИЕ—ФЭН—ВНИМАНИЕ!

А Ты подписался
на лучший в России толстый журнал
"ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА"?!
Индекс 70956

Подписка на 1995 г.
в любом отделении связи России!

Наш супержурнал, не имеющий аналогов
в России, с каждым полугодием становится
толще, лучше, интереснее.
Конкуренции с Нами не выдерживает
ни одно из фэн-изданий!

ПФ — уверенно лидирует, не имея себе
равных. Им зачитываются люди от 12 до
80 лет. Почему? Потому что **ПФ** — это
до безумия интересно и увлекательно!

**СПЕШИТЕ НА ПОЧТУ
И ВЫПИСЫВАЙТЕ**
толстый журнал книжного формата

"ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА"

ISSN 0869-2726

Индекс 70956

qп

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА**

Литературно-художественный журнал

2 95

rutracker.org
новое имя для torrents.ru

Сканирование и распознавание ЗаНЗибар

15 Apr 11

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Петухов “Вторжение из Ада. Странник” Фантастический роман.....	3
С.Сергеев “Русский Фауст” Повесть	168
А. Чернобровкин “Были древних русичей».....	262

Художник Алексей Филиппов

© Журнал "Приключения, фантастика"

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Розничная цена свободная.

Рег.номер – 319 от 1.10.90 Госкомпечати

Адрес редакции: 111123, Москва, а/я 40.

Учредитель, издатель, главный редактор –

Петухов Юрий Дмитриевич

Подписано в печать 1.01.1995 г.

Формат 84x108/32. Тираж 37 тыс.экз.

Заказ № 604.

Московская типографии № 13

Комитета РФ по печати.

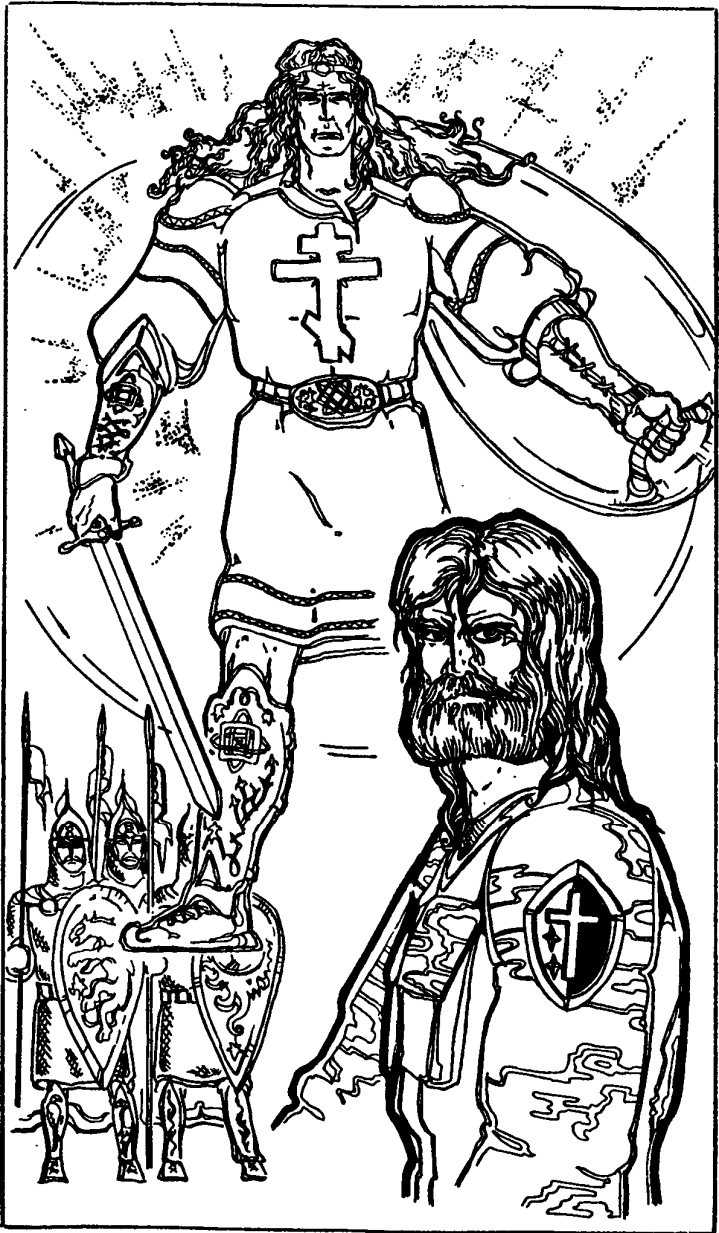
107005, Москва, Денисовский пер., 30.

Индекс 70956

Юрий Петухов

**«ВТОРЖЕНИЕ
ИЗ АДА.
СТРАННИК»**

Пролог

ОТЧАЯНЬЕ

С самой гиблой каторги можно бежать. Из тюремного каменного мешка можно выползти наружу – на свет Божий. Нет на Земле и в Космосе такого места, откуда бы нельзя было уйти – ни планеты такой, ни звезды нет: стремящегося на волно не удержит притяжение Голубого гиганта, и во мраке черных бездн окраинных квазипульсаров есть лазейки, и из Чужих Вселенных пролегают тропинки. Так уж устроено Мироздание, что всегда и отовсюду находится выход – и пространственный... и внепространственный.

Из-под топора, с отрубленной от тела головой, бежит в мир иной или во мрак небытия приговоренный, и его уже не казнить второй раз, он ушел от палачей своих, ему открылся выход. Да, и ему! Бежит из собственной, выстроенной самим собою тюрьмы самоубийца – и он, слабый духом, находит выход, и он отворяет калитку во мрак и пропасть. Бегут от Большого, всеуничтожающего Взрыва сверхцивилизации, бегут от вечной смерти, бегут из материи в нематерию, в ипостась, коей и названий еще не придумано. И теряют себя. И обретают себя! Ибо перевоплощение – тоже выход. Все живое и мечущееся во Вселенной жаждет исхода. И дается ему Исход!

Животное, объятное ужасом, гонимое лесным пожаром, кидается в пламя смертное. И уходит из огненного ада. Человек, отрешившийся от земного, встает в полный рост и идет грудью на пули – перед ним уже зияет провал в высшие миры.

Отчаянье! К одним ты приходишь слишком рано, к другим вовремя... но опозданий не бывает.

Нет выхода сильному духом из самого себя. Ибо только он сам для себя и тюрьма, и каторга. Открыто перед ним множество дверок и щелок, змеятся тропки, выются лазейки. Но нет Выхода. Не всякая щель для него Выход.

Исступленно мечется он во мраке своего заточения, ощупывает изодранными в кровь ладонями угрюмые, холодные стены, бьется грудью о камни, стонет и ропщет... но не желает встать на колени, пасть на брюхо и червем выползти в щель. Ибо сильный духом есть. Ибо Человек!

Если раньше в растрепанной и неухоженной шевелюре Гуга Хлодрика пестрели и рыжие, и, как подобало подлинному викингу, светлорусые волоски посреди чего-то неопределенно-пепельного, то теперь он был сед – старчески сед. Иван смотрел на Гуга и не мог поверить глазам – вот так и сидят: за день, за ночь.

– Сколько у нас времени, как думаешь? – спросил он тусклым, севшим голосом. Он хотел проверить себя. Но знал, точного ответа ему никто не даст.

– Две недели, не меньше, – так же отрешенно пробормотал Гуг.

Он был трезв и мрачен, левая рука подрагивала. И левый уголок рта был как-то неожиданно и скорбно приопущен. Иван вглядывался в приятеля – неужто прихватило, нет, не может быть, Гуг – человек исполинского, немислимого здоровья, он и в Школе отличался крепостью. Нет, это все нервы.

Гуг сам отнес на руках свою любимую, свою Ливу Стрекозу. Они долго кружили в подземных лабиринтах заброшенной гравидороги позапрошлого века, пока не уперлись в ремонтно-складской сектор. «Тут есть морозильная камера», – выдавил Гуг после долгого молчания. «Нет, никаких камер!» – отрезал Иван. «Сейфы?» Иван кивнул. «А воздух?» – Гуг смотрел с недоверием. Но это была последняя ниточка, он не желал выпускать ее иллюзорный кончик из своих рук. «Воздух ей не нужен. Главное, чтобы никто не влез сюда!» Гуг что-то бормотал насчет охраны, но Иван сразу осек его, Охрана только привлекает внимание. Они завалили направленными взрывами шесть входов-выходов. Оставили седьмой. Подступы заминировали. Винтили в породу четыре локатора-сторожа. Они были вдвоем. Больше

никто не знал о захоронении еще живой Ливадии Бэкфайер-Лонг. Никто! Теперь это в прошлом.

– Я преступник, Гуг! – вдруг со злостью, сквозь зубы выдавил Иван.

– Я тоже преступник, Ваня, – поддержал его сокрушенно седой гигант.

– Нет! – Лицо Ивана исказила гримаса раздражения. – Нет! Ты просто бандюга, Гуг, ты разбойник с большой дороги, уголовник, грабитель, головорез... А я – подлинный преступник! Я враг рода человеческого! Я порастратил чертову уймаищу времени на всякую ерунду! И ничего не сделал!

– Ты и не мог ничего сделать, Иван, – Гуг развел руками, – человечество неуправляемо. Наставить его на путь истинный?! Это все утопии, Ванюша. Ни один жлоб во Вселенной не трепыхнется, пока лично ему в лоб не закатаешь!

– Не все жлобы. Гуг...

– Все! Ты плохо знаешь жизнь, Иван. Ты слишком надолго задержался там, наверху! – Гуг Хлодрик ткнул указательным пальцем в небо. – Не хотел тебе говорить... но скажу, я б с огромным удовольствием присоединился к тем ребяташкам, что хотят надрать задницу человечеству. Ой, я бы ему, родимому, всыпал по первое число!

Иван приподнял голову и взгляделся прямо в глаза Гугу Хлодрикку. В них не было злости. В них была усталость и скорбь. И потому он все понял, Гуг будет с ним до последней минуты, до смертного часа, он не предаст.

Карнегтийский водопад заглушал их голоса. Прохладные брызги долетали искрящимися капельками, освежали лица. Но свежести не было и здесь, в заброшенном ущелье, вдали от людных улиц и давящих небоскребов полудикой северной Гренландии.

Теперь им надо было скрываться. Теперь им не было места на Земле и в ее окрестностях.

В водопаде плескался огромный белый медведь. Но Иван видел – ненастоящий, слишком уж чистый и ухоженный, слишком уж белый. Животный мир планеты восстанавливали. Но это был все-таки не совсем животный мир, еще два-три поколения и останутся одни биодубли. Нет! Какие, к дьяволу, поколения! Через полгода Земля обратится в выжженную пустыню. А он сидит тут, прохлаждается под искрящимися в лучах низкого солнышка брызгами. Вырождение! Все вокруг вырождается, все! и он тоже, и он не исключение.

– Я так думаю, Иван, – медленно и глубокомысленно произнес Гуг Хлодрик, – всем вам надо смываться отсюда. Пока не поздно!

– Всем нам? А ты?!

– Я останусь возле нее.

– Ты останешься, а нам смываться?!

– Это меня бог наказывает за Параданг, понимаешь?! – Гуг не поднимал глаз, не отрывал их от серого унылого камня под ногами, чуть поменьше того, на каком сидел. – И еще за Гиргею. Это я виноват, зря я тебя тогда...

– Да ладно, – Иван махнул рукой. Ему было тошно. С кем он остался? Гуг Хлодрик – старая развалина, размякший, растекшийся, бесформенный и жалкий в своем бессилии. Дил Бронкс – скалит зубы, а смотрит на сторону, непонятный, уклончивый, скользкий. Иннокентий Бульгин – этот шустрый, тертый, но он всегда сам по себе, странный мужик Хук Образина и Крузя – пьянчуги, чуть что – в запой, на полный вылет. Серж Синицки – просто чокнутый. Сихан Раджикрави, Первозург – самая темная лошадка, черный след в ночи. Гуговы головорезы – они привыкли работать за деньги, за добычу. Еще остается отпрыск императорской фамилии карлик Цай ван Дау. Но где он, жив ли вообще? Жалкая горстка никчемных ветеранов, списанных десантников! Пыль! Ничто! И все зло Мироздания, вся мощь Иной Вселенной, вся сила Преисподней! От отчаянья он готов был биться головой об эти серые молчаливо-угрюмые камни.

В безвыходных положениях люди чести пускают себе пулю в лоб. Давно пора! Он только продлевал агонию. Он уже конченный человек, мертвец. Да, бывают вещи, с которыми надо смириться. Это как ход времени, это как движение светил – неумолимо и неостановимо. Надо покориться... нет, не тому Злу, что убьет их всех, не ему, а самому Року, самому Провидению... Воле Божьей. Иван тяжело выдохнул, сдвинул виски ладонями. На все воля Божья! И если человечеству пришло время умереть – значит, ему надо умереть. И не роптать, не трепыхаться, не ронять чести и достоинства, умереть с открытыми глазами, умереть тихо, молча, покоряясь судьбе. Проклятый колдун-крысеньш, многоликий Авварон Зурр бан-Тург, его «лучший друг и брат» – он был прав, он видел грядущее, и надо было слушать его, не прекословить, всегда надо слушать опытных и умных людей... людей? нет, крысеньш не человек, но неважно, он был прав – они обречены. Люди не знают ничего. Они умрут без долгих и нудных мучений. Но ведь он, Иван, знал все давно. Знал, и так бесцельно тратил время – нет, не просто время, а последние месяцы, последние дни, часы. Надо было жить полной грудью, любить, смеяться, гулять – на сто лет вперед, не терять ни минуты, наслаждаться уходящим навсегда. А он метался и бредил, и ползал подземными норами, выискивал, вынюхивал, не щадил себя и губил других, он перебаломутил всю

несчастную Гиргею, по его следам шли чужие, шли и убивали его друзей, близких... Безумец!

– Что с тобой? – вдруг спросил Гуг Хлодрик. Его тяжелая ручища легла Ивану на плечо.

Иван не сразу вырвался из черного омота.

– Ничего, – просипел он еле слышно, – все в порядке. Ты, наверное, прав, Гуг. Пора нам уматывать отсюда. Пора!

Он медленно, каким-то нечеловечески вялым движением руки расстегнул клапан-кобуру, выгашил парализатор, стал поднимать его вверх – еще медленнее, сомнабулически, не сводя потухших глаз с серого камня.

Гуг успел выбить оружие в последний миг – палец уже давил на спусковой крюк, ствол упирался в висок.

– Ты переутомился, Ваня, – сказал Гуг Хлодрик мягко. И бросил парализатор себе за пазуху.

– Отдай, – Иван протянул руку.

– Нет.

– Отдай, я просто хотел понять, что ощущает человек перед концом. Я не знаю, как быть. Не знаю! Но сам я не уйду из жизни, Гуг. Давай сюда пушку!

Гуг Хлодрик выгашил парализатор. Поглядел на Ивана с недоверием.

Тот криво усмехнулся, покачал головой. В его волосах не было седины. «Откат» сделал тело молодым, крепким. Но душою Иван был стар, ох как стар. Он ощущал сейчас страшный гнет долгих, свинцово-каменных лет, годы давили на него, как не давила гиргейская восьмидесятикилометровая толща.

– Держи!

Иван сжал черную шершавую рукоять, повел стволом в сторону водопада. Нажал на спуск. Белоснежный медведь извернулся, выгнулся, ушел под воду за мгновение до выстрела. Сенсодатчики, угрюмо подумал Иван, да, сейчас биодубли все с датчиками, дело привычное, а раньше давали только в поиск, считали по пальцам, заставляли бумагу подписывать «об неутрате». Время идет! Медведь вынырнул, фыркнул, выплонул из пасти воду и недовольно посмотрел на Ивана.

– Ладно, черт с тобой! Ловко ты разыграл старика, – Гуг невесело хмыльнулся и ткнул Ивана кулаком в плечо. – Ловко! – Он вдруг замолк, хмуро шевеля выцветшими и вовсе не седыми бровями, гоня желваки по скулам. – Но этого своего, Кешу Мочилу, ты приструни...

– Он твой, Гуг, а не мой, – поправил Иван, – это вы с ним на ка-торге бузу затеяли. Я его знать-то не знал.

– Был мой, стал твой, – отрезал Гуг. – Мне ребята все порассказали, как он в подземелье шухер наводил. Так нельзя! Не по-людски это!

Иван снова опустил глаза, прикусил губу. Гуг, по большому счету, был прав. После того, как седой викинг со своей спящей красавицей на руках покинул подземелье, Иннокентий Бульгин, ветеран тридцатилетней аранайской войны и каторжник-рецидивист, прихватил бармена малайца за шкирку, для острастки дал кулаком в брюхо и приказал живым или мертвым выволочь Крежения наверх, запретить в любой глухой конуре и стеречь как зеницу ока. «Будешь шутки шутить, – сказал Кеша, – я тебя, обезьяну, через мясорубку проверну и котлет нажарю!» Малаец все понял и не заставил себя долго уговаривать. У подъемника Кеша поставил оборотня Хара, который от страшных переживаний сделался похожим на кошмарное пугало с собачьей мордой и совершенно невыносимыми, драными ушами, свисающими к полу. «Эх, Хар, – посетовал Кеша, – жаль, что ваших мокрушников не осталось больше!» Оборотень все понял сразу и поинтересовался – сколько шариков-зародышей надо. Потом поковырялся в своих лохмотьях и вытащил на ладони сразу четыре чуть подрагивающих живых шарика. Кеша присвистнул. Ему стало жалко всю эту сволочь, одуревшую после долгой черной мессы – как-никак земляне, собратья. Но он тут же выругал себя. Выхватил из лапы у Хара шарики, швырнул себе под ноги. «Нас не тронут?» Хар помотал головой, отчего уши у него спутались в одну безобразно длинную мочалку. «Береженого Бог бережет!» – Кеша на всякий случай вытащил из кармана сигма-скальпель. И поднял глаза к небу – оно где-то там, далеко, над каменными сводами. Чистое голубое небо. Он был почти счастлив, на этот раз не придется брать греха на душу. Хотя какой тут грех – это как в бою, нет, это как в поганых болотах Цицигонры, где нечисть надо выводить, изводить, изничтожать, иначе она сожрет и изгадит все! Нет тут никакого греха! Нечисть – она везде нечисть! Шарик лопнули не сразу. И крохотные оборотни-трогги вылупились из них вялыми, хиленькими. Они почти не походили на свой прообраз, на «папу Кешу», как мысленно окрестил сам себя Мочила. Но это не главное, плевать! Иннокентий Бульгин ждал начала. И когда к «малышам» вдруг подбежал сутулый тип в сутане, взмахнул своей изуверской плетью с ржавыми шипами и коллочками, Кеша не стал церемониться, он одним точным ударом в висок сбил сутулого наземь, присмотрелся – тот издыхал в судорогах, второго удара не понадобится. Самые ближние дьяволопоклонники, что валялись в разнообразных позах вокруг и пускали кроваво-желтые пузыри, начали приподнимать головы, всматриваться, двое даже вскочили и пошли

на Кешу, недвусмысленно выставив вперед свои острые и тонкие иглы. Но было поздно. Сам Бульгин стоял у стеночки, скрестив на груди огромные, сросшиеся с биопротезами руки и смотрел зло, с прищуром. «Мальши», достигшие роста десятилетних мальчуганов, угомонили смельчаков в мгновение ока – опрокинули их на пол, подмяли, свернули шеи и вскочили в ожидании новых жертв. Вялость и хилость пропали, будто их и не было. Но и с лежащих начинало сходиться оцепенение. На минуту всех подавила безумная, гнетущая тишина. А потом мрак прорезал хриплый, оглушительный вопль. Вслед за воплем в голове у Кешы и под сводами пещеры прогремел голос карлика Цая: «Не надо! Не делай этого!» Кеша скривился. Раньше следовало предупреждать. Четыре совершенно одинаковых подростка, полусогнув в коленях ноги, вызверившись как-то не по-человечески, стояли посреди взбудораженной, поднятой на ноги толпы. «Убейте их! Убейте!!!» – завизжал кто-то извне, сверху. – Убейте во имя Черного Блага!!!» Дьяволопоклонники разом, будто подневольные, управляемые кем-то зомби бросились на трогов, это была уже не людская сообщество, это была неисчислимая, огромная, тысячная стая человекообразных злобных шакалов. Кеша ударился спиной в холодную, сыроватую стену, выставил вперед свое запрещенное и беспощадное оружие, изготовился. Даже ему, ветерану самой страшной войны, повывавшему такое, что невыносимо для обычного смертного, стало неудобно в этом подземелье. Троиш, подлетевших с боков он сбил точными ударами ног. Еще двоим Хар перегрыз глотки. Больше на них никто не кидался. Но что творилось в шевелящейся, орущей, визжащей, кровавой куче-мале, понять было невозможно. Временами из нее вываливались или вылетали отдельные истерзанные тела с переломанными костями, захлебывающиеся в собственной пене, издыхающие. Но все новые и новые сатанисты бросались в кучу. Нет, это были уже не люди. Это были управляемые звери. Теперь и самые жалкие, крохотные остатки бывшего человеколюбия и сентиментальности покинули Кешу. Их надо убивать! Правильно сказал Иван перед уходом: «Не дай им выползти на свет Божий! Ни одному не дай! Хватит цацкаться! Мы не воспитатели в интернате для вырожденков!» И сжал Кеше руку чуть выше локтя. Правильно он сказал, все точно, не воспитатели. Всему есть предел. И никакие это не собратья-земляне, не люди. Это нечисть! Враги рода человеческого! Кеша приготовился их резать – всех, до последнего. Но Хар вновь замотал головой. «Надо подождать!» – прогнусавил он. Ждать пришлось недолго. Огромная куча вдруг, в один миг рассыпалась на сотни извивающихся, хрипящих, орущих, дико хохочущих и рыдающих тел и на сотни изуродованных трупов. И открылись взору

три могучих, дрожащих от напряжения фигуры. Три трогга, достигших своей убийственной мощи, стояли посреди пещеры и от них валил пар. Четвертый лежал рядом, с разорванной грудной клеткой и свернутой набок головой. Он еще дышал. Но это был не боец. Запиться длилось недолго. И после него уже не было битвы. После него было истребление. Трогги-оборотни не щадили никого, они не умели щадить противника. И не могли. Кеша дождался, пока все не было кончено. А потом изрезал убийц своим скальпелем – изрезал в лапшу, в капусту, чтобы наверняка. «Ты уж извини, – сказал он Хару со смущением, убирая сигма-скальпель подальше, во внутренние клапаны комбинезона, – я не имею права выпускать их наверх, прости!» Хар поглядел на него тоскливо и бессмысленно, по-рыбьи, как там, на Гиргее. «Все нормально», – сказал он. По дороге наверх пришлось убраться еще пятерых. Но малайца Кеша не стал трогать, тот выполнил наказ в точности – Крежень лежал за семью замками связанный и с кляпом во рту. Был он бледен, но жив. Гуг не успел добить его, не успел, а может, и не захотел. Ну и ладненько, подумал про себя Кеша. На свежем воздухе ему стало лучше, еще бы часик-другой в подземелье, среди этих наркотов и их дурманящих свечей, и он бы не выдержал, загнулся бы, но пронесло!

Иван не знал, что там думал про себя Кеша. Но он знал, что тот сделал все как подобает, нечисть не выползла наружу. Этого, конечно, мало. Но это уже что-то! А Гуг – старая, слезливая баба, ничего еще толком не понимающая.

– Это я дал команду, понял?! – сказал он резко, поднимая глаза на великана-викинга. – Война началась. И если тебе что-то не нравится, можешь идти... – он хотел сказать: «можешь идти к своей мулаточке под подол», но вовремя осекся.

– Ладно, ладно, – успокоил его Гуг Хлодрик, – мне трудно привыкнуть к мысли, что они начали! Я, Иван, еще не верю в это до конца. В это трудно поверить!

– Мне не нужна твоя вера! – Иван обретал утраченную было твердость духа. – Не нужна! В каждом настоящем деле должен быть один главный, один командир. И его приказы должны выполняться. Если ты со мной, Гуг, ты не должен сомневаться и спрашивать. Ты должен делать! Решай!

– Будь по-твоему, – лицо у Гуга Хлодрика, набрякшее, тяжелое и измученное, окаменело. – После того, что они сотворили с моей Ливой, я... я с тобой, Иван. Мы все сдохнем, нечего себе мозги пудрить, но мы сдохнем не на коленях! Ты главный!

Иван облегченно, прерывисто вздохнул. Он знал, что если Гуг принял какое-то решение, созрел, то это надежно и необратимо.

Высоко в небе, будто черная пуговица в вате, застрял среди клубящихся облаков дисколет – завис парящим коршуном. Ивану он сразу не понравился.

– Выслеживают, – заключил Гуг.

– Давно уже выследили, – поправил его Иван. – И давно бы могли убраться. Но чего-то ждут. Я не понимаю их...

– Кого это их?

– В том-то и дело! Кабы знать! Мы воюем с теньями, гоняемся за невидимками, все пытаемся ухватить за хвост кого-то... а в кулаке остается пар, туман!

– Не прибедайся, Ваня, кой-чего и нам нащупать удалось, точнее, тебе горемыке. Нельзя все время ходить вокруг! – Гуг задрал голову вверх, прищурил слезящиеся красные глаза.

– Я знаю, к чему ты клонишь! – почти шепотом произнес Иван. – На это непросто решиться... Ох как непросто! Мы ведь не знаем истинных планов тех, кто наверху. А вдруг они ведут сложную, не известную нам и непонятную игру... а мы влезем, все испортим?

Они свою игру сыграли. Ежели я кому-то и не верю ни на грош, Ваня, так это им! – Гуг прикрыл глаза ладонью. – Смотри-ка!

Дисколет снижался.

– Нет! Не могу решиться. Для этого надо переступить через что-то, через самого себя, через какую-то черту в своей душе... – Иван нервничал. Отчаянье корявой и грубой лапой сжимало его горло. Ведь он поставлен к стенке, он приперт, он лишен выбора... но попробуй – сделай первый шаг, этот страшный, необратимый шаг – и может быть все, он погубит себя, друзей, всех, не потерявших души в этой всемирной клоаке, он погубит и тех, кого оставил вне Земли, это будет конец, без возрождения, без надежды на память... и позор, страшный, вековечный позор. Нет! Нельзя рубить с плеча!

Они еще не сказали ни слова, но они понимали друг друга. Гугу что? он давненько точил зуб на всех этих баловней судьбы, на власть имущую братию, он ненавидел их и боялся, у него были свои счета с вершителями судеб. Иван всегда верил в справедливость и открытость стоящих над ними. Он никогда не влезал в тонкости и хитросплетения управленческих структур Мирового Сообщества, ему не было дела до Синклита – каждый имеет право вариться в избранном им вареве. Из Сообщества, будь то Объединенная Европа или Экваториальная Африка, Всеамериканские Штаты или Индонезийско-австралийский анклав, он возвращался усталым, нервным, порой взвинченным, но главное, каким-то немьгым, грязным, с ощущением поналипшей к коже незримой и противной пыльцы. При всем при том у него не возникало никогда ни тени желания лезть в «чужой мо-

настырь со своим уставом». Но Россия! Это непостижимость какая-то... Иннокентий Булыгин выложил все как на тарелке, ничего не скрыл, описал даже последние минуты Толика Реброва, подлеца и предателя. Нет! Сама история Великой России не допускала и мысли об измене, о существовании в последние столетия тайных властных структур... глупость! Они были, они правили Россией и в XIX-ом и в XX-ом веках, они вели чудовищную, необъявленную войну против великой страны и великого народа. Но в XXI веке их уже не было, резидентуру спецслужб «мирового сообщества» искоренили беспощадно. «Запад» и «восток», «юг» и «север» истошно вопили о нарушениях прав, о преследованиях, «чистках», но на этот раз Россия была глуха к разыгрываемому спектаклю. Она блула свои интересы и интересы своего Народа. Власть иноземных ставленников пресеклась... и могучая Держава устремилась в свое будущее с таким ускорением и с такой верой, что уже никто не мог встать на ее Пути! Изнеженное и развращенное Мировое Сообщество плелось по инерции где-то в хвосте, в пыли, оставляемой на большой дороге Российской колесницей, оно не в состоянии было и пытаться восстановить былые тайные инфраструктуры... Не в состоянии?! Нет! Иван понимал прекрасно – если в колесо, вращающееся с непостижимой скоростью, сунуть стальной прут, оно или сломает его или остановится. Остановка за последние пять веков не было. Взлет России своей очевидностью и мощью подавлял любые сомнения. И что же?! То, что Синклит Мирового Сообщества отдал приказ о модернизации и полной замене всех внеземных орбитальных, внутрисистемных и галактических оборонительных баз, еще можно объяснить – там творятся странные дела, всякого можно ждать. Но Совет Федерации?! Ведь подавляющее большинство голосов в Совете принадлежит Великой России! Да и сама Федерация на три четверти состоит из Российских земель, разбросанных по Вселенной, по сотням тысяч планет Мироздания! Так в чем же дело?! Предателей на троне, тем более в России... не бывает! Нет! Это игра, сложная, недоступная его пониманию игра. Он просто не знает всего того, что знают находящиеся у власти, ведь всегда, во все времена есть, были и будут секретные данные, не подлежащие разглашению, ведь он не вхож в «высшие сферы», он не обладает, выражаясь дубовым канцелярским языком, всей полнотой информации. Так какое он право имеет судить?! Нет, так нельзя. Как легко возомнить себя спасителем человечества и впасть в гордыню, стать орудием зла в руках дьявола. Это просто невозможно! Ивана раздирали сомнения и противоречия. А Гуг еще подталкивает его... может, он тоже работает на кого-то? Нет! Так можно спянуть! Так можно заподозрить всех и никому не верить! От абсолютной и пол-

ной веры всем и всему до полнейшего безверия один шаг, крайности всегда сходятся, Иван это прекрасно знал. Не надо спешить... Но как же не надо, когда по сути дела Вторжение, медленное, ползучее Вторжение, а точнее, прелюдия Вторжения – уже факт, осуществляющийся на глазах, разворачивающийся, наползающий лавиной. И все-таки нельзя бросаться в омут с головой. Нет! Иван рванул застежку на груди, ему не хватало воздуха.

– Надо укрыться, – просипел Гуг Хлодрик.

– Приготовь-ка свои пушки, старина. Это будет надежнее, – Иван криво, перемогая душевную боль, пересиливая отчаянье, улыбнулся.

Дисколет резко пошел вниз, почти камнем. И застыл над клокоцущими валами Карнегтийского водопада, засверкал, заискрился в алмазном тумане мельчайших брызг, согнал с облюбованного места белоснежного медведя, качнул локатором и медленно поплыл к сидящим.

– Шарахнуть бы гада! – процедил Гуг, выставив вперед ручной сигмамет. – Нерешительность нас погубит, Ваня!

– Авось не погубит, – прошептал Иван. – Может, там и не гад вообще?

– Гад! – уверенно повторил Гуг.

Прежде, чем плоское днище коснулось камней, из тугой мембраны просочился наружу невысокий и корявый человечек в нелепом на Земле полудесантном комбинезоне, с каторжным ошейником и черными крючьями трехпалых рук.

– Карлик Цай, едрена мать! – опешил Гуг.

– Ну вот, а ты его гадом обозвал, сейчас расскажу, не сдобровать тебе тогда! – уныло пошутил Иван.

– Я все и сам слышал! – заявил с ходу Цай ван Дау.

– Откуда ты? – спросил Гуг.

– Я ушел он них, – ответил карлик Цай.

Гуг Хлодрик вздрогнул, привстал с нагретого за день валуна, взмахнул рукой.

– Ушел, говоришь? – недовольно начал он. – А не поглядел, небось, вдруг позади хвостик-то вырос и болтается?

– Я отрезал все хвосты, – оборвал его Цай. – Самое меньшее на полчаса, раньше они меня не засекут. А засекут – снова уйду.

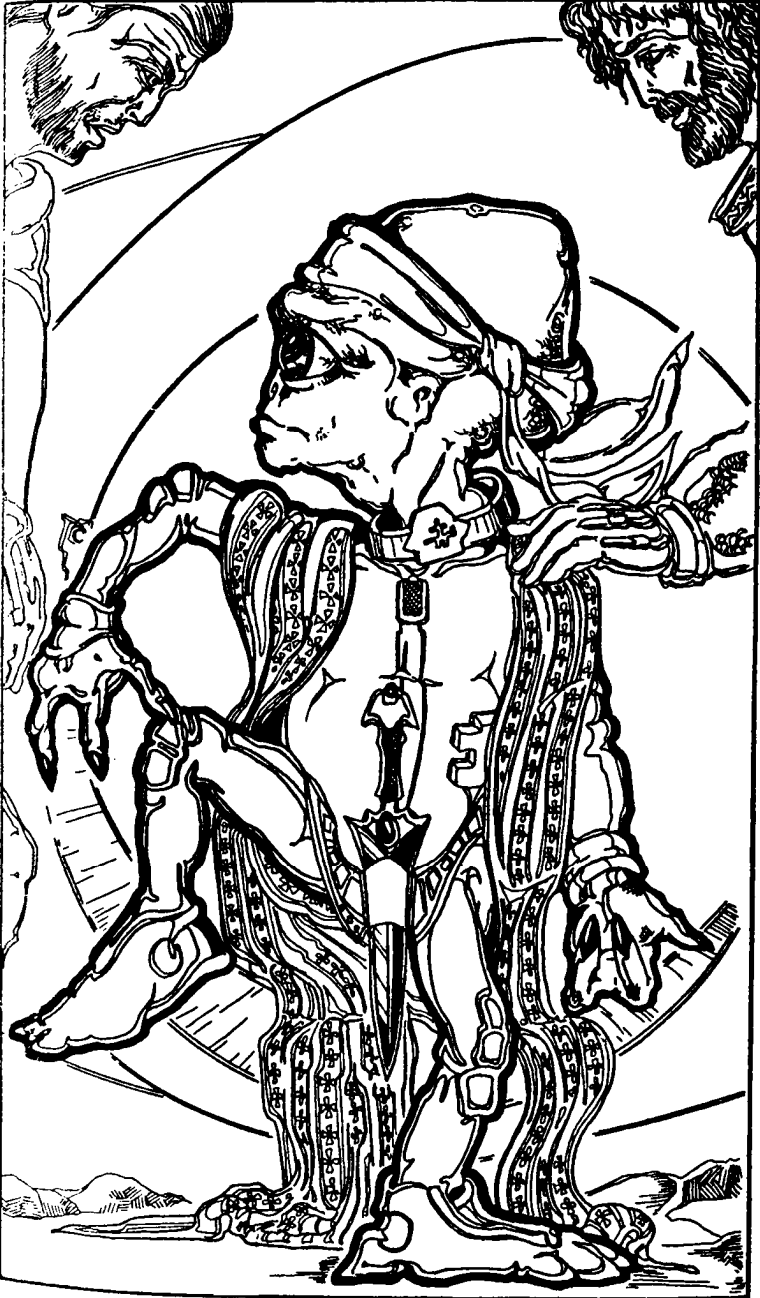
– От серых стражей Синдиката?

– И от Восьмого Неба уйду.

– Ты уйдешь, а нас оставишь им?!

– Вы им не нужны! – отрезал карлик Цай.

– Вот как?! – вклинился Иван. – Почему же это? Карлик поморщился, и из незаживающей раны на лбу потекла черная кровь. Вид у

него был неважный, измученный и затравленный, казалось, Цай стал еще ниже ростом и изможденнее, лишь уродливая голая голова не уменьшилась, наоборот, стала массивнее, тяжелее, уродливей.

– Садитесь, – предложил Иван, указывая рукой на серый плоский камень, – в ногах правды нет.

– Правды ни в чем нет! – буркнул Цай. Но присел.

Иннокентий Булыгин остановил Хара взглядом. Он понимал, что оборотень сейчас очень даже может пригодиться. Но ему самому хотелось потолковать по душам с этим типом.

– Я ведь, мой милый, политесь разводиться не приучен, – ласково наговаривал он связанному по рукам и ногам Говарду Буковски. – Я даже пальцем тебя не трону. Сяду вот тут, в стороночке, – Кеша указал на старый разбитый табурет, – и буду смотреть, как эта вот зверюга, – он кивнул в сторону оборотня Хара, – будет тебя, дружок, кушать.

Вид у Хара был и впрямь устрашающий, если он и походил теперь на пса, то несомненно на бешенного, озверевшего пса-людоеда, даже муть из глаз исчезла, и налились они ярой, кипящей кровью. Свиреп был Хар, дик и страшен. Зато сам Крежень выглядел не лучше покойника – зеленый, с перекошенным лицом и бегающими глазами он совсем не походил на того франта, какого знали прежде. Крежень не мог догадываться, что Иван дал команду не трогать его и оберегать, что Булыгин не сделает ему ничего плохого. И потому Крежень дрожал – крупной дрожью дрожал, будто в лихорадке. Кеше припомнилось искаженное страхом лицо Толика Реброва. Наверное, это закон для всех для них, почему-то всякой сволочи, предателям, изменникам, подлым тварюгам жить хочется сильнее, чем всем прочим, уж больно они цепляются за свои хреновенькие жизнишки! Кеша даже сплонул с досады. Сам бы он, по своей воле дал бы пинка этому ублюдку да дверь бы поплотнее притворил, чтобы ненароком обратно не вполз. Чем меньше всякие гады перед глазами маячат, тем на душе тише.

А Говард Буковски, он же Крежень, он же Седой, готов был колоться. Но он не знал, чего от него нужно, а угадывать мысли он не умел – да и попробуй угадай, что там творится в башке у этого угрюмого русского верзилы, русские вообще все ненормальные, от них можно ждать только плохого.

Дил Бронкс вошел как и всегда, с шумом, треском, смехом. На ходу похлопал несчастного пленника своей черной лапой по щеке, ухмыльнулся, сверкнув алмазом в переднем зубе. У Кеша сразу испортилось настроение, он не любил излишней показухи и слащаво-

сти. Дилу он не очень доверял, Дил слишком много имел, чтобы с легким сердцем идти на смерть, Кеша не верил в сказки и романтические истории. Но такой уж расклад, хочешь не хочешь, а работать придется и с ним.

– Вот, – будто оправдываясь, просипел Кеша, – возжусь с этим дерьмом. И не будет мне прощения, сколько уж дней на Земле да около, а на родимой сторонке так и не побывал!

– Да куда он денется! – бесшабашно ответил Дил. – Поезжай домой. Жену повидаешь, детишек!

– Нету у меня ни жены, ни детишек, – сказал Кеша. – Один только пес остался! – Он ласково потрепал Хара по загривку.

– Знаем мы, какой это пес! – расхохотался Дил Бронкс. – И про тебя все знаем. Нет, Кешенька, на родимую земелюшку тебе лучше носа не совать!

– Сам разберусь! – грубо оборвал хохочущего негра Иннокентий Бульгин.

Оборотень Хар при всем своем грозном виде вдруг жалобно заскулил. В бетонированном, обшитом изнутри пластиковым тесом бункере стало тихо. Только трясущийся Крежень громко и нервно сопел.

– Говори быстро и коротко – кто из ваших в России? Где? Адреса, имена?! – неожиданно резко выпалил в сторону пленника ветеран аранайской войны.

Говард Буковски содрогнулся словно в агонии, позеленел еще больше.

– Нет никого! Я не знаю!

– Так нет или не знаешь?!

– Не знаю! Я маленький человечек, я никто-о-о...

– Убью, сука! – взъярился ветеран.

– Оставь его, – влез Дил Бронкс, он больше не хохотал, даже не улыбался. – Плевать на этого болвана, разве в нем дело?! Мы уже четвертый день сидим в бункере! Мы уже третью неделю чего-то ждем... Ты вот думаешь, он нам сдаст ребятишек из российского отделения Черного Блага, и все будет о'кей?! На-ка вот, выкуси! – Дил сопроводил свои слова неприличным жестом, если бы его сейчас увидела Таёка, не миновать бы Неунывающему Бронксу взбучки. Но Тайки рядом не было, и потому Дил гнул свое: — Даже если мы раскопаем еще сто, тысячу агентов, резидентов, отделений, если мы накроём все «черные приходы» в Европе, передадим миллион этих воющих клопов, разве изменится что-то?! Нет, Кеша! Ни хрена не изменится!

– Заткнись! – Булыгин вскочил на ноги. – За эти две недели мы выпотрошили половину земного шара! Они доперли, что на них есть управа, понял?! Парижский клан обезглавлен и растоптан! Крузя давил английскую гадину, они даже не поняли, что происходит, они расплозились как черви... Это ты, Дил отсиживался! Это ты все чистолю из себя корчишь! Мы этих гнид растопчем и вобьем в навоз! Я почти сорок лет не был на старушке Земле, но я не ожидал увидеть тут столько дерьма! Мы выведем нечисть!

Бронкс приблизил свое черное, блестящее, будто нагуталинное лицо к лицу Кешиному и тихо спросил:

– Ну и чего ты этим добьешься?

– Чего надо!

– Остановишь Вторжение?

Кеша промолчал. Зыбкая былинка не остановит бронехода.

– Это называется, Кешенька, – продолжил негр, – бей своих, чужие бояться будут.

– Не ври! Какие они свои... мразь!

– Это точно. Но они еще большая мразь для тех, на кого работают. Ты что думал, ребята из Системы будут жалеть дерьмоедов, что ты спровадил в ад? Они тебе спасибо скажут.

– А... – Кеша запнулся, – а тот свет, преисподняя?

– Ты сам-то веришь в нее? – Бронкс улыбнулся. – Не веришь, Кеша. Это у Ивана от переутомления. Система есть, и негуманоиды есть, и армады боевых звездолетов есть, и резиденты их на Земле есть, а вот того света с Пристанищем да прочей муры никогда не было, нет и не будет! Верно я говорю, ну ты, образина?

Оборотень Хар, которому предназначался последний вопрос, угрожающе зарычал. Иннокентий Булыгин засопел, отвернулся.

С Дилом Бронксом трудновато было спорить – поди проверь, чего там есть, а чего нету, никто преисподней своими глазами не видал, кроме Ивана, который, может, и впрямь переутомился в бесконечных мытарствах. Но Кеша не слушал негра, он для себя все давно решил: есть там что-то или нет, он пойдет до конца, ему терять нечего, все одно через «барьерчики» сигать придется, так уж лучше непопусту, не зазря, лучше так, чтоб должок свой выплатить... России и безвинному люду. И пускай Бронкс не болтает, ему есть чего терять, а Кеше нечего, сытый голодного не разумеет. Вообще Кеша значительно скорее сошелся с Хуком Образиной и даже с Арманом-Жофруа дер Крузербильд Дзухмантовским, в просторечии, Крузей. Но с владельцем Дубль-Бига-4 у него не заладилось. Ежели потребуется с ним на смерть идти, придется идти, но под дудку его плясать, нетушки, Кеша имел во всем свое мнение.

– Да и это не главное, – горячился Дил, – это ерунда, пускай все, чего он понаплел, есть, пускай! Но надо же чего-то делать, понимаешь, а Иван сидит да помалкивает, я его вообще таким никогда не видал! Да ежели где чего не так, он хватал капсулу, баки, разгонники, боеприпасов побольше – и только его видали, таких шустрых поискать надо. Он просто сдох, был да весь вышел, он всех перебаломутил, сгношил, а сам сник... нет у него никакого плана, понял?! И нет у него уже воли, он растерялся, он лег на лопатки еще до начала боя!

– Давай, черни человека, – сурово вставил Кеша. Он снова сел на свой древний деревянный табурет. Сидел и играл желваками на небритых скулах.

– Не учи! – осек его Бронкс. – Я и ему то же самое говорил, в глаза! Надо чего-то делать, понял?! Или разбегаться!

– Кто тут собрался разбегаться? – хрипло поинтересовались сверху. И через потолочный люк в бункер свесился огромный, непомерный Гуг Хлодрик. Он недолго висел, спрыгнул вниз, заскрипел-захрустел своим вечно полуисправным биопротезом, крикнул, насунился. И сказал:

– Там Цай пожаловал. Дела совсем паршивые. И коли кто собрался бежать, беги! А то поздно будет.

– Ты толком говори, нечего пугать, – спокойно отозвался Дил Бронкс и тоже сел, показывая, что ему бежать некуда и незачем.

– Иван просил всех собраться. Где Образина?

– Хук и Крузя во внешней сфере, на третьей орбите, – доложил Кеша.

– Вызвать!

– А этого? – Булыгин пнул сапогом пленника-изменника.

– Седого в погреб! – отрезал Гуг.

Оборотень Хар, не дожидаясь разъяснений, ухватился зубами за край кожаного плаща и сноровисто поволок Говарда Буковски в угол, к неработающему утилизатору. Хару нравилась роль безродного пса, он прямо-таки вжился в нее... ему так было сподручнее, спокойнее, все с ним свыклись, чего еще надо! Допотопные клавиши он нажал своим унылым носом, а вот на педаль надавил лапой – Крежень полетел вниз, в «погреб», в зацементированный мешок без окон и дверей. Никто не знал, что с ним делать, но и отправить на тот свет не решались.

– Где вы торчали? – поинтересовался Дил Бронкс, расстегивая ворот сверкающего полускафа.

– Среди камней и торосов, – вяло ответил Гуг, – посреди унылой и ослепительной Гренландии. Где еще можно торчать беглому каторжнику?!

– Что Иван?

– Думает, – после минуты безмолвия ответил Гуг Хлодрик, – Иван все думает...

– Две трети оборонительных баз разоружены, из них почти половина демонтирована. Разоружение идет полным ходом. Это точные данные, – угрюмо отчитался Дил Бронкс, и он уже не скалил свои большие зубы. – А в Гренландии, небось, зима.

– Там тепло, там медведи и водопады из шампанского.

– У тебя горячка, Гуг.

– У нас у всех горячка. Ты думаешь, на Земле остались еще нормальные? Нет, Дил, они, эти чужие, и выжидали того времени, когда мы все посходим с ума.

– Ладно, это пустая болтовня, – оборвал их Кеша. – А вот со стариною Цаем мне бы хотелось потолковать. Где он, родимый?

Гуг не стал отвечать, скоро сами все увидят. Лично ему разговор с Цаем не принес облегчения. Прямо там же, среди седых валунов Гуг ухватил карлика за грудки и потребовал объяснений. Иван сидел в какой-то дикой и нелепой прострации, будто его подменили. Да и Цай был другим, мрачным и одновременно напуганным. Гуг перестал его трясти через две минуты, когда по глазам понял, что выпрясти ничего не удастся – отпрыск императорской фамилии в тридцать восьмом колене непричастен к беде, приключившейся с Ливадией Бэкфайер-Лонг, его любимой и ненаглядной Ливочкой. Лишь один раз Иван как-то непонятно встрепенулся и поглядел на Гуга странным взглядом, но тут же снова отключился, предоставив двоим беглым каторжникам право выяснять отношения самим. Чуда не будет! Гуг это понял не сразу. Не надо ждать, надеяться, надо просто жить. А придет срок, все само собою образуется... и Лива откроет глаза, и позовет его, и не нужны им будут посредники, никто не будет нужен, и это даже очень неплохо, что только они с Иваном знают, где лежит несчастная. Только они! В конце концов Гуг Хлодрик заявил карлику: «Все! Точка! Тебя и не было вовсе! Это все мне прислышалось, это все, понимаешь, галлюцинации!» На что Цай покачал головой и прямо признался: «Нет, Гуг, я тебе не примерещился, не криви душой. Все было на самом деле. Но я Ливу не усыплял... и не убивал. Вмешался кто-то третий». Седой викинг отвернулся от собрата по гиргейской каторге. Теперь он не сомневался, они все чокнутые, по ним по всем плачет психушка, не только по одному Ивану. Но Гуг ни черта не боялся. Даже если сейчас, «на хвосте» у Цая прилетят, приползут, приплывут сюда недруги, он будет их бить до последнего заряда в сигмамете, а потом будет бить самим сигмаметом как дубиной, а потом, когда дубина эта сломается или выпадет из рук, он будет бить их кулаками и

рвать зубами, они его смогут убить, растерзать, но бояться себя они его не заставят. Да, Гуг окончательно решил. Один путь. Один крест... Но Иван?!

Хук Образина и Крузя вошли в бункер, когда все были в сборе. Гуг указал им на пустующую скамью в углу. Но сам не сел, прислонился к стеночке, исподлобья уставился на карлика Цая.

– Он нас всех сдаст, – процедил сквозь зубы Кеша. Хук смотрел то на одного, то на другого мутными и добрыми глазами. Он еще не пришел в себя и почти ничегошеньки не понимал. Но уже начинал набирать вес, выправляться – из натурального скелета Хук превратился в заурядного дистрофика, то есть в скелет, чуть обтянутый кожей. И все же глядеть на него было страшно: острые мертвенно-желтые скулы, огромные глазницы под костистыми надбровьями, безгубый болезненно-искривленный рот... и, главное, вечно трясущиеся, не находящие себе места руки с длинными, тонкими пальцами. И это бывший космодесантник-смертник, боец галактического спецназа, который запросто мог управиться с тремя десятками отборных головорезов! Крузя выглядел почти молодцом: чуть пополнел, чуть полысел, но в карих глазах блеск и ум, Крузя вышел из затяжной, многолетней петли. Удержался на краю, сукин сын! Иван рад был видеть всех живыми. Были бы живы, а все прочее – дело наживное, хотя и не время радоваться, время скорбеть.

– Он нас всех подставит, – снова начал пророчить Иннокентий Булыгин. И когда убедился, что никто его не поддерживает и не желает даже откликаться, сунул руки за пазуху, вытащил черный кубик размером с крупную виноградину, выставил его на широченной темной ладони и уже не процедил, а рявкнул в сторону Цая ван Дау:

– Что это, отвечай?!

– Кончай базар! – Гуг Хлодрик поднял руку. – Надо по-порядку, без нервов. Цай сам все расскажет!

Карлик Цай приподнялся с обломка пластиконовой панели, обвел всех мрачным взглядом. И стал говорить.

– Вы им больше не нужны. Никому из них! Ни Синдикату, ни черным, ни Восьмому Небу, ни Совету, ни Синклиту... никому!

– И дозрывникам не нужны?! – грубовато вклинился Кеша.

– Никому! Игра сделана. – Цай ван Дау уставился в упор на Ивана, из подернутых багрово-красными прожилками глаз выкатились от напряжения две мутные слезинки, рот скособочило. – Еще недавно такие как ты были пешками в большой игре. Теперь ты даже не пешка. Теперь ты никто! И ты никому не нужен, расклад ясен. У Земли нет никаких шансов. Даже одного из триллиона! Им всем плевать на ваше дерганье!

Наступило мгновение, когда лица у всех собравшихся стали одинаковыми – и у Ивана, и у Гуга Хлодрика, беглого каторжника и вожака развалившейся банды, и у спившихся героев Дальнего Космоса Хука Образины и Армана-Жофруа дер Крузербильд Дзухмантовского, и у ветерана жестокой аранайской войны Иннокентия Бульгина, и у преуспевающего Дила Бронкса... и даже у оборотня Хара – отрешение и тихие блуждающие улыбки снизошли на них. А что?! Может, это и к лучшему? Все разрешается просто, все уже разрешено... и от них ничего больше не требуется, им можно спокойно уйти от дел, отстраниться, лечь на дно и... ждать! ждать!! ждать!!!

– Но почему ты сбежал от них? – пробудился наконец Гуг.

– Теперь им не до меня. Синдикат прекратил сопротивление. Его главари бьются друг с другом за будущие тепленькие места при новом режиме...

– А он будет? – тоскливо спросил Иван.

– Кто – он?

– Ну, режим-то этот?

Карлик Цай развел своими уродливыми ручками.

– Никто ничего не знает... но ведь должен быть, как иначе?!

– А так! – сорвался Гуг. – Пора бы сообразить, что наша земная логика и все наши доводы этим тварям не указ! Они могут выжечь всю Федерацию, напрочь! Может, им нужна пустыня, голое место без всяких там копошащихся в своем дерьме человечешек?!

– Они могли всех нас уничтожить давно. И безо всякой предварительной обработки, – сказал Иван устало. – Я никак не могу понять – почему они не сделали этого, почему они не делают этого?! Зачем им «приходь», зачем резидентура, агентурная сеть, за каким чертом они ломают одного за другим, кого силой, кого деньгами и должностями... Это непостижимо! Ведь они могли нас уничтожить сто раз... Нет! Это игра! Это Большая Игра! Он так и говорил.

– Кто это он? – переспросил с бессмысленной улыбкой Хук Образина.

Иван не успел ответить. Карлик Цай начал прежде него.

– Они хотят сломать нас. Мало убить, надо сломить волю к сопротивлению, надо самим себе доказать, что выводишь с лица Вселенной не соперника разумного... пусть даже, малоразумного, а вредоносную плесень, это как прополка – рви сорняки, не жалей!

– Я тоже так думал, – отозвался Иван. – Раньше. Теперь я так не думаю. Здесь идет игра не на уровне Федерация и Система, наша Вселенная и Чужая. Нет, все глубже, нас ломают те силы, в которые почти никто не верит.

– Ты снова бредишь, – Дил Бронкс сверкнул всеми гранями вставного бриллианта. – Я готов драться до конца. Но не с призраками, Ваня, не с упырями и вурдалаками из детских сказок.

Иван тяжело вздохнул. Его не понимали даже самые близкие друзья – ближе у него никого не было... кроме Ланы, кроме Аленки, кроме Светы. Но где они? как дотянуться до них словом, душой? Не дотянешься! А эти рядом. Надо объяснить им, иначе нельзя, они обязаны все понять. Но как тяжело, как трудно! Сколько лет он мучительно добирался до истины... И постиг ее? Иван не знал. Отчаяние, тихое, давящее, неизбежное каменной плитой лежало на нем.

– Это не бред, – проговорил он, не глядя на Дила Бронкса. – Стихия убивает слепо, внезапно. Ей плевать, кто ты и что ты, ее не интересует твое состояние перед смертью. Наводнение, цунами, смерч, землетрясение, да что угодно: налетело, сломало, раздавило, убило – и все! Или взять прежние земные войны... внезапно убить, истребить как можно больше – ракетным ударом, ночными бомбардировками, газовой атакой. Люди гибли спящими, ночью, а если и днем, то не успев ничего понять: с неба, со всех сторон на них неслась смерть. И все! Никому и дела не было до того, что там у человека внутри! Надо было уничтожить его тело...

– На Аранайе так было, еще похлеще, – вставил Кеша, будто подтверждая Ивановы слова.

– ...да, было, было, – машинально согласился Иван. – Система – это как мы в войнах, это как стихия, она без колебания, в услужение себе и потеху раздавила бы, сожгла, выгнала наши тела, все миллиарды и миллиарды земных, человеческих тел по всей Вселенной – без жалости и без пощады. Но Система работает в связке с Пристанищем... я не знаю, как это у них получается, зачем, почему, но они вместе. Вот тут и разгадка. Пристанищу мало убить нас телесно. Пристанище – это не стихия и не люди. Пристанищу надо растоптать, раздавить наши души: из одних сделать жалких и подлых трусов, превратить их в предателей, подлецов, продавшихся дьяволу, других обратить в своих слуг, в щупальца преисподней на Земле, третьих подавить духовно, довести до... – Иван вдруг осекся, обвел собравшихся пристальным взглядом, всматриваясь в глаза и не замечая легких улыбок на губах. – Довести до отчаяния! Лишить воли к сопротивлению. Чтобы победить, Пристанищу надо убить не всех вместе, а каждого в отдельности. И не просто убить, а погубить его!

Все сидели молча. Кеша скреб небритый подбородок. Дил Бронкс разглядывал гравированный золотой перстень на мизинце, будто впервые увидал на нем надпись и пытался прочесть ее по складам. Хук смущенно теребил край кожаной куртки. Крузя усиленно и

неестественно зевал. Гуг Хлодрик топтался у стеночки. А оборотень Хар пускал лиловые пузыри, можно было подумать, что он спит.

Первым открыл рот Гуг Хлодрик:

– Ежели бы ты не был моим другом, Ванноша, я б взял тебя под белы ручки да отвел бы в тихую обитель, где за такими как ты приглядывают добрые люди в белых халатах.

– Он правду говорит, – поддержал Гуга Дил Бронкс. – Надо дело делать, а не богоугодными разговорами заниматься, вот что!

Вслед за Дилом загалдели, зашумели все. Это был ропот, это уже было недовольство – им, Иваном, вожаком, предводителем, они не хотели видеть над собою философствующего слюнтяя, не тот народ подобрался, не та публика. И Иван все это прекрасно понимал. Но не объяснить им и себе происходящего он не мог. Даже если Земля стремительно летит в адскую пропасть, на ней должны быть люди, которые осознают, что происходит.

В хоре ропщущих не было слышно сиплого голоска Хука Образины. Иван даже растерялся, когда услышал из безгубого рта странный вопрос:

– А почему?

– Что – почему? – переспросил он.

– Почему им надо погубить каждого? И почему не просто убить, а именно погубить? Какая разница, что убил, что погубил, не понимаю!

– А ну тихо! – рявкнул Иван как в прежние времена, когда с командой лихих и строптивых парней высаживался на сатанинскую Гадру. И его сразу поняли, сразу успокоились. – Когда человека просто убивают, душа отлетает от тела, она уходит в высшие сферы, на небо, куда угодно, мы не знаем толком, но она продолжает жить в иных измерениях и иных пространствах, она может вселяться в другие тела, нести свой заряд и свой мир в миры чужие. Но когда губят человека, то губят и его душу – ее или убивают вообще или ввергают в мир Пристанища, в преисподнюю, я еще сам не очень-то разбираюсь в этом, по прежней души нет, есть стусок грязи, черноты и мерзости, есть еще одна капля в океане Зла! Понимаете?! Им надо истребить нас полностью, чтобы и души наши никогда не воплотились ни в кого... иначе может быть отмщение, нет, не отмщение, а возрождение людское. Да, именно этого они боятся, именно поэтому они не спешат, именно поэтому им надо погубить каждого... и хватит хихикать! Это не бред! Это новая реальность, с которой мы сталкиваемся, мы, все человечество! Прежде все бились за места в плотской, зримой и осязаемой Вселенной. А теперь вот эти вот недобрые, но высшие цивилизации Зла... они нас как щенков носом ткнули в лужу, в жизнь

подлинную, которая не замыкается в наших убогих измерениях, они сами нам показывают, что есть миры иные, где мы можем существовать, но они нам не дадут этого. Представь-ка себе, Гуг, такое дело: насылают они на нас звездную армаду, выжигают все напрочь, во всей нашей Вселенной не остается ни одного землянина, все сорок миллиардов человеческих тел сгорают в синем пламени или становятся пищей для червей и консервантами...

– Какими еще консервантами?! – перебил удивленный Крузя.

Ивану припомнилось Пристанище, тела, лишённые душ, биоматериал для последующих трансформаций и воплощений, припомнился тот кошмар и ужас, когда откушенные головы падали на холодный мрамор и катились по нему, вращая бессмысленно-стеклянными глазами. Разве это можно объяснить, передать?! А «морозильники»?! А трансплантация душ?! Это все надо видеть.

– Когда человек хочет сохранить икру, рыбу, мясо, он консервирует их и хранит. Когда нелюдям надо сохранить для своих опытов человечину, они точно так же консервируют ее... немного по-своему, но принцип тот же, понял?

Крузя покачал лысеющей головой, выпятил нижнюю губу.

– Поймешь, когда увидишь.

– Ни хрена мы не увидим! – вставил Гуг Хлодрик. – Вот этот ублюдок, может, и увидит, – он кивнул в сторону «подпола», где сидел сейчас Крежень. – А мы отдохнем здесь, на Земле!

– Короче! – Ивану надо было довести свою мысль до конца. И он оборвал ненужные сейчас словопрения. – Так вот, они уничтожат сорок миллиардов тел. Сорок миллиардов душ отлетят, кто куда – в ад, в рай, в чистилище, если оно есть. Сорок миллиардов душ уйдут из наших убогих плоскостей в иные измерения. Черные души усилят и умножат Пристанище. А светлые? Души всех нормальных добрых людей, куда они уйдут?!

– Это мы-то добрые и светлые?! – ухмыльнулся Кеша.

– Неважно! Не о нас речь. Непогубленные души будут жить в тех измерениях, где обитает недоступное нам Добро и Зло. И это будет «пятая колонна» Пристанища. Понимаете? Они, точнее, их слуги на Земле всегда сами привыкли быть «пятой колонной» – то разрушающей силой, что истачивала страны, народы, цивилизации. И вот наступает их полная, абсолютная власть во всех Вселенных, по всему бескрайнему Мирозданию... их мир, их порядок, а где-то внутри него, нам не понять даже на каких уровнях, но внутри – уже не их, но наша «пятая колонна». Мы всегда были легкомысленны, мы не хотели видеть на своей Земле очевидного. Но они это видят очень хорошо, они знают о «пятых колоннах» все, это их метод, это их стратегия и такти-

ка. Они не такие наивные и легковверные, они прекрасно знают, что если их и погубит кто-то, то изнутри, разведая постепенно их мир, их порядок. И они не допустят этого – Зло предусмотрительно и дальновидно, Зло никогда не бывает беспечным и доверчивым. Они должны быть уверены в своей победе! Они хотят знать наверняка, что сокрушили противника. Они не успокоятся, пока не погубят последнюю душу.

– Значит, Вторжение никогда не начнется! – заорал, размахивая руками, Дил Бронкс. – Это бесконечный процесс. Если тебе верить, Ваня, ежели у них шпучное производство – то они никогда не остановят его, рождаются все новые люди, грешники каются... все старо как мир, хватит этих проповедей! Болтовня одна! А оборонительные рубежи разрушают, понял?! А мы болтаем!

– Спокойно, Дил! Они нас хотят отвлечь на мелочи. Ну куда вот ты сейчас бы бросился? Восстанавливать оборонительные базы Раганра, или может, кольцевую систему Дидузориса?! Ты будешь метаться по Вселенной, как метался я, ты будешь терять время, вместо того, чтобы сесть один раз, все хорошенько обдумать и ударить...

– В центр! – будто вбил последний гвоздь Гуг Хлодрик.

Иван скривился. Они все тянут его за рукава, кто куда. Но он не должен идти у них на поводу. Он знает больше их всех вместе взятых, он прошел через столько, что не приведи Господь им! Гуг прав. Гуг почти во всем прав! Но как решиться на этот страшный шаг?! Невыносимо! Почему судьба взвалила на него это бремя, почему он обязан нести этот тяжкий крест?! Карма? Неважно как называть, неважно. «Иди, и да будь благословен!» Если он – он, измученный, загнанный, бросаемый из пекла в пекло – благословенный, то кто ж тогда проклятый?! Кто?! В глазах вдруг помутилось, стемнело... и встала огромная, нелепо скрюченная тень с кривой клюкой. Старуха. Проклятая ведьма Пристанища! Сгинь! Иван с силой сдвинул виски, опустил глаза, уткнул их прямо в пол, в серый и грязный бетон. Но он все равно видел ведьму. Безумные пылающие лютой яростью кровавые глаза жгли насквозь. Костлявая лапа тянулась к горлу, почти касалась его, но не могла сдавить. Высохшее тело фурии сотрясалось, черные тяжелые одеяния развевались, бились в порывах несуществующего ветра. А глаза из-под черного капюшона все жгли и жгли. «Ты никуда не уйдешь от нас! Близок твой смертный час, Иван! В жутких мучениях и судорогах издохнет твое тело, но душа будет вечно в Пристанище... ибо сбывается уже страшное, черное заклетье! И нет для тебя Исхода!» Старуха-призрак исчезла так же внезапно, как и появилась.

Но видел ее лишь один Иван.

– А вот мне плевать, чего там будет да как, – заявил Иннокентий Бульгин. – Я их буду просто бить до последнего мига. И все! Моя душа уже продана...

Они переглянулись с Иваном. И тот сразу вспомнил «хрустальный лед», плен в ядре препоганейшей планеты Гиргеи, дозврывников, «барьеры», Кешино чудесное раздвоение. Да, он прав, эти нелюди, существующие на энергетическом уровне и чуждые людских тревог и забот, Кешину душу не вернут. Но, надо признать, они помогли им, они спасли их. Спасли? Или погубили?! Нет, Иван никому своей души не закладывал... В мозгу кольнуло, всплыла мерзкая рожа Авварона. Что делать, он пообещал отдать Кристалл колдуну-крысеньшу. Это нелепо, получается, что он, благословенный на добрые и светлые дела во имя Господне, работает на Пристанище, на преисподнюю. Иван чуть не взвыл. Лучше не вспоминать. Лучше не вспоминать! Но как назло перед внутренним взором встали две распятые на поручнях фигуры. Накатило всепожирающее пламя. Острая игла вонзилась в сердце. Сколько же можно! Нет, надо было покончить с этим, надо было нажать на спуск... и все!

– Я сказал то, что хотел сказать! – заключил Иван.

– Значит, мы начинаем! – понял его по-своему Гуг.

– Нет! Еще рано.

– Но почему?! – Гуг Хлодрик подступил к Ивану вплотную, побагровел, заскрежетал зубами.

– Я должен идти к ним.

– К кому, мать твою?!

– К правителям. Я должен говорить с ними. Вы меня поняли... И они поймут.

Гуг остервенело ударил кулачищем в боковую панель, пластикон треснул, сеть трещинок разбежалась паутиной почти до самого бетонного пола.

– Ваня, родной! – зарычал он. – Ведь ты уже бился головой о стенки. Ты чего, милай, не понял еще, что простота хуже воровства?! Ты себя не жалеешь, так нас пощади! Они всех изведут, не дернешься, не рыпнешься! Не сходи с ума, я тебя прошу!

– Он дело говорит! – закричал в тон Гугу Дил Бронкс.

Загомонили, заволновались Хук с Крузей. Засопел и заскулил с пола оборотень Хар. И только Иннокентий Бульгин вдруг повернул свое тяжелое и суровое лицо к позабытому всеми Цаю ван Дау и повторил с невозмутимым видом:

– Так что ж это такое? – на ладони его чернел прежний кубик.

Все будто по команде притихли и уставились на уродливого, несчастного карлика.

– Сдави ретранс! – после секундного замешательства приказал Цай.

– Чего? – не понял Кеша.

– Кубик в кулаке сдави! Слышишь?

Кеша добросовестно исполнил приказание. Глаза у него округлились. Нижняя челюсть отвисла.

– Слышу, – просипел он. – И вижу!

– Опиши, что видишь.

– Красиво больно. И непонятно... паутины какие-то мохнатые, решетки, клетки разноцветные, на тыщу верст все видно, даже больше, шевелятся, заразы... и голоса, и музыка какая-то, и Цай чего-то говорит, вещает как в «приходах», голос есть, а рож не видно! Но красотыща, едрена карусель, ты мне случаем наркоты не вколол, Цай? Говорят, у шизоидов такие «полеты» бывают! Ну-у, дела-а-а!

Иван внутренне напрягся, мышцы словно судорогой свело, шея закаменела. Не может быть! Это просто совпадение! Черная страшная воронка коллапсара, вход в Иную Вселенную, мохнатые нити, переплетения, невероятная прозрачность на невероятные расстояния, светящиеся кристаллические структуры, многосложные и затейливые, мшистые. Многомерная, ячеистая сеть! Полупрозрачные тончайшие нити, безмерная чернота... Невидимый спектр!

– Ретранс дает связь и ограниченное перемещение в каких-то параллельных структурах, я сам еще не разобрался, в каких, – пояснял карлик Цай. – Гуг, ты помнишь подземелья Лос-Анджелеса, черную мессу, Ливадию? Ты слышал меня тогда?!

– Еще бы, – мрачно ответил Гуг. Каждое напоминание о том дне повергало седого викинга в уныние.

– А мой голос под сводами и в твоём мозгу?

Гуг только рукой махнул.

– Это ретранс.

– А как же прозрачная стена, которая остановила... – Кеша хотел сказать «ведьму», но вовремя осекся, поглядел на Гуга Хлодрика.

– Ты бросил кубик в нее? Над тобой в тот миг властвовал ужас, непреодолимый ужас?!

– Я б так не сказал, – начал изворачиваться ветеран, – и не такое видали. Но, прямо говоря, струхнул малость.

Цай кивнул, ему не нужны были длинные и нудные разъяснения.

– В ретрансе есть сенсодатчики, и если владелец не может четко сформулировать приказа, а ситуация пиковая, он просто выставляет полевую защиту, это элементарно, Кешенька! – Цай скривился в уродливой улыбке и опять из его раны на лбу потекла черная, густая

кровь. Это был не человек, не инопланетянин, вообще не существо живое, а сплошная кровотокающая и нарывающая рана.

– Стоп! – Иван вскочил на ноги, подошел к Кеше, положил ледяной черный кубик в руку, повертел немного. – Ты у кого взял эту штуку?!

– Я ж говорил у кого, – промычал Кеша.

– Повтори!

– У Толика Реброва, приятеля твоего, убиенного собственными рыбками!

– Откуда он у него? – этот вопрос предназначался Цаю.

Тот покачал головой.

– Эти штуки не могли сделать на Земле. У нас нет ничего похожего! – Иван волновался, наконец-то ему удалось нащупать кончик нити... почти удалось. – Мы выходим только в Осевое, перемещаемся через нечто, не имеющее ничего. Какие еще параллельные структуры?!

Он сдвинул кубик, ладонь прожгло холодом – почему такой неземной холод, ведь кубик лежал у Кеши за пазухой, мог бы давно согреться, даже если перед этим его сто лет держали в морозильнике? Ничего не происходило. Иван поглядел на Цая. Тот закрыл глаза. И тогда Иван все увидел. Да, это был Невидимый спектр – всепоглощающая глубь черноты и мохнатых переплетений, сверкающие, разбегающиеся и наплывающие нити... Как давно это было! И вот, все повторяется! Или Система уже на Земле?! Он разжал ладонь, не время уходить.

– Не темни, Цай. Ты должен знать! Откуда все это?

– Я воспользовался неразберихой. В Восьмом Небе все перемешалось. Они ждут начала со дня на день... Они готовы всех спровадить на тот свет, лишь бы продержаться еще день, час, минуту. Я выкрал у них ретранс, и еще кое-что к нему. А откуда вещички – тут путаница, – Цай перешел на полусшепот, будто их подслушивали. – Вещь неземная, точно. Но Система не причем. Там шурували ребяташки из Закрытого Сектора, сам знаешь, те, что ходили в Осевое и пропадали один за другим. У них свои связи с Восьмым Небом и дозврывниками. Из Осевого они переходили еще куда-то... Куда, никто не может понять, а они объяснить не в состоянии, там все другое!

Иван вспомнил Свету, их последнюю встречу. Значит, она не примерещилась, значит, она была. Иван напряг память. Да, Света говорила так: «...семьдесят восемь ваших осталось тут, больше сотни ушли через Осевое... этому нет названия на земных языках... они ощутили себя сильнее простых смертных, они не захотели оставаться среди смертных. Они ушли!» Но что странно, ведь и Цай был тогда с

ним в Осевом, он спас Цая от смерти, от его призрачного и жестокого отца-убийцы, узурпатора Умаганги. Почему он оказался там?! Цай спускался в ядро Гиргеи, Цай был ретранслятором Синдиката. Ретранс? Ретранслятор.

– Синдикат завязан с ними? – спросил Иван.

– Нет, – ответил Цай, – Восьмое Небо опередило Синдикат. Они больше выпытали у дозврывников... но я не знаю всего.

– Значит, ретранс дает возможность и перемещаться?

– Это сложная штукавина, мы не догадываемся о всех ее возможностях. Перемещаться можно, но...

– Хорошо! – обрезал его Иван. – Значит, их всего несколько?

Карлик выставил свои уродливые руки-крючья, трехпалые и кривые.

– Их не больше, чем пальцев на моих руках.

Иван ничего не понимал. Можно с ума сойти. Это просто провидение! Неужели он интуитивно угадал, куда посылать Кешу?! Или им и впрямь движут Благие Силы?!

– Почему он оказался у Реброва?!

– Он мог быть только у самых крутых бугров этой мафии, – твердо заявил Цай, – о мелкоте и говорить нечего.

– Хочешь сказать, что Толик был одним из главарей Восьмого Неба?!

– Нет! Это точно! Там два семейных клана. Там нет русских наверху, только среди исполнителей.

– Но почему же тогда? Почему у него оказался ретранс?! И почему он не смог его использовать во всю мощь?!

Они замолчали. На эти вопросы не было ответов. Только догадки. Только варианты. И один Иван знал наверняка – Толика готовили, его берегли для какого-то большого дела. Какого?! Ответ рождался сам. Восьмое Небо, а скорее всего, те, кто заправлял через эту вселенскую мафию, хотели взять власть над Великой Россией. У Ивана камень упал с сердца. Отхлынуло жуткое, давящее отчаяние. Если так, значит, он ошибался, значит, они еще не дорвались до власти в России, значит, наверху сидят не предатели и резиденты, а хорошие, добрые русские люди. Просто они не ведают, что творится, что готовится... не ведают, а вся эта мразь и нечисть типа толиков ребровых не подпускает к ним близко. Пятая колонна! Предатели! Но ладно, это еще не все, это мелочи, главное, что измена не проникла наверх. Слава Богу! Иван готов был расцеловать отпрыска императорской фамилии в тридцать восьмом колене карлика Цая ван Дау, законного императора Умаганги, агента Синдиката и Восьмого Неба, беглого каторжника,

ученого, блестящего инженера и безжалостного, жестокого преступника.

– Я пойду к ним! – сказал он твердо, без тени былых сомнений и тревог.

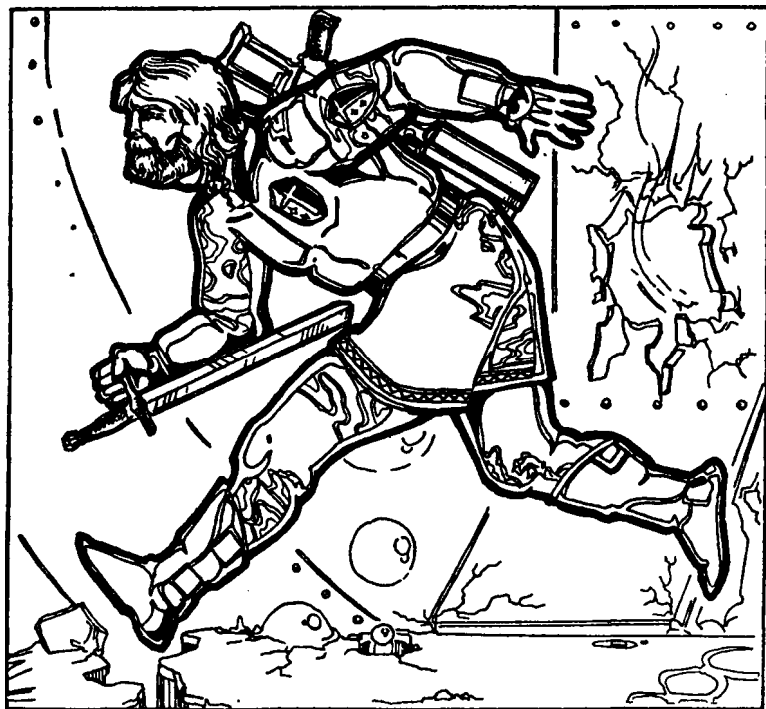
Гуг Хлодрик отвернулся от него и прохрипел через плечо:

– Ты пойдешь на смерть. Иди, Иван, раз уж тебе не терпится сдохнуть. Иди!

В бункере стало тихо. Только Хар все сопел и пускал лиловые пузыри. Но и он вдруг замер, напрягся, поднялся на четвереньки, потрянул совсем по-собачьи кудлатой и ушастой головой, подошел на полусогнутых к «подполу» и завыл.

– Ну чего там? – недовольно поинтересовался Кеша.

– Сбежал, – по-людски ответил оборотень Хар. Кеша быстро подошел к люку, заглянул вглубь. Крежени в «подполье» не было.

Часть первая

СКИТАЛЕЦ

До этого дня Ивану не доводилось видеть столь близко Верховного Правителя Великой России. Да и желания у него особого не было, хватало лицезрения главы советов по визорам и инфограммам. Теперь обстановка изменилась. Он рискнул. Он не мог не рискнуть. Яйцо-превращатель лежало у Ивана в нагрудном кармане-клапане повседневного и привычного комбинезона, выгоревшего еще на Гадре. Иван специально нарядился в старую, рабочую одежду – не пировать шел и не любезностями обмениваться. Он оторвал превращатель от шеи всего за несколько секунд до того, как Правитель вошел в собственный кабинет. Немногим ранее, и застал бы тот в огромном старинном кресле своего двенадцатого или пятнадцатого помощника по общим вопросам. Да, Иван пошел на хитрость, он не имел больше права обивать пороги приемных, просить о встречах и аудиенциях. Или его поймут сейчас. Или никогда.

Правитель досиживал в тишости и благодати уже третий, последний срок – без малого четырнадцать лет «у руля». Был он еще не стар, если верить публикуемым данным – восемьде-

сят три, расцвет сил. Но при ближнем рассмотрении оказался он пониже, пожиже, чем виделся с экранов. Редкая полуседая шевелюра, большой мясистый нос, подернутые дымкой выцветшие глаза, выгоревшие, а может, и с рождения рыжеватые брови, толстые подрагивающие губы. Сутулый, чуть косящий, прячущий левую руку в кармане двубортного пиджака нестареющего покроя, чуть прихрамывающий и вообще, какой-то нескладный, перекошенный, нервный.

На Ивана он поглядел отсутствующим взглядом, встрепелся с опозданием, когда проходил мимо огромного резного стола. И сразу же потянулся к хрустальной панели, окаймляющей массивную столешницу, там была сигнализация.

– Не извольте беспокоиться, – учтиво сказал Иван.

– Поломалась? – выгнув бровь, поинтересовался Правитель. Он совсем даже не был напуган.

– Нет, эти штуковины не ломаются, вы запомнили, и кстати, ими можно управлять мысленно.

– Проклятый склероз, – как-то странно процедил Правитель и с прищуром, из-под нервно разлохмаченных бровей взглянул на Ивана.

Тот сразу понял свою оплошность – движение этого кособокого хромца было явно не случайным, а было оно отвлекающим. Черт возьми! Так опростоволоситься... и кому?! десантнику, прошедшему сквозь ад сотен планет! Иван чуть двинулся, всего лишь попытался переменить позу. Но не смог. Незримое поле словно слоем льда сковало его в том положении, которое он успел занять минуту назад на столь же резном как и стол кресле, жестком и высоком, нещедро обитом темно-коричневой грубой кожей.

Правитель сокрушенно развел руками.

– Вам же тут не положено находиться, а вы... расселись, понимаете ли. Так что уж не обессудьте, э-э, молодой человек, потерпите. Кому следует проверят все... и отпустят вас... потом.

– Я пришел к вам! И только к вам! – решительно заявил Иван. Язык ему повиновался, а это было главным.

– Не надо, не тратьте сил и времени, – Правитель придвинулся совсем близко. И ласково, по-отечески поглядел на сидящего, – ну зачем вам сейчас говорить, а потом еще повторять вашу жалобу... сразу расскажете тем, кто вам поможет. Разберутся с вами, не волнуйтесь.

Иван не мог повернуть головы. Но он увидел, как из-за стенных деревянных панелей выскользнули две тени. Наверняка еще две были за спиной. Сейчас все закончится – его уволят, будут проверять, мытарить... и все пропало! Какой же он наивный, пытался побеседовать по душам, все объяснить, спасти Россию, мир, земную цивилизацию... олух царя небесного!

– Как он прошел? – совсем другим тоном, резким и даже злым спросил Правитель у теней.

– Он не проходил! – четко, по-военному отрапортовала одна из них.

Иван не мог разобрать черт лица, словно отвечавший был в полупрозрачной серой маске. И все же это человек, не биороб и не кибер. И остальные – люди. Охрана.

– Как не проходил? Что вы мне голову морочите!

– Я отвечаю за свои слова, – упрямо повторил начальник охраны, – вы можете меня проверить, фиксируется и записывается все, абсолютно все, без малейшего перерыва. Этот тип не проходил сюда. И не мог пройти! Если хоть в одной записи за последние двадцать лет моей работы на этом посту мелькнет его личность, или хотя бы его тень, я сегодня же уйду в отставку... и застрелюсь! – Последние слова прозвучали с плохо скрываемой обидой.

– Ну зачем же так, – разрядил обстановку Правитель. – И вообще, не делайте из этого глупого и пустяшного случая целую историю. Я за день принимаю тысячи посетителей... ничего, приму и тысячепервого. Идите!

Тени исчезли. Правитель молча придвинул точно такое же резное высокое кресло, на каком сидел Иван, чуть ли не вплотную к незваному, застывшему гостю и молча уставился на него.

– Они говорят правду, – подтвердил Иван.

– Значит, вы проникли сюда в чужом обличий?

– Да!

– Маски, бутафория, наряды – исключены. Аппаратура просвечивает каждого насквозь. Иначе и нельзя, это же, молодой человек, как никак центр управления государством, огромной, сложной системой земель и народов не только на Земле, но и по всей Вселенной. Вы не могли загримироваться, замаскироваться – приборы не обманешь. Выкладывайте все начистоту!

– Я за этим и пришел сюда. – У Ивана словно чугунная гиря с сердца свалилась. В голове зашумело, завертелось... он уже хотел начать про Вторжение, про страшную и неминуемую угрозу, первое слово чуть не сорвалось с его языка. Но он осекся, сдержал себя. Именно это, любые, даже самые страстные призывы спасти человечество первым делом вызовут подозрения и недоверие – много таких «спасателей» было, все закончили жизни в психушках, это в лучшем случае. Нет! Надо чем-то убедить, надо доказать, надо сделать так, чтобы поверили с самого начала... и у него есть такая возможность.

– В левом нагрудном клапане, – сказал он тихо, будто переламаывая себя, будто выдавая то, с чем бы ему очень не хотелось расставаться.

– Что там у вас?

– Правитель откинулся на спинку стула и с прищуром, склонив голову, поглядел Ивану на грудь.

– Яйцо-превращатель.

– Да-а? И во что же оно превращается? – уныло поинтересовался Правитель.

– Оно само не превращается ни во что. Но обладающий им может превратиться в любого. Высвободите мне хотя бы одну руку – и вы убедитесь в моей правоте!

– Я думаю это будет преждевременным, – засомневался Правитель. – Но я догадываюсь, как вы проникли сюда – вы приняли облик одного из моих доверенных лиц и спецаппаратура на входе приняла вас за своего, пропустила?

– Не облик, нет. Я стал им на короткое время, стал одним из ваших помощников. А потом я вернул себе свое тело. И все при помощи этой маленькой штуковины, каких нету на Земле. Она просвечивает насквозь находящегося рядом, а затем, в считанные секунды перестраивает молекулы и атомы моего тела в соответствии с его строением. Но мозг сохраняется мой, и память моя, короче, все мое в чужом теле... это не просто облик.

Правитель вдруг перекосялся еще больше, запрокинул несуразную свою голову назад и расхохотался скрипучим, прерывистым смехом.

Сквозь смех он силно выдавил из себя:

– И вы хотели, чтобы я высвободил вам, молодой человек, хотя бы одну руку?! Ой, не смешите меня! Вы хотели стать мною... прибить меня, уничтожить труп... и, ха-ха, править всей Великой Россией?!

Иван сдержался, хотя он был готов обложить этого кособокого и криволицего человека всеми известными ему ругательствами. Он ожидал более серьезного приема. Но в то же время он знал, что чаще всего именно самые важные и серьезные дела делаются под улыбочки и прибауточки, под глупенькие шуточки и взаимное кривлянье – так уж устроен человек, ему надо прикрыть внешним то, что таится внутри, не выдать себя, не выставить напоказ, а улыбки и игра, переходящая в паясничанье, это лучшее прикрытие. Пусть! Пусть посмеется, пусть поиздевается. Все равно этот любопытный старикан в его руках... правда, только до тех пор, пока Иван представляет для него загадку. Ну а потом... потом будет или победа, или суп с котом! Иван молчал, не оправдывался, он знал, что если сейчас начнет выгораживать себя, то получится хуже.

– И что бы вы, молодой человек, стали делать, превратившись в великого правителя великой России?! – продолжал издеваться хозяин просторного кабинета. – Вы бы, разумеется, облагодетельствовали человечество! Разом бы разрешили все его проблемы, да?! Насытили страждущих, ублажили бы ищущих, восстановили бы справедливость, коей не было до вашего прихода, не забыли бы и про себя, верно я говорю, и наступило бы на земле царствие небесное, и возблагодарила бы вас паства ваша и управляемые вами, так?!

– Я вовсе не метил на ваше место, – тихо ответил Иван. – И проблемы восстановления справедливости меня не волнуют. Сейчас есть дела поважнее. Если вас беспокоит превращатель – возьмите его, испытайте. И вы убедитесь, что таких штукovin наша земная цивилизация пока что создать не в состоянии.

Правитель поднял руку. И Иван заметил, что скрюченные подагрические пальцы на ней слегка подрагивают. Волнуется. А может, болезнь, может, нервишки!

– У нас имеется кой-какая информация о подобных штукovinaх, молодой человек, имеется. Правда, не скрою, в руках держать не доводилось – вы первый ко мне пожаловали. Не беспокойтесь, наши специалисты разберутся и мне доложат.

– Вас даже не интересует – откуда он у меня?

– Откуда?

Иван решил, что тянуть больше нельзя, иначе беседа прискучит Правителю, и он сдаст его «специалистам», а там – пиши пропало.

– Такие штуковины делают в будущем, в тридцать пятом веке! – заявил он, глядя прямо в выцветшие глаза, чуть косящие и подернутые странной дымкой. – А потом переправляют по закрытым каналам сюда.

– Машина времени, – разочаровано протянул Правитель.

– Я не знаю, как все это называется... важно другое, зачем ОНИ переправляют это сюда? И кому переправляют? Насколько мне известно, в правительственные структуры Земли превращатели и все прочее не попадают. Вы меня понимаете?

– Ну-ка, ну-ка, это уже становится любопытным. Продолжайте!

– Кто-то извне снабжает тайные земные организации оружием, против которого бессильны земные власти. Почему бы не предположить, что эти незримые доброжелатели покровительствуют тем, кто хочет свергнуть...

– Законную власть?! – резко вставил Правитель. – Это вы хотите сказать?

Иван ничего не ответил, он только пристально посмотрел в мутноватые глаза собеседника. Теперь в них пробуждался явный интерес, вспыхивали искорки внутреннего беспокойного огня.

– И установить власть свою? – продолжил Правитель.

Иван не отрывал взгляда от этого странного и непростого человека, он пытался проникнуть внутрь его мозга, его души, прощупать закоулки его сознания, выведать, выпытать нужное... сознание и подсознание Правителя были заблокированы, кто-то позаботился о нем, такого запросто не прощупаешь. Но одно Ивану было предельно ясно – у Правителя есть очень серьезные сведения о всех этих «штуковинах», спецслужбы все-таки работают, не разленились еще совсем, и сведения эти совершенно секретные, даже особо важные, а значит, они идут по уровню угрозы национальной безопасности, и даже безопасности Федерации! Нет, здесь не спят. Может, Правитель знает и о готовящемся Вторжении? Надо прощупать... Нет, рано еще, можно все испортить!

– И вы, молодой человек, обладаете такой штуковиной? Это наводит на определенные мысли...

– Нет, я не связан с ними. Бели бы я работал на них, вас бы уже не было в живых.

Правитель стал желтым, будто опавший лист клена, Иван даже не представлял, что можно мгновенно так пожелтеть.

Гнилое нутро! Он очень болен, возможно, ему даже эту беседу вести тяжело, невыносимо. Но надо, куда не денешься.

– Кто же вы?

– Моя личная карта 017 ВД 869-12-47ХХ. Можете проверить, там есть все обо мне.

– Я не занимаюсь проверками, молодой человек, мы с вами уже говорили об этом. Но я начинаю проникаться к вам доверием. Вы ведь десантник?

– Да.

– Повидали много чужих миров?

– Да.

– Масса впечатлений? Яркие картины встают в памяти?!

– Не все десантники сходят с ума и становятся психопатами, – решил завершить тему Иван.

– Я не хотел вас обидеть, – вкрадчиво произнес Правитель. – как откуда же исходит угроза законной власти – из будущего?

– Нет! Эта угроза исходит отовсюду – и она более реальна, чем вам кажется.

– Интересно.

– Это очень интересно, особенно для вас. Попробуйте сопоставить некоторые факты и вы все поймете.

– Я вас внимательно слушаю, – Правитель скрестил руки на груди, поерзал на жестком стуле, устраиваясь поудобнее.

А у Ивана начинала затекать шея, немела правая рука – он продолжал оставаться остекленевшей в защитных полях статуей, лишь язык шевелился, да рот раскрывался, да мысли ворочались – тяжело, устало, будто старые каменные жернова.

– Вам не кажется странным, что последние полтора года все крупные земные и галактические преступные синдикаты и картели притихли словно мышки, не было ни одной стычки? Они явно готовятся к чему-то очень серьезному и непонятному для властей. За минувшие шесть столетий такого затишья не было. И вы должны знать об этом, к вам стекается информация со всей вселенной. Это во-первых...

– Чем меньше крови и вражды, тем лучше, – вставил Правитель.

– Конечно, лучше. Но не думаете же вы, что волки стали овечками и решили мирно пастись на одной лужайке?

Правитель промолчал, только хмыкнул.

– Далее, за тот же срок, я проверял, спецслужбами впервые не было раскрыто ни одного резидента, ни земного, ни

инопланетного, и не только в России, в Сообществе, но и во всей Федерации. Что случилось – перестали шпионить друг за другом? Вы верите в это?!

– Нет, не верю, – неохотно согласился Правитель. – Но и объяснить этого не могу... наверное, бывают периоды равновесия служб сбора информации и служб, противодействующих им. Да, наверное, так.

– Нет, не так! – резко сказал Иван. – Не бывает таких периодов, не убаюкивайте себя. Если машина работает, то она работает. Агентура и резидентура не только собирает информацию, но иногда и подготавливает кое-какие события, служит катализатором реакций, вам, политику, лучше это знать... Вербовка идет полным ходом, количество диверсий и террористических отвлекающих актов увеличилось во много раз...

– Откуда вы знаете это? Все данные о диверсиях засекречены!

– Знаю. Ведь я не ошибся?!

– К сожалению, нет.

– Так почему ни одного раскрытия? Почему парализована воля контрразведки... и что вообще с ней происходит?! Очень странное явление. И это – во-вторых. А в-третьих, ответьте, почему Федерация именно полтора года назад при молчаливом согласии России приняла закон о легализации тайных сатанинских обществ и «черного подполья»?

– Это уже из области мистики... или прав человека! – отмахнулся Правитель. – Каждый может верить во что захочет, хоть в черта с рогами. Ну их, молодой человек, не скатывайтесь до уровня отбросов общества!

– Этих отбросов сейчас – сотни миллионов, а возможно, уже и миллиарды, ведь не все явно проповедуют культ «черного блага». И я согласен с вами, если бы они просто бесились с жиру, но они чего-то ждут, они готовятся к приходу своих мессий. Не слишком ли многие на Земле и в нашей области Вселенной вдруг стали ожидать чьего-то прихода?!

– Так всегда было. То конца света ждали, то потопа, то второго пришествия...

– Вы, видно, никогда не были на черных мессах.

– Еще чего не хватало! – Правителя прямо-таки передернуло, он скривился и перекосялся еще больше.

– Да, вы, конечно, не были. Но вы должны знать, если тайком еще не упразднили спецслужбы, что эти сотни миллионов не просто ждут, что они уже поделили Землю и Все-

ленную на участки, на квадраты, что они накопили горы оружия, что у них не одни только мессы и жертвоприношения, но железная дисциплина, организация, подразделения, что они держат под своим контролем католическую церковь Сообщества, десятки тысяч учреждений, заведений, концернов, «гуманитарных» фондов и движений. И я не удивлюсь, если все эти «штуковины» из будущего поступают именно к ним!

– В России практически нет сатанистов! – отрезал Правитель. – А над Сообществом мы не властны.

– Да, почти нет, – саркастически заметил Иван, – если не считать подпольных ячеек, на которые ваши спецслужбы закрывают глаза, о которые не желают «марать руки». Наши, не наши... дьявол с ними, важно, что и Россия поделена на квадраты. Они притаились и ждут.

– Чего?!

– Знака. Сигнала. Начала!

– Я не верю в это и никогда не поверю, молодой человек. Для чего, по-вашему, мы сидим здесь?! Для чего огромный госаппарат?! Для красоты?!

– Я не хотел задеть вас. Простите. Но я говорю только о том, что есть. Десятки миллионов прислужников «черного блага» – не вымысел и не мои фантазии. Они готовятся! Их становится все больше, молодежь, юнцы идут к ним тысячами, миллионами. И никто не останавливает их. Вам не кажется это странным?

– Свобода воли! – почти закричал Правитель. – Никто не имеет права лишить человека свободы воли и выбора!

– Да, свобода, – сокрушенно заметил Иван, – но почему-то свобода лишь в одном направлении. Продолжим наш счет. В четвертых, полгода назад Объединенный Совет Федерации и Синклит Мирового Сообщества провели внеплановые срочные проверки всех стратегических запасов продовольствия и медикаментов на Земле и планетах Федерации, признали эти запасы не отвечающими, я цитирую, современным требованиям, приняли решение о полной замене таковых, возобновлении и уничтожении имеющихся. Ни одно распоряжение, ни один указ или приказ за всю историю Земли не выполнялся столь молниеносно: все стратегические запасы были уничтожены в течение двух суток после издания секретного заключения. Но нигде до сих пор запасы не восстановлены!

– Не горячитесь, молодой человек, никто не останется голодным, не те времена, никто нам не угрожает, хватит и

обычных запасов. Я в курсе, сейчас идет разработка стандартов и особых требований к новым стратегическим запасам. По установленным срокам через восемь месяцев завершится их доработка и запасы будут восстановлены.

– Восемь месяцев!

У Ивана все внутри сжалось. Восемь месяцев! Теперь он знал предельный срок. Как мало оставалось времени. Вторжение произойдет именно в эти восемь месяцев. Но когда – завтра, через три дня, через полгода?! Нет, оно уже началось. Но пока тихое, ползучее... а потом! Потом будет поздно. Надо сейчас!

– Да, восемь месяцев, что это вас удивляет? Не расстраивайтесь из-за пустяков, они пролетят мгновенно, моргнуть не успеете, эх, молодой человек, у вас еще долгая жизнь впереди, а вы о каких-то месяцах говорите!

– Хорошо! И все же стратегического запаса продовольствия и медикаментов нет – это факт! Далее, около года назад по Земле и Федерации прокатилась пандемия вируса «дзетта». Он никого не убил, но он поразил миллиарды людей, лишив их иммунитета, воли, осознанных желаний, он превратил десятую часть всех людей в безответных, по сути, бессильных существ. Это в-пятых! В-шестых, за последние четыре месяца Сообщество вывело на геостационарные орбиты четыреста спутников-трансляторов...

– Дело обычное.

– Да, обычное, но на них установлены пси-генераторы. Зачем?!

Правитель тяжело вздохнул и развел руками. Неожиданно пристально посмотрел на Ивана из-под лохматых кустистых бровей. И показалось тому, что взгляд был не просто изучающий, но недобрый, не по-хорошему пристальный.

– В-седьмых, Сообщество направило в левый рукав спиралевидной галактики Башимара второй звездный флот. Первый, третий и четвертый срочно переброшены в квазиобласти Белой Пустыни. Пятый выполняет гуманитарную миссию в коллапсоидном секторе созвездия Чангры. Это что, случайность – основные боевые силы Сообщества торчат в областях глухого возврата, у черта на рогах, откуда можно выбраться не раньше, чем через год?! А седьмой флот распущен! А шестой на отдыхе и ремонте?! А наши, российские флоты и флотилии – где они, кто охраняет околосолнечное пространство?!

– А какая в том нужда? – ответил Правитель, прикрывая глаза дряблой рукой. – Наши форпосты за тысячи парсеков от Земли. Мы упредим любой удар... да и вообще, все это несерьезно. Ни у России, ни у Сообщества, ни у Федерации нет врагов во Вселенной, у них даже нет равных соперников, вы прекрасно знаете об этом, ведь вы же десантник!

– Да, я многое знаю, – горько усмехнулся Иван. И добавил: – Может, вы все-таки ослабите пути? Я устал сидеть в таком положении.

– Вы сами себя в него поставили, – Правитель вскинул брови, скривил рот, – точнее, посадили. Так что уж потерпите еще немного, молодой человек, верьте, придет час – и вы обретете все степени, хе-хе, свободы.

– Хорошо, – угрюмо согласился Иван. – Тогда продолжим. – Наши флоты или далече или небоеспособны. Вы можете немедленно вернуть корабли с дальних секторов?!

Правитель подумал, покачал головой. И сказал:

– Могу, но я не стану этого делать.

– Почему?!

– Вы еще не убедили меня.

– Где космоспецназ?

– Если вы такой всеведущий, скажите сами.

– Две бригады в Белом Шаре, на краю Вселенной. Пятнадцатый особый полк переброшен в Осевое. Зачем? – Иван не дождался ответа, пошел дальше: – Особая гвардейская бригада Семибратова брошена на сугубо штатские работы в геизационную область Дериза! Вторая и одиннадцатая десантные дивизии пребывают в стадии переформирования... Ну почему все сразу? Почему?! А где Первый Образцовый Спецдивизион, который по законам России не имеет права покидать Солнечную систему?! Я вам отвечу – его перебросили на Аранайю, в гиблое и не нужное нам место! В России сейчас стоят только четыре армии. Восемнадцать поясов обороны законсервированы и практически не поддаются расконсервации. Все тридцать семь околоземных сфероредутов, принадлежащих России, отключены от системного питания и по сути дела превращены в мусор на орбите. Я могу перечислять и далее...

– Не надо, – Правитель устало махнул рукой. – Не надо. Нам не с кем воевать. На ближайшие годы намечено полное расформирование трех четвертей армий, флотилий и других подразделений. Нам не хватает рабочих рук на геизированных

планетах. Аборигены не умеют работать и мы их этому никогда не научим.

– Но почему все происходит одновременно?!

– Стечение обстоятельств и воля случая.

– Нет! – Иван стиснул зубы. Он готов был выругаться, но сдержал себя. – Это не стечение обстоятельств. Это факты. С вашего позволения я продолжу. В-восьмых, этим летом одновременно проведены сокращения: в Центральном Бюро национальной безопасности Сообщества – на две трети, в Департаменте Безопасности Объединенной Европы – на восемьдесят процентов, в Службе Слежения Федерации – на три четверти, в Управлениях колониальными землями и геизуруемыми планетами – на девяносто два процента, в Комитете Безопасности Великой России – на шестьдесят процентов... Это же уму непостижимо!

– Нормальный, естественный процесс, – вяло вставил Правитель. – Мы идем к полному разоружению, к новому мироустройству, я бы сказал даже, к новому, более гуманному мировому порядку, нам не понадобится уже никогда столько флотов и армий, столько оружия, столько людей в военной форме...

– Нам они не понадобятся только тогда, когда всех нас не будет, – сказал Иван, – вот тогда действительно некому будет защищать и некому будет защищаться. Слушайте дальше, в-девятых, семьдесят два пояса обороны в стосветолетней защитной сфере Земли сейчас демонтируются и «переоборудуются». Это полный развал и разгром всей оборонительной системы, вы понимаете?!

– Идет перевооружение, – процедил Правитель, – там работают специалисты, они разберутся. Так что – все, о чем вы сейчас говорили, это полнейшая ерунда! А вот это... – он неожиданно вытянул руку, щелкнул застежкой нагрудного кармана-клапана на комбинезоне Ивана и вытащил яйцо-превращатель. Для его дряблой, почти старческой руки поля не существовало. – А вот это вполне серьезно! – Правитель приставил яйцо к горлу, нажал... и начал приобретать иные черты, начал превращаться из самого себя в сидящего напротив молодого и крепкого, русоволосого космодесантника с серыми усталыми глазами.

Иван дернулся. Но защитное поле продолжало держать его.

Двойник оторвал превращатель от шеи, рассмеялся и сказал:

– А мне нравится быть в вашем теле! Я помолодел лет на сто и не хочу назад, в этого уродца кособокого! – Он подмигнул Ивану.

– Дело хозяйское, – ответил тот спокойно, хотя и не ожидал такого поворота дел. – Только Правителем вы уже не будете.

– Это точно, молодой человек, и бог с ним, с правлением. Здоровье дороже! – Он громко и надсадно расхохотался, как никогда не хохотал Иван.

И тот понял, все-таки двойников можно отличать. Недаром его разоблачил и карлик Цай и Кеша Мочила на проклятой Гиргее. Но это все ерунда. Он так и не добился главного. Он не продвинулся ни на шаг вперед. А время шло – последние часы, дни, может, недели.

– Если вам здоровье дороже – будьте мною! Оставайтесь в моем теле! – проникновенно сказал Иван. – Но дайте мне тогда ваше тело, дайте мне ваше правление – и я успею сделать многое для россиян, для всех людей, я костями лягу, но остановлю Вторжение! Согласны?!

– Вот я вас и раскусил, молодой человек, – вдруг неприязненно проговорил двойник, этот Иван-Правитель, – вот вы и раскололись, выдали себя! На мое место захотели?! Спасителем человечества?! А ведь наш разговор с этого и начинался. Я сразу вас понял, я сразу догадался, зачем вы проникли ко мне, рискуя жизнью – жажда власти, жажда занять высший пост в государстве!

– Нет! – выкрикнул Иван. – Я живу только грядущим Вторжением, я обязан хоть что-то сделать, человечество слепо!

– А вы зрячий?!

– Да, я зрячий. Я все видел своими глазами. Я был в Системе, на Хархане, в Иной Вселенной, я видел тысячи звездолетов, я видел миллионы воинов-негуманойдов, которые только ждут команды. У них одна цель и одна жертва – Земля и земная цивилизация!

– Бред! Нелепый бред! Вас давно пора отправить на отдых... нет, на лечение. Вы сами не понимаете, что говорите. Вы не можете связать своих же фактов, как вы их называете: ведь если эти штуковины, – он потряс перед носом Ивана яйцом-превращателем, – к нам забрасывают из будущего, зна-

чит, оно есть, это наше будущее тридцать пятого века, значит, мы не погибнем от Вторжения, значит, все ваши страхи – это мания преследования, это самый настоящий бред воспаленного мозга!

Иван нашелся сразу.

– Будущее многовариантно! – возразил он. – И если оно есть сейчас, есть для нас, то это еще не значит, что оно будет и после нас! Прервется цепь – и все последующее, все, что еще должно только быть и одновременно уже существует по нашему направлению развития, мгновенно сгорит, растворится, исчезнет, будто и не было!

– Сумасшедший дом! – устало прошипел Правитель-Иван. – Бедлам.

И тут Ивана осенило. Это же было предельно ясно, почему он сразу не сообразил?! Пока Правитель в его теле, блокировка сознания не действует. Но читать некогда, это долгая история, надо все показать ему – этому двойнику.

И Иван пристально уставился в глаза сидящего напротив. Он сконцентрировал всю волю в алмазный луч, в проникающую палицу Индры, он вызвал картины прошлого, он вернулся в незримый Невидимый Спектр. И он обрушил все это на Правителя.

Тот сразу оцепенел, глаза застыли, нижняя челюсть отвалилась и безвольно застыла. Сейчас Правитель не видел Ивана, не видел своего кабинета, резных стульев, огромного старинного стола... он видел иное – тысячи, десятки тысяч аквариумов с миллионами зародышей-головастиков. Он видел покрытую панцирными доспехами охрану с лучеметами, видел сотни висящих мохнатых, опухших от полусна маток, и еще он видел непостижимо худого и высокого Верховника с его мечом-трансфокатором, и орды, орды, бессчетные орды трехглазых... А потом он увидел висящие в черном небе армады уродливых и огромных звездолетов неземных конструкций. Он будто летел мимо этих армад с огромной скоростью, но конца и краю им не было. И висели эти армады в сказочных переплетениях невообразимых структур и многоцветных хитросплетений, и глаз видел несравнимо больше, на десятки тысяч километров вдаль, вглубь,... в то измерение, которому нет и названий на земных языках. А в ушах звучал железный, бесстрастный голос: «Видишь, тля, это и есть подлинное пространство, невидимое для вас и непостижимое! Вселенная никогда не была пуста. Мрак и Холод, Пустота и Бездонность

– это лишь ширма, за которой скрыт от вас подлинный мир. Гляди и запоминай! Мы выжжем слизнячью колонию с древа Вселенной, как выжигают вредных и гадких насекомых. И мы заселим наш мир, мир по ту сторону «черной дыры», существами достойными жизни. Мы придем – и будем жить в вашем мире! А вы уйдете, ибо двум цивилизациям в одной Вселенной не ужиться! Гляди, и запоминай!» Невидимый Спектр всей своей чудовищной многосложностью наваливался на Правителя, и тот уже почти ничего не различал.

Когда он упал со стула, Иван понял, переборщил, нельзя так. Он не мог помочь упавшему. Теперь все зависело только от времени. И от воли этого чужого человека в таком близком Ивану теле.

Тот очнулся быстро. Протер глаза, сжал виски. Сел на свой стул. И выдавил еле слышно:

– Это правда?

– Да, это правда, – ответил Иван.

– И на что же вы тогда надеетесь? И на что надеяться всем нам?!

Реакция была невероятной. Картина чужой мощи сломила Правителя, парализовала его. Иван добился совсем не того, чего хотел.

– Да-а, дела, – протянул Правитель, – теперь я бы и всерьез поменялся с вами телами, молодой человек. Но если вы все это видели... значит, вы у них на крючке, значит, вы у них под колпаком?! – Он неожиданно и сильно побледнел. – Нет, уж теперь-то я не согласен оставаться в вашем теле, вы сами выбрали свою участь. И я не собираюсь ее разделять.

Он уткнулся лицом в превращатель, сдавил губами яйцо. И постепенно стал обретать свой прежний облик.

Все знает, все умеет – невольно подумал Иван, значит, не врал, значит, спецслужбы все-таки работают. Он уже начинал понимать, что зря старался, что Гуг был прав, отговаривая его от этой встречи. И все же он обязан был использовать все возможности, обязан, А теперь... теперь будь что будет. Иди, и да будь благословен?! Нет, кончилось его благословение. Но он еще поборется, постоит за себя и други своя.

– Вот так будет лучше! – наконец прохрипел Правитель. Он снова был кособок, стар, криворук, лохмат, растрепан и кудлат – Какой же я наивный человек! Какой простофиля! Еще немного и он бы так меня подставил... нет, я ничего не сделал! Я ничего не сделал, вы слышите там, эй?! Если вы

ведете его на крючке, если вы следите и слушаете, знайте – я ничего против вас не сделал. Наоборот...

Правитель вдруг затрясся, спешно спрятал в карман пиджака превращатель. И Иван понял, что тот боится не напрасно, что его самого, Ивана, вели на крючке и держали под колпаком и там, на Хархане, и позже, на планете Навей, и наверняка ведут и держат здесь. Он засвеченный. Он тот самый «один в поле воин». Но какая все же сволочь этот Правитель, какая подлая и гнусная, омерзительнейшая сволочь!

Тени возникли из-под панелей неожиданно.

– Убрать его, – сдерживая нервную дрожь, проговорил хозяин кабинета и всей несчастной Великой России, выродившийся наследник подлинно великих правителей великой державы. – Убрать, запереть в психиатрическую лечебницу! За семь замков! И не выпускать! Лечить... чтоб никакого бреда! Чтоб в себя не приходил!

– А может, того... – начальник охраны вжал голову в плечи.

– Не-ет!!! – почти истерически завопил Правитель. – Нет Нам не дано знать, чего ждут от нас там! – Он поднял палец к потолку, будто намекал на Бога. Но не Его имел ввиду, не Его. – Стеречь. И лечить! Ты меня понял? – Он вдруг понизил тон. – А ежели чего, вот тогда ты и застрелишься у меня! Я тебя сам расстреляю... за измену родине и присяге! Идите! Быстреей!

– Я говорил, что дело кончится хреново! – сказал Гуг Хлодрик, обращаясь к карлику Цаю ван Дау, отпрыску древнейшего императорского рода Умаганги и сыну жестокого звездного пирата. – Он никогда не слушался меня. Все русские упрямые и глупые люди!

– Его надо вытаскивать, – мрачно и коротко ответил Цай.

– Конечно, долг платежом красен, так ведь они говорят?

Гуг Хлодрик поднял спаренный сигмамет и тройным огненно-синим залпом обратил в пар титановую копию роденовского «мыслителя». Копия весила не менее двух тонн, и потому обратившись в ничто, она раскалила воздух в центральном зале бункера так, что по лицу у Гуга потекли крупные капли пота.

– Брось эти свои штучки! – процедил карлик Цай и растегнул ворот комбинезона.

– Понаставили, понимаешь, повсюду болванов, – начал оправдываться Гуг, – сидят, понимаешь, думают все. А пора уже за дело браться! – Потом похлопал по пластиковому ложу сигмамет и довольно промычал: – А ружьишко у меня справное, новенькое, хоть сейчас на охоту.

– Туг нельзя переть рогом! – изрек Цай. Он никогда не был романтиком.

– А я бы попер! Ты не представляешь, как мне осточертела эта канитель! Уж лучше сдохнуть, но с музыкой – собрать всех, и разом! лихо! без оглядки!

Гуг в сердцах опустил свой тяжеленный кулак на инкрустированный мраморный шахматный столик – тот раскололся надвое, качнулся на гнутых бронзовых ножках и завалился сломленным и безвольным уродцем.

Вошедший в зал Дил Бронкс чуть не споткнулся о загубленную антикварную вещь. Он был рассеян и задумчив. Без обычной, широкооротой и белозубой улыбки Дил выглядел на сто лет, хотя ему не было еще и пятидесяти.

– Развлекаетесь? – вяло спросил он.

– Ага, – ответил Гуг Хлодрик. – Мы тут развлекаемся, а Ванюша в клетке сидит.

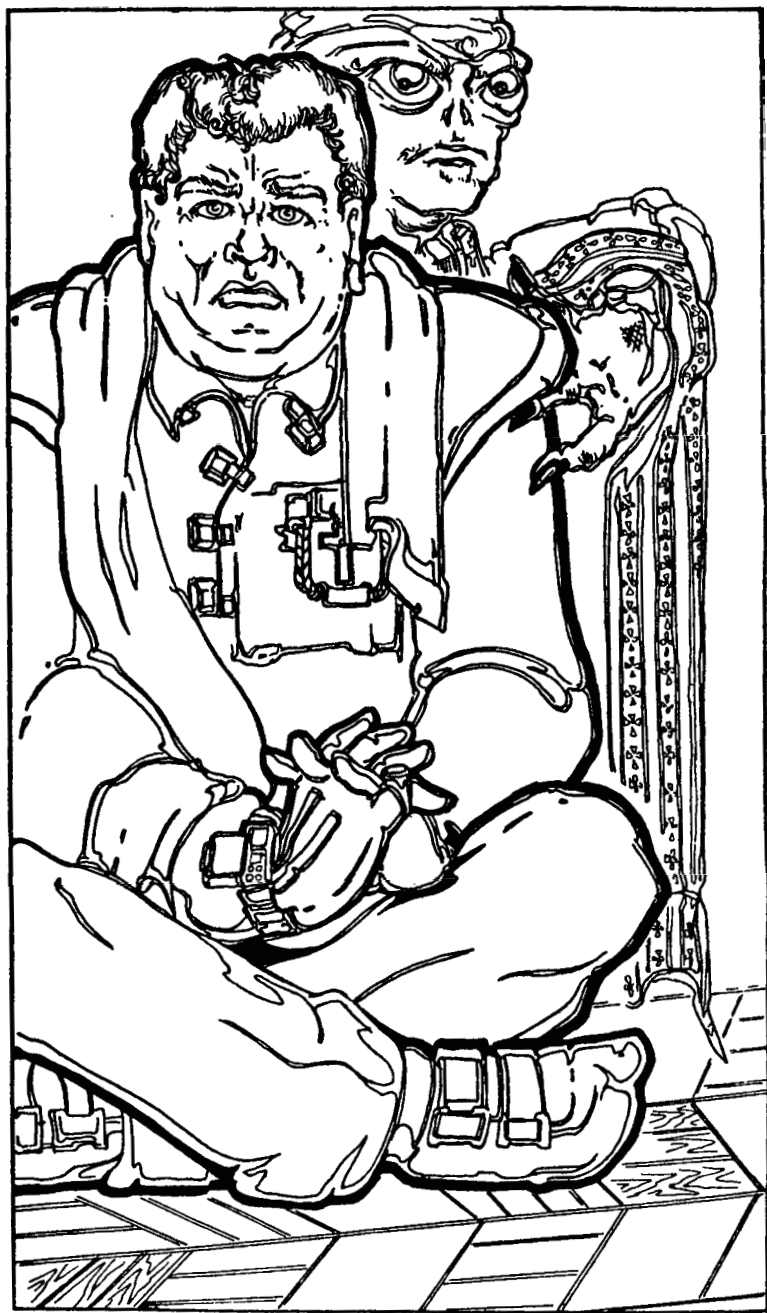
– В психушке он сидит, – поправил Дил. – Это судьба. Он всю жизнь рвался в психушку. Вот и попал, может, теперь успокоится. А нам надо разбежаться в разные стороны и ложиться на дно, пока не прихватили. Это судьба! От нее никуда не денешься!

– Вот ты как запел?! – возмутился Гуг. – А если бы ты попал к ним в лапы, а мы бы тут сопли распускали, а? Не нравится?!

Дил Бронкс умолк и сел прямо на паркетный пол, скрестил под собой ноги. Он не хотел ни с кем спорить, ему хотелось уйти в себя, замкнуться, отрешиться ото всего. И зачем он только покинул свою красавицу-станцию, прекрасный Дубль-Биг-4?!

Пол, стены и потолок были обиты серым синтоконом, в меру упругим, но жестким. Ни окон, ни дверей не было, вообще ничего не было в этой тесной и унылой камере – даже санблок не возвышался над полом и был покрыт таким же серым слоем.

Иван сквозь расплзающееся марево в глазах осматривал свою новую обитель. Взгляду не на чем было остановиться.

Нет, это не камера. Это палата в психиатрической лечебнице. Причем, палата для буйнопомешанных! Вот так. Значит, он таковой и есть. Значит, он представляет угрозу для общества. Для этого общества. И с ним, конечно, не станут церемониться.

– Ублюдки! – вырвалось из горла невольно.

Он вспомнил, как его волокли по цилиндрическому коридору, как вместе со стулом, к которому он будто примерз, швырнули в лифтовую камеру. Потом опрокинули, выволокли, потом бросили на белый высокий стол – он был уже без стула, но тело не повиновалось ему – потом вкололи прямо сквозь ткань комбинезона какую-то дрянь, вкололи в плечо, а судорогой свело все тело, аж хребет затрещал! Потом поплыли зеленые круги, замельтешила черная вьюга, удушье сдавило горло... И все.

– Негодяи!

Он сам пришел в эту палату-камеру. Вот так! Никто его не звал сюда, наоборот, его все отговаривали, а он пришел. Великая Россия! Царство Добра и Справедливости в необъятной Вселенной! Обитель Православия и Мать-земля Богородицы! Океан Пречистого Духа в смрадном и беспроглядном омуте Мироздания! Почему же отвергаешь ты сыновей своих?! Почему бросаешь их в заточение? Их, стремящихся к тебе и пекущихся о тебе?! Нет, он шел не в камеру эту, не в пыточные палаты, он шел с чистым сердцем и открытой душой к тому, кому Народ верил власть над собою и над всею Великой Россией. И вот итог – горький и страшный! Если черные силы дьявола и здесь взяли верх, и здесь одержали свою гибельную победу, то где ж тот клочок земли, на котором еще можно стоять, за который еще можно ухватиться руками, держать его, прижимая к сердцу, не выдавая врагу лютому?! Горе горькое! Страх Божий! Все разрушающие, все уничтожающие выродки-дегенераты пробрались и сюда. Они властвуют здесь! Теперь у Ивана не было ни малейших сомнений. Это они! Это слуги сатанинские, имя которым легион! И Правитель – один из них. Как же так получилось – ведь все было тихо, спокойно, как всегда. Никто не вторгался в пределы России, никто не свергал огнем и мечом законной власти... Вырождение! Долгий и скрытый процесс перерождения властных структур, переходящий в полное и чудовищное, но потаенное нутряное вырождение! Неужели это стало возможным сейчас?! Неужели это случилось?! Четыре с половиной

века власть в России была светла и неколебима, прочна и народна... казалось, это навсегда, не будет больше темных лет и затравленных поколений. И вот – снова они у кормил, снова выродки-дегенераты!

Иван был готов биться головой о стены, об пол. Он готов был бесноваться не хуже буйнопомешанного, рвать зубами серый синтокон, грызть, царапать, орать, в кровь кусать губы... Но он не делал этого. Он лежал на спине, широко раскинув руки и уставившись в серый потолок. Он собирал сгустки ярости, безумия, ненависти к врагам своим и выбрасывал их в пространство, очищая душу свою. Нет, они не сломят его, не смогут, он сильнее их! Сильнее при всей своей наивности, при всей доверчивости и чистоте. Он не станет таким же, он не будет уподобляться вырождакам.

Но что же творится с Россией?! Почему опять это случилось?! Так было давным-давно, в конце двадцатого века, когда внутри могучей и великой державы вывели черви-паразиты, источавшие Ее, изъедавшие. Они проникли во все поры исполинского тела, они проползли в сердце, в вены, артерии, они поразили нервную систему и захватили мозг. Разрушители Державы стали ее правителями. И принялись за свое чудовищное дело. Они заняли все высшие посты – и они убивали Ее, расчленяли, резали по живому, вырезая Народ, Nation. И благословлял этих вырождаков-дегенератов на их кровавые преступления тот, кого называли в суесловии земном «патриархом». Этот благообразный на вид «пастырь» обнимал и целовал убийц, расстреливавших Народ, он освящал их злодеяния своим присутствием... А сам планомерно и неостановимо уничтожал Русскую Православную Церковь, расчленял и Ее на куски и отбрасывая их, отрекаясь от них, наводняя живое тело Церкви людьми чужими, злобными, иноверящими, но скрывающимися под православными масками, изъедающими Православие изнутри. Этот «пастырь» коленапреклоненно пресмыкался пред иудеями и католиками, масонами и язычниками, взывая к ним и зовя их на духовную власть в убиваемую Державу. За все предыдущее тысячелетие Христианства на Руси не было еретика и ереси более страшных и дьявологодных, чем выродившийся в архипастыря и губивший паству, чем все содеянное им во славу и пользу врагов отечества. Власть вырождаков-разрушителей была долгой и лютой – вволю понатешились они над поверженным Русским исполином, вволю напились крови его. Но пришел конец этой сатанин-

ской власти, и вместе с правителями-иудами на все времена был предан анафеме, вековечному проклятию лжепастырь. И воздалось им по делам их за черные, самые страшные во всю историю человечества преступления. И судимы они были, и наказаны за лютость свою и неправду.

Это было давно. Очень давно. Черная зараза измены, предательства, вырождения была выведена с земли Святорусской. Казалось, навсегда... Ан, нет! Иван лежал и смотрел в серый потолок. Прав был Гуг, простота хуже воровства! Он сам пришел к этому иуде! Сам пал в его черные лапы! А ведь мог выверить все, узнать наверняка... нет, не жажда знания в нем возобладали. А вера – слепая вера, что на Руси не может ныне быть зло на престоле – не может, и все тут! Пробрались! И сюда пробрались! Он искал зло в Системе, на Харханах, в Пристанище трижды проклятом... но самое страшное зло ждало его здесь. Нет, оно не ждало, оно действовало – оборона разрушена, службы безопасности разогнаны, армии и флотилии у черта на куличках, народ ничего не знает, народ вновь одурманивается... как и тогда. Проклятье! История повторяется, это какое-то чертовое колесо, дьявольская спираль! Но тогда, в двадцатом, еще оставались бойцы, еще были в силе воины русские – их было мало, совсем мало, сотни, тысячи – но они были! А сейчас, в двадцать пятом?! Сейчас все убаюканы, все пребывают во снах райских... Сейчас – он один в поле воин! И поле это – Вселенная.

Иван перевернулся лицом вниз, уткнулся в синтокон и заскрежетал зубами. Вот все и закончилось. Психушкой! Так и сторит Земля в синем пламени – вместе с этой психушкой, этой палатой-камерой и заточенным в ней узником. И ничего больше не будет. А будет лишь подготовленная выродками власть сатаны во Вселенной, то есть – мрак, ужас и хаос. И за все свои злодеяния, за выслугу перед преисподней получают выродки право сдохнуть последними... и ничего более. Но и за это право оттянуть свою смерть хоть на несколько часов, на несколько секунд, они угробят все человечество, обрекут на муки адские сирых и убогих, старых и больных, молодых и богатых, всех без разбору... Нет, они вовремя погибли! Перед глазами у Ивана вновь стояла та самая картина, которая не давала спать, мучила – две скрюченные фигуры на поручнях космолета, смертное, страшное пламя, пожирающее их. Отец и мать. Окраина Вселенной. Двести с лишним лет назад! Они и не могли дожить до этого времени. Он сам чудом дожил. Он

сам не нынешний, не теперешний. Он рожденный тогда, он осколок прежних времен Может, именно поэтому он и остался единственным во чистом поле воином? Он старше всех их на столетия, старше даже самых старых, морщинистых и согбенных старцев. Он воин еще той России. Но он и воин этой, погибающей Великой России! Он воин всего Человечества! Воин в заточении... Воин ли?

Карлик Цай ван Дау возник перед его взором внезапно, черной, крохотной тенью. И сразу предупредил:

Я не смогу тебя вызволить отсюда.

– Ретранс сломался? – предположил Иван, почти не удивившись.

– Нет, он работает. Но что-то случилось с твоим телом. Я уже пробовал сфокусироваться на тебе извне, но пошли какие-то волны и все размыло, не могу даже объяснить.

– И не надо, – прервал его Иван. – Как там наши парни?

Цай никогда не кривил душой.

– Если ты не выкарабкаешься в ближайшие дни, – сказал он, – то они просто разбредутся. И второй раз их не собрать, Гуг предлагает взять эту крепость для психов штурмом... Мы бы ее взяли. Но это будет такая засветка, после которой ни один твой план не пройдет.

– Согласен, это лишнее, – кивнул Иван.

– И что же тогда?

– Дай мне собраться с мыслями, я только что прочухался!

– Ты здесь уже двенадцатый день, – тихо сказал Цай.

У Ивана дыхание перехватило. Почти две недели он провалялся в беспамятстве, с ума сойти!

– Там, снаружи, еще не началось это?

Карлик помотал головой. Бельма у него стали больше, они почти закрывали глаза, подернутые кровавыми прожилками, острый костистый подбородок подрагивал, незаживающая рана на лбу была заклеена, биопластырем, почерневшим от сочащейся крови. Вид у Цая ван Дау был обычный – изможденный.

– Ты можешь мне пронести сюда орудие?

– Да!

– А открыть дверь из камеры?

– Нет.

– Ретранс работает в режиме безвременья?

– Должен работать, я не пробовал больше нескольких часов...

– Хорошо! Оставь его мне. Ведь ты как-то сказал, что им наплевать на наше дерганье, так?!

– Примерно так.

– Ну вот мы и подергаемся еще немного!

Иван встал, приблизился к карлику Цаю и протянул ладонью вверх руку.

– А как же я? — спросил тот.

– Как только ты мне отдашь эту штуковину, тебя выбросят на исходное место, в бункер... или откуда ты возник?!

– Неважно, тут наверняка все просматривается и прослушивается, не надо лишних слов. Лучше скажи, что передать остальным?!

Иван тяжело вздохнул, скрестил руки на груди. Разумеется, проще всего было только намекнуть Гугу Хлодрику – и тот разнес бы всю эту богадельню в щепки. Но теперь он как никогда раньше знал, что одна только видимая, телесная победа или просто вызволение ничего не Дадут, а действовать надо наверняка. И ладно, и хорошо...

– Засеки этот час, эту минуту. И скажи, что они будут точкой отсчета. Возвращайся. И никакой паники! Никакого уныния! Мне надо обязательно повидаться кое с кем и разобраться...

– Ты уже почти созрел, – карлик грустновато улыбнулся.

– Да, именно почти! Но я вернусь точно в этот день и этот час. И вот тогда мы или начнем! Или... разойдемся. Я не могу иначе, потому что после этого часа у меня уже не будет времени на другие дела. Ты все понял?

– Я понял, – коротко ответил Цай ван Дау. И протянул черный кубик Ивану. – Оружие я принесу потом, когда ты скажешь. Но учти, люди не могут больше ждать.

– Никто ждать не будет. Даже ты не успеешь отсюда вернуться в бункер. Я ухожу надолго. Но вернусь я через секунду. Жди!

Иван сжал черный кубик в ладони, поднес к виску. И исчез.

Цай опустил на корточки, привалился к стене. Он знал – возврата в исходное место не будет. Он знал и другое, если Иван не вернется, ему сидеть в этой серой камере до конца дней своих.

Тьма мгновенно окутала его. Иван оцепенел. Что-то случилось, прав был карлик, прав, его тело утратило возможность

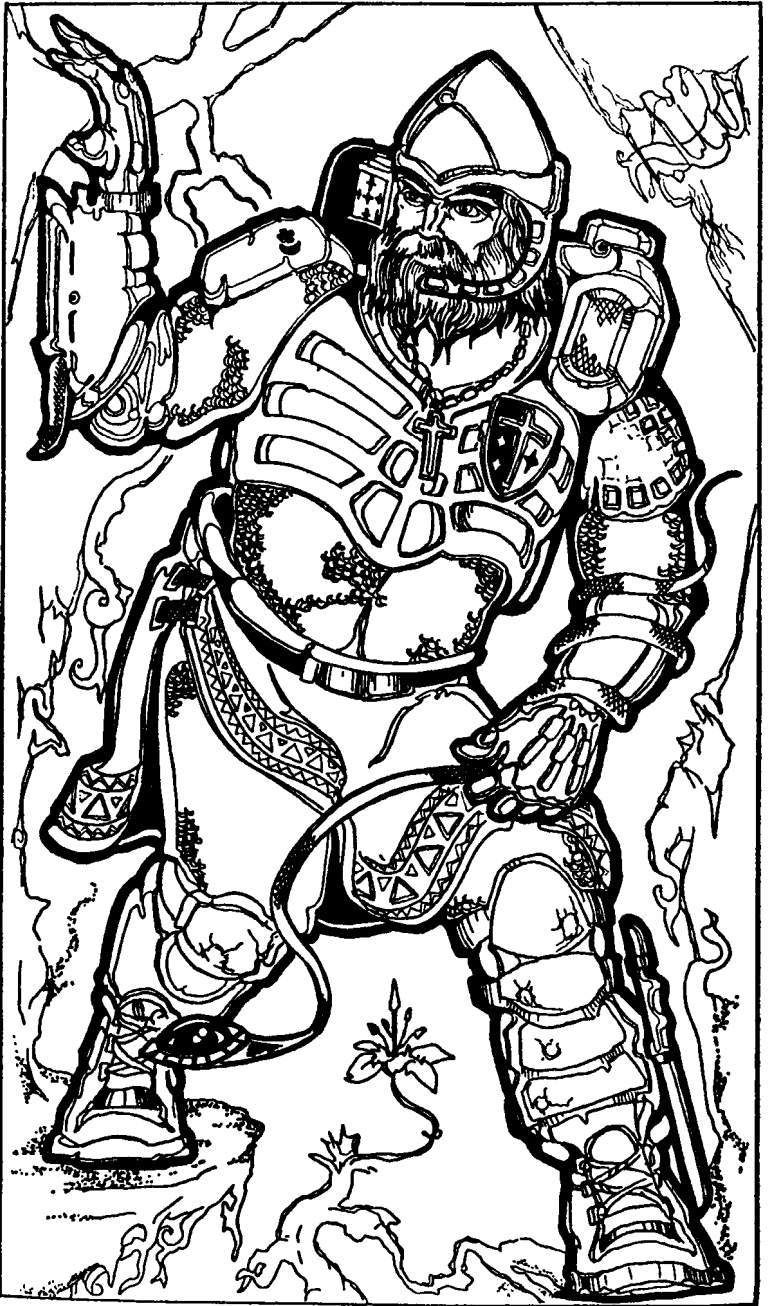
перемещаться в структурах Невидимого спектра. Он просто провалился в Ничто! Он не выбрался из палаты-камеры, но он ушел в черную пустоту, периферийную пустоту Невидимого спектра. Надо пробовать еще!

Иван с силой сжал ледяной кристалл, вдавил его в переносицу.

Поле! Широкое, светлое поле! Густая зеленая трава. Одинокая раскидистая береза, свисающие, отягощенные густой листвой ветви. Облака, белые, идущие чередою облака. Он настолько явственно вообразил эту картину, что в ушах прозвучали будто с того света слова покойного священника, сельского батюшки, друга-собеседника: «Человеку нечего делать во Вселенной! На Земле должен творить он дела свои и растить продолжателей дел своих. Не ходи туда... не ходи! Во мраке и пустоте нет Бога!» Как давно это было! Теперь батюшка лежит в земле сырой. А Иван еще не выяснил, кто его спровадил с белого света, все некогда, все торопился куда-то. Он вспомнил, как они лежали на этой траве под высоким небом, усеянным белыми облаками и спорили, спорили, спорили... Если ретранс работает в нормальном режиме, его должно немедленно выбросить прямо там, под березой... Но нет, Иван ударился обо что-то во мраке, застонал, пахнуло сырым, предгрозовым ветром, повалило наземь. Он нащупал руками колкую траву, ощутил холод росы. Но это было что-то непонятное, будто аппарат пытался выполнить приказ, но наткнулся на нечто незримое, мешающее... и выходило ни то ни се. «Не прельщайся, не гонись за горизонтом! Все, что человек способен понять и постигнуть, есть в нем самом! Не ходи туда...» Вот так! Как и всегда! Одни закливают: «не ходи!» Другие крестят в дорогу: «иди, и да будь благословен!» А вокруг тьма беспроглядная!

Ивана наконец вышвырнуло прямо под березу. Он сильно ударился плечом. Зарылся лицом в траву. Его окатило ледяным, бьющим наотмашь ливнем. Ураганный ветер переворачивал, не давал встать. Неужели он вырвался?! Это просто чудо. Вырвался, а то, что сейчас в чистом полюшке непогода, это не беда, и не под такими ливнями бывал, перетерпит.

Иван снова попытался встать. И снова его швырнуло наземь. Что же это?! Нет, на Земле нет таких ветров, что собьют его с ног! Или настолько он ослаб в заточении, за двенадцать дней беспомощности?! Все может быть. Главное, он вырвался. Ошибся несчастный Цай, ошибся. И снова ураганным порывом

вом его так ударило о ствол, что он в кровь разбил лицо. Буря. Странная буря! Он обхватил ствол руками, замер. По ладоням ползло что-то липкое, скользкое, противное. Это не капли дождя, и не шлепки размокшей земли. Он плотнее прижался к стволу... ощутил, что тот дышит, прогибается под его руками. Ствол был живой словно гадрианское дерево!

Иван отпрянул, замер на миг. И тут же повалился в холодную и мокрую траву. Его понесло по полю – кубарем, кубарем, понесло с непонятным, страшным ускорением в далекую черную воронку. Это было уже чем-то неземным – полетом, точнее, падением в пропасть, в бездну. И когда Иван явственно ощутил нереальность всего происходящего, перед его глазами высветилась малиновая точка. Проклятье! Он сразу все понял. Теперь он знал, куда его несет! Но он совсем не собирался туда, в треклятое Осевое измерение, населенное призраками! Малиновый Барьер! Клокочущее пламя несло на него стеной... нет, это он со скоростью, превышающей скорость света, падал в это безумное пламя. Господи, спаси и помилуй! Сколько же можно?! И зачем?! Иван вдавливал в висок черный кубик ретранса – приказывал, молил, просил, стонал... но ничто не помогало. Его несло в Осевое.

На этот раз все произошло очень быстро. Языки пламени вырвались вперед, приняли его в геенну огненную, от адской боли заломило затылок, полыхнуло неживым пламенем. И пропало.

Он сидел в молочном, белесом тумане. Осевое! Столбовая дороженька Пространства. И кладбище миров! Метил в рай, а попал в ад.

Иван содрогнулся от внезапной мысли. Ведь это действительно какой-то ад, преисподняя... нет, больше похоже на чистилище, где обитают неприкаянные души, где они мытарятся, мучаются не телесно, но духовно. Все равно – тот свет, как ни называй. Но на этот раз он не уйдет отсюда просто так, хватит уже дурить его, хватит водить за нос! Времени мало? Теперь у него много времени! Ретранс не работает «на откат», но он четко выходит на оси «безвременья». Выходит? Иван усмехнулся. Куда бы сейчас ни попал, куда бы ни вышел, куда бы его ни выбросило, все равно возврат ему лишь в одно место – в палату-камеру! Ну и пусть! На все запоры есть отпоры. А сейчас о другом надо думать.

Он склонился, нырнул в туман. И ощутил, как в голову проникают тысячи мыслей, образов, обликов – Осевое начи-

нало чудить. Но с его призраками шутить нельзя, чем больше будешь приглядываться да прислушиваться, тем большую власть над тобою они возьмут. Прочь! Прочь из моего мозга! Вон! Иван сконцентрировал волю, собрался в тугой узел – теперь он был не просто человеком, не земным десантником, а рос-ведом с тысячелетиями тайных знаний за спиной. Мозг превратился в огромный, сверкающий миллиардами граней бриллиант, вспыхнули, окружая его, прозрачно-черные, непреодолимые барьеры Вритры. Еще, еще немного... Иван отмахнулся от какой-то прыгнувшей на него тени, сбил ее с ног, не отвлекаясь от главного. Сейчас! Он будто увидел себя со стороны, в мерцающем защитном, но невидимом для других коконе. Это не абсолютная защита... и все же в ней его спасение. Все, он готов! Зрение сразу прояснилось, молочный туман осел у самых щиколоток. В нем лежало черное, костлявое и шипастое тело четырехглазого уродо-монстра. Таких Иван видел на Изальгее, планете двенадцати солнц и сиреновой воды. Но откуда он здесь? Челюсть у монстра была разбита ударом, верхний острый конец ее выходил из черепной коробки – Иван бил сильно, переоценил нападавшего.

Плевать! Сам виноват. Иван быстро пошел вперед, знал – ноги вынесут его в нужное место. И лишь отойдя метров на двести от трупа, он понял – изальгеец не призрак Странно. Он снова приложил кубик ретранса к переносице. Застыл. Вслушался. Нет, он не услышал голоса. Но его пронзила внезапная, чужая мысль: «ты никогда не попадешь туда, куда ты хочешь попасть! никогда, ибо желания твои заключены в сознании твоём, но воспринимается не оно и не его приказы! твоё подсознание и твоё сверхсознание знают, где тебе надо быть, куда тебе следует отправляться! ретранс слышит и видит то, чего не видишь и не слышишь ты! но знай, ни в одном из перемещений ты не ошибешься, ты попадешь именно туда, куда тебе следует попасть! а воспользуешься ли ты этим или нет... каждый сам вершит свою судьбу!» Ивана прошибло холодным потом. Неужели он станет теперь игрушкой собственного подсознания? Нет! Речь шла совсем не об этом. А о чем же?! И тут он понял. Как долго ему приходилось мыкаться по путям-дорогам Мироздания, блуждать в потемках и лабиринтах, проваливаться с уровня на уровень! Теперь все позади! Он вырвался на свет. Он еще ничего не видит. Но он вырвался... и отныне он будет попадать только в цель, только в яблочко.

Кончились странствия. И начались последние странствия не странника, но вершителя!

Вперед! Он знал, что Провидение высветит путь. Вперед! Сонмы призраков окружали его, тянули руки, хватали за ноги, за волосы, тянулись к нему. Но недосыгаем он стал для них. И не вглядывался в их лица – странные, изможденные блужданиями по Осевому, страданиями и болями, грехами своими земными и потусторонними. Мужчины, женщины, дети, упыри, лешие, русалки, старушки и старцы, инопланетные монстры и почти воздушные гуманоиды, бесполое чудища, нави, оплетаи, уроды и уродицы, в развевающихся и истлевающих одеждах, и голые, с торчащими из-под полусгнившей плоти желтыми, изломанными и изъеденными костями – призраки, привидения, черные души! Он, живой и теплый, притягивал их, в нем они видели плоть и кровь, которые могли воскресить их, оживить хоть на миг, дать почувать вкус бытия. Прочь! Прочь!!

Где-то среди всех этих нежитей должна быть Света. Обычно она являлась ему в первые же минуты. Но почему ее нет сейчас... Иван вдруг остановился. Прикрыл лицо руками. Как он раньше не задался вопросом? Обычно... Обычно никто ничего происходящего в Осевом не помнит. Так почему же он стал помнить?! Где та грань?! Грань, которую он перешел, сам не заметив того?! Много званных, да мало избранных. Неужели свершилось на самом деле, неужели он стал избранным?! Иди, и да будь благословен! Нет, это не простое напутствие, не одни лишь слова. Это нечто большее, это – предопределение!

Иван еще быстрее устремился вперед. Туда! Он знал, что надо не просто идти, надо бежать туда. Там вход. Что? Какой вход?! Неважно какой, надо добежать и все прояснится. Еще немного. Еще метров пятьсот, триста, двести... Взбираться на скалистую гряду становилось все труднее, но Иван бежал. И лишь предчувствие остановило его, бросило плашмя за изъеденный рытвинами валун. Здесь! Вход где-то здесь.

Призраки отстали, отвязались. А может, эта гряда была для них запретным местом. Неважно. Иван лежал и смотрел в узкое ущелье. Теперь он начинал догадываться.

Скалы, камни, песок под ногами, ни травинки, ни деревца. Низкий расплывшийся туман стелется – пеленой ползет на пять-шесть сантиметров. Тихо. Уже не слышно причитаний, визгов, воя. Тишина.

И тут Иван увидел их. Далеко, за пологим гребнем, за тремя сросшимися обломками скалы. Они шли по узкой тропе прямо на него. Семеро крохотных человечков с тюками на спинах. Нет, это не тюки. Один из семерых вдруг высоко взмыл над скалами, огляделся и неспешно, плавно опустился там же, откуда взлетел. Они могли бы преодолеть все расстояние с помощью гравитационно-реактивных заспинных ранцев, но они этого почему-то не делали. Ничего, разберемся, думал Иван. Только сейчас он начинал понимать, насколько ослаб за эти дни – руки и ноги были ватными, спина гудела, во рту все пересохло, язык наждаком обдирал небо.

И тут он вспомнил ее слова. Дверь! Всем им нужна дверь. Что за дверь?! Из Осевого есть дверца в их мир, есть вход-выход для живых людей. Особый... нет, секретный проект в Осевом... семьдесят восемь уже остались здесь, надо полагать, погибли в Осевом? Больше сотни ушли через Осевое куда-то, Света даже не могла подобрать слова – «этому нет названия», во что-то большее, чем наш мир – тоже дверь из мира в мир! Но это не все. Негуманоидам нужна дверь из Системы в нашу Вселенную. Они проникают сюда, они могут провести свои армады... Но им нужна еще и какая-то Дверь? Зачем?! Они способны перемещаться в немыслимых структурах Невидимого Спектра – это фантастика! это чудо! казалось бы, что им еще надо?! Но они ищут какую-то мифическую Дверь и ключи от нее. А чем лучше Авварон Зурр бан-Тург?! Этому исчадию ада тоже нужна дверь, ему нужен Кристалл – ключ от двери в мир живых! Они все стремятся сюда. Зачем?! Ясно зачем. И вот теперь он совсем рядом от этой дверцы... или одной из этих дверей. А они движутся явно к ней. Точно, к ней!

Иван уже различал лица идущих. Двоих из них он знал по Отряду Дальнего Поиска. Да, первым шел Артем Рогов, худой, невысокий, жилистый, с черным шрамом от уха к уху через впалые щеки, губы, скулы – этот шрам он получил на Замгамбе, пятой двойной планете системы Единорога: спасательный бот опоздал на несколько минут и Артему, тогда еще двадцатипятилетнему парнишке четырехлапые туземцы чуть не спилили полголовы – они медленно, очень медленно перетягивали лицо веревкой из шершавых листьев дерева во, а потом еще медленнее начинали дергать эту веревку то в одну, то в другую сторону – за час верхняя часть черепа обычно отделялась от нижней, тело зарывали в болотистую почву, а

черепами мостили улицы между огромных мохнатых хижин. Артему повезло, туземцы лишь трижды дернули за веревочку. Теперь он шел по Осевому и наверняка не знал, что за ним наблюдает старый и добрый знакомый. Шестым понуро брел Голд Зовер, порядочный подлец и плут. Иван знал его по Дибройту. Голд не был профессиональным десантником, но всегда крутился рядом с космическим спецназом... и вот докрутился, попал в Секретный проект. Остальных Иван не знал, но это были парни с Земли, никаких сомнений. Свои.

Он хотел уже встать и помахать рукой Артему. Но совсем тихо из-за спины прошелестело:

– Не делай этого. Они убьют тебя!

– Кто меня убьет – мой старый друг Артем Рогов? – спросил он, не оборачиваясь, боясь узреть мерзкого, слизистого упыря.

– Тебя убьют они! – повторила Света тверже. – Здесь не Земля.

– Зачем ты опять пришла?

– Я пришла в последний раз. Сегодня ты или заберешь меня отсюда... или...

– Или — что?

– Или ты останешься здесь сам!

Иван резко обернулся.

За правым плечом, метрах в двух сидела Света – живая, настоящая, светловолосая, в истрепанном, полупросвечивающем платье – он помнил это платье, она брала его с собой в последний полет, но она не могла быть одета в него, когда входила в Осевое. Не могла!

– Не отвлекайся на мелочи, – попросил она. – И не оборачивайся, я не покину тебя.

Туман поднимался выше, становился непроницаемой. Но Иван ясно видел цепочку секретников. Они шли по колено в молочной пелене, шли сосредоточенно и молча.

– Почему они не ушли из Осевого в другой, лучший мир? – спросил Иван. – Ведь ты говорила, что они уходят туда.

– Они бегут туда! – прошептала Света почти в ухо. – Но не все единицы остаются. И возвращаются на Землю. После работы здесь они становятся сверхлюдьми. Им больше нравится такой расклад, они не хотят быть равными в величии и блеске, они хотят царить во мраке и нищете.

– Ясно. Они материальны или это их клоны?

– Это они сами, вот и все!

Цепочка приближалась. Теперь Иван видел каждую складку на одеждах, видел выражения лиц, капли пота на лбу и щеках. Сто метров, восемьдесят...

– Но я ведь должен что-то делать? Почему ты не даешь мне встать?!

– Сейчас увидишь!

Неожиданно легко Света выскочила из-за спины, вспрыгнула на валун. И тут же серый огромный камень разлетелся тысячами острых, больших и малых осколков. – Иван не успел увернуться, и ему рассекло лоб. Выстрела он не слышал, но по опыту знал – это ручной пулемет-бронбой.

Он перекатился под другой валун. Обернулся.

Света была как и прежде – за правым плечом.

– Если б встал ты, сбилось бы мое предсказание, – тихо проговорила она.

– Это точно, я б остался здесь навсегда. Но почему они стреляют в призраков? Ведь здесь одни призраки, тени.

– Нет, ты ошибаешься. И они научены горьким опытом, они не хотят рисковать, у них принцип: лучше убить сто друзей, чем один враг убьет тебя.

– Откуда ты знаешь?

– Я часто ходила вслед за ними, прислушивалась, я думала, что они, живые, настоящие земляне, вытащат меня отсюда. Но я ошибалась. Это нелюди!

Иван поморщился. Света всегда преувеличивала, и еще когда была живой, сейчас тем более, от нее можно было ожидать любого. Конечно, у этих парней страшный, смертный опыт, конечно, они обозлены на всех и на все, конечно, они отвечают пулей на любой шорох... но в своего они палить не станут. А ему есть о чем с ними поговорить. Надо кончать разом со всеми проклятыми загадками! Надо кончать с Осевым! Другого случая не будет!

– Артем! – крикнул он из-за валуна. – Дружище, ты слышишь меня? Это я, Иван! Вспомни чертову Замгамбу! Вспомни, как я отпаивал тебя спиртом! Ты узнаешь меня?!

Шаги затихли. Цепочка остановилась. Иван явно слышал это. Но он не видел, как озираются секретники, как припадают к камню на тропе.

Наконец, после короткого затишья послышался знакомый высокий и сиплый голос:

– Я узнал тебя, Иван. Выходи!

– Ну, слава Богу, – прошептал Иван. Напрягся, готовый выскочить из-за валуна.

Но на спину легла теплая, совсем не призрачная рука.

– погоди!

Света смотрела на него страшными, застывшими глазами, будто уже видела его бездыханным.

– Смотри!

Она подобрала большой камень, с трудом отпихнула его от себя ногой, камень соскользнул вниз, выскочил из-за валуна, ударился, подскочил... и исчез – ослепительная вспышка превратила его в пустоту, так бил десантный лучемет, Иван не мог ошибиться.

– Ты что, сдурел?! – завопил Иван. – Артем! Дай мне выползти, встать! Ты увидишь меня! Я безоружен!

– Выходи!

– Не смей! – захрипела в ухо Света.

– Я должен выйти, – оборвал ее Иван. И оттолкнул.

Он помедлил две-три секунды, а потом откатился назад, давая телу простор – и резко вспрыгнул на двухметровую высоту, прямо на горбатую пыльную спину камня.

Все семеро стояли, выставив вперед стволы.

– Вот теперь я и впрямь вижу, что это ты, Иван! – выкрикнул, скаля зубы, Артем Рогов, постаревший и лишившийся половины своих кудрей. – Ты зря пришел сюда, Иван. Прощай!

Они нажали спусковые крюки разом, на слово «прощай». Но они опоздали – Иван, трижды перевернувшись в воздухе, запрокинувшись назад, летел вниз со склона, а вслед ему неслись осколки, камни, пыль из иссекаемого пулями, снарядами, прожигаемого лучами и сигма-излучением валуна. Они обманули его! Обманули. Света была права – это нелюди... или другое, или они ни при каких обстоятельствах не могут допустить, что в Осевое проникнет кто-то из землян, кроме них, секретников. Скорее всего, так и есть. Они твердо знают, что это мир призраков и оборотней, что в нем не может быть друзей. Как он сразу не сообразил?!

И все же он не упустит их.

– Ты просто идиот! – заорал Иван. – Артем! И ты, Голд Зовер, и все остальные! Вы с ума посходили!

– Это ты сошел с ума, – прошептала из-за спины Света. – Это ты идиот. Тебе надо было ждать, пока они подойдут к двери, понял? Зачем ты раскрылся?!

– Я не могу вести себя с ними как с врагами, как с нелюдьми. Это мои товарищи, это бывшие десантники, братки!

– Врешь! – неожиданно грубо пресекла его Света. – Это давно уже не братки твои! Они работают против Земли, против землян. Они начинали свой Секретный проект как посланцы человечества, да, так было. Но теперь это нелюди! Осевое ломает и не таких... в Осевом много страшного, Иван!

Иван скривился. Застонал. Он не мог решиться.

– Ты упырь, – шептал он, глядя на нее, – ты призрак! Ты порождение обезумевшего подсознания, растревоженной памяти! Светы давно нет, она погибла! Отвяжись от меня, не сбивай меня, не натравливай на своих! Прочь! Уходи прочь!!

– Никуда я не уйду! Хватит! Ты просто истеричка, Иван! – она схватила его за плечи, приблизила лицо и впиалась губами в его губы. Они были горячие, живые, женские, таких не бывает у призраков. Иван отпрянул назад, он чувствовал живое тепло. Но он все помнил – он помнил страшного, клыкастого, скользкого упыря на своих коленях, помнил лютую, невозможную боль, костистый хребет, жадное чмокание и пустые, рыбы глаза призрака-фантома. Ведь это все было!

– Ну хватит! – она сама оторвалась. – Ты видишь, что это я. Или нет?! Хватит! Они сейчас выволокут тебя из-за камней и прикончат! А может, и выволакивать не будут, сразу прибьют. Уходи!

Иван понял, она права. Он кубарем откатился в сторону. И почти сразу в то место, где он только что лежал, ударил сноп огня. Голд Зовер стоял наверху, на обломке скалы и хохотал.

– Ну, сволочь, – прохрипел, задыхаясь Иван, – с тебя я и начну!

Он прижался к земле, полностью погружаясь в вязкий белый туман. И пополз вперед. Призраки будто этого и ждали, они набросились на Ивана со всех сторон, они лезли ему в глаза, в лицо своими пальцами, кричали в уши, молили, стояли, грызли его тело зубами... но защитный кокон делал все их усилия бесполезными. Эх, если бы этот кокон защищал от пуль! Барьеры Вритры – это психополя особого рода, ни снаряд, ни луч они не остановят. И оружия никакого! Ну и плевать!

Иван выбрался из призрачного беспросветного болота прямо за обломком скалы, за спиной у все еще хохочущего Голда Зовера. Тот был явно не в себе – с упорством маньяка он выжигал из лучемета туман, метр за метром, квадрат за

квадратом. Испаряющиеся души, уродливо-жалкие призраки, омерзительно шелестя и свистя, взмывали к черному безоблачному небу – если эту дыру, эту вселенскую пропасть над поверхностью можно было назвать небом. Да, все-таки Зовер ничуть не вырос над собой, он оставался таким же ублюдком. Иван помнил, что это именно он выдал штабным троих десантников, нарушивших инструкцию. Их уволили с треском. А вся вина несчастных состояла в том, что они пытались защитить себя от обезумевших «союзничков» на Аранайе, ухлопали банду негодяев, которым лучше бы и на свет не рождаться. Парни сделали доброе дело. Но Голд Зовер был должен одному из них, и сумма-то была плевая... Голд не упустил момента. Ублюдок!

Иван в один прыжок оказался за спиной маньяка, ухватил его за обе щиколотки и резким рывком сдернул вниз. Голд не выронил лучемета, и это погубило его – тяжелая подошва опустилась на кисть, сжимавшую рукоять, разбила ее.

– Вот так! – вырвалось у Ивана.

Он посмотрел на индикатор энергоемкостей лучемета – те были почти на нуле. Перевернул тело, потряс, бросил – запасных «рожков» не было. Ну и ладно! Пускай полежит, может, прочухается.

Совсем рядом разорвался гамма-снаряд, Ивана обдало липкой, удушливой волной. Рано он расслабился. Любой другой на его месте был бы сейчас покойником. Но только не он. Рыча от боли и удушья, Иван вновь полетел по склону вниз – едкая отравка стелилась вслед за ним, кожу прожигало незримым излучением. Ну и пусть! Ничего не будет! Недаром еще в Школе их травили, пичкали, облучали в малых дозах, но постоянно, всякой дрянью и гадостью. А потом вкалывали, вводили, втирали еще большую дрянь и гадость противоядий, дезактиваторов и прочей отравы. У них вырабатывали тотальный сверхиммунитет. Без него нечего делать в Дальнем Поиске. Да, они умели выживать в самых чудовищных условиях, они были практически неистребимы. Но даже их, десантников-смертников, сверхлюдей, витязей XXV века, ничто не могло спасти от прямого попадания. Оставшиеся шестеро секретников знали это – и не жалели боеприпасов.

Но они потеряли его из виду. Потеряли!

Иван снова лежал за валуном, одним из тысяч валунов, разбросанных тут и там по скалистой гряде. Тяжело дышал. Ему казалось, что если он сейчас повернется, выглянет из-за

серого камня, то увидит совсем рядом Гута Хлодрика с его новеньким сигмаметом, а чуть подалее – огромного белого медведя, купающегося в водопаде, в сверкающем алмазной пылью водопаде, в искрящемся водопаде шампанского. Гренландия! Тысячи парсеков отсюда, сотни световых лет... а может, и совсем рядом, может, прямо здесь – ведь Мироздание штукавина непростая. Дверь! Он опять забыл про дверь! Он все испортил. Света права, надо было дожждаться... ему вспомнился черный экран, лицо старика. Тогда они были в Осевом с карликом Цаем ван Дау. И его повлекло в экран... а там оказалась черная, бездонная дыра. Это и было Дверью! Клан «серьезных», тайные правители Земли – тайные? нет, там все запутано, там тайное перемешано с явным, они все в одной упряжке! и ничего странного в этом нет, так и должно было случиться, коли у власти оказались выродки-дегенераты, разрушители, истребители всего доброго и созидającego! Это на них, а не на Синдикат, и не на Восьмое Небо работают секретники, на них!

Нет, не надо спешить!

Иван озирался, ища Свету. Она должна ему помочь, обязательно должна! Где же она?!

– Ну все, гад! – раздалось из-за ближнего камня.

Высунувшийся мордovorот держал Ивана на мушке броню. Три метра, разделявшие их, не оставляли надежды.

И тут дико закричала Света. Она выявилась прямо из воздуха за спиной у мордovorота – бледная, растрепанная, с черными кругами под глазами. И закричала так, что волосы дыбом встали.

Мордovorот не обернулся. Но палец его чуть дрогнул, и смертельный снаряд, сдирая кожу с виска, обжег Ивана своим невидимым боком, просвистел мимо, врезался в скалу, раздробил ее и затих, разорвавшись на сотни корпускул-убийц. Камни градом посыпались сверху. Один из них, весом тонны в полторы обрушился на удивленно-недоумевающего мордovorота, похоронив его под собою. Двое из семерых вышли из страшной игры.

Ивана тоже осыпало камнями, но не убило, не покалечило, он успел вжаться в расселину, затаиться. Он видел Свету – она стояла на том же месте, не укрывалась, камни пролетали сквозь нее, не причиняя вреда. Призрак! Но почему у этого призрака теплые, живые губы?! А может, и он сам призрак? Может, попадая в Осевое, человек утрачивает свою телесную

основу? Надо добраться до них, до этих секретников, надо потолковать с ними, только они смогут рассказать правду.

– Я здесь!

Иван выскочил из-за валуна. Поднялся в полный рост.

Прежде, чем трое из пятерых успели среагировать на его крик, он сразил их наповал – из бронебоя и лучемета. Он целил и в Артема, но тот увернулся, скатился в ущелье, повис, быстро перебрался за гребнистый край.

Другой секретник стоял в семи метрах от Ивана бледный и дрожащий. Он сжимал побелевшими пальцами бесполезный парализатор. И ждал смерти. На таких у Ивана никогда рука не подымалась.

– Убей его! – потребовала Света.

– Успеется.

Иван пошел к обреченному. Он знал, что Артем не сможет выстрелить, ему бы навесу удержаться. Да и не будет он уже стрелять, рисковать лишний раз, понадеется на благородство победителя. А этот... Иван подошел вплотную. И произнес всего лишь два слова:

– Где дверь?

Секретник прохрипел что-то невнятное, видно, в горле у него настолько пересохло, что он не мог слова вымолвить. Тогда он дернул головой назад, чуть влево.

– Пошли! – потребовал Иван. И неожиданно громко выкрикнул: – А ты вылезай! Не трону!

И тут же раздался глухой одиночный выстрел.

Иван вздрогнул. Бледный секретник согнулся, суетливо поводя воспаленными глазами. Потом насторожился, выпрямился, прислушался к затихающему грохоту в ущелье.

– Вот дура-ак, – просипел он. – Зачем-ем?!

До Ивана дошло с опозданием – застрелился Артем! Десантник, браток, неплохой в общем-то парень, связавшийся с этими гадами. Действительно, зачем?! Теперь не вернешь – тело на дне глубокого ущелья, с дыркой в груди или голове, с переломанным хребтом. Дурак!

– Пошли! – повторил он бледному.

– Ага, – испугался тот, – пошли! Я покажу! Метров двести они поднимались молча. Потом бледный ткнул пальцем в скалу, остановился.

– Она здесь!

– Где?

– Да под камнем, где ж еще!

Иван опять вспомнил черный экран и старика. Экран тоже был «под камнем». Бледный явно не врет. Но спешить нельзя.

– Садись! – Иван ткнул стволом лучемета в сторону плоского черного валуна. – И все рассказывай. Но предупреждаю: я из тебя слова выпытывать и вытягивать не буду. Станешь темнить, убью!

– Чего рассказывать-то? – бледный побледнел еще больше.

– Все, что знаешь про Осевое, про двери эти чертовы, про тех, кто тут заправляет, кто послал, зачем... но по порядку, понял?!

– Ты лучше сам спрашивай! – снова засипел бледный и рванул ферракотовый ворот полускафа. Ему явно было не по себе. – Вопрос – ответ, а то у меня все в башке плывет, я тут четвертую неделю уже, мозги колом стоят.

Иван недовольно нахмурился. Поглядел вдаль – прямо над обрывом, чуть подавшись вперед, стояла легкая женская фигурка. Света. Он отвернулся.

– Ты участвуешь в Секретном проекте по Осевому, так?

– Да, – торопливо признался бледный.

– Что такое Осевое измерение?

– Как это что? Иное измерение, другой мир...

Иван остановил его движением руки.

– Мне надо знать все. И ты мне должен толком все выложить. Я семьдесят с лишним раз входил в Осевое, я десантник с огромным стажем, ты знаешь. И каждый раз я клялся себе, что никогда не пойду этой дьявольской столбовой дорогой, хватит! Но всегда шел снова. Я делал это как все! Я разгонялся на капсуле до скорости света, я входил в Малиновый Барьер... и ежели я задавал верный курс «большому мозгу», меня выбрасывало на другом конце Вселенной. Нас так и учили всегда: Осевое измерение – Столбовая дорога Вселенной! Чтобы выйти из нее, надо сжечь десятки тонн горючего, истратить кучу разгонников.

– Я все понял, – зачистил бледный, – ты входил в Осевое по-старинке, ты и не мог знать про «дверь», про нее знают только наши, кто в секретке работает. Никуда не надо лететь! И не надо горючего! Осевое повсюду, оно внутри нашего пространства, и снаружи, везде – это иное измерение, вот и все! Ты ведь не убьешь меня, как всех их?

– Поглядим еще, – неопределенно ответил Иван. И добавил: – Вопросы задаю я. Что это за мир? Говори толком!

– Никто не знает всего про Осевое. Никто! Наши ковыряют уже тринадцать лет, большая часть сбежала, многие погибли, а мы как рабы, как подопытные крысы – нас бросают куда ни попадя, и глядят! А тут не хрена разглядывать! Осевое – это пуповина между двумя мирами: нашим миром, мы его зовем Новый, и другим – Старым миром. Только эта пуповина обволакивает и пронзает весь наш мир – он сам, как говорят умники из шестого сектора, совсем недавно образовался, двенадцать миллиардов лет назад, до этого был только Старый мир, он и сейчас есть, только туда никого из Нового не пускают, там суперцивилизации, там боги, ты не поверишь... а мы пробрались сами, прокрались, вот и остаются там многие, а Осевое – пуповина. Но по этой пуповине можно в любую точку нашей Вселенной попасть за миг!

– А в другую Вселенную?! Или они и есть в Старом мире?

– Нет! Они все в Новом. Неисчислимо множество вселенных в Новом мире, даже те, что существуют в миллионы раз дольше, чем он сам.

– Ерунда получается какая-то! – вставил Иван.

– Нет, все так и есть. Старый мир создавал Новый мир не сразу, кому как повезло – были миллионы и миллиарды Больших Взрывов, направленных и самопроизвольных, каждая Вселенная вводилась в Новый мир из Старого в своей оболочке, каждая имела свою пуповину с другим, каждым другим, и одну общую – Осевое измерение. Тут столько дверей и дверок, что и не сосчитаешь... Но это все абсолютно секретная информация, тебе не дадут с ней жить на Земле, и в Федерации не дадут. Нас никуда не выпускают уже тринадцать лет, мы сидим в Желтом шаре, загонят в Осевое – потом обратно, и все! Ты зря влез в это дело!

– После поговорим о делах, – Иван криво усмехнулся. – Рассказывай дальше!

– В Мироздании есть только два больших мира: Старый и Новый. Все остальное или в них, или между ними. Вот Осевое как бы и лежит между ними. Это как фильтр, и как очиститель...

– А довзрывники?! – вдруг вспомнил Иван.

– Какие еще довзрывники?

– Ну, та цивилизация, что до Большого Взрыва была?

Бледный занервничал.

– Ты опять ничего не понял, – затараторил он, – была куча этих Больших Взрывов, и всегда кто-то был до одного из них

и до всех вместе взятых. Так можно всех, кроме нас, землян, называть довзрывниками – и в нашем мире, и в Старом. Я не понимаю тебя!

Иван уныло смотрел на скалу, смотрел в то место, где должна была быть «дверь». Ему становилось не по себе, если этих «дверей» много, но уже ничего не поделаешь, возле каждой можно поставить по батальону охраны, но сначала походи найди их все. Нет, ему совсем не нравились эти старые, новые, многоярусные и многоуровневые миры. Душа жаждала простоты, порядка и света.

– Ясно. Давай дальше! – потребовал он.

– Сам по себе мир Осеевого измерения пустой. Но в нем сконцентрированы какие-то тонкие и тончайшие поля, про которые у нас на Земле никто ни черта не знает. Осеевое как губка. Впитывает она не влагу, а всякие фантомы. Тут полным полно настоящих тварей, живых, разумных, материальных. Но все они попали сюда при перебросках из каких-то миров, или при катаклизмах разных, такое тоже бывает... но они быстродохнут тут, мало кто уживается. А вот призраки здесь обретают бессмертие. Это как загробный мир какой-то! Они берутся отовсюду... вот гляди на меня!

Бледный вдруг замолк, закрыл свои красные глаза, сморщил лоб.

И Иван увидел, как у него за спиной появился большеголовый скелет, облаченный в прозрачную синевато-просвечивающую плоть. Скелет подпрыгнул, бросился на Ивана, но рассыпался на кости, истек мутной жижей и исчез.

– Я его специально угробил, – пояснил бледный. – Я тут наловчился, с этими привидениями. Но такие не страшны, одна видимость только.

– Какие это такие? – переспросил Иван.

– А те, что из самого живого человека исходят. Страшны другие – их тут не сосчитать! Вот скажем, у нас на Земле если кто помирает в страшных муках, с дикой нервной и психической встряской, из него исходит невидимый там двойник, призрак, Осеевое сразу его впитывает. Или кто-то сам доводит себя до такого завода, что дух из него выкипает – губка тут как тут... трудно на пальцах объяснить!

– И этот дух летит через всю Вселенную в Осеевое?

– Да никуда он не летит! Ты забыл, Осеевое везде и повсюду, оно и внутри и снаружи тебя! Он сразу уходит в него...

– А если человек гибнет страшной, лютой смертью в Космосе?

– Все равно! Осевое и в воде, и в камне, и в воздухе, и в живой плоти, и в пустоте, в абсолютном вакууме. Мы его просто не видим и не ощущаем, пока сами в него не попадем!

– Значит, везде!

Иван с щемящей болью поглядел на легкий женский силуэт над обрывом. Так вот как она попала сюда! Она мертва. Чтобы ни говорила она, какие бы теплые и нежные ни были у нее губы, она мертва. Но зачем тогда все это! Зачем такая изощренная и долгая пытка! А отец с матерью? Они ведь тоже погибли в пустоте? Они погибли страшно, люто! Значит, и их призраки бродят где-то здесь. Но ведь Осевое огромно. Так почему же она, Света, всегда оказывалась рядом с ним? И почему мать с отцом никогда не приходили? Это просто пытка!

Правитель подошел совсем близко, склонился над лежащим посреди серой камеры-палаты. Левая, с детства искривленная, рука Правителя неостановимо дрожала, и он не мог ничего с ней поделаться. Почти в такт руке, но с большими перерывами подергивалась правая бровь – надо было лечиться, отдыхать, да Правитель боялся оставлять свой кабинет, он часто и ночевал в нем. Но сейчас заставил себя выбраться из привычного убежища, добраться в пневмокабине до Лубянки и спуститься вниз на целых восемьсот метров. Специальная психиатрическая больница для особо опасных узников была заложена под одной из центральных площадей еще в 1991 году, сразу после черного августа. Пользовались ею недолго, около десятилетия, но сгноили за это время в ее казематах не одну тысячу инакомыслящих. Потом забросили, и восстановили уже при нем, при нынешнем Правителе Великой России, всего семь лет назад. О ее существовании знали немногие – укромное было местечко.

– Света... уходи! – прохрипел лежащий. – Уходи!!!

Правитель отшатнулся.

– Что это с ним?

– Бредит. Все время бредит! – пояснил начальник охраны, плотный человек лет под шестьдесят с настороженным широкоскулым лицом и узкими щелчками глаз.

Правитель отвел ногу и пнул лежащего вполсилы, чуть не упал сам. Но ничего не добился, узник не вышел из забытья.

– Вот ведь гад какой! – посочувствовал Правителю начальник охраны.

– Короче! – оборвал его тот. – Докладывайте!

– Слушаюсь! Субъект полностью прослеживается. Тридцать восемь лет, русский, место рождения – борт АСК-657-11-1004...

– Что?! – недовольно пробурчал Правитель. – А может, он родился на станции «Салют», или на каравелле «Санта-Мария», вы что порете, генерал?!

Начальник охраны ничуть не смутился.

– Так точно, борты АСК – модель начала XXII века, не используется свыше двухсот лет. Но это так. Субъект родился на борту АСК двести сорок пять лет назад. При невыясненных обстоятельствах родители субъекта погибли вместе с АСК в периферийном квадрате Арагона-55 – Рочерс-12. Ребенок был погружен в анабиоз бота-капсулы, два века с лишним капсула блуждала в пространстве, до тех пор, пока не была обнаружена патрульными сторожевиками. Дата выведения из анабиоса была принята за дату рождения младенца. Далее – специнтернат, практика вне Земли, Общая Школа Дальнего Поиска, практика на геизируемых объектах, Высшие спецкурсы боевой группы особого назначения, работа в закрытых секторах Пространства, факультет СМ-1, биоперестройка, закладка полных объемов системы «альфа», психокоррекция, два года практики с наращиванием боевыносливости и мнемокодирования, особая рота космоспецназа, седьмой взвод десантников-смертников экстра-класса, группа «черный шлем», звание – полковник с 2474 года, выполняет исключительно индивидуальные задания с 2469 года, входит в десятку лучших десантников-смертников России и Федерации, с 2478 года в регенерационном отпуске. Двести пятьдесят шесть боевых и разведвылетов, двадцать четыре спецпрограммы по особому разделу, эпизодическое участие в двенадцати метагалактических войнах, сорок семь ранений, четырнадцать выводов из клинической смерти, полная регенерация, тонус-альфа, сбой – 2478 год. Внеплановое проникновение в дельта-коллапсар УБО-1800, мания преследования...

Правитель резко топнул ногой, скривился.

– Вы мне бросьте это, – прошипел он, – мания преследования... я вам не девочка из видеоинформа. Что там было!

– Проникновение в Систему – игровая цепь, минимум информации!

- Ясно! Что еще!
- Внеплановый проход в сектор смерти...
- Что-о?!
- По наводке второй ложи Синклита. Они его вели.
- Черт возьми! Этот парень был везде, и еще не сдох?!

Вам не кажется это странным?!

Правитель трижды ударил стоптанным мыском бурого штиблета в лицо лежащему. Но тот только передернулся. Потом с нескрываемой злостью уставился на узкоглазого.

- И это все?!
- Так точно, все.
- А ликвидация Анатолия Реброва?!

Начальник охраны побагровел. Однако голос его не дрогнул:

– Причастность субъекта к убийству Реброва не доказана...

- Плевать мне на ваши доказательства! Он там был?
- Нет!

– Я вышвырну тебя отсюда, понял?! – заорал пуще прежнего Правитель. – Ты знаешь, куда вышвыривают отсюда?!

– Знаю, – покорно проговорил узкоглазый, – на тот свет.

– Верно мыслишь, молодой человек! – Правитель отвернулся от начальника охраны. Ткнул пальцем в угол камеры. – А это еще что?

В углу темнела уродливая, еле различимая головастая тень карлика-нечеловека.

- Фантом.
- Что?!

– Фантомное изображение... так бывает при сильных потрясениях. Когда этот тип придет в себя, фантом исчезнет.

– Ты хочешь, чтобы он пришел в себя?!

Узкоглазый растерянно развел руками.

– Сколько времени потребуется на полную мнемоскопию?

– От силы полторы недели!

– Так вот, чтобы через полторы недели вопрос с этим смертником, – Правитель снова пнул ногой безвольное тело, – был решен, ясно?!

– Так точно!

– И никаких фантомов! – Правитель поднес кулак к носу начальника охраны. – Ты думаешь, это у меня от усталости в глазах мельтешит?! Думаешь, сдает старик?! Ошибаешься! Убрать!

Узкоглазый ринулся в угол. С налета ударил ногой тень в голову. Но нога прошла насквозь, сапог врезался в серый упругий синтокон. Тогда начальник охраны выхватил из кобуры лазерный пистолет тройного боя и принялся исступленно расстреливать притихшую головастую тень. Камера превратилась в нечто кошмарное, напоминающее металлургические плавильные цеха древности, запахло горелым.

– Прекрати! – в ярости заорал Правитель. – Болван!

Узкоглазый бросил пустое занятие. С недоумением поглядел на бесполезный пистолет, сунул его в кобуру.

– Я только хотел показать, что с ней ничего невозможно сделать, – начал оправдываться он.

Но Правитель уже повернулся к выходу.

– Осевое везде... – неожиданно прохрипел в бреду узник.

Начальник охраны в сердцах ударил его сапогом под ребра. И истово заверил шефа:

– Через полторы недели все будет в норме!

Туман поднимался все выше, он уже скрывал колени, вырывающимися молочно-белыми языками лизал кисти рук. Иван поглядывал в сторону скалы – надо бы пересечь повыше.

– Прилив, – пояснил бледный. – Тут всегда так, то прилив, то отлив.

– Ну и пусть. Нам ничто не угрожает? – спросил Иван.

– Пока нет.

– Тогда расскажи про Старый мир.

– Это трудно описать. Там все иначе, там другая материя, другая энергия, там все иное. Там – боги! И они все видят.

– Как это?

– Очень просто, мы вот сейчас сидим и ни черта не видим, кроме скал и тумана. Попадем на Землю – тоже будем видеть только то, что под носом. А из Старого мира весь наш Новый мир, все миры, составляющие его, видны как на ладони, будто сидишь перед кучей аквариумов, в которых плавают рыбки – и видишь сразу все или те, что захочешь. Но только все сложнее, нет таких слов.

– Ты был там?

– Я входил туда. Но не так, как сюда. Туда невозможно впереться со всем этим, – он выразительно обвел красными глазами свои руки, ноги, все тело. – Туда проникает только...

душа... или то, что в мозгу, я не знаю. Но не само по себе, оно сразу входит во что-то другое и обретает силу, понял?!

– Нет.

– Это и невозможно понять!

– Может, там загробный мир, рай?

– Сказки! – отмахнулся бледный секретник – Я в сказки не верю. А там все реальней, чем здесь в тыщу раз! После Старого мира, когда я назад вернулся, будто в вату попадаешь... или в песок с головой, со всем телом – только что все видел и понимал, и будто разом отрезает, будто глоснешь, слепнешь, дуреешь... и толком вспомнить даже не можешь. Короче, там боги. А здесь – черви! – Он вдруг с подозрением посмотрел на Ивана, вжал голову в плечи. – Вот я тебе все выложу, а ты меня убьешь.

– Я тебя убью, если ты не выложишь мне всего! – прямо ответил Иван. – Ладно, черт с ним, со Старым миром – может, это одни галлюцинации только.

– Галлюцинации?! – удивился бледный. – А где все наши парни? Куда они тогда подевались?!

– Хватит об этом. Скажи, ты знаешь про Пристанище, планету Навей, сектор смерти. И смотри мне в глаза!

– Нет! – выдохнул бледный.

– А про Систему?

– Какую еще систему?

– Система одна.

– Нет, ничего не знаю! – Бледный не врал, глаза его были прозрачны, красны, но не лживы.

– Если это миры не нашей Вселенной, значит, проход в них только через Осевое измерение? Через эту вот пуповину?!

– Ты забыл, есть прямые двери.

– Но никто не знает про них?!

– Может, кто-то и знает, – развел руками бледный. – Только не я.

Старый мир, Новый, свои Вселенные, чужие, Пристанище, Система, Преисподняя, которая по словам Авварона Зурр бан-Турга тоже везде и повсюду... может, Осевое это и есть преисподняя?! Нет, не сходится! Тут можно с ума сойти. И повсюду не счастье всяких внутренних уровней, пространств, измерений, ярусов, миров-веретен и черт-те чего! Прав был батюшка – нечего вообще высываться из своей берлоги, незачем уходить с Земли! Проклятье! Он никогда не доберется до разгадки... Иван вдруг похолодел. А может, никакой раз-

гадки вообще нет? Ведь Мироздание бесконечно и вечно – одно свивается с другим, порождает новые формы бытия, переходит в другие измерения – и нет тому конца?! И плевать! Сто раз плевать на все! Но есть один вопрос – это Дверь, расстреклятая тайная «дверь» из мира в мир, из пространства в пространство! Через нее начнется Вторжение... начнется лютая, беспощадная резня. Миллионы людей будут погибать в страшнейших муках... и их призраки, их души, как ни называй, будут проникать сюда, будут впитываться Осевым, и будут вечно блуждать в нем. Так ли? Да, ежели уничтожение человечества будет вести исключительно Система. Но ведь и Пристанище жаждет того же! Черное Благо алчет крови миллиардов... и не только крови. Не просто убить. Но и погубить! То есть, лишит души, отправить ее в пропасти преисподней или вывести вовсе, обратить в ничто! Это самое страшное – никакой памяти, никаких блуждающих призраков, ничего, полное забвение и абсолютная необратимая смерть! Зачем тогда были тысячелетия истории созданных по Образу и Подобию?! Не останется и призрачного следа! Хватит об этом! Есть еще и другое, что заставляет его копаться в хитросплетениях и нагромождениях хаотически-безумного мироустройства. Это они! Света. Аленка. Лана. Он обязан их вытащить! Он погибнет сам, но не оставит их в чужих мирах. И первая она, Света, она все еще стоит над обрывом – мертвая, призрачная. И живая, теплая...

– Света-а-а! – закричал он неожиданно для себя. И она разом оказалась рядом, по правую руку.

– Ты звал?

– Да.

– Зачем?

– Я заберу тебя с собой! И этот приятель, – он кивнул на бледного, – поможет мне.

– Ее нельзя забрать отсюда! – захрипел тот. – И не думай! Она мертва! Осевое ее не отдаст!

– Отдаст! – упрямо процедил Иван.

Она неожиданно прильнула к нему, прижалась горячим, неестественно горячим телом, обвила руками.

– Ты ведь не обернешься опять упырем? – ласково спросил Иван.

– Нет, любимый, – ответила она шепотом, на ухо. – Я никогда и не превращалась в него. Это все шутки Осевого. Оно издевается над чужими, оно гонит их из себя, оно боится их...

и потому оно вырывает меня из твоих объятий, и подсовывает мерзких тварей чужих миров, призраков-оборотней, чудовищ, оно умеет это делать, а я рвусь из туманного болота, из этого тоскливого плена... и не могу придти к тебе. Это страшно! Держи меня, не выпускай!

– Ты пойдешь с нами! – сказал Иван еще тверже. – Но он не все мне сказал.

– Я сказал все! – перепугался бледный.

– Нет! Ты не сказал, кто ведет проект в Осевом, кто тут хозяйничает? И для чего, с какой целью?!

Бледный засуетился, заерзал, снова стал рвать неподдающийся ворот и с тоской поглядывать на скалу, в которой скрывалась Дверь. Наконец выдавил еле слышно:

– Мы пешки, мы рабы! Еще хуже чем рабы...

– Я про другое спрашиваю! – резко оборвал его Иван.

– Над нами был Рогов. Он выдавал все приказы и распоряжения, через него шли инструкции и прочая канитель. Еще с нами работали восемь инструкторов... больше ничего не знаю.

– Врешь! – Иван готов был убить секретника.

И тот понял это. Он сполз с камня, встал на колени и неожиданно зарыдал – громко, всхлипывая и обливаясь слезами, будто огромный напуганный ребенок.

– Надо было его сразу убить, – тихо проговорила Света. Она стояла, прижавшись к Иванову плечу бедром. А он сидел в той же позе, застывшим, недобрым истуканом.

– Я все выложил! – начал наконец оправдываться бледный. – За что меня убивать?! Еще, правда, болтают, что Проект финансируется не только из бюджета России, но...

– Что?!

– Синклит финансирует все работы! И вся информация утекает туда! Так болтали, но это слухи, никаких подтверждений нет!

– Все ясно! – выдавил Иван обреченно. – Теперь веди к двери!

– Пошли, пошли, – обрадовано зачастил бледный.

И быстрехонько, маленькими шажками заспешил к скале. Иван со Светой двинулись следом. Ивану все становилось понятным. Так было и прежде – Мировое Сообщество частенько загробало жар чужими руками, выводило, вынюхивало, заставляло на себя работать всех и повсюду, одних покупая, других запугивая, третьих охмуря велеречивыми раз-

глагольствованими о «благе цивилизации», «едином вселенском и земном доме», «общечеловеческих ценностях». Иван знал одно, что у Мирового Сообщества были свои ценности, ради которых оно, не задумываясь ни на миг, будь у него сила и возможности, свернула бы шею всему остальному «человечеству». Правда была в этом, а не в пустопорожной, отвлекающей болтовне о «гуманизме». Значит, и здесь так получилось – они на горбу у России пролезли в Осевое! Они хозяйничают здесь! А следовательно... «двери» и «дверцы» могут распахнуться по желанию Синклита. Не само человечество, не сорок пять с лишним миллиардов землян, разбросанных по Вселенной, будут решать свою судьбу, а кучка этих изолгавшихся и пресыщенных вырождков!

Он не хотел верить в то, что происходило. Он не мог в это поверить. Уже много веков Великая Россия была оплотом Добра и Справедливости – Она одна, преодолевая трудности и тяготы, избавляясь от сонмов все новых и новых врагов, неся на своих могучих плечах чудовищную ношу всего не успевающего за ней человечества, озаряла Вселенную, хранила Божью Свечу среди пропасти мрака и ужаса, являла собой силу созидающую и творящую, ибо сам Творец создавал детей своих и сыновей Ее по Образу и Подобию Своему – творцами и созидателями. Она одна хранила мир и покой во Вселенной, не давая вырождакам-разрушителям вторгаться в естественный эволюционный процесс, ибо любая революция, творимая этими вырождками, есть насилие над миром, над людьми, над справедливостью... И вот теперь вырождки не просто прокрались в ее огромное и доброе сердце, но и управляют ею, руками ее делают свои черные дела. Проклятье! Слишком долго он блуждал среди звезд! Слишком долго был вдали от своей Матери! Но не в нем дело! Самое главное в том, что все миллиарды россиян, и здесь и там, на Земле и в Космосе, ничего не знают – они по-прежнему убеждены, что все неизменно, что Великая Россия столь же сильна и добра, могуча и справедлива, что мудрые и праведные правители блюдут Ее волю и Ее чистоту! И еще страшнее, что вера в Добро и Справедливость столь сильна в сердцах этих миллиардов россиян, что невозможно их переубедить, невозможно их заставить усомниться даже в праведности помыслов избранных ими на власть! Вот так и подкрадывается смерть – внезапно, исподтишка, изнутри. Будь то смерть человека отдельного, или смерть народа, нации, страны, смерть империи... Вползает она

незримо в здоровый еще и сильный, неподвластный хворям и недугам организм – вползает вирусом, бациллой, невидимым паразитом-убийцей – и начинает творить свое страшное, разрушительное дело. И убивает она. И знает, что безнаказанна будет, ибо не найдется мстителя, ибо рожденные творить и созидать не мстят... Проклятье!

– Вот здесь! – бледный остановился. – Дай мне лучемер!

– Еще чего, – окоротил его Иван.

– Тогда сам прожги круг, отсюда и досюда... – бледный махнул рукой, но сразу отдернул ее.

– Будь по-твоему!

Иван выставил регулятор на самый слабый бой. Поднял лучемер.

Полуметровый слой камня осыпался осколками, пылью, открыл глазу большой черный экран. Иван уже испытал на себе как-то действие точно такого же. Но тогда на нем кривилось и злилось сморщенное лицо старика.

– Это и есть Дверь? – спросил он на всякий случай.

– Она самая!

– И куда мы через нее должны попасть?

– В Желтый шар.

– Что это?

– Это наша тюрьма! Нас оттуда никуда не выпускают, сволочи!

– Разберемся, что это за тюрьма, – заверил бледного Иван.

– Поздно будет. Они убьют. Лучше оставайся здесь. Иван пристально поглядел на секретника.

– Ты что хочешь сказать, – с вызовом переспросил он, – что меня, русского, в нашем русском отделении Дальнего Поиска, посреди Великой России убьют свои же русские?

Бледный кивнул.

– Убьют, – повторил он. – И кстати, там заправляет нерусский. Его зовут Сван Дэйк.

Иван усмехнулся, качнул головой.

– Четвертый сектор Центра Ай-Тантра, Лас-Римос, Объединенное Мировое Сообщество?! – спросил он.

– Откуда ты слыхал про Ай-Тантру? – удивился бледный.

– Да вот встречал уже одного Дэйка, только его звали Рон.

– Где встречал?

– В Пристанище. Ему там хорошо, и он не собирается возвращаться в свой Центр.

– Про Пристанище я ничего не знаю, – снова зачастил бледный. – А про Ай-Тантру Сван говорил чего-то, пугал нас, говорил, дескать, там еще хреновей! И говорил, что у него там братец сгинул.

– Хоть бы они все сгинули! – не выдержал Иван. И повернулся к Свете. – Сейчас мы пойдем туда!

– Я готова! – откликнулась она сразу, ни секунды не колеблясь.

– Но с тобой может случиться всякое, – предупредил Иван.

– Я знаю.

– Она не проскочит барьер! – выкрикнул бледный. – И вообще, у нас инструкция – хвост на Землю не приводить, иначе смертная казнь!

– Не ври! – сорвался Иван. – В России нет смертной казни.

– В Желтом шаре есть! Пятерых повесили при мне, на глазах! Они орала, плакали, просили пощады. А их все равно повесили. Но они никого не проводили, они просто пронесли несколько гранул сипридриума и не сдали его сразу, они забыли... всех повесили!

– Что еще за гранулы?

– Я толком не знаю, их используют в перемещателях.

– Ладно, – Иван вдруг подобрел, похлопал бледного по плечу. – Не волнуйся – повесят они тебя в Желтом шаре или не повесят, это еще бабушка надвое сказала. А я кой-кого здесь точно прикончу, если вредить будет. Говори, что надо делать, как дверцу открыть?

Бледный засунул руку в подмышечный клапан, вытащил что-то и поднес к Ивановым глазам на ладони.

Черный кубик! Только втрое меньше. Иван даже опешил.

– Ну и что? – спросил он.

– Ничего, – ответил бледный. – Надо встать там и прижать эту штуку к коже.

– И уйдешь один? – в голосе Ивана сквозило недоверие.

– Нет, уходят все, кто стоит там.

Бледный говорил отрешенно и вяло, он будто уже был приговорен и отвечал «с петлей на шее». Его можно было понять. И потому Иван предложил:

– Если хочешь, сам оставайся здесь, а мы пойдем в твой шар.

– А это? – бледный снова разжал ладонь с кубиком. – Отдать вам? Тогда я не выберусь из проклятого Осевого! Мне уже осточертели призраки!

Словно в подтверждение его слов, молочный туман поднялся выше, лизнул вялым клочковатым языком грудь бледного – и из мельтешащей белизны выявились призрачные корявые руки, потянулись к горлу. Бледный вздрогнул, зажмурился.

– Если начинаешь бояться их, – оправдался он, – то они обретают силу, материальность... могут задушить, растерзать. Но всегда потом воскресает. Боль дикая, все взаправду... Я привык не реагировать. Но иногда срываюсь. О, если б вы знали, как я тут намучился!

– Вот и уйдешь с нами. Становись!

Иван занял место перед экраном. Он обеими руками держал Свету. Она прильнула к нему горячим телом, дрожала, не могла вымолвить и слова.

– Дай мне твою ладонь, – попросил Иван шепотом.

Она дала, он накрыл ее своей ладонью, вдавив в горячую кожу свой черный кубик, ретранс. Сжал руку крепче, чтобы она не смогла выдернуть.

– Иван, – прошептала Света еле слышно, обдавая жаром – она вся горела будто в лихорадке. – Я должна сказать тебе, должна признаться... ведь мы можем погибнуть, или я одна погибну, или Осевое не отпустит меня... но я хочу, чтобы ты знал – я не только здесь.

– Как это не только?! – не понял Иван.

– Эти пространства и измерения издеваются над нами, они делают, что хотят. Я чувствую, давно, после... – она хотела сказать «после своей смерти», но осеклась, – после Малинового Барьера я распалась на части, будто раздвоение или расстроение, я не знаю, но другие мои части попали в другие миры. Я это точно знаю, только не могу понять – куда, как, почему? Я их иногда чувствую, будто они подходят ко мне вплотную в темноте, касаются меня, чего-то хотят сказать. Но не могут, я их не слышу. Но они есть. Если я погибну, умру, помни, что я не вся погибла, не вся умерла... ищи меня, Иван!

– Ну-ну, успокойся, – он пригладил ее растрепанные русые волосы, прижал сильнее к себе. – Был у нас один такой раздвоенный, нигде он не умер, не погиб. Я тебя еще с ним познакомлю, это он меня вытащил с Гиргеи, из подводного

ада, а зовут его Кеша, Иннокентий Булыгин, рецидивист, ветеран, отличный парень... Гляди, что это?!

Туман тянул к ним свои страшные неосязаемые лапы. Он уже поднялся до груди, норовил забраться выше – живой, страшный, призрачный туман, скопище страждущих, блуждающих в этом чистилище неприкаянных душ. Нагнетающий, надсадно-давящий вой исходил из самой гущи молочной пелены, будто тысячи, десятки тысяч демонов рвались из невидимых пут, жаждали овладеть чужаками, людьми... Не думать о них! Не смотреть! Не притягивать к себе! Их нет! И не будет никогда! и не было! Поздно! Страшные, полуразложившиеся, истлевающие руки, цепкие пальцы тянулись к людскому теплу, впивались в горло, рвали одежду, они становились все сильнее, все острее и цепче, они уже царапали кожу, они обретали материальность. Иван видел, как душили, как терзали несчастного бледного секретника, как тот кривился, дергался, пытался бежать, но не мог решиться.

– Быстро! Становись! – рывкнул Иван. И поднял лучемер.

Бледный, отмахиваясь от призраков, шагнул вперед.

– Давай!

Иван сам ощутил волну страха, панического, чудовищного страха, исходившего от бледного. Этим страхом он оживлял призраков, давал им силу лютую и дикую. И они рвались из белых, туманных пут Осевого. Они рычали и истошно вопили! Они визжали, тараша бессмысленно-злобные глазища, они жаждали живой плоти и крови. Это было невыносимо, от этого можно было сойти с ума. Но бледный все не решался. Ему смерть грозила со всех сторон.

– Давай! Жми!!! – озверел от ярости Иван.

Он ухватил бледного свободной левой рукой за ворот, рванул на себя. И так посмотрел в его глаза, что тот решился, сжал черный крохотный кубик.

– Это конец, – просипел он сквозь мертвенно-белые, плотно сжатые губы.

Экран вспыхнул черным внутренним пламенем. Полыхнуло заревом еле различимого зеленоватого огня. Адски заверещали, зазудели, загомонили призраки, истекая с камней и скал вниз, в долину. И все погасло. Ивану показалось, что он ослеп. Только Света прижалась сильнее, вздрогнула... но не пропала, как в прошлый, как в позапрошлый раз. Нет, она была рядом. Осевое выпустило ее!

Иван повалился на холодный слизистый пол, пытаясь удержать ее, Светлану – свою жену, мертвую, погибшую много лет назад, блуждавшую в чистилищах Осевого, но ожившую, вытащенную им из ада, и потому особенно дорогую, любимую, родную. Где-то позади упал бледный, выругался, застонал, заскрипел зубами.

Но Ивану было не до него.

Они лежали и впрямь в огромном желтоватом шаре, пустом, гулком, холодном, покрытом изнутри сетями проводов и сочленений. Не обманул бледный! Но не это сейчас волновало Ивана.

– Что с тобой, Светка?! – закричал он в полный голос. – Что-о?!

Он держал ее за плечи и ощущал, как уходит жар из ее тела, как выходит последнее тепло. Она умирала. Она менялась на глазах, становилась изможденно-худой, полупрозрачной, страшной. Она хрипела:

– Это я, Иван! Ничего не бойся, это я! Я уйду!

– Куда? В Осевое?!

– Нет! Ты вытащил меня из Осевого, ты спас меня...

– Нет! Я погубил тебя! Я тебя погубил!!!

Иван был готов биться головой о железный пол. Она умирала страшно, в корчах, в муках – она превращалась в прозрачного, извивающегося безглазого призрака, почти такого, какой пил из него кровь, рвал тело тогда... давным-давно. Но голос был ее:

– Ничего не бойся! Я уйду в другой мир... не в Осевое! Я тебе говорила! Я соединюсь с собой! Не пойся! Мне еще рано на Землю... Земля не принимает меня. Но я вернусь! Ты спасешь меня, как сейчас, как сегодня...

– Нет! Не-ет!!!

Иван тряс ее, вернее, он тряс это хлипкое, слизистое, расползающееся месиво. Он пытался вернуть ее к жизни. И ничего не понимал. Куда она уходит?! Зачем?! Почему?! Нельзя!

– Не-е-ет!!! – закричал он нечеловечески, жутко.

Но ее уже не было. Слизистые останки призрака истекали в ложбинки ребристого металлического пола, испарялись, превращались в ничто. Она умерла, она погибла – как и говорила, не надо было накликивать на себя беду! Как все это невыносимо, страшно! Иван встал на колени, глухо застонал, обхватил виски. Она ушла. Но все же он вытащил ее из Осевого. Вытащил!

– Я говорил, что ничего не выйдет, – пробубнил из-за спины бледный.

Он сидел на полу, потирал разбитое колено. Вид у него был жалкий, пришибленный.

– И где мне теперь ее искать? – безвольно спросил Иван, обращаясь к пустоте.

Ответа не последовало. Лишь через минуту бледный снова подал голос:

– Сейчас «карантин» кончится. Приготовься! Ивана уже ничто не интересовало. Он ощущал себя роботом, машиной. Он неохотно поднялся на ноги, поправил лучемер и броней. Потом нагнулся опять, подобрал оброненный ретранс. Вздыхнул тяжело.

– Оружие на пол! – прогремело сверху.

– Бросай, а то не откроют, не выпустят, – посоветовал бледный.

– Не выпустят – сами выйдем, – глухо проговорил Иван. Но оружие аккуратно положил под ноги.

Не было ни скрипа засовов, ни визга лифтовых перегородок – сразу образовался провал в пяти метрах от них, из провала полыхнуло искусственным зеленым светом, полыхнуло успокаивающе и мягко.

– Теперь надо вниз, – сказал бледный.

– Надо так надо!

Иван в странном прыжке, изогнувшись, вскинув ноги вверх, подхватил оба ствола и сиганул вниз. Он еще не знал, что там его ожидает. Но в падении сжег двух андроидов и одного человека, пытавшегося поднять парализатор. Больше никого в «зеленом подвале» не оказалось. Он осмотрелся, обнаружил два зрочка сфероидных камер. Подвал под наблюдением, значит, скоро пришлют охрану. Но обратно пути в любом случае нет... Как это нет? У него в клапане лежит ретранс, значит, он может хоть сейчас выбраться отсюда. Только бледного жалко. Да и побеседовать бы кое с кем не мешало.

– Эй, наверну, заснул, что ли? – крикнул он.

Бледный спрыгнул вниз. Руки у него дрожали, по лбу струился холодный пот.

– Зачем ты это сделал? – спросил он прерывистым сиплым голосом. И указал глазами на трупы.

– Ты ведь не хочешь, чтобы тебя повесили?

– Нет.

– Вот и я не хочу!

Иван бросил бронебой бледному. Тот поймал на лету за ствол. От неожиданности растерялся.

– Теперь будешь сам себя защищать, не маленький, – пояснил Иван. Он широко раздувал ноздри, приюхивался. Сонный газ не имеет запаха, обычный смертный его не учует. Но их учили, он сразу понял – не хотят устраивать драку в шаре, проще усыпить. Точно! Уж слишком свежим становится воздух, прямо нектар воздушный.

– Ты чего это? – испугался бледный.

– Сколько сможешь не дышать? – спросил Иван.

– Чего-о?

– Сколько, я спрашиваю?!

– Две минуты.

– Вот и не дыши, понял! Все! А то – петля!

Бледный зажал нос. Он ничего не понимал. Но в петлю ему не хотелось. У него была одна надежда на спасение – сдать этого террориста своим. Сдать! Он набросился неожиданно, сзади, приставив бронебой под затылок. И это стало его последней ошибкой. Иван одним ударом, не оборачиваясь, переломил и левую, и правую ноги бледного, перепуганного парня. Вторым ударом сломал грудную клетку – труса еще можно простить, но предателя никогда. Да и маяться меньше будет, все ж таки не в петлю лезть при всем честном народе. Эх, бледный, бледный!

Он не дышал уже полторы минуты. Но газ проникал и сквозь кожу. Надо срочно что-то делать, не то будет поздно! Створки люка над головою давно сомкнулись, рваться наверх бесполезно, тем более, что он уже был там, в железном гулком шаре. Можно уйти. Так и тянуло вытащить ретранс. Но рано, еще рано... Иван вдруг увидел зеленый глазок-индикатор, подбежал к стене. Так и есть, биосторож. Только бы успеть. Он ринулся к поверженному человеку, начал шарить по карманам-клапанам. Ничего нет. Ага, вот! Левая рука сжата, в кулаке – шарик на цепочке. Это пропуск. Отлично! Уже лет двести на всех особо важных объектах пропускная система, реагирующая на завитки кожи, зрачок, запах, тонкие поля человека, была запрещена – все это подделывалось запросто. Но подделать ежеминутно меняющуюся кодировку кристаллического «пропуска», настроенного только на евро «дверцу», было невозможно. Быстрее! Они следят за ним, они могут убрать его в любую секунду, они уже наверняка знают о нем все! Быстрее!

Иван сорвал цепочку, прыгнул к индикатору, вдавил шарик в глазок. Контакт! Сработало. И он провалился еще ниже – сразу на три яруса, но провалялся мягко, в гравиполе спуска-подъема. Значит, все нормально! Значит, они пока не включили системы особого реагирования. Ну и пусть! Это их ошибка. Он не виноват.

– На пол! – заорал он не своим голосом двум диспетчерам-смотрителям.

Это народец безобидный, по ним палить нет нужды. Оба рухнули будто мертвые.

Теперь только вперед! Он вскинул оба ствола, прожег одну перегородку, другую, третью, за четвертой пустил в ход бронейбой – биороб-охранник разлетелся в куски. Сжег две парализующих сети, попал на миг в «поле контроля», вырвался! Вперед! Он знал все действующие на Земле системы и системы систем защиты, и он опережал их – то, что уже двадцать раз остановило бы, усыпило, заморозило или расплыло любого из инопланетных или земных суперразведчиков, уничтожалось им, прежде, чем срабатывало. Первым, надо всегда наносить удар первым! Вот так! Еще разок! Тройное сигма-поле он проскочил шутя, сбив ритм генераторов. Эх, наладчики! Салаги! Если бы они добавили что-то от себя, ему бы пришел конец, крышка, но они все выставляли по инструкциям, «по уставу». Ну и ладно, ну и хорошо!

Когда Иван выкатился на зеленую подземную лужайку, он сам себе не верил. Прошел! Сейчас там, за спиной трескотня, суета, облавы, розыски, дурь, шум, гам... никто никогда не поймет, что случилось, потому что ни одно живое или неживое существо не сможет преодолеть всех рубежей защиты. Ну и плевать! Главное, сейчас не ошибиться. Ведь этот гад наверняка уже бежит туда. Тут только нюх, только интуиция!

Иван нырнул под смотровую сферу, включил анализатор. Так и есть, жилой сектор, третий ярус, поверхность совсем близко. Регенерационные ячейки. Блок управления извне, запасной блок с «малым выходом». Хорошо. Теперь надо не мешкать. Он выскочил наружу, в три прыжка проскочил лужайку, пролез в силиконовый круг, отлично! Гравиполя подхватили его. Надо только задать направление! В этих структурах двенадцать плоскостей и шесть вертикалей. Ага! Верно! Его выбросило возле блока УИ. Тройной люк...

Иван лоб в лоб столкнулся с невысоким лысым толстяком, прямо-таки боровом на человеческих ногах. Это он? Он! Одним

ударом он вбил борова в блок. Коды! Заглушки! Блокировка! Зеркальный отвод! Все, их никто не видит, никто не слышит. Иван мысленно похвалил себя, не забыл, черт возьми, кое-что из особой программы, не забыл! Правда, хвалить надо наставников из «кальфы». Но когда с ними встретишься?! И где они сейчас?! Ладно, рано еще расслабляться.

Боров попробовал подняться. Но тут же полетел к противоположной стене, опрокинутый ударом ноги. Иван и не думал церемониться с ним.

Сам он медленно опустился на терилоновый черный шар – тот стал удобным, но жестким рабочим креслом, облепил севшего. Ствол лучемета поднялся на уровень дынеобразной головы и застыл.

– Не ожидал? – спросил Иван добродушно. И добавил: – Сван Дэйк!

Боров выпучил маленькие глазки, привалился спиной к стене. На поясном ремне у него висел парализатор ближнего боя с лазерно-тепловой наводкой. Но боров и не думал сопротивляться, расклад сил был явно не в его пользу.

– А я к тебе с приветом от твоего брата.

– Мой брат погиб во время переброски в сектор смерти, – процедил боров сквозь зубы. Говорил он по-русски с легким акцентом, значит, учил его не здесь, а в Сообществе, там плюют на мелочи, там система иная.

– Братан твой в Пристанище, – заговорил Иван, пристально глядя на инструктора, изучая его, – на планете Навей. Ты ведь слышал про Альфу Циклопа?! Он в многопространственном сложном мире, он ушел от тех, кто его туда забросил. И не собирается возвращаться назад. Да он и не сможет вернуться, потому что его воплотили. Ты знаешь, что такое воплощение? Нет?! Это почти бессмертие. Вот так, Сван, твой братец стал почти бессмертным, он переживет всех нас и саму Землю. Но это еще не все, он может присутствовать сразу в разных местах, потому что он существует во множестве ипостасей. Ты еще не начал завидовать своему «умершему» братцу, а?!

– Нет! – выдавил боров. – Люди из Ай-Тантры все равно тебя прибьют, каким бы ты ни был суперменом. Я тебе советую поднять лапки вверх и выйти отсюда со мною. А пушку свою брось, не нервируй меня.

– Что, нервишки слабые?

– Слабые! Я шуток не понимаю...

Иван не дал договорить наглецу. Он ударил прикладом, наотмашь по жирной груди – хлестко и звонко, не для битья, а в урок. Боров сразу замолк, ушел в себя. Братом, похоже, он не интересовался.

– Ну ладно! Тогда у меня к тебе есть пара вопросов! – сказал Иван. – Будешь молчать, пристрелю как шакала!

– Убивай сразу, – прохрипел боров по имени Сван Дэйк.

Иван заглянул в маленькие глаза глубже. Да, этот будет молчать. Тут надо иначе. Тут надо наверняка. Он вновь сосредоточился. Он обязан войти в него, лишить воли, заставить говорить. Только так! С подобными негодьями нельзя по человеческим законам.

Иван медленно превращался в «алмазную палицу Индры». Он обязан был подавить сопротивление. Времени оставалось мало. И вот он уже не сидел в шаре-кресле. Он лежал у стены, он был Сваном. Но только частично. Он изнутри ломал барьеры самозащиты, подавлял сознание – барьер за барьером, вот так! только так! но пора! пора возвращаться!

Когда его сознание, сверкнув напоследок всеми алмазными гранями исходящей из полутрупа палицы, вырвалось наружу, когда оно вернулось в покинутое на миг тело, глазки у борова по имени Сван Дэйк подернулись мутью, утратили злость и упрямство.

– Вот так, – устало процедил Иван, оттирая пот со лба. – А теперь мы продолжим беседу. Кто тебя заслал сюда?

– Центр Ай-Тантра, – механически выдавил боров.

– Это верхушка айсберга. Кто под ней скрывается?!

– Двести двенадцатое отделение черной грани – спецсектор нижнего яруса Синклита, отдел подавления восточных областей.

– Вот как, восточных? – в раздумье, обращаясь к себе, проговорил Иван. – И давно он существует?!

– Всегда, – ответил боров.

– Цель Проекта?

– Изучение основных характеристик и параметров Осевого измерения и использование последнего в интересах Федерации.

Иван тихо засмеялся – как глубоко вдальбливают «обманку», даже в бессознательном состоянии этот негодяй бубнит то, что велено бубнить.

Он нажал:

– Основная цель?!

Мясистое лицо исказилось гримасой страдания, боли.

– Полный контроль над Осевым и включение его в периферийную зону Сообщества. Поиск переходных шлюзов во Внешний мир. Установление контактов с цивилизациями Внешнего мира...

– С какой целью?!

– ...с целью упрочения единой модели мира в Федерации и устранения поляризации в ней.

– То есть, полного подчинения России и ее внеземных областей?

– Да.

– Кому?

– Синклиту.

– И вы проводите этот Проект руками России и на ее же средства?!

– Да, утверждена наиболее рациональная программа.

– Ясно! – Голос Ивана звучал сухо. Последние сомнения развеялись. Но душа отказывалась принимать в себя то страшное, черное, гнусное, подлое, что исходило из этого бора и из всего Сообщества. И вскормишь ты врага своего и убийцу своего на погибель себе. И не будет беспощаднее и злее к тебе чем вскормленный из рук твоих. Верно Гуг говорил, простота – она хуже воровства, в сто крат хуже! Но надо продолжать, надо допрашивать это дерьмо, ничего не поделаешь. – Дополнительные цели проекта?!

– Уход посвященных во Внешний мир. Уничтожение астральной субстанции в Осевом...

– Ну а это еще зачем?!

– Предотвращение исхода тонких тел и энергий из субъектов нашей Вселенной в случае ликвидации данных субъектов, предотвращение перехода упомянутых субстанций в Осевое измерение и накопления их в объемах данного измерения, обеспечение необратимости процесса санации и очищения Пространства для заселения его новыми формами цивилизаций, установление нового вселенского порядка...

– Все! Хватит! – не выдержал Иван. – Заткнись, сволочь!

Он не хотел верить себе. Не мог! Но теперь убеждался в правоте собственных догадок. Это схватка не на жизнь, а на смерть. Они всех уничтожат! Всех убьют! Но им мало убить! Им надо погубить, надо уничтожить не только тела, но и души, чтобы «обеспечить необратимость процесса»! Сволочи! Боров не мог врать.

– Встань! Очнись!

Иван ударил прикладом в жирную, омерзительную харю резидента. Скривился, будто коснулся рукой гадины.

Сван Дэйк пришел в себя почти сразу. Глазки налились кровью, ненавистью. Он уже понял, что пощады не будет. Он пытался встать.

Но Иван не дал ему этого сделать, еще одним ударом он повалил борова. Потом захлестнул толстые ноги у самых лодыжек петлей, сделанной из микротроса карманной лебедки-подъемника, забросил конец наверх, за кронштейны верхних мониторов, вздернул борова, не включая движков, полтора центнера вонючего мяса и костей! Теперь мясистая рожа покачивалась в полуметре над черным поблескивающим полом.

– Получай, скотина!

Иван пнул ногой багровеющую, наливающуюся черной кровью морду. И снова опустился в жесткое кресло. Через десять, самое большее, пятнадцать минут этого «инструктора» хватятся, сюда прибегут охранники, персонал. Надо управиться раньше. И надо управиться еще кое с кем. И потому разводить политесы некогда, не время!

– А теперь, гнида, когда ты в трезвом уме и доброй памяти, ты мне четко и ясно ответишь на каждый вопрос, понял? Отвечать быстро и коротко! Кто еще из ваших в Желтом шаре? Имена. Должности. Где они сейчас?!

– Пошел ты! – процедил боров. Его лицо было залито кровью и потом. Но он еще держался.

– Хорошо! – Иван вскинул лучемет, дал самый малый, вскользь.

Тройной комбикостюм из светло-голубого пластика, обволакивающий жирное тело, начал темнеть, потекли первые горячие капельки, пластикон не был рассчитан на воздействие трехструктурной плазмы. Раскаленные струйки заливали грудь, шею, мясистые щеки.

И вот тут боров заверещал – пронзительно, мерзко, по-свинячьи. Иван даже подумал, не переборщил ли он. Но из визга вдруг выделилось нечто не сразу уловимое, но членораздельное:

– Все-е ска-а-ажу-у-у...

– Быстрее!

– Гон Снакерс. Инструктор. Третий уровень, блок ХХ-2. Родер Гат. Инструктор. Третий уровень, блок «гамма», сектор 7. Мальга Рова. Советник. Там же. Булан Ольхов. Ведущий

программы. Первый уровень... – он называл фамилию за фамилией.

Иван считал – десять, пятнадцать, восемнадцать. Восемнадцать посвященных! Восемнадцать агентов и резидентов, открыто работающих против России. А времени в обрез! Четверо чужие. Остальные свои, русские – гады! предатели! подонки! Ладно, успеется, все успеется!

– Отпусти меня! Я лопну! Я не могу больше! – верещал боров.

Иван видел, что Свану Дэйку и впрямь несладко. Один глаз уже вытек – не выдержал давления, из ушей сочилась кровь. Но он знал, на что шел. Прекрасно знал! Ничего, потерпит еще немного.

– А теперь быстро называй резидентуру в Совете безопасности и в Правлении. Ну?!

– Не-ет! Не знаю! Я не посвящен... правда!

– Они там есть?!

– Есть! Есть! Они проводят все программы! Отпусти меня-я!!! Я больше не могу... – боров задыхался, терял сознание. Но Иван не давал ему отключиться, он усилием воли держал борова в сознании, это было и тяжело и противно, но так было надо. – В Правлении их много, две трети, самое меньшее две трети... Но я не знаю имен, не посвящен!!! Отпусти-и! Я хочу жить!!!

Леший! Ускользящий, подлый леший, внутри которого голый червь с прозрачной головкой и высвечивающимся мозгом. Это там, в Пристанище! Рои Дэйк! Воплощенный и почти бессмертный. Резидент Ай-Тантры. Иван будто наяву видел его лицо – странное и страшное, уже почти нечеловеческое. Значит, они и там! Они внедряют своих резидентов повсюду... и имя им – легион! Это непостижимо и невыносимо. Отряд «Сигма-Н». Проект Визит Вежливости. Четвертый сектор Ай-Тантры находился в Лас-Римосе. Ну и что? Эти сектора разбросаны по всему свету. Надо бить в голову. Но уже поздно. Ай-Тантра мелочь, поверхностная мелочь. Синклит! Антарктический город-дворец, уходящий на километры вглубь. Центр? Одна из резиденций? Скорее всего, последнее. Нет, надо делать дело... так, как решил. Другого пути не будет! Все пути-дорожки отрезаны! Они приперли его к стенке... и бросили, он им не страшен. И он сам припер себя к стенке! Так почему же Рои Дэйк, почему этот леший Пристанища хотел его убить? Подлинно воплощенному было бы сто раз напле-

вать на какую-то там земную букашку, на тлю смертную! Нет, значит, он, и воплотившись, продолжал работать на Ай-Тантру, на Синклит... и еще черт знает на кого. С ними надо иначе.

– Ну ладно. Хватит! – устало вымолвил Иван. – Пора тебе, гадина, возвращаться в свою обитель, домой, в преисподнюю. Прощай!

Приклад лучемета в каком-то неуловимо-изящном движении коснулся жирной спины висящего, хребет переломился – и боров обвис мешком, вывалившийся язык едва не доставал черного поблескивающего пола.

Уходить из шара, из его тройной оболочки, не повидав остальных работников спецслужб Сообщества, Иван никак не мог. Но сил оставалось мало. Он проглотил подряд три стимулятора, воспрял. Надо! Надо вывести эту нечисть! Даже зная, что любая шальная или пущенная именно в него пуля, любой сноп излучений, плазмы, сигма-энергий может стать для него завершающей точкой, нож, сеть-парализатор, умелый удар – только один, и нельзя рисковать! Но если не рисковать... тогда и браться за дело нечего, тогда... Нет! никаких тогда!

Еще полчаса он потратил на агентуру Синклита – Сван Дэйк не обманул, перед смертью мало кто обманывает. Иван доставал их по одному и, не тратя ни времени, ни слов, отправлял вдогонку жирному борову, которого Харон уже наверняка перевозил через унылую реку Стикс. Правда, дрогнула рука, когда добрался до Мальги Ровы, все ж таки женщина... но заглянув поглубже в зеленые глаза стареющей блондинки, понял – таких стерв земля не должна носить, тем более, земля родимая, российская. Змеи подколотные! Гадины! Таких только в ад! только в преисподнюю! теперь уже не время следствий и судов! раньше надо было... Он сжег блондинку – она и не сообразила, что же происходит, как ее не стало, только распыленные в воздухе молекулы да атомы, которым уже не воссоединиться никогда в ее образ. Чище! Чище становится на родимой сторонushке. Иван почти физически ощущал это, хоть плачь от умиления. Но некогда!

Во всех сферах, на всех этажах и уровнях Желтого шара и примыкающих к нему помещений царил кошмарная суэта. Такого переполоха здесь отродясь не видывали. Ну и пусть. Иван знал, что если его не взяли сразу, то в этой дикой кутерьме его не возьмут никогда. Он победил. Но он не будет ожидать лавров и венка победителя. Они даже не узнают, что

на их «особо важном объекте» малость пошуровал свой брат десантник, только классом повыше, но свой... они будут ругать его, будут проклинать за разрушения и смерти, и они, скорей всего, не узнают, что он их спас, что он остановил разрушительный для страны Проект, вывел под корень инструкторов-резидентов... Нет, тут благодарностей не дождешься!

– Ну и ладно, – вслух опечалился Иван. – Ну и пусть.

Он достал ретранс. Пора.

На этот раз его так ударило о стену, что ребра затрещали. Ствол бронебоя врезался в живот, даже в глазах смерилось. Иван застонал. Но выбросило его не в камере-палате, а в какой-то тесной и вонючей каморке с низким потолком, каких не делали уже лет четыреста. Дверей в каморке не было, но было маленькое зарешеченное окошко. Иван пригляделся к решетке – слаба, в два рывка можно выдрать. Но само оконце мало, не пролезть. И почему его закинуло сюда?!

– Любо, братцы, любо, – пропел под нос Иван, – любо, братцы, жить...

Пол каменный. Стены каменные. Потолок каменный. Но ведь ретранс должен был сработать на возврат? Какой же это возврат?! Тюрьма. Плен. Заточение. И поделом!

Ивану неожиданно показалось, что за спиной кто-то стоит. Он резко обернулся... в самом углу каморки скрючилась чья-то черная маленькая фигурка, бесформенная и уродливая. Карлик Цай ван Дау? Но он должен ждать в палате, он не может оказаться здесь. Другой узник? Глупости, еще минуту назад здесь никого не было, Иван точно помнил, он пока не выжил из ума.

– Не гадай, не ломай попусту голову, – гнусаво и хлюпающе прокартавило изнизу, – это я, твой лучший друг и брат.

Капюшон, скрывавший лицо, чуть сдвинулся назад – проявился большой вислый нос, слюнявая безвольно-обмякшая нижняя губа, тусклый блеск желтушных белков. На Ивана в упор, наглым и одновременно обиженным взглядом смотрел Авварон Зурр бан-Тург в Шестом Воплощении Ога Семирожденного – нечистый посланец мира мертвых.

– Тебе еще не надоело быть собакой? – спросил Иннокентий Булыгин у оборотня Хара.

Тот не понял вопроса, потому что не знал, как это бывает «надоело». И потому Хар широко, по-собачьи зевнул. Он давно уяснил, что с Кешей разговаривать бессмысленно, одни

слова и никакой информации для троггов. Хар знал, что все эти люди, с которыми его свела не только судьба но и воля наисвирепейшей и единовластной королевы Фриады, затевают какое-то огромное и рисковое дело. Но ему приказано быть с ними. И он будет с ними. А Кешу он считал почти что своим, почти троггом.

– Тоже мне, – с издевкой проговорил Булыгин, – зангезейская борзая! Никаких борзых на Зангезее нет! Там одни подонки и бандиты!

– На Гиргее нет бандитов, – вставил Хар и почесал задней лапой облезлое ухо.

– Чего-о?! – Кеша поперхнулся. – Это на Гиргее-то, на этой поганой каторге нет бандитов?! – Он выпучил глаза.

– Среди троггов нет бандитов, – пояснил Хар. – Все другие лишние на Гиргее, мы их не считаем.

– А-а-а, – глубокомысленно протянул Кеша.

Хук Образина вошел с лязгом и грохотом, чуть не выпав из откидного стародавнего и ржавого люка. Хук все никак не мог придти в себя и напоминал ожившего покойника, и все это несмотря на неоднократные переливания крови, омоложение тканей, регенерацию и усиленную кормежку. Хук был бледен и страшен. Но сейчас глаза его горели, а нижняя челюсть тряслась.

– Ты слышал?!

– Чего?

– Нападение на особый объект объединения Дальний Поиск! В Арамчире! Не слышал?!

– Это што еще за объект? – спросил Кеша лениво, ему было плевать на любые объекты. Он скучал без дела.

Одна из наших баз, Кешенька! Банда террористов налетела, разгромила, ущерба на пять миллиардов, девятнадцать трупов в секторах обеспечения и один в пусковой зоне!

– Ну и хрен с ними!

Хук привалился спиной к стене бокса, сполз на корточки, откинул голову. Потом вытащил какую-то гранулу, проглотил. Хук был небрит и помят, но щетина недельной выдержки была почему-то зеленого, болотного цвета. Кеша хотел спросить – почему, потом раздумал, бог с нею и с Хуком. Несет околесицу, в себя не пришел еще, ничего – скоро оклемается, на дело вместе идти, ссориться нельзя.

– И по мне бы хрен с ними со всеми, Кешенька, – просипел Хук. – Но сам сообрази, откуда у нас тут, посреди Вели-

кой Расеюшки, заведутся террористы?! И кому, как ты выразился, на хрен нужны эти нападения и погромы?! – Хук Образина хрипел и сопел, будто из-за гробовой доски голос долетал. Но еще две недели назад он вообще ни на что не реагировал, только мычал и стонал. – Дело странное и непонятное, убей меня бог! И ежели бы наш Ванюша не сидел сейчас в психушке под семью запорами, я б сказал одно: его почерк! Он с юности незлобивый, отходчивый. Но коли работу работает, то на совесть...

Хар заинтересованно потянул длинную противную морду к Хуку Образине. Хар мог чують далеко. И он чуюл – Ивана сейчас на Лубянке, в подземной спецлечебнице глухих времен нету. А вроде бы и там он. Двоилось чутье у Хара. Но сам он не мог разорваться на две половины. Хар ждал.

– Это все ерунда! – подытожил Кеша, беглый каторжник и рецидивист. – Тут вот Гуг Хлодрик приходил, Буйный, так он уже обратно к себе полбанды переманил, вот это здорово!

– Здо-орово, – насмешливо просипел Хук. – Все ждут, все готовятся, стволов выше горла, спецнаряжения хоть задом ешь, боеприпасов на триста лет вперед, Дил, мать его раскудрявую, половину цепочки загнал, на стреме восемь капсул держит, на всех переходники и возвратники запас, купил с потрохами две трети земного шара, Крузя, друг забулдыжный, подпольную армаду охмурил, двести тысяч длинных ножей ждут сигнала, не за совесть идут, за добычу, но подмога важная, тридцать семь бронеходов в полном боевом на орбите висят, стосковалися все... а Ванюша, бомбомет ему в глотку, здоровьишко поправлять надумал, в спецбольницу оформился на постой! Охладеет народ, один останется!

Хук Образина встал, сплюнул, выругался и вышел.

– Ничего, – рассудительно заключил Кеша, – возвратится Иван. Вовремя придет.

– Уговор у нас с тобой был, – напомнил Авварон и ехидно ослабил. – А ты и позабыл, видать, про все?!

На Ивана пахнуло трупной вонью. Но он не показал виду. Улыбнулся.

– Ты, нечисть поганая, слова не держишь. А с меня требуешь?

– Твои же интересы блюду, Ваня. Тебе в Пристанище надо. Без меня не попадешь туда!

Иван потер ушибленный локоть. Потом разжал кулак и показал черный кубик, будто похвываясь перед карликом-крысенышем, перед колдуном и мерзавцем своей силой да мощью.

– Нет! Не попадешь, – прогнусавил Авварон.

– Сгинь, нечисть!

– Напрасно нервничаешь, Иван, я же пришел за долгом. А долг дело святое! – Авварон приподнялся и вдруг гнусенько, похотливо захихикал. – Гляди, а то твоя мертвая красавица, кою ты оставил во хрустальном гробе, не дождетя тебя.

– Дождется! – уверенно ответил Иван.

– Нет, не дождется! – настоял на своем Авварон.

Перед глазами у Ивана встало встревоженное, измученное лицо Светы. Одну он не уберег. Вытащил, называется, из Осевого... сгубил, негодяй. Не будет ему за это прощения. Никогда не будет! Но Аленка – она в надежной биочейке, она под такой защитой, что неподвластна никому! Она будет ждать его вечность. И дождется. Он придет к ней.

– Да, Иван, – сокрушенно, с явным притворством пронудил Авварон, – ты прав, она тебя ждала. Но вечность уже прошла! – Он не выдержал и торжествующе рассмеялся. Желтые, дурно пахнущие брызги полетели во все стороны. – Прошла, Ванюша, друг ты мой и брат!

– Врешь!

– Нет, не вру. Это тебе так хочется, чтобы я врал. А я не вру. – Авварон перестал ухмыляться, насупился и сказал с укором: – Не любишь ты правды, Иван!

– Издеваешься?!

– Как можно? Ты вспомни-ка, совсем недавно своему дружку ты показывал Систему. Я рядышком был, я все видел.

– И снова врешь, нечисть! – Ивана начинало трясти от нахальства этого карлика-крысеныша, готового вползти в душу червем.

Но смутить Авварона Зурр бан-Турга было невозможно.

– Я всегда рядом, Ваня, ты не сомневайся, за левым плечом твоим. Ты как почувешь нужду в чем, так оглянись налево, да позови только, мол, Авварон, друг сердешный! И я мигом отзовусь... вот тогда и поверишь. Ну это присказка, – Авварон надул щеки и даже подрос будто бы. – А я тебе твою ненаглядную показать хотел, как ты Дилу, Гугу-бандиту и Правителю вашему кривобокому Систему показывал, я ведь умею. Хочешь?!

Соблазн был сильный. Но Иван знал, этот колдун-телепат может запросто не правду показать, а наведенный морок, только запутает, охмурит, своего добьется и опять в погибельном месте на смерть бросит. Ага, бросит! Это коли сам не убьет. Ему ведь только Кристалл нужен.

– Нужен, Иван... очень нужен, – вновь прочитал мысли Авварон.

– Показывай! Но без всяких условий чтобы!

– За показ денег не берут, Ваня. Гляди! – Авварон вдруг поднялся над каменным полом до уровня Иванова лица, тяжело, надсадно с маятой заглянул прямо в глаза – и налились его базедовые желтушные белки свинцовой пустотой, будто распахнулись в сам ад, в преисподнюю. Иван только успел выставить барьеры Вритры... и канул – в пустоту, во мрак. И почти сразу увидал ее. Он узнал Алену, хотя это было невозможно, это было просто безумием каким-то: на прозрачно-хрустальном кубе сидела седая, высохшая старуха, глаза ее были словно замороженные – свет от них отражался, но не проникал внутрь, омертвевшие глаза. Желтая кожа, морщины, плотно сжатые губы... И все же это была она, именно она, Алена. Нет! Ивана передернуло. Нет! Он на самом деле сошел с ума! Или этот нечистый морочит его. Не может быть! Но каким-то внутренним, глубинным чутьем ой знал, что никто его не морочит, что он видит ее... и еще кого-то. Странно! Ивана затрясло. Очень странно. В этой старой высохшей женщине непостижимо сплелись черты невероятно красивой, когда-то молодой, нежной, доброй, ласковой, ждущей его прекрасной Елены, Аленки... и кого-то еще, очень знакомого, но страшного, гнетущего... Иван никак не мог понять. Будто кто-то стоял за спиной с занесенным в руке ножом. Будто сверлили затылок чьи-то ненавидящие глаза. Нет! Только не это! Иван мысленно взмолился: «Авварон! Я тебе верну Кристалл, он твой, только скажи, что это все неправда! Ты слышишь меня?!»

– Слышу, слышу, – явственно раздалось из-за левого плеча. – Но это правда, Иван, ничего не попишешь. Ты узнал ее, да?

– Узнал! – произнес Иван вслух.

– А ты всю ее узнал?!

– Как это... – Иван уже понимал, о чем говорит Авварон Зурр бан-Тург, но он не хотел в этом признаваться, будто от его признания зависело – сбудется это или нет. Когда ему

явился впервые призрак страшной, безумной старухи? Давно, еще перед отправкой в сектор смерти, в комнате с хрустальным полом. Она выросла из-за спины, пронзила лютым взглядом. И он тогда понял, что ненавидит ведьма не только весь род людской, но и именно его, ненавидит до сладострастия, до жути. А потом в капсуле! А потом на планете Навей! А потом – когда он вырвался из Пристанища. Она не отпускала его! Она тянула к нему свои скрюченные старческие пальцы и злобно, нечеловеческим смехом хохотала. И вот теперь... нет, он не увидел ее, но он узнал страшные, проглядывающие черты той фурии в своей Аленке. – Этого не может быть! Не мучай меня!

– Может, – спокойно ответил Авварон, он почти не картавил, как и всегда, когда дело принимало серьезный оборот. – Она еще не стала злым духом планеты Навей. Но она станет. С каждой минутой, с каждым днем она стареет, наполняется злобой и ненавистью, она воплощается в оболочку фурии. И она становится ею!

Лицо Алены приблизилось, теперь Иван видел каждую черточку, каждую морщинку. В этом лице были добро, ожидание, былая краса, усталость... и проглядывало в нем иное, нехорошее. Время! Проклятое время перевоплощает людей без всяких причуд, без ворожбы и колдовства!

– Нет! Ты ошибаешься, Иван! Мы помогаем ей, по-своему помогаем! И она станет той, что преследует тебя, никуда не денешься – это твой злой дух! Прежде, чем ты покинешь свое брэнное тело, он изведет тебя вчистую, не сомневайся!

– Гадина! Ты просто гнусная гадина! – сорвался Иван. – Но я не верю тебе. Она еще нескоро постареет и превратится в фурию... пройдут годы, десятилетия! А та мне являлась давно, значит, это не она. Не она!

Авварон раскатисто рассмеялся. Он хохотал до тех пор, пока смех не перешел в перхающий кашель, в удушливые, болезненные стоны. Потом внезапно смолк. И прошипел:

– Это она, Ванюша. Да, и тогда, в самый первый раз, и позже, и на Земле, и в Пристанище тебе являлась она. Ты же знаешь, что такое временная петля. Знаешь? Ну вот... Ты еще не узнал ее и не познал ее, ты еще не претерпел с ней тысячи злоключений, ты еще не бросил ее на тяжкие горести и муки, ты еще не оставил в ее чреве своего несчастного сына, а она приходила к тебе, потому что она уже пережила все это, она прошла через море страданий, боли, унижений, горя, она ста-

ла полубезумной, она воплотилась в фурию, в злого духа планеты Навей, и она возненавидела тебя! Потому что ты шел прямой тропинкой, а она попала в петлю времени... ты мог изменить ход событий, ты мог отказаться от задания, но ты не отказался, ты отправился в сектор смерти. И теперь она будет вечно с тобой. Она не оставит тебя и в преисподней! А ведь я предупреждал, Ванюша, разлюбезный ты мой брат, не путайся с мертвыми, не алкай усопших и пребывающих в мире ином – и не воздастся тебе злом и ненавистью! Не послушал ты меня!

– Замолчи! – У Ивана обручем стиснуло голову. Он страдал невыносимо. Он готов был разбить череп о каменную стену. Ну почему он несет всем и повсюду смерть, горе, боли, разлуку?! Это проклятие какое-то! Это невозможно вытерпеть! Иди, и да будь благословлен! Какая наивная чепуха, какое самомнение. Нет! Он проклят и обречен! Его место в Черной пропасти, в глухих дырах Вселенной, как можно дальше от людей, ото всех... но от себя не убежишь! и от нее теперь не убежишь, как ни старайся. И от Светы никуда не деться. Все они – это его тяжкий, смертный крест. Невыносимо!

Он видел ее как наяву. Значит, она покинула биокачеху, вышла. Но как она смогла это сделать?! Это не зависело от нее! Следовательно, ей помогли. Прав негодяй Авварон, ей помогли и помогают сейчас – страшная, черная, губительная помощь. Значит, они до нее все же добрались.

– Ты умрешь лютой, ужасающей смертью! – прошипело вдруг за спиной. – И никакая сила не защитит тебя!

Иван обернулся. В темной камерке, прямо у черной стены стояла злобная, высохшая фурия в черном балахоне, в черном капюшоне, надвинутом на глаза, стоял злой дух планеты Навей, стояла его любимая – прекрасная когда-то Алена, превращенная дьяволами Пристанища и им, да, им самим, ибо без него они бессильны, превращенная в черный морок смерти и ужаса.

– Нет! – застонал он сквозь зубы. – Я не виноват! Я ни в чем не виноват!!!

Фурия расхохоталась – скрипуче и мерзко, потрясая своей кривой клюкой. Полы ее балахона начали биться, извиваться словно под порывами сильной бури. Сквозь смех вырвался каркающий хрип:

– Нет ни виноватых, ни безвинных! Черное зло Мироздания вечно и неистребимо, оно перетекает из души в душу – и

нет границ ему и нет предела! Трещи, смертный, ибо черное заклятье лежит на тебе!

– Нет! – закричал во весь голос Иван.

– Пристанище не выпустит тебя! Никогда не вырвешься ты из пут преисподней, ха-ха-ха!!! Загляни же мне в глаза! Давай! Не отворачивайся, ну-у!!!

Иван не выдержал, упал на пол.

Оглушительный, истерический вой-хохот пронзил его уши, ледяным наждаком прошелся по сердцу, выстудил все внутри, вымертвил. И смолк.

Он долго не мог отдышаться. Лежал обессиленный и подавленный. Авварон черным вороном сидел в углу каморки, сопел, причмокивал и вздыхал. Он выжидал.

И Иван очнулся. Пришел в себя.

– Что с моим сыном? – первым делом спросил он.

Авварон закряхтел, зашмыгал, начал шумно чесаться и ловить блох в своей вонючей, драной рясе.

– Я тебя спрашиваю, нечисть! Что с моим сыном?! – заорал Иван.

– А вот это ты можешь сам узнать, – неожиданно ответил Авварон.

– Вернуться в Пристанище?

– Пристанище повсюду. Ты никогда из него и не уходил, Иван... Так что, хе-хе, мелочи, формальности – туда-сюда смотреть на полчаса! – Авварон глумливо захихикал, слюни потекли по жирной обвисшей губе. – Поглядишь на сынка родного, прихватишь Кристалльчик – и к дядюшке Авварону, вот и всех делов. А я тебе помогу, как и уговорились.

Иван передернулся, задышал тяжело, с натугой.

– Ни о чем мы не уговаривались, – просипел он.

– Э-э, память у тебя короткая, Ванюша... ну да ладно, мне не к спеху, у меня вечность в запасе. Прощай, что ли?!

– Нет! Постой!

Иван приподнялся, уставился на посланца преисподней, преследующего его, издевающегося над ним, мерзкого, гадкого, смертельно опасного, но и необходимого пока... Пока? А не стал ли этот негодяй и изверг его постоянной, неотвязной тенью? Не стал ли он вторым «я»?! Черный человек. Он приходил и к другим. Он помогал, утешал по-своему, будоражил, давал силы и призрачную власть, но он и высасывал потихоньку кровь из своей жертвы, он морил, сводил с ума, заставлял лезть в петлю и пускать пулю в лоб... во Вселенной

есть лишь зло, одно зло везде и повсюду, и оно перетекает из одного сосуда в другой. Черный человек! Авварон Зурр бан-Тург в Шестом Воплощении Ога Семирожденного. Черная неизбывная тень!

– Я согласен.

– Ну вот и прекрасненько – карлик-крысеныш похотливо потер потные, тускло поблескивающие ладони. – Вот и чудненько.

– Но у меня нет ни капсулы, ни разгонников, ни переходника большой мощности... вот, только это! – Иван вытащил черный кубик.

– Обижаетесь, Ваня! – дурашливо протянул Авварон. – Ну зачем нам с тобой, познавшим Мироздание, какие-то допотопные разгонники? И эту старушку спрячь. Спрячь скорее, не-то зашвырнет тебя снова невесть куда, а мне ищи-разыскивай!

– Тебе видней, – согласился Иван. И убрал ретранс.

– Конечно, видней. Ведь я вижу сразу во многих пространствах и измерениях, Ванюша. Ты только представляешь их, воображаешь, а я вижу! А ведь советовали тебе хорошие люди – воплощайся, и познаешь непознанное, прозреешь аки слепец, возвращенный к свету...

– Врешь все! – снова сорвался Иван. – Какие еще хорошие люди?! Не было там людей! Там нелюди!

– Ну это я для красного словца, конечно же, нелюди, Иван. У вас люди, а там, у нас, нелюди. В этом и конфуз весь. Вот пощупай меня. Пощупай, пощупай, не стесняйся!

Иван протянул руку, и она прошла сквозь черный саван Авварона.

– Вот оно как, – снова засокрушался колдун, – одна видимость и только. Я там реален и многоплотен во многих ипостасях. А здесь я призрак. Да и то лишь – тебе являющийся. Иные меня не зрят и не слышат, ибо не впитали сущность мою в себя. А ты впитал, будучи на планете Навей. Ты почти родной... да что там почти, ты родной брат мне, Ваня! – Авварон всхлипнул, три мутные слезинки выкатились из левого вытарашенного глаза и гнилыми виноградинами скатились на черную рясу-саван. – И без тебя в этом мире нету меня, будто и не было, будто и не рождался семижды семь раз в одном только Оге! А ведь ты меня, родного твоего брата, убить хотел... там! И уж убил почти, насилу уполз... Но пусто, Иван! По сию пору пусто мне, ибо вырвал ты из многих тел моих, по

многим измерениям рассеянным, часть естества моего, пробрался в меня, проник своим ведовством окаянным и выгоптал часть безмерной и мгlistой души моей. Но все простил я тебе, не помню зла твоего черного, ибо...

– ...ибо нет ему меры и предела, и существует оно в самом себе, перетекая из одного в другого, не уменьшаясь, но произрастая, – продолжил Иван угрюмо.

– Истину говоришь! – Авварон задрал палец вверх. – Ибо сказано в Черном Писании: «неси зло делающим зло тебе, и носи зло, делающим добро тебе, и любезен будешь властителю века нового, и примет он тебя в объятия свои, и воссядешь ты возле трона его по левую руку его!» А пока давай-ка, делом займемся, ведь это мне ходу нет в твой мир, а тебе, Иван, все дорожки открыты теперь, да и не духом-призраком, а телесно... а я – твоя дверь есть в закрытую для смертных, куда живы они, часть Пристанища. Живехоньким попадешь туда снова. И живехоньким возвратишься!

– Это за что ж честь такая? – вяло поинтересовался Иван. Сейчас ему было наплевать на всю дьявольскую механику перебросов-переносов. Он уже почти созрел.

– А за то честь, что был ты нам чужой, а стал свой, причастившись жертвенной кровью на Черном Соборе нашем, – Авварон глядел прямо в глаза Ивану, тяжело и страшно глядел.

И припомнились сразу беснования в подземельях, игла длинная, судорожные подергивания жертв, висящих вниз головами, укол, мгла и полумрак, изумрудно-зеленое свечение, и дьявольская рожа с раздвоенным змеиным языком-арканом и стремительное падение в бездну, усеянную сверкающими льдами, и грохот низвергающихся водопадов, похожих на водопады Меж-арха-анья... «Ибо Земля лишь малая часть Пристанища, крохотный пузырек в его толще. А ты проткнул этот пузырек... ты вонзил иглу проникновения в тело беззащитной жертвы!» Как это нелепо и неисправимо, как горько!

– Да, Иван! – чеканно, без гнусавости и картавости, выдал Авварон. – У тебя нет и никогда не будет такой силы, чтобы убить меня во всех ипостасях моих, чтобы уничтожить мою сущность.

Он и тогда говорил точно так же. И показывал подземные инкубаторы, миллионы прозрачных ячеек, заполненных эмбрионами – новая раса, сверхсущества, выращиваемые на сме-ну вымирающему, вырождающемуся человечеству. И милли-

арды маленьких черненьких паучков, за стеклотаном – ненавидящие, ледяные глаза, Чуждый Разум! Это на Земле. А на планете Навей – огромный, черный, абсолютно непроницаемый пузырь, заговоренный, закодированный Первозургом, Сиханом Раджикрави, миллионнолетним старцем, старцем, который родится на свет белый лишь через пять веков. А в пузыре этом – Кристалл. А еще он сказал тогда Авварону, что биочайка с Аленой заговорена и неподвластна ему, что только Сихан может ее раскодировать, оживить спящую... Получилось иначе, они добрались до Аленки. И ее больше нет. Есть старая, лишенная рассудка женщина, доживающая последние дни. И есть воплощенное в фурию зло, есть ведьма, злой дух, преследующий его. Есть страшное Черное Заклятье. Ни один нормальный землянин при таком раскладе никогда в жизни не сунулся бы в Пристанище, ведь это гибель – он убьет его, как только получит Кристалл. В этой штуковине, в этом мощнейшем гипноусилителе, заложены данные о сферах сопредельных пространств, координаты «дверей», «люков», «воронок». Черт побери! Но ведь все эти сведения выковыряны из его же, Ивановой, памяти, точнее, из Программы, заложенной в его мозг «серьезными». Программа должна была в итоге убить его. Сверхпрограмма – Первозурга. Осатанеть можно! Программа была закодирована, и он не мог ее познать. Его голова была использована... как сумка почтальона! Он должен был передать координаты черным силам преисподней?! Но «серьезные» ведь могли и напрямую это сделать! Авварон появился на Земле вместе с ним, с Иваном. Но слуги Пристанища всегда были на Земле. И «серьезные», эта теневая ложа Синклита, какие бы высокие посты ни занимали, под какими высокими градусами ни числились бы в своих ложах, были всего лишь слугами Пристанища. Зачем им какой-то почтальон, зачем им посредник? Нет, здесь явно двойная игра... Но важно не это. Важно другое, и Иван уже говорил Авварону, говорил напрямую, открыто: он не позволит нечисти черных миров вторгнуться на Землю вместе с полчищами негуманоидов Системы. Не позволит! Это будет слишком для маленькой Земли, для всей Федерации!

– Ну и что? – поинтересовался вдруг Авварон с ехидством. – Уж не передумал ли ты?

– Нет! – твердо ответил Иван. Он не лежал и не сидел, он стоял в полный рост посреди темной каморки.

– Тогда... смотри мне в глаза. И ты войдешь в Пристанище!

Не глаза, а черная, сатанинская пропасть открылась перед Иваном, бездна мрака, ужаса и отчаяния. И его повлекло туда – вниз, в адскую воронку в тягостном, замедленном падении. И не было рядом ничего и никого, не было и Авварона. Лишь он и смертная пустота. Лишь гнетущее осознание надвигающейся гибели... нет! он не имеет права сомневаться! он вынырнет из этой пропасти, из омута запредельных миров! он обязан вынырнуть оттуда!

Чернота и пустота рассеялись постепенно... и не было никакого падения, никакой пропасти – просто возвращалось зрение и он начинал видеть. А видел Иван вокруг себя по все стороны – лес, неземной, полуживой, а может, и живой лес с шевелящимися лианами-червями, с кронами чудовищных дышащих деревьев, с глазастыми васильково-багряными цветами и колючими зарослями. Как и в прошлый раз прямо над головой, высоко-высоко пролетел со скрежетаньем и посвистом шестикрылый дракон, но без гипнолокаторов, это хорошо, это значит, что они не видят его и не знают о его возвращении. Планета Навей – проклятая, дьявольская планета Навей, в чреве которой блуждал всю предыдущую жизнь, из мохнатой утробы которой он вырвался дряхлым, умирающим старцем. Его спас и оживил Откат, вернул молодость, силу, не лишив памяти. Это почти чудо. Но это не будет повторяться вечно, и он теперь не имеет права блуждать по Кругам Внешнего Барьера годами, десятилетиями мыкаться в гирляндах миров-призраков Охранительного Слоя, ему не дано времени бродить вокруг да около или пронзать пространства в отходных сферах-веретенах... Дверь где-то в Нулевом Канале. Но она не нужна ему. Ему нужен только Кристалл и... в первую очередь, его сын, брошенный, одинокий, может, и не живой уже.

– Иван, ты слышишь меня? – пробилось глухо, словно сквозь слой ваты.

– Слышу, слышу, – процедил Иван.

– Кристалл там, ты знаешь, давай быстрее, не тяни время!

– У тебя в запасе вечность, обождешь! – грубо ответил Иван.

Он подошел к колючим зарослям, припоминая, как продирался сквозь них, как спешил на бот, как боялся опоздать и навечно остаться здесь.

Гибкие ветви с колючими, то сжимающимися, то разжимающимися пучками шипов, потянулись к нему, почуяв добычу, мясо. Иван отошел назад на полшага. Кристалл должен лежать в другом месте – там, где стартовал десантный боевой бот, стартовал, чтобы воссоединиться со своим кораблем-маткой, с капсулой, лавировавшей по сложной орбите.

Авварон перебросил его точно, в нужное место, в тот самый «огромный, черный абсолютно непроницаемый для него, Авварона, пузырь». Не соврал! Значит, Первозург сильнее этой нечисти, пусть не во всем, пусть в каких-то отдельных вещах, но сильнее! Не надо было с ним расставаться, да, Сихан Раджикрави – союзник, каких больше нет и не будет. И он всем обязан Ивану, это Иван вытащил Сихана из заточения Чертогов. Где он теперь?! Где, где... на Земле, где ж ему еще быть.

Иван отмахнулся от мохнатой наглой лианы, которая хотела захлестнуть петлей его шею. Пнул сапогом в основание буро-синего ствола – из пробитой почерневшей коры ударила струйка желтовато-зеленой крови, где-то наверху, под кронами, глухо завывало нечто огромное и неподвижное. Живые деревья. А под ними и в них утроба – только зазевайся и сгинешь в ее непомерном брюхе навсегда. Тогда он был в скафе, с целой кучей всяких пил, ножей, пробоев, электрошоковых щупов и прочих премудростей, и то еле выкарабкался из неподвижно-живой исполинской гадины. Сейчас рисковать нельзя. И Иван пригнулся, прополз под низким стволом, попытавшимся придавить его к земле, но не успевшим, выскользнул – и уткнулся прямо в зеленую мирную лужайку с рыжей ползаросшей проплешиной. Здесь! Здесь стоял бот. Здесь он обронил Кристалл.

Надо искать... а надо ли?! Сейчас он поднимет эту крохотную штуковину, выберется из пузыря, отдаст ее Авварону – и все! финита ля комедия! все закончится просто и гнусно. Нет, так нельзя. Но иного хода нет. Виски ломило от невыносимости положения и от тоски маятной, неизбежной.

Вот он! Иван опустился на колени. Да, это еще не Кристалл, но все же кристалл – маленький, розовенький, съездившийся, с налипшей поверху пыльцой, но он! Первым желанием было растоптать его, уничтожить, сжечь... Иван выдернул из-за спинного чехла лучемер, вскинул его стволом вверх. Нет, кристалл не горит, и растоптать его нельзя. Можно за-

рыть поглубже, чтобы глаза не видели. И все! Но уничтожить его практически невозможно.

Иван взял кристалл двумя пальцами, осторожно положил себе на ладонь. Надо подержать его у тела, прижав прямо к коже: кристалл заряжается от человеческого тепла, от тонких энергий, исходящих от разумной человекообразной особи. Тогда он станет Кристаллом. И тогда Авварон заберет его себе. И откроются двери во Вселенную, заселенную людьми. И войдут в нее обитатели потусторонних миров. И станет это концом века и Апокалипсисом.

Виски заломило еще сильнее. Потом их сжало с такой чудовищной силой, что Иван тихо и протяжно застонал. Так не должно было быть. Авварону невыгодно сейчас убивать Ивана. А кроме него никто не имел прямого воздействия... Никто?! Иван вдруг отчетливо увидел странное лицо Сихана Раджикрави и сразу же его пронзила мысль: ведь он никогда не видел этого лица! никогда, ведь Сихан был то в облике уродливого монстра, то в теле круглолицего с широким перебитым носом, одного из «серьезных», что послали Ивана на явную и лютую смерть. Но сейчас это было совершенно иное лицо, невиданное прежде – узкое, темное, со вдавленными почти синюшными висками, тонким прямым носом, тонкими ровными губами, большими, но отнюдь не выпуклыми, не африканскими, глазами изумрудно-серого цвета, седые брови, седые очень короткие волосы бобриком, черные мешки под глазами, но какие-то странные мешки, не болезненные, а вполне присущие именно этому лицу. Иван ничего не понимал. От боли в голове он начинал терять сознание. Но не потерял, не успел... боль отхлынула неожиданно. И в мозгу прозвучали слова: «Это я, Иван. Вы узнаете меня?» Надо было что-то отвечать. Но слова не вырывались из пересохшего горла, только мысль скользнула: «Узнал! Хотя никогда не видел вас...» И Первозург услышал его. «Это я, именно я, не галлюцинации, не миражи. Слушайте меня внимательно: в Пристанище еще со стародавних времен мною были запрограммированы и заложены двенадцать областей, связующих меня с Ним, в какой точке Мироздания я бы ни находился, понимаете?!» Иван сразу все понял, иначе и быть не могло, ведь Первозург и был первозургом потому, что он создавал, проектировал и воплощал в жизнь этот чудовищный, непостижимый мир, и он не мог не быть предусмотрительным, он предвидел многие фокусы своего коварного детища. И вот он вышел на

связь. Вышел, потому что Иван оказался именно в той области, в том пузыре, что соединен с Первозургом внепространственными каналами. Это чудо! Но и о действительности забывать не следует. Иван сунул бледный и немощный кристалл во внутренний, подмышечный клапан – пускай набирается сил.

«Как вы оказались там?» – спросил Первозург с явной дрожью в голосе.

«Меня теперь слишком многое связывает с планетой Навей», – сокрушенно признался Иван, чувствуя, что Авварон отчаянно пробивается в его мозг, в его сознание, но не может пробиться извне, не может, потому что кто-то поставил психобарьеры, очень мощные, непреодолимые. Кто?! Наверняка, он – Сихан. Он здесь хозяин, он кодировал «черный пузырь», да это и к лучшему, все же человек, хоть и тридцать первого века, но человек.

«Никому не отдавайте Кристалла, – не попросил, и не посоветовал, а прямо-таки потребовал Первозург, – никому! Неужели вы не понимаете, что каждое подобное действие вызывает целую цепь ответных действий, страшную реакцию... я не берусь даже предсказывать всей чудовищности исхода, если вы решитесь на этот безумный поступок!»

«Решусь, не решусь, – уныло протянул Иван, – что ж мне теперь, слдохнуть в Пристанище?! Что так, что эдак – гибель! У меня вообще нет выбора, уже давно нет никакого выбора, я как тот витязь на распутье, только на моем камне написано: «куда ни пойдешь, везде смерть найдешь!»

«Я вытащу вас оттуда!» – взмолил Первозург.

«Каким образом? Вы сами себя не могли вытащить из Пристанища!»

«Да, не мог, – признался Первозург, – самих себя за волосы вытаскивают только сказочные герои. А ныне сквозной канал: на одном конце я, на другом вы – это совсем иное расположение, неужели вы не понимаете? Я вас могу немедленно вернуть на Землю. Кристалл у вас?»

«Да!» – признался Иван.

«Тогда готовьтесь!»

– Нет! – Иван заорал вслух. Он прекрасно осознавал, что другого случая оказаться в Пристанище у него не будет. И он не покинет этой чертовой планеты Навей, пока не увидит его. А может, и не существует никакого сына, может, это все сказки?! Нет, Авварон не врал. – Освободите меня! Снимите все

барьеры, Сихан. Я вернусь на это самое место ровно через час, я вам клянусь!

Снова адски заломило в висках. Иван упал в траву, чуть не задохнулся. И почти сразу, сквозь слой ваты пробился гнусавый голосок: «Где ты был? Что с тобой, Ванюша, я ничего не видел, ничего не слышал... ты хотел обмануть дядюшку Авварона?!»

– Заткнись, негодяй! – закричал Иван. – Кристалл у меня. Вот он! Ты видишь?! – Иван вытащил кристалл из клапана, воздел его в руке.

– Я ничего не вижу. Но я верю тебе... ты не посмеешь обмануть своего лучшего друга, погоди, сейчас я перемещу тебя, не бойся, ни один волосок не упадет с твоей головы.

Ивана вдруг ошеломило.

– Куда ты переместишь меня?! – выкрикнул он.

– На Землю, куда же еще, – глухо прозвучало в ответ.

– Врешь! На Земле ты не сможешь взять Кристалл! На Земле ты нематериален! Ты самый настоящий бес, ты снова путаешь меня, ты снова обводишь меня вокруг пальца! – Иван был взбешен, этот колдун заманил его в Пристанище и будет морочить до тех пор, пока не получит своего и не погубит его, Ивана. – Вот видишь, я кладу кристалл туда, откуда взял его! – Иван положил прозрачный, тусклый, блеклый ограненный камешек в траву. Встал. И сказал совсем тихо, но твердо. – А теперь веди меня к ней. К ней и моему сыну. Кристалл я заберу на обратном пути, когда ты выполнишь свое обещание.

Авварон долго молчал. Было слышно, как он сопит и причмокивает, как вздыхает тяжело, с присвистом. Потом будто из могилы прозвучало:

– Будь по-твоему!

Ивана опрокинуло наземь, перевернуло и понесло прямо в колючие, живые заросли. Острые шипы вонзились в него. Но боль тут же утихла. И он начал задыхаться. Нечто липкое и плотное обволокло его, стало засасывать. Фильтр! Снова система фильтров. Они высасывают его из черного пузыря через фильтры – значит, они властны над ним. Да, здесь в Пристанище, они могут сотворить с ним что угодно – убить, воплотить в какую-нибудь гадину, погубить, истерзать и замучить, они могут все! А он ничего.

Полыхнуло синими сполохами хрустального льда, прожгло неземным космическим холодом. Проплыла перед глазами рыбина – клыкастая, плавникастая гиргейская тварь, об-

лизнулась толстым пористым языком, прожгла кровавым взглядом. Но не испугала. Теперь Иван все знал про них, или почти все... наблюдатели проклятые! нейтральная сторона! кладезь информации! Только из этой кладези черпают все кому не лень. И везде они поспевают, всюду щупальца свои суют. Ну и дьявол с ними. Иди, и да будь благословен! Иного ему и не дано.

Иван воспрял. Он вновь обретал зрение.

Лес. Ночь. Тьма. Мертвенный проблеск ущербной луны. Уханье филинов и выстужающий кровь вой. Все уже было... Глаза медленно привыкали к мраку. Вот она, избушка – та самая избушка. Вот дверца косяя, кривобокая, вот и цепь... на ней сидел оборотень. Почерневшие от древности доски, провалы окон еще более темные, чем ночь. Чудесная и страшная избушка. Он отошел на несколько шагов назад, и в глубине замшелого оконца высветилась мерцающая свеча. Внутри кто-то был. Если Авварон, Иван поклялся убить его сразу, на месте – второй цепи злых и выматывающих мороков он не выдержит. А времени мало, совсем мало – он обещал вернуться через час. Минут десять уже прошло, можно и не сверяться, не меньше. Иван снова приблизился к двери... свет свечи померк. Он шагнул внутрь и как в прошлый раз ударился о низкую притолоку, и снова из сеней пахло прелой соломой и духотой. Он опять уткнулся лицом в душистый пук травы, подвешенный невесть кем, плеснул водой из кадки – рука сама залезла в нее, задел плечом деревянное растрескавшееся корыто, которое он сбил в прошлый раз. Теперь оно не упало, но глухим похоронным гулом загудело, будто колокол из подземелья. Дверь в горенку заскрипела, выгнулась и поддалась.

Иван шагнул внутрь. И понял, что не ошибся – та самая избушка, в которую можно войти из одного мира, а выйти в другой. Избушка-шлюз, избушка с тысячами дверей в тысячи измерений. Крохотная горенка, низкий черный потолок, полусгнившие полки с рухлядью, два косоногих, но кондовых табурета, дубовый растресканный стол, выскобленный до блеска, но почерневший от времени, сено на полу, еловые шишки. Свеча вспыхнула будто во мраке, хотя в избушке было скорее сумеречно, чем темно. И все же свеча высветила то, чего не было видно сразу: котенка, свернувшегося калачиком на столе, резное веретено, клубок стекловолкнистой бечевы, шербатый деревянный гребень... Язычок свечи дрогнул будто

под наплывом сквозняка, и осветлил ее, сидящую на табурете, седую, высохшую, но прямую как лесное деревце.

Иван вздрогнул, сгорбился.

– Здравствуй, Алена, – прошептал он.

– Здравствуй, Иван.

Он не узнал голоса, старость уносит из звуков жизнь, оттенки и переливы. Она говорила тускло и безразлично, будто не спала много суток, а теперь неудержимо погружалась в сон, полуотсутствовала.

– Вот я и пришел, – Иван виновато развел руками. Он не знал, что говорить.

– Я вижу. Я так долго ждала, что устала ждать... ты напрасно пришел. Не надо было тебе возвращаться.

Иван вглядывался в ее лицо, впивался глазами в каждую черточку – да, это она, Алена, Аленка, Аленушка. Авварон не обманул. Они ее разбудили до срока, они раскодировали биоячейку! Убийцы! Нелюди!

– Уже прошла вечность после того, как я проснулась во второй раз. Я проснулась молодой, а потом состарилась. А ты остался таким же, ты даже стал еще моложе... нет, этого не может быть.

– Может, Алена. Я стал моложе, потому что был Откат. На Земле и в Пристанище время течет по-разному. Как они раскодировали ячейку?!

Старуха усмехнулась горько, еле заметно, а может быть, это лишь пламя свечи мигнуло, колыхнулось тенью по ее иссушенному годами лицу. Иван отвел глаза, он не мог смотреть на Алену, не мог.

– Какая разница. Это случилось – вот и все. А ты не успел, ты не пришел. Но я не виню тебя, мы были не пара: я из тридцать первого века, ты из двадцать пятого, ты с Земли, живой, настоящий, я – из анабиокамеры, воскресшая из мертвых, с полувыветрившей памятью, полуживая, не женщина, а заложница Пристанища, биомасса, разумная материя для цепи воплощений в оборотнях и зургах блуждающего мира. Нас были сотни, тысячи... а осталась я одна, я пережила всех, и меня больше не хотят приносить в жертву, я им не нужна, я сижу и прячу себе на саван, смертный светящийся саван, а лет через сорок, когда я умру, то, что останется от меня, воссоединится с этой фурией, с тем призрачным оборотнем, что преследовал тебя. И ты забудешь меня прежнюю, любимую и желанную, но будешь помнить меня ночным чудовищем, бе-

зумной и проклинаящей ведьмой, да, так и будет, хотя я ни словом не хочу упрекнуть тебя... ведь я уже почти отмучилась, а тебе только предстоит пройти сквозь вековые мучения, через боль и страдания... ведь ты такой молодой, ведь ты будешь жить долго, очень долго, и ты всегда, каждый день, будешь вспоминать меня... но являться тебе буду не я, а она, злой дух Пристанища – так решили нелюди. И так будет!

Иван опустил перед ней на колени, склонил голову.

– Хочешь, я останусь с тобой до конца, в этой избушке, – проговорил он еле слышно, сдерживая слезы, – и пусть судьба решит, кому из нас раньше уйти из жизни.

В эти минуты он был готов забыть про все, бросить всех, пусть горят синим пламенем и Земля, и человечество, и все сорок пять миллиардов земных душ, пусть подавится своим Кристаллом подлый Авварон, пусть Вселенная расколется как орех надвое и пропадом пропадет, пусть ее поглотит геенна огненная, и пусть восторжествует Черное Благо, коего ждут сотни миллионов беснующихся в подземельях землян, пусть оборотни, призраки, вурдалаки, безумные порождения ада и вырожденцев человеческих, порождения, скитавшиеся сорок миллионов лет в иных пространствах, обретут власть над истребляемыми, заблудшими и пребывающими в неге, пусть так будет, пусть в стонах, судорогах и вое жутко погибнет все живое, пусть... а он останется здесь, в маленькой, тихой, древней избушке, рядом с нею. Он принесет себе сена, бросит в угол и будет спать на нем. Он выкинет к чертовой матери лучемер, утопит его в поганом болоте, что неподалеку от избушки, он будет собирать грибы, сушить их, он будет питаться травами и корой, и никто не посмеет вытащить его отсюда. Пусть так и будет.

– Не хочу! – ответила она. – Я забыла свой ослепительный, сказочный мир будущего. Я забыла тебя с твоим темным миром прошлого. Я живу этим лесом и светом луны. И мне ничего больше не надо.

– Прости меня, прости, – Иван припал лицом к ее коленям, грубый лен длинного, долгополого платья потемнел, пропитался так и не сдержанными слезами. Она положила ему на голову легкую, почти невесомую руку, погладила.

– Уходи, – сказала она. – Уходи, ничего не вернуть.

– А сын?! – вдруг вспомнил Иван. – Ведь ты родила мне сына?! Где он?

– Родила... но не тебе, Иванушка. Они забрали его.

Он вскинул голову, не вставая с колен, пудовым кулаком ударил по столу, так, что загудел тот, задрожал. И отозвался на стук из лесу испуганным уханьем филин, завывли протяжно и тоскливо в черной, безлюдной чаще волки-оборотни. Налетели сырые ветра, захлопали ставнями, погасили пламя свечи. И пропало все, мраком покрылось.

– Уходи, Иван, – прошелестело над ухом.

Он вытянул руку, но ничего и никого не нащупал. Он один на коленях стоял посреди страшной избушки, будто и не жила в ней эта старая и высохшая женщина, а приходила лишь к нему на свидание – пришла и ушла. А он остался – опечаленный, истерзанный, измученный, бессильный.

Он стоял так минут десять. Потом сорвался:

– Ах ты нечисть поганая! Обманул?! Где ты есть?! Он звал Авварона Зурр бан-Турга, поводыря своего и беса-искусителя, звал через левое плечо, как и учил тот. Но колдун не откликнулся.

И тогда Иван бросился в сени, сшиб корыто, опрокинул бадью, пнул ногой скрипучую дверь. И вылетел в ночь, в лес – в тот же самый, в поганый колдовской лес планеты Навей.

Вылетел и обомлел.

Из мрака и сырости глядел на него, сверкая огромными белками, Дил Бронкс – черный и поблескивающий в мертвенном свете луны будто антрацит. Но откуда здесь Дил? Этого не может быть!

Иван сделал шаг вперед.

И негр сделал шаг вперед, развел огромные ручищи для объятия, словно обрадовавшись неожиданной встрече. Толстые губы расплзлись в широченной улыбке, обнажая крупные белые зубы.

– Как ты сюда попал? – изумился Иван. И тоже распахнул объятия – машинально, ничего не соображая.

– Попал, попал... – эхом отозвался Дил. Он был одет в серый комбинезон с черными нашивками и какими-то странными прорезами.

Иван пригляделся – в прорези просвечивал мертвецкий лунный свет. Вот это да! А где бриллиант, вцементированный в передний зуб, где этот блестящий камушек, столь милый сердцу Бронкса? Нет его!

Иван еле успел выскользнуть из смертных объятий. Его обдало трупным душком, но черные лапы сомкнулись не на

его горле, а чуть левее, сомкнулись с невообразимым и неестественным хрустом, будто переламывая чьи-то кости.

Не дожидаясь, что последует дальше, Иван ударил оборотня ногой в бок, отбрасывая от себя. Удар получился неловкий и слабый, подошва увязла как в тесте. Но этот удар спас Ивана от нового еще более мощного захвата.

– Уг-г-рррх-ы-ы!!! – взревел оборотень, вздымая черную морду к луне и раздирая когтями серый балахон комбинезона.

Вот тебе и Дил Бронкс! Иван отскочил влево, прямо за ствол осины. Почти следом огромная лапища ударила по дереву, когти начали рвать кору. Прямо на глазах оборотень менял внешность – становился еще больше, зверовиднее, крупные белые зубы превращались в клыки, волосы в шерсть, глаза наливались кровью, остатки комбинезона трещали, спадали, обнажая мускулистое, заросшее рыжей щетиной тело.

Ну, вот так оно лучше! Иван всегда предпочитал видеть врага в его собственном обличий, нечего тень на плетень наводить. Он не стал нападать, выждал, когда оборотень бросился на него, кляца зубищами, и угрожающе рыча, чуть отступил, изогнулся, присел, отпрыгнул и в развороте, в прыжке, что было силы ударил пяткой прямо в висок – удар был смертельным, испробованным сотни раз, такой запросто валил с ног и отправлял на тот свет не только слона обыкновенного земного, но и исполинского мегозавра с планеты Угонда – височная кость у мегозавров достигала полуметра толщины, но она раскалывалась пустым орехом и мозги вытекали наружу. Иван любил животных и жалел их. Но когда стая мегозавров прогрызла на угондийском карьере защитную сферу и принялась пожирать одного андроида за другим, Иван бил их именно так, он был безоружен, никто и предположить не мог, что на карьере, в этом ржавом царстве тоски и уныния, понадобятся лучеметы. Давно это было... но это было в привычной, своей Вселенной. А здесь удар не сработал – нога снова завязла, потом с хлопом и чавканьем отлипла. Оборотень истерически завизжал, упал, сжался в комок, покатился за стволы, но отнюдь не превратился в бездыханное тело. Пристанище. Проклятое Пристанище с его причудами и колдовством!

– Авваро-он?! – заорал Иван снова. – Где ты, негодяй?!

Иван не сомневался, что это шуточки подлого и лживого карлика-крысеньша, который был совсем не карликом и не крысеньшем, который был... невесть кем и чем. Оставалось не более получаса. Нет, Сихан в любом случае будет ждать, ни-

куда он не денется. Ведь просто так уходить нельзя, Алену удалось повидать, горькая встреча была, но была, он не все успел расспросить, она не все сказала, и, главное, так ничего не удалось выведать про сына... может, его и не было?! а может, он давно погиб, или пропал в мирах-гирляндах, или его воплотили? Ну, гнусный подлец Авварон! Теперь Иван не знал, что делать.

Он обернулся назад – избушки не было, след ее простыл, кругом тонкие, кривые стволы осин, кочки, топь да филин все ухает, не переставая, злобно и гнетуще. И тихая жуткая ночь. Только всхлипывания еле слышные доносятся из-за стволов, кто там? Иван пошел на странные звуки. Шел он долго, прыгал с кочки на кочку, перелезал через буреломы, продирался сквозь кустарник – во тьме, в призрачных бликах лунного света. Он уже прошел столько, что из эдакой дали не то что плача, а и рева бронехода не услышать. Но всхлипывания не прекращались. И вот тогда он неожиданно резко обернулся.

Прямо за спиной, метрах в трех под согбенным корявым стволом сидела Алена – не высохшая и старая, а та самая, которую он оставил на планете Навей: молодая, прекрасная, измученная и преследуемая. Она сидела, спрятав лицо в колени, сидела и плакала. Живая, желанная...

– Аленушка, – прошептал Иван пересохшими губами.

Она чуть приподняла голову, глянула на него одним глазом и зарыдала пуше прежнего. Серая хламида, которую она давным-давно, совсем в иной жизни содрала с одного из воинов непобедимого и сгинувшего Балора, была на коленях и ниже темной, сырой от слез.

– Аленушка! – Ивану показалось, что он закричал в полный голос, но слова сиплым клекотом еле вырвались из горла.

Он уже хотел броситься к ней, упасть на колени, обнять ее крепко-крепко и плакать вместе с ней, радоваться и грустить, забыв все нехорошее, весь этот злой морок, напущенный нечистью... Но замер, не решился, что-то внутреннее и сильное стучало в висках: Иван, не спеши, не надо, погоди! И почему она смотрит на него все время одним глазом, левым глазом, почему не поднимает лица от колен?! Леший... Иван сразу вспомнил всех, кого повидал в Пристанище: леших, навей, оплетаев, кикимор болотных... они все одноглазы и хромы, они глядят искоса, облакаются в чужую плоть, они появляются из-за спины, из-за левого плеча, насылают тоску и смерть. Но при чем тут она, Аленка?! Она просто плачет, сейчас она

откинется назад, посмотрит на него большими, глубокими глазищами своими... и все кончится, колдовство, призрачные тени, сумрачные видения, и останутся они одни, вдвоем.

– Это же я, – тихо проговорил Иван. – Погляди на меня! Я люблю тебя! Я так долго ждал нашей встречи!

Алена снова уткнулась лицом в хламиду, снова волна дрожи пробежала по спине ее, плач стал громким, отчаянным, горьким. У Ивана сердце пронзило острейшей иглой жалости и боли. Он готов был ползти к ней, вымаливать прощения, целовать ноги, подол этой драной хламыды.

И все же внутренняя скрытая сила удерживала его, заставляла делать иное, наливая ноги свинцом.

– Погляди на меня! – закричал он.

Плач перешел в жуткое стенание, в пронзительный крик-вой, в истерические взвизгивания и хрипения.

– Посмотри на меня!!

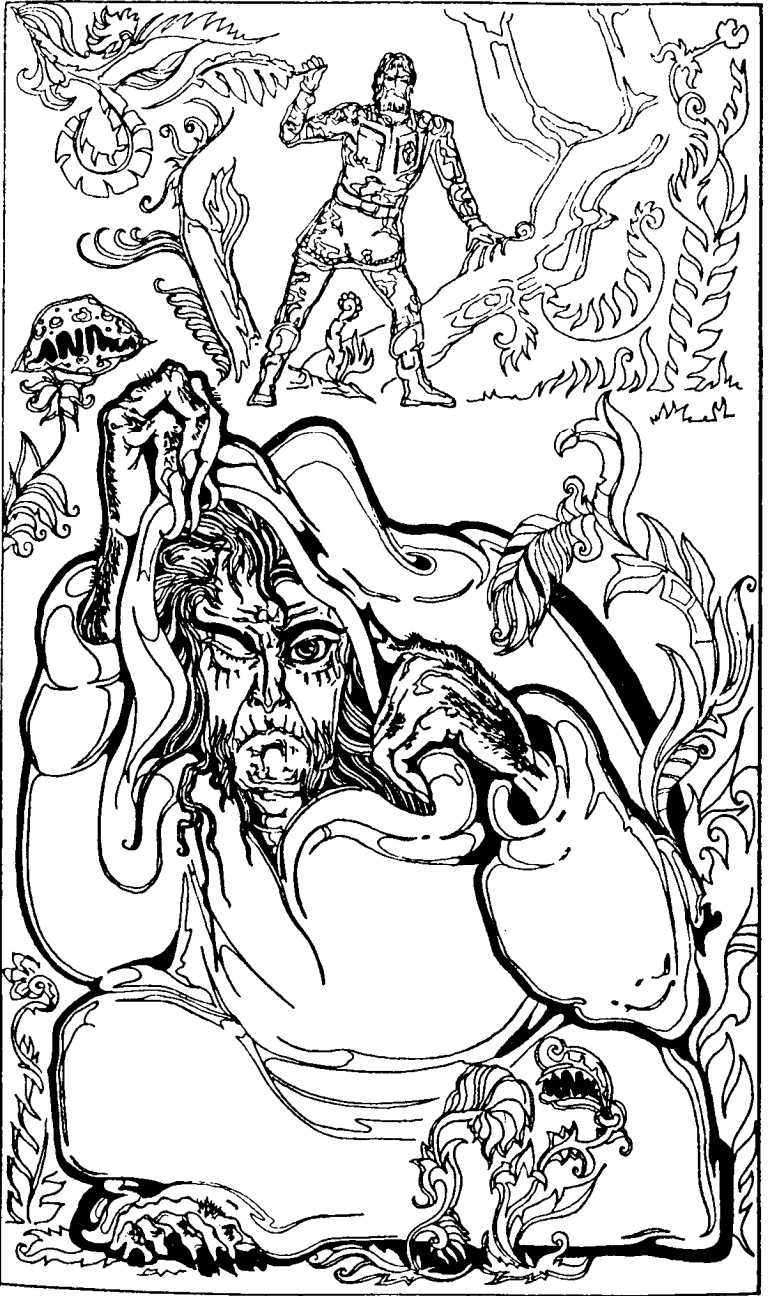
Она приподняла голову, будто подчиняясь требованию, закрыла лицо ладонями. И снова меж ними проглядывал один глаз, левый, но смотрел он странно и страшно, ледяным взглядом, совершенно не сочетавшимся с завываниями и плачем. Вот уже и пена потекла пузырящаяся по рукам, затряслась голова, забилося в конвульсиях все тело.

– Смотри на меня!!!

Руки упали безвольными плетями.

И Иван увидел ее лицо. Но лишь первый миг это было ее лицом, Аленкиным. А спустя этот краткий миг стало происходить что-то чудовищное, невозможное – острым клинком вытягивался ведьмачий нос, проваливались щеки, заострялись скулы, покрывался колючей рыжей щетиной костистый подбородок, когти вырастали на месте ногтей, и переходил плач в злобный рык, в клочкотание звериное. Оборотень! Снова оборотень!

Иван прыгнул вперед, ударяя сразу двумя ногами, ломая грудную клетку поганому чудищу. И снова завяз, снова погряз в трясине колдовской плоти, еле извернулся, упал, откатился. И бросился снова. Он бил гадину беспощадно, бил смертным боем – руками, ногами, локтями, коленями, головой. Бил, отскакивал и снова бил. И всякий раз ему самому доставалось крепко – острые когти оборотня изорвали одежду и кожу на лице и руках, кривые клыки впивались в мясо, выдирая куски, кровь сочилась отовсюду, он слабел. А оборотень набирал силы, становился все больше, выше, шире, страшнее. Он уже

на две головы возвышался над Иваном. И теперь он бросился на человека, Иван еле успевал уворачиваться и отбиваться. Не помогало знание особых, тайных приемов, ничего не помогало. Оборотень на глазах постигал систему «альфа» и бил Ивана его оружием, его приемами. Он бил человека древними ведическими ударами, каких и знать-то не мог. Иван ничего не понимал, такого бойца ему встречать пока не доводилось: чудовищная нежить не просто избивала его, но уже добивала, он не мог ей ничего противопоставить, он был измучен, изранен, обескровлен, подавлен. Он ослеп и оглох от ударов и только чудом еще оставался жив. Монстр уже издевался над ним, забавлялся беззащитной и обреченной жертвой, сломленной, обессиленной, загнанной в угол. Это было лютое избиение.

И в последний миг, падая почти бездыханным на топкую землю, усеянную палой листвой, Иван всего на какое-то мгновение, чудом сумел собраться – это был отчаянный, полубезумный всплеск сил и воли. Он выскользнул из-под смертного удара костистого и когтистого кулака, вскочил на ноги, всем телом навалился на ствол ближайшей осины, сломал ее, расщепив вдоль узкого ствола, выдрал, вскинул, выставил вперед и, ничего не видя, ничего не слыша, бросился на оборотня.

– Стой! – прогремело сзади голосом Авварона Зурр бан-Турга. – Не смей этого делать! Ты убьешь его!

Но Иван ничего не слышал.

Он уже вонзал острый конец осины прямо в сердце чудовищу.

– Остановись! Это же твой сын!

Нет! Иван не слышал. И не верил. Он загонял осину все глубже.

Он задыхался, обливался кровью, но добивал оборотня.

– Убийца!!! – вопил гнусно и истошно Авварон.

Иван опрокинул оборотня. Теперь он стоял, еле удерживаясь на ногах, опираясь всем телом на осиновый кол, изнемогая от нахлынувшей слабости. Но сквозь кровь, сквозь боль и мрак он видел, как жуткое, кошмарное чудовище истекает черной кровью, уменьшается, превращается в человека – хлипкого, голого, трясущегося, скребущего землю ногтями и молящего о пощаде.

Да, молящего о пощаде с пронзенным сердцем.

– Ты убил собственного сына! – зловеще прошептал из-за левого плеча Авварон. – Я же сказал тебе, Иван, что будет

встреча с сыночком. Ты сам просил об этом, ты что – забыл? Забыл! А потом убил его. Убийца!

– Врешь, сволочь! – прохрипел Иван.

Человек извивался, стонал, тянул руки к нему, к Ивану, глаза его были налиты непостижимым отчаянием. Нет, Иван не верил, он ничему не желал верить, он давил на осину, пригвозждая оборотня к земле.

– Ну и дурак, – прошипел напоследок Авварон. – Убийец ты! – И отвернулся. И пошел прочь. А пройдя три шага, обернулся черным вороном – и улетел, канул по мраке.

Дурак? Убийец? Иван резко выдернул осину из груди оборотня. Упал. Он не мог стоять на ногах. Но он просипел, вопрошая:

– Правда это?

Оборотень не ответил. Рана у него на груди медленно затягивалась. Иван заглянул в глаза оборотня. Это были серые, глубокие глаза Аленки. Оба глаза, а не один левый. Такие глаза не могли появиться в этом проклятом мире сами по себе. И это были не глаза оборотня, это были глаза его сына. Значит, он родился. Значит, он выжил и стал вот таким.

– Ты живой? – спросил Иван.

– Я не умру, – глухо ответил сын-оборотень. – Ты пожалел меня. Зачем?!

– Много будешь знать, скоро состаришься, – пробубнил Иван. – Тебе мать ничего про меня не рассказывала?

– У меня не было матери, – вызывающе проговорил оборотень, – я сын Пристанища.

– Ты мой сын, – сказал Иван. – Погляди на меня, и ты узнаешь себя.

Теперь, когда оборотень был в своем собственном облике, он и впрямь казался почти двойником Ивана – тот же нос, тот же лоб, подбородок, вот шрама над бровью нет. А роста почти такого же, и пальцы на руках, и даже Уши, щеки... только глаза были ее, Аленыны! Вот так встреча!

Иван чувствовал, что теперь сын-оборотень не сделает ему ничего плохого, хотя и не поверил ему, хотя и не признал. Но еще он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание, еще немного и даже этот призрачно-мертвенный свет луны смеркнется, и он погрузится во мрак. И тогда Иван рванул ворот, снял с шеи маленький железный крестик на цепочке, подполз к сыну и надел на него. Тот передернулся, выгнулся, захрипел.

– Носи! И не снимай! – приказал Иван. – Ты мой вечный должник! Я тебе жизнь вернул... Дал, а потом вернул! Понял? Ты меня понял?! Не снимай никогда...

Иван провалился во мглу. Но последнее, что увидел перед провалом было встревоженное и совсем человеческое, вопрошающее лицо с серыми глазами, лицо, склоненное над ним. О чем сын хотел его спросить. О чем?! Иван так и не узнал этого.

Две безликие тени возникли перед карликом Цаем ван Дау внезапно. Но он сразу понял, кто это.

– Ты хотел уйти от нас? – сокрушенно, почти плача, спросила одна из теней.

Цай промолчал, он знал, что теперь разговоры бесполезны, все будет зависеть не от его ответов, а от того, какие инструкции получили в Синдикате серые стражи. Они могут просто взять да пропустить через его позвоночник ку-разряд – и это будет крышка, четвертого разряда Цай ван Дау не выдержит, и ни одна из комиссий не установит, что он умер насильственной смертью.

Но тени словно читали его несложные мысли:

– Не бойся, – ласково прошипела другая, – ты еще нужен Синдикату, тебя не ликвидируют... пока. Но примерно накажут, чтоб впредь неповадно было, и другим в науку!

Цай молчал.

Первая тень неторопливо оглядела камеру, обвела липким пристальным взглядом пол, стены, потолок, сливающиеся в нечто серое и единое. И спросила, указывая мыском серого сапога на бесчувственное тело:

– А это еще что?!

– Псих, – ответил карлик Цай.

– Больной, что ли? – переспросила тень.

– Ага, больной, – равнодушно выговорил Цай. Ему теперь было на все наплевать, мечты о тихой и спокойной старости на заброшенной дальней планете канули в тартарары. Ничего не будет. Ни-че-го!

– И чем же он болеет, позвольте узнать?

– Душою, – голос Цая совсем померк.

– А ты решил спрятаться у него в палате? Ты забыл, что в твоём мозгу сидит маленький такой дельта-маячок, забыл, что старые и добрые друзья всегда видят тебя и никогда не бросят

одного? Эх ты, Цай ван Дау, а еще отпрыск царских кровей в тридцать восьмом колене!

– Императорских! – поправил Цай.

– Чего?!

– Императорских кровей, вот чего. Только не осталось их во мне, ни хрена не осталось – всю кровь вы мою выщедили, кровопийцы! Убивайте здесь! Никуда не пойду с вами! Надоело! – Цай выпалил все это на одном дыхании и отвернулся.

– Не хочет, – с издевкой протянула одна из теней.

– Устал, небось, – сочувственно просипела другая. И тут же добавила:

– Надо ему освежающий массаж сделать, тонус поднять!

И обе тени придвинулись к Цаю на расстояние вытянутой руки, сунули руки в боковые карманы серых балахонов. Стражи Синдиката были на службе и они не имели права на сострадание.

– Я убил его... – неожиданно прохрипел лежавший на полу.

– Бредит? – вслух осведомилась одна из теней.

– Может, убраться? – вопросом на вопрос ответила другая.

И вытащила из кармана крохотный черный шарик на трубочке без рукоятки – распылитель ограниченного действия. Сноп лилового искрящегося света накрыл лежащего, окутал фиолетовым облаком... и пропал, улетучился.

– Что еще за дела?! – воскликнул первый страж.

– Это фантом, – развел руками другой. – Его здесь нет, одна видимость. Сейчас проверю! – Он подошел ближе к лежащему, пнул ногой – удар был ощутим и телесен. Он пнул сильнее.

– Прости меня, я чуть не убил тебя... – снова прохрипел лежащий. И открыл глаза. Они смотрели вверх, но ничего не видели, это был отсутствующий взгляд человека, глядящего во мрак.

– Брось ты его! Не наше дело!

– Да, пора заняться этим! – он кивнул на Цая.

Цай вытарашенными глазищами, сквозь наплывающие полупрозрачные бельма смотрел на Ивана, лежащего посреди камеры, и ничего не понимал. Да, он знал, что самого Ивана нет, что лежит здесь лишь его материальная оболочка, а точнее, просто конгломерат атомов, молекул, клеток, внешне абсолютно похожий на ушедшего. Но почему распылитель не берет этого двойника? Почему?! Цай ван Дау был не просто

инженером, ученым, конструктором и создателем новейших технологий, он был еще и философом, мыслителем. И он обязан был даже перед смертью разгадать загадку, ум его проснулся, Цай ожил. Ретранс делали не на Земле, его делали не в этом веке – и все его возможности были еще неясны. Но ретранс явно гарантировал возвращение странника в его тело, то есть он обеспечивал неуничтожаемость этого тела! Теперь все менялось в корне.

Карлик Цай встал. Подошел ближе к стражам Синдиката, шершавым распухшим языком провел по кровоточащему нёбу и, глядя прямо в невыразительные глаза одного из стражей, плюнул черным сгустком ему в лицо.

Цай знал, что они могут убить его здесь, уничтожить полуматериальную оболочку, но им неподвластно его тело, оставленное в бункере... а сознание, душа, все, что спрессовано в объеме его мозга – неуничтожимы, даже если его сейчас распылят в ничто, они распылят только материю, а сам он вернется туда, откуда прибыл.

Цай громко расхохотался.

И стражи все поняли. Они осознали свое бессилие. Один из них, оплеванный и униженный, достал из кармана платочек, размазал черную кровь по лицу. И прошипел:

– Ничего! Куда ты от нас денешься?!

Другой злорадно ухмыльнулся и уставился в упор на Цая ван Дау, беглого каторжника, наследного императора и гения подповерхностных структур. Этот гений нужен был Синдикату живым. Но ни одна из инструкций и ни один приказ не освобождали этого гения от заслуженных им наказаний, а уж степень этих наказаний позволялось иногда определять самим серым стражам на месте.

Очнулся Иван в зеленой травушке посреди колючего полуживого кустарника. Он не сразу понял, что произошло, долго озирался, вспоминал, пока не сообразил, что Авварон, подлец и негодяй, исполнил обещанное, а потом снова впихнул его в «черный пузырь». А вот сколько прошло времени, Иван не знал. Он сидел в траве и удрученно разглядывал свои разбитые в кровь, изодранные руки. Все лицо горело от боли, кости ломило, комбинезон был черен и грязен. Жуткий сон! Да, все это было жутким, кошмарным сном, этого не могло быть в действительности, не могло, и все тут! Сын-оборотень, синовий кол, страшная избушка, и не избушка вовсе, а пере-

ходной шлюз, такие на Земле будут лет через тыщу, не раньше! Аленка, постаревшая до неузнаваемости, наваждение, злой, гнетущий морок!

Горло сдавливало накатывающими судорогами, измятая грудь болела, пылала – она, как и лицо, было сплошной раной, одним большим синяком-нарывом. Иван провел рукой по коже, – прямо под разодранным воротом, от шеи, потом на грудь... крестика не было. Неужели он и впрямь отдал его сыну-оборотню?! Нет, скорее всего цепочка оборвалась и крестик потерялся, лежит где-нибудь как и кристалл этот. Сон! Тягостный, черный сон! Но он сам просил о встрече, никто ему не навязывал ее. Ах, Авварон, Авварон – темная душонка, одним словом, нечисть.

Иван попробовал приподняться – тело его слушалось, но болело немилосердно, до черных кругов в глазах, до неудержимого стога. Это ж надо, как его отделали! И кто? Сыночек родной! Родимый! Плоть от плоти, кровь от крови! Оборотень! Мерзавец! Предатель! Негодяй! Иван вдруг оборвал свои излияния... это кто еще предатель?! это кто негодяй?! Он сам их бросил и предал. И родился его сын не на Земле, а в треклятушем Пристанище, и рос в нем, по его черным и гнусным законам. Хорошо еще не стал чем-то похуже! и не сон это, а явь, чистая явь! Иван глухо, с надрывом застонал.

Но тут же вновь люто сдавило виски, бросило наземь, замутило, закрутило. И пробился прямо в мозг голос:

– Иван! Иван, что с вами?! Почему вы молчите? Я не могу долго поддерживать связь, канал скоро закроется! Иван!!!

– Да здесь я, – вяло ответил Иван. Он не знал, что делать. Авварон не простит ему обмана. Да и идти на обман Дело негодее, грех. Хотя какой это грех провести нечистую силу, не грех, а хитрость... военная доблесть. Эх-хе-хе, хитрость, это и есть грех. Да, он обещал отдать Кристалл, обещал, никуда не денешься. Но разве он называл точные сроки, когда отдаст?! Нет, не называл. Ну и нечего спешить. Все будет отдано, что положено. Потом!

Иван пошарил рукой – не Кристалл, а граненое стеклышко нащупали пальцы. Его надо отогреть, оживить, насытить теплом человеческим, и тогда это стеклышко станет Кристаллом. А-а, была не была!

– Сихан, я готов! – прошептал Иван. – Забирайте меня отсюда.

И снова как сквозь вату пробилось: «Я не вижу тебя, Ванюша, милый! Отзовись на зов дядюшки Авварона, не молчи!» Он пробился, он пересилил барьеры и преграды. Но в «черный пузырь» ему не войти. И слава Богу! Есть мир людей. Есть Пристанище. И есть Преисподняя. Три разных уровня, меж которыми миллионы ярусов и пространств, миллиарды миров-гирлянд и иных измерений, пронзаемых миллионами сфер-веретен. И каждому есть по воле Божьей свое место. Вот и сиди на этом своем месте! Прав был батюшка, прав, человек должен жить в людском мире, жить по-людски, и нечего во тьме искать света. Господи, обереги душу раба Твоего, ибо ставший Твоим рабом, отдавший Тебе себя, никогда и ничьим рабом уже не станет, а пребудет во всех мирах Твоих свободным и творящим. По Образу и Подобию!

– Забирайте меня – заорал Иван.

Обеими руками он прижимал к вискам ретранс и еще мертвый кристалл. Он был готов к перебросу. Но он не знал, кто окажется сильнее: Первозург Сихан Раджикрави, создатель Пристанища и управитель каналов, или черный кубик. Это выяснится позже – Сихан перебросит его из замкнутого мира планеты Навей, а там... нечего гадать, иначе будет поздно, иначе Авварон накроет их всех.

– Ну чего вы тянете?!

Ответа не последовало. Зато прямо над Иваном разверзлась вдруг огромная воронка черного, безумного, бешеного водоворота. И его потянуло туда, приподняло, стало засасывать. Боль в висках утихла. Он вообще перестал ощущать собственное тело... его вырвало из мира зеленых лужаек, колючих живых кустов, оборотней, зургов, шестикрылых драконов, леших, оборотней, вурдалаков и навей. Вырвало и швырнуло во тьму.

На какой-то миг Ивана вынесло прямо в Пространство, над сияющей и огромной Землей. Он завис в пустоте и холоде. Но его не убило, не разорвало собственным давлением, не сожгло, не превратило в кусок льда – он просто замер, удерживаемый двумя незримыми силами, борющимися не с ним, не с его телом, а друг с другом. И когда одна перемогла другую, пересилила – его рвануло вниз. Но он не упал на исплинский земной шар. Он не сгорел в атмосферных слоях.

Он просто очнулся посреди серой, обитой жестким синтоконом камеры, камеры без окон и дверей. Он видел свои руки – они не были разбиты и разодраны. И комбинезон был цел.

Только немного болели бока, ныла скула. Но это были мелочи. Важным было иное: в камере стоял какой-то зудливый, неприятный шумок. Он просто вытягивал нервы из тела. Иван оторвал лицо от ладоней, от синтокона. И увидел двух типов в серых балахонах, серых сапогах и кругленьких шапочках на головах. Они стояли в углу, раздвинув руки, удерживая в них что-то похожее на тончайший невод. Внутри невода было сияние, зеленоватое, тусклое, неровное... И в этом сиянии бился в мучительнейших судорогах карлик Цай ван Дау.

Иван оцепенел. Но замешательство длилось недолго. Серые не успели даже голов повернуть к нему, как уже лежали на полу с вывернутыми руками. Осевший невод утянул за собой свечение. Цай вывалился из его тенет и рухнул замертво. Рядом с ним упал и сам Иван – последние силенки ушли на рывок, на усмирение незнакомцев.

Лишь через полминуты Иван сумел пошевелить языком и спросил у очнувшегося Цая:

– Кто это?!

– Дерьмо! – коротко ответил ван Дау.

– А это? – Иван кивнул в сторону невода.

– А-а, вот это знатная штукавина, – заулыбался горько и двусмысленно Цай, – ку-излучение не портит ни кожи, ни мяса, но ощущение такое, будто тебя поджаривают и снаружи и изнутри. А ежели эту мерзость пропускают сквозь позвоночник, Иван, лучше и на свет не рождаться!

– Ясно!

Иван понемногу приходил в себя после переброса. Силы возвращались не сразу, но возвращались. Он еще полежал немного, потом поднялся, подошел к серым. Те пребывали в полубабытьи, только стонали и чуть шевелили вывернутыми из ключиц руками.

– Не слишком я с ними... э-э, грубо? – спросил Иван.

– Да нет, ничего, не слишком, – развеял его сомнения карлик Цай. – Ежели где чего лишнее нужно, это уж по моей части.

Он тоже медленно оправлялся, приходил в себя.

Встал, подошел к одному из серых, вытащил у него из кармана балахона трубочку с шариком, направил ее на одно тело, потом на другое, полыхнуло сиреневым полыхом... и ничего на полу не осталось.

– Зачем?! – растревожился Иван.

– Да ладно, не беспокойся, – осадил его карлик Цай, – этого дерьма в Синдикате хватает.

– В Синдикате? – переспросил Иван.

– В нем самом.

– Ты отрезал все дороги назад!

– Они у меня давно отрезаны, Иван.

Цай ван Дау снова присел в углу палаты-камеры, пригорюнился. От стражей он ушел. А вот от себя да от этого русского Ивана никуда не уйдешь. Прощай, планетка с голубыми кактусами и зелеными тюльпанами, прощай, тихая спокойная старость!

– Я слишком рано пришел, – вдруг начал оправдываться Иван. – Обещал в тот же час и тот же день...

Карлик рассмеялся, и снова из дыры во лбу потекла у него черная кровь, снова растрескались узкие губы, обнажая воспаленные десны. Цай был болен, давно и неизлечимо болен. Но его железной воле, его выдержке могли позавидовать многие.

– Ты, Иван, не рано пришел, – сказал он, – совсем не рано, ты чуть не опоздал. Еще бы три минуты, и здесь никого бы не осталось, они уже кончали меня наказывать. Понимаешь, они все время меня наказывают, чтобы я ни делал, я вечно наказанный. Синдикат заработал на моих мозгах сотни миллиардов, а я все виноват! Так вот, они же собирались уводить меня с собой... и тут ты заявился, а, точнее, очухался.

– Неважно. Я о другом хотел сказать, – продолжал Иван, – я еще не везде побывал, Цай. И ты должен меня понять. Ты чуть не отдал Богу душу из-за меня, натерпелся от извергов. Но я не могу начать этого, пока не облегчу душу. Я страшный грешник, Цай, я слишком многим должен, я по уши в долгах, но главное, мне надо принести покаяние... принести тем, перед кем я грешен, перед кем виноват. Я был в Осевом... да, да, мы когда-то там были с тобой вдвоем, но это совсем иное, я был в Пристанище, я вернулся оттуда, но часть меня осталась там. Я не знаю, приняли мои покаяния, нет ли, но я сделал то, что обязан был сделать... теперь мне надо в Систему. Мне надо повидать одну русоволосую, ты ее не знаешь, мне надо выведать кое-что... но главное, мне надо повидать ее. Я уже погубил двух женщин, погубил своего сына... и чуть сам не лишил его жизни, а ведь я даже не спросил, как его зовут, вот какой я человек, Цай. Но там все, там уже все! А в Системе еще может быть надежда, я обязан туда идти! Потом не будет

такой возможности, потом вообще ничего не будет. Ты понимаешь меня?!

Цай ван Дау молчал. Но он все понимал.

Он понимал, что Иван вернется в камеру в тот же час, в тот же миг, когда и покинет ее. Но это будет потом, а он останется здесь. И еще неизвестно, кто заявит сюда до возврата русского странника, ведь слишком многие хотели бы свести счеты с беглым каторжником. Иван оставлял его на муки и смерть.

– Иди! – сказал Цай. – Но помни, люди ждут тебя. Ты не должен погибнуть там.

– Да, – глухо выдавил Иван, – я пойду... сейчас пойду.

Карлик Цай пригляделся к нему, вытащил из кармана горсть стимуляторов, протянул на ладони.

– Это все, что я могу тебе дать с собой. Бери! – сказал он. И тут же, будто спохватившись, достал из-за отворота короткого сапога витую рукоять. – Возьми и это, пригодится!

Иван вздрогнул. Откуда у Цая чудесный меч?! Он сразу узнал эту рукоять. Ну ван Дау, ну молодец, вырубил!

– Давай!

Иван плотно сдвинул рукоять, лезвие, широкое и сверкающее, молнией вылетело из нее, озарило полутемную камеру.

– А ну испробуй!

Иван не заставил себя упрашивать. Он рубанул по серому синтокону, рубанул вскользь, неглубоко, но острейшее лезвие меча рассекло пластик на полметра вглубь, будто широченная пасть огромной гадины раззявилась.

– Нормально, – тихо и умиротворенно сказал Цай. – Вот и все. Больше мне нечего тебе дать.

– Больше ничего и не надо! – ответил Иван. Теперь все зависело от того, куда вынесет его черный кубик, непослушный и строптивый ретранс. Иван разжал ладонь, рукоять привычно и легко скользнула по предплечью, замерла, как приросла к комбинезону.

– До встречи – бросил Иван.

И приложил кубик к переносице.

Он собрался как никогда, он сосредоточил волю, разум, сознание, подсознание, сверхсознание, силу, веру, все, что в нем было – сосредоточил в малом объеме, в крохотном шарике над переносицей, его не было сейчас в его собственном теле, он был только в этой раскаленно-ледяной корпускуле. И когда он понял, что он весь там, что ничего более от него во-

вне не осталось, он явственно увидел перед собою хрустальный куб, парящий над землею, великолепный в своей простоте и изяществе, сияющий голубоватым сиянием, переливающийся и непомерный в своей глубине. Он увидел это неземное чудо. И вдавил черный кубик в кожу, прямо в шарик-корпусулу.

– Возвращайся! – крикнул вослед Цай ван Дау, карлик с душой великана.

Но Иван его уже не слышал.

От удара он потерял сознание. Тут же очнулся. И ничего не понял. Он висел прямо в Пустоте, посреди черного звездного неба. Он падал в страшную, бездонную пропасть, он падал в ту жуткую, кошмарную вселенскую пропасть, в которую падают все миры, все звезды, все планеты, астероиды и кометы, метеоры и болиды, туманности и галактики – он падал в ужасающую Пропать Вселенной. С ним это было, много лет назад было. И тогда он висел в черной пустоте, низвергался вместе со всем живым и неживым в смертный омут. Это было в логове самой владычицы Мироздания, в обители хозяйки Пространства – Смерти, всепожирающей и всемогущей, Владычицы владык и Госпоже господ. Но тогда он был в тройном скафе с умопомрачительнейшими системами защиты... А теперь он гол! Тонкая ткань комбинезона... и все! Ивана сковало льдом ужаса. Это гибель! Это конец! Доигрался! Но тут же он понял, что если не умер в первый миг падения в эту Пропать, то не умрет и во второй – что-то защищало его посреди ледяного безвоздушного пространства, что-то вело его, влекло, тащило. Но что?! Он вертел головой, пытаясь узреть хоть что-то... И наконец узрел – из мрака черных непроглядных далей выплывала капсула... нет, не капсула, на Земле таких не делали, выплывал космический корабль инопланетян, сторожевик, нет, патрульный крейсер. Именно к нему неудержимо влекло Ивана.

Он начинал кое-что понимать. Он воззрился на звезды, на их хитросплетения в черноте. И он увидел виденное не однажды – мнемодиаграммы! те стародавние мнемодиаграммы, что сняли с него в российском областном мнемодиацентре, те самые координаты... нет, не координаты, это сами звезды! Он на периферии Вселенной, он у Черной Дыры, он в том самом месте, где погибли его родители... и значит? Значит, это сторожевик-патрульщик негуманоидов Системы! Они берегут границы своего мира! Он в их лапах! Ретранс не смог перебросить его сквозь Черную Дыру, сквозь исполинскую воронку, соединяющую

две вселенные, они оказались сильнее, они засекли его, они его выловили из иного измерения, связующего два мира, выловили и будто на леске тянут к себе. Черт возьми!

Всего через несколько секунд Ивана всосало в патрульный корабль. Нет, это не крейсер, у страха глаза велики! Это всего лишь катер, обычный патрульный катер... просто неземной катер, овальный и ребристый, угловатый, как и все в угловатом мире Системы.

С ним не церемонились. Еще через пару секунд Иван лежал под прозрачным колпаком, и три трехглазые чешуйчатые морды пристально разглядывали его. Негуманоиды! Ему ли не узнать этих тварей! Иван чуть не закричал, чуть не выругался! Первым желанием было – выбросить проклятый черный кубик, забросивший его опять не по адресу, растоптать его, раздавить! Но он сдержался.

Колпак исчез. Негуманоиды, эти сверхлюди, наделенные немислимыми возможностями, уже изучили его и, само собой, не боялись. Он был для них букашкой, тлей, комариком, залетевшим в случайно открытую форточку – ему не единожды давали понять об этом еще в прошлый раз. Ничего не изменилось. Они остались такими же. Наглыми, высокомерными, сильными и бесчеловечными. А чего он ждал? Торжественных речей и оркестров?!

Одна из пастей наконец раскрылась, заскрипели пластины, затрещало, заскрежетало... но синхронный переговорник донес до Иванова сознания:

- Мерзкая гнида.
- Ничтожная гнида, – проскрежетала вторая пасть.
- Ненужная гнида, – добавила третья.

Трижды три огромных мутных глаза смотрели на него сверху как и тогда, и не было в этих глазах жизни, но не было в них и смерти, это были холодные, нечеловеческие глаза, каких не могло быть ни у одной земной твари, ни у ящера, ни у насекомого, ни у рыбыны... в черных матово поблескивающих зрачках с золотистыми ромбовидными прорезями стояла ледяная спокойная, обыденная ненависть. Да, это были они!

Иван вспомнил свою вторую встречу с негуманоидами, когда они без скафандров, извне разодрали обшивку его капсулы и пробрались внутрь, все круша, он расстреливал их в упор с двух рук, а они были неубиваемы, это рождало чудовищный, неосознанный страх. Но он справился с ними тогда. Он справится с ними и сейчас!

– Данная особь досконально изучена и интереса не представляет, – проскрипел первый негуманоид и отодвинулся, откатился в черном угловатом кресле к черной корявой перегородке.

– Да, подлежит ликвидации. Низшая раса – ХС-114, предпоследняя ступень, полубезмозглая тварь, слизняк, – прошипел второй.

– Только не здесь, – добавил третий.

Ивана вдруг приподняло, развернуло и потянуло к овальному люку наверху. За люком – космос, смерть, конец. Теперь его оберегать не будут, теперь он уже «интереса не представляет!» Ну что ж, для себя и еще кое для кого он пока что вполне интересен. А значит, рано впадать в уныние!

Рукоять послушно скользнула в ладонь. Выскверкнуло сияющее лезвие меча. Для него нет полей, нет барьеров.

– Вот тебе, Гмыш! – прорычал Иван, зверея от ярости.

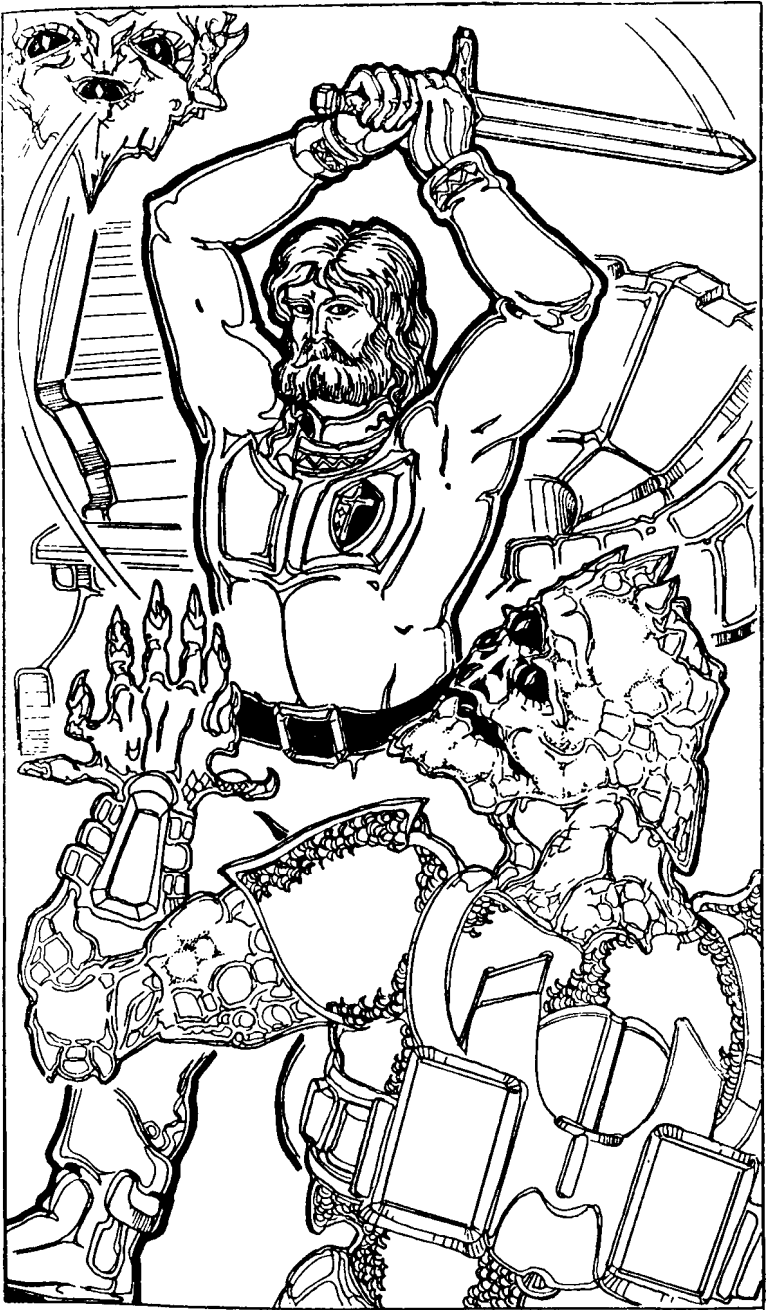
Шипастая, пластинчато-панцирная голова первого негуманоида непомерным кокосовым орехом подскочила над плечами, полетела вниз. Но не успела она проделать и половины пути до черного ребристого пола, как вслед ей полетела вторая голова.

– Получай, Хмаг! – цедил Иван. Он помнил все. Все! Даже имена этих тварей. И пусть так звали других негуманоидов, пусть, мстить он будет и тем и этим! «Да не придет он сюда мстителем, да не умножит зла...» – прогремели вдруг в мозгу у Ивана последние слова матери. Ничего, мама, ничего! Все не так! Он еще и не начинал мстить! Это еще даже не начало! Это всего лишь прелюдия начала. Мне мщение, и аз воздам! Все по-Божески, все по-людски!

Третий негуманоид когтистой восьмипалой лапой разорвал комбинезон от ворота до плеча, раскровянил тело. Но поздно. Он опоздал на полмига – и его голова летела с плеч поганым трехглазым бочонком. Все! Покончено с гадами! Иван оттер ледяную испарину со лба.

«И ляжет на него мое проклятье!» – прогрехотало в мозгу. Нет, не ляжет, мама. Не проклятие твое мне требуется. А доброе слово твое. Напутствие и благословение.

Иван пнул одну из голов, бессмысленно тарачивших мертвые глазища. Прошел к иллюминатору – черному пустому квадрату. И заглянул в Пространство. Да, невооруженным глазом видел он сейчас Черную Дыру, страшную дыру Вселенной. Для землянина нет ничего чернее черноты Простран-

ства. Но огромное пятно округлой формы – коллапсар, мрачно посреди черноты, чернело непостижимой тьмой среди тьмы беспроглядной, даже глаза ломило. Иван вглядывался в этот убийственный мрак – и белые круги и полосы начинали мельтешить перед глазами, тьма вытягивала свет из них и давала свое зрение, черное, страшное зрение. И проявлялись лики давно ушедших, и высвечивались их тела. Он видел наплавающий издали корабль, устаревший, допотопный, с ограничительными поручнями вокруг выступающей рубки, такие были в XXII веке, и в начале XXIII века они еще были. Но это, Иван знал, особый корабль, корабль его памяти, корабль, на котором он родился посреди Вселенной. Но он ушел с этого корабля, а они навеки остались... Иван видел две фигуры, белые, рвущиеся к нему, прикрученные к поручням. Это его отец, это его мать. Они давным-давно погибли в беспощадном пламени, их убили нелюди – трехглазые, шипастые, пластинчато-панцирные нелюди, вот такие, что лежат сейчас позади, убили походя, в вечной холодной ненависти ко всему иному чем они сами. Смертное пламя высвечивало лица, наполненные страданием, рты раскрывались в беззвучных криках и стогах, тела извивались, головы запрокидывались... и дольше века длилась мука, дольше жизни тянулась пытка.

Иван отшатнулся от иллюминатора. Хватит! Иначе можно сойти с ума!

Резким рывком он выкинул обезглавленное тело из черного угловатого кресла. И уселся в него сам. Мыследатчики везде мыследатчики. Переговорник переведет его приказ. А если система управления кодирована? Он ведь не знает кода!

– Назад! На базу! – коротко приказал он, не произнося вслух ни слова.

Рисунок звезд и созвездий за бортом не изменился. Сторожевик негуманоидов не слушался его команд. Значит, есть код. Значит, он пропал!

– На базу! – повторил он. – Возврат в Систему!

Нет! Бесполезно. Теперь сторожевик пойдет на автопилоте. Он не признал чужака. Да и как он мог его признать, слава Богу, что не уничтожил. Эх, верно Дил Бронкс говаривал, простота хуже воровства... все они так говорили. Говорить всегда проще. Поучать и советовать, менторски похлопывать по плечу всегда легче, чем дело делать да работу работать. Это Иван знал точно. Но он никогда не обижался на советчиков и поучителей. Пускай говорят, пускай учат, что им, не

рискующим носа высунуть из своего угла, остается делать, ну да Бог с ними! Он вытащил ретранс, подбросил на ладони черный волшебный кубик. А почему бы не попробовать еще раз? Надо только... его вдруг ошарашило: Невидимый спектр!

– Ну, поехали! – процедил он сквозь зубы.

И сдвинул черный кубик в кулаке. Льдом прожгло ладонь, выстудило все тело. И разверзлись преграды и переборки, и всепоглощающая глубь черноты наполнилась мохнатыми, дышащими структурами, переплетениями, сверкающими решетками, уходящими в непостижимую для глаза бездну. Невидимый спектр! И как он мог забыть про главное предназначение ретранса?!

– В Систему! – взревел Иван во всю глотку.

И тотчас черная воронка коллапсара, мрачный омут Иной Вселенной начал всасывать его вместе с патрульным кораблем. Нет, не всасывать, так только казалось, они на огромной скорости неслись прямо на коллапсар, в чудовищное жерло, в адскую пропасть. И теперь ничто не могло остановить этого падения.

– Господи, спаси и помилуй, – будто в тот, первый раз, взмолил Иван, – огради меня силою Честного и Животворящего Креста Твоего, укрепи душу мою и дай сил мне!

И будто эхом прокатилось где-то внутри: «Иди! И будь благословен!» Накатила волна тепла, потом стало жарко, невыносимо жарко. И вдруг жар схлынул. И что-то холодное, колючее, непонятное сдавило его сердце, острыми иглами пронзило все тело от висков до лодыжек, будто тончайшие ножи проткнули легкие, мышцы, кости, аорту, вены, печень... Сдавilo невыносимо. И отпустило. Из тьмы, из ужаса и боли высвечивались звезды, крохотный кусочек звездного неба, клочок. Но он приближался, он рос, ширился. Слава Богу! Иван откинулся на уродливую спинку уродливого кресла. Они выходили из коллапсара. Сторожевик проскочил дьявольскую воронку на невероятной скорости. Прорвался!

Иван терял сознание. В глазах все мутилось. Он силился привстать с кресла. Но ничего не получалось. Иная Вселенная! Она вытянула из него все силы, все соки. А ему еще так много предстоит свершить и в ней, и за ее пределами. Ну почему все так глупо и нелепо складывается?! Нет! Нельзя вдаваться в уныние! Нельзя! Надо держаться! Он упал, покотился по ребристому полу. На него навалились обезглавленные чудовищные тела, головы с мертвыми глазами. Они все падали.

Сторожевик падал... куда? Иван пытался удержать сознание. Но не смог.

Рот был полон спекшей вязкой крови. Глаза и уши болели до невозможности, казалось, их сейчас разорвет, вот-вот хлынет из них... и тогда все, тогда гроб с музыкой. Какая там к черту, музыка! Иван медленно приходил в себя. Налитые свинцом веки не желали слушаться его. Но он пересилил их, приоткрыл глаза – в черной чуть подрагивающей поверхности отражалось в полумраке и сырости чье-то искаженное мукой лицо. Он не сразу узнал себя... и никакая это не поверхность, это просто лужа. Иван дернулся, боль пронзила позвоночник, ударила огнем в ноги, прожгла запястья.

– Господи, за что?! За что-о-о?! – простонал он.

Это было нелепо, невозможно, гнусно, подло, необъяснимо. Он снова висел посреди мрачного сырого подземелья, висел вниз головой на ржавых железных цепях. Проклятие! Он снова на Хархане-А! Он снова в заточении!

Ивану на секунду припомнился жирный боров, которого он подвесил точно так же, его звали Сван Дейк. Недолго тому пришлось провисеть. А вот сколько «дозреть» ему, Ивану?! Если больше часа – глаза лопнут, барабанные перепонки не выдержат, хребет не выдюжит. Вот так дела!

– Эй, кто там?! – захрипел Иван. – Есть кто живой или нет?!

С потолка в лужу капали черные капли – звонко и гулко. Никто не отзывался. Да и кто тут мог отозваться. Его перехватили. Снова перехватили! И снова бросили в заточение «дозреть!», а может, просто на смерть бросили, подвесили, чтоб помучился, проклял самого себя и свое безрассудство. Но это дела второстепенные, дела личные – помирать-то ему, Ивану, а не кому-то другому. А главное в ином, опять он попал не в Систему, а в «систему», угодил под колпак. А это совсем плохо!

– Э-эй, сволочи!!! – заорал Иван.

Он уже точно знал, что никто не ответит. Просто нервы сдали. И на память пришла вдруг мохнатая и сонная, вечная Марта, висящая в прозрачной сети где-то в Невидимом спектре на пересечении квазиярусов. Вечная Марта! Волосатое раздутое брюхо, шланги, провода, морщинистый толстый хобот, уходящий в аквариум, миллионы мальков-зародышей, будущих воинов Системы. Вырождение! Да, вот в чем суть –

Система выродилась, эти нелюди не способны даже продлить свой род, не способны оставить потомства – это полнейшая дегенерация, это абсолютное вырождение. Вот они, сошлись полюса... Ивана будто молнией озарило: дегенерирующая Система, убивая Землю, вливает свежую кровь в свои дряхлые вены, но это не здоровая кровь землян, это черная жижа земных вырожденков. Не Вселенная на Вселенную идет войной, а дегенераты обеих Вселенных, сплываясь, объединяясь, готовят жутчайшую бойню всему невыродившемуся, всему здоровому. И они не спешат, они сладострастно наслаждаются своей силой, своим коварством, своей хитростью, их сластолюбие тешит безропотность и открытость обреченной на заклятие, безмятежной и беззащитной жертвы. Они будут не просто убивать, молниеносно и решительно, но упиваться растянутым во времени изничтожением всех, не поддавшихся гниению, разложению, вырождению, ибо в этом их суть, ибо порождены они не Богом, но дьяволом – и в этом вырожденки-дегенераты всех миров и вселенных едины и единосущны с их первообразами в самой преисподней. Вот она разгадка! И прочь иллюзии, прочь слюнявые и хлипкие надежды, прочь розовенькие мечты и идиотически-слащавую веру во всеобщее братание, мир без границ, единение в каких-то изначально ложных и лживых общечеловеческих ценностях, прочь сахарные слюни и сиропные сопли, ложь все это, обманка, рассчитанная на доверчивых, обреченных на заклятие простаков. И уготованы этим простакам цепи, ржавые железные цепи, кнут, плеть, распятия, голод и смерть. И ничего более! Что ж, они хотели, чтобы он «дозрел»? Ну вот он и дозрел. Пора!

Иван подтянул к лицу скованные железом руки. Мышцы напряглись от нечеловеческого усилия, волна дрожи пробежала по телу от икр до оцепенелых ледяных мизинцев рук. Он не человек. Он спрессованная мощь двенадцати славяно-арийских тысячелетий! Он титан! Он бог силы и веры! Он, и только он! Еще немного... стальные наручи лопнули, разлетелись.

– Вот так, – выдохнул с облегчением Иван. Витая рукоятка скользила в ладонь.

Он дозрел. Он окончательно дозрел. И они скоро убедятся в этом. Харалужное сверкающее лезвие меча расцвело во мраке подземелья невиданным цветом, отразилось в грязной луже, разбросало отблески по сырým и мшистым стенам. Иван подтянулся, выгнулся и рубанул наотмашь по ржавой цепи –

только лязгнул вбитый в потолок огромный крюк да обрывком цепи ударило по ногам.

– Опа! Вот так! – Он успел перевернуться на лету, опустился на ступни.

И долго стоял, зажмурив глаза, дожидаясь, пока кровь отошьет от головы, начнет нормально бродить по венам да артериям, пока расцепенеют сведенные судорогами мышцы. Потом как-то разом напрягся, замер и гулко, с облегчением выдохнул. Он созрел! Ну-ка! Тройным «китайским веером» высветило мрак, меч, описав на разных уровнях три сверкающих ослепительных круга, замер, тонко звеня в сильной и умелой руке. Пора!

В это время с грохотом и треском вывалился из мшистой стены большущий каменный блок на двух замохнатевших от старости цепях. И ввалились невесть откуда в подземелье три стража.

– Пожаловали, дружки! – глухо обрадовался Иван.

Теперь он был опытный, обученный, он не стал выжидать да обороняться. Он с ходу развалил на две неравные части ближнего негуманоида. Вырвал лучемет из ослабевшей восьмипалой лапы. Но не стал жечь второго, не успел, тот уже вскидывал ствол – пришлось отсечь ему сразу обе клешни и тем же ударом обезглавить третьего.

– Вот так вот, гмыхи, хмаги и хряги! – прохрипел Иван, снимая голову с плеч изувеченного. – Вы, небось, хотели меня поприветствовать на Хархане-А в какой-нибудь там месяц цветущих камней, да? И вам привет!

Он прыгнул на каменный блок. И тот пошел наверх, гремя, скрипя, издавая чудовищные и натужные звуки. Эх, вот сейчас бы яйцо-превращатель, как в прошлый раз, он бы тогда показал им! Иван почесал затылок, усмехнулся. Ничего, он им и так покажет.

Блок вынес его прямо в караульное помещение, к вертухам – их было всего четверо. И обмениваться поклонами с этими полуживыми явно не имело смысла. Иван знал, что лучеметом их, конечно, можно долго и с некоторым результатом жечь, ребятки крепкие, не людишки земные, не мокрицы и слизни, не комарики и червячишки, но лучше время не тратить.

Он с диким воинственным криком выскочил наверх, еще прежде, чем поверхность блока сравнялась с титанологговым полом. И превратился в сверкающий шар – не было видно ни

его, ни меча. Только летели по сторонам отсеченные лапы, когти, жвалы, головы. Он управился за несколько секунд. Поставил, передохнул.

Шлюзового шара в караулке не было видно. Значит, надо искать, ничего не поделаешь. Он не собирался торчать в «системе» вечно. И он не боялся никого на свете. Плевать! Теперь, после того, как он беспощадно и без малейших сомнений, в режиме автомата смерти уничтожил уже десятерых негуманоидов, пробился на поверхность, его никто не посмеет остановить. Да, за ним следят, как и в прошлый раз! Да, он под колпаком, как и в прошлый раз! Но теперь он не игрушка в чужих руках. И они это сразу поняли. Оператор, который его ведет по «системе», незримый, но существующий оператор не причинит ему и капли вреда, не посмеет поставить заслона, ибо... Ибо так себя могут вести лишь облеченные силой и властью! Ибо неостановимы и беспощадны несущие послание от неостановимых, всемогущих и беспощадных! А таких уважают, ничего не поделаешь, это закон всех миров. Он выше их, ибо волен в себе, и он хозяин себе. А они лишь исполнители... Да, они когда-нибудь обязательно получат приказ остановить его, убить, обезвредить, этого не миновать. Но он опередит их всех, он прорвется к цели!

Иван вытащил ретранс. Призадумался. Нет, еще рано, гляделся по сторонам. Дверей и окон в караулке не было. Значит, шлюз где-то здесь. Эх, жаль нет с собой шнура-поисковика, тот быстрехонько бы разыскал ход. Что же делать? Ага, вот черный ребристый параллелепипед стола, за которым сидели вертухай. Какой же это стол! Это вообще не предмет, не материя. Это сгусток непросвечивающей и незнакомой ему энергии. Он подошел ближе, сунул в «стол» мысок сапога, тот пропал из виду, пальцы начало покалывать. Иван быстро вытащил ногу. Подобрал с полу отрубленную голову и швырнул прямо в черноту – она исчезла беззвучно и бесследно. Так и есть. Шлюз именно там!

Иван уже собирался нырнуть во мрак и неизведанность, как из этого самого мрака высунулась сначала трехглазая жирная морда вертухая, а потом и все корявое могучее тело на упористых четырехпалых птичьих лапах. Вертухай был один к одному похож на старого знакомого Ивана, на того, что сторожил в угрюмом и тихом саду земных женщин, предуготовленных на роли маток в квазиярусах – жирный, оплывший и

изленившийся евнух в гареме, посреди жен и наложниц владыки. Черт их разберешь, все на одну рожу!

– Вылазь, вылазь, браток, – покликнул Иван.

Но рубить голову не стал. А ухватил вертухая за левую лапу, вывернул ее с хрустом, до отказа, ломая сразу все суставы – канителиться и упрашивать некогда. Потом повалил и встал правой ногой на хребет, чуть прижал к черному полу. Вертухай притих.

– Шлюз там?! – строго спросил Иван. Вмонтированный переговорник выдал скрежет и щелчки.

– Там, – коротко ответил вертухай.

– Мне нужно в Меж-арха-анье, – приказал Иван, – в зал Отдохновенный!

Вертухай засопел, покрылся серыми каплями вонючего пота. Пластины на его загривке встали дыбом.

– А этих ты положил? – спросил он еле слышно.

– Я.

– Им оставалось совсем немного до отдыха. Они так мечтали о том дне, когда...

– Сейчас ты ляжешь рядом! – сказал Иван с железом в голосе. – Отвечай!

– Можно и в Меж-арха-анье, – прошипел вертухай.

– Пошли!

Иван снял ногу. И ткнул кончиком меча в поясницу негуманоида, тот дернулся и как лежал, так и пополз на брюхе во мрак «стола».

Иван пригнулся и последовал за ним. Он просунул голову во тьму, на миг ослеп, но тут же прозрел – никакой тьмы не было. Они стояли посреди зеленой лужайки, прямо в коротко стриженной, а может, и от рождения невысокой траве. И белел перед ними испещренный рытвинами шар, самый обычный системный шлюз-переходник.

– Входи первым! – потребовал Иван.

Вертухай, прижимая изуродованную руку к груди, кивнул, согнулся и вошел в белый шар, прямо сквозь пористую стену. Иван юркнул следом. В шаре было темно, но Иван сразу ухватил вертухая за заднюю лапу. И пополз за ним. Ползти пришлось долго. Теперь Ивана несколько не удивляло, что в шарике, чуть превышавшем ростом человека, лабиринтов было во все стороны на сотни и тысячи километров, а скрученного пространства, свернутого вдоль лабиринтов-направле-

ний, на миллионы парсеков. Многослойные, многоярусные миры – дело обычное и занудное.

Когда вертухай вдруг свернул налево, Иван дернул его за лапу – не ошибся ли? Но тот пробубнил, что все верно. Иван помнил, что в прошлый раз он попал в Меж-арха-анье другим лабиринтом, и потому скрипел зубами, но молчал.

Наконец их вынесло наружу.

– Зал Отдохновений, – буднично и уныло доложил вертухай и с опаской покосился на чужака.

Белесый туман плыл по мраморному полу. Почти как в Осевом, подумалось Ивану. Он обернулся – ни вертухая, ни шара не было. Сбежал, паскудина! Ну и ладно, ну и черт с ним! Иван сделал шаг вперед, потом еще шаг. Далеко-далеко, почти у незримого горизонта возвышался над полом хрустальный куб-пьедестал. На нем трон. Трон – это сила и власть. Трон – это могущество! Но до него надо добраться.

Иван бросился вперед. Глаза у него горели, сердце билось Учащенно. Он обязан успеть! Он обязан влезть на пьедестал, забраться на трон!

Он много чего обязан!

Из клубов тумана, справа и слева, выскочили два десятка трехглазых. Бросились на него с обеих сторон, заходя полукругом. Опять они? Нет, Иван вспомнил, это слуги, неживые слуги или киберы, этих вообще жалеть не следует. Но лучешем их тоже не возьмешь. Вся надежда на меч-кладенец да на ловкость. Он еще сильнее рванул вперед, пытаясь обойти тварей, выскользнуть из полукруга их забот. И он почти достиг этого, когда одна из тварей уцепила его изогнутым когтем, повалила. Иван еле успел выставить меч острием вперед – и чудесное лезвие пронзило, продырявило первого. С таким оружием он бог! он герой! он непобедим! Ивану разом припомнилось, как он бился с трехглазыми – это было лютой пыткой, он рвал их на куски, рассекал, жег, сбивал с ног, вышибал и выдавливал страшные, нечеловеческие глаза, выди-рал шевелящиеся жвалы. Но они были невероятно живучи, они были неубиваемы. Он изнемогал в схватках с ними, и почти всегда побеждали они, не убивая его, не вышибая из него духа, а лишь жестоко избивая его, пытая, терзая, мучая. А потом они всегда подвешивали его в подземных темницах. Это было нескончаемой пыткой. Но теперь он властелин над ними! Цай выручил его, да что там выручил! Цай спас его! С

таким мечом можно хоть к дьяволу в гости в самую преисподнюю!

– Ну, как хотите! – зарычал Иван.

И «тройной веер» разбросал сразу шестерых – теперь они не жильцы на белом свете. От седьмого он увернулся, восьмому выбил верхний глаз пяткой, девятому прожег подбородочные жвалы, десятому снес долой голову вместе с половиной левого плеча – меч был просто волшебным! меч тридцать... какого-то века! сказка! чудо! сверхоружие! – Иван перепрыгнул еще через четверых, на лету распарывая им затылки, упал на спину, трижды перевернулся, перекатился боком и снова выставил острие – опять первый из преследователей напоролся на него. Готов! И еще один готов! Осталось семеро... Иван неожиданно резко остановился. И те замерли. И тогда он бросился на них с воинственным кличем, будто в детской игре, а не в смертном бою.

– Ну, нечисть, получай!

Стоявший посерединке прорвал ему коротким иззубренным тесаком пластик комбинезона, оцарапал. И потому Иван сразил его первым. Остальных он изрубил в крошево, в капусту – рука не могла остановиться, нервы, проклятые нервы!

Путь был свободен. И Иван опрометью понесся вперед, не жалея ни ног, ни сердца, ни легких. Он летел стрелой, пулей, молнией... Но хрустальный куб-пьедестал ни на метр не приближался. Это было непонятно, невозможно. Но это было! Причуды Меж-арха-анья! Забавы средоточия многомерных пространств! Иван начинал уставать – страшно, люто, до рези в мышцах и колющей боли под ребрами. Но он не приближался.

– Господи! Да пропади все пропадом!

Он рухнул с разбегу на колени, ударился о холодный мрамор всем телом. И снова из клубящегося тумана бросились к нему нелюди, снова стали смыкать полукруг. Но не это ошеломило Ивана. Другое! Там, у самого горизонта, но не в дымке, а до боли четко выросла вдруг из небытия костляво-исполинская фигура Мертвеца-Верховника в угловатых доспехах. И это был конец. Иван видел огромный двуручный меч в руках у Верховника. Его собственный меч в сравнении с этим орудием смерти казался былинкой. Он вспомнил, как Верховник настиг его, как он пронзил его своим жутким мечом-гиперщупом, как его зашвырнуло аж в самую «форточку» –

тогда они забавлялись с ним как с «амебой», как с «комаришкой». Теперь ему не миновать смерти.

Иван даже слышал, как Верховник скрипел своими огромными костяными суставами, как лязгали его исполинские доспехи, как скрежещуще хохотал он сам. Нет, рано еще тягаться со сверхнелюдями, существами высших порядков, рано, он и есть слизняк, амеба, комаришка!

Трехглазые твари приближались. А у Ивана рука не поднималась, он готовился к смерти, ждал ее прихода.

– Прощай, Лана, – просипел он себе под нос, – прощай, если ты меня слышишь!

И вдруг прямо в мозгу откликнулось: «Рано прощаться, Иван! Ты что это, пришел сюда, чтобы умереть у меня на глазах? А другого места ты не мог выбрать!» Голос был странный, почти без хрипотцы, если бы Иван был в ином месте и в ином состоянии, он бы голову дал на отсечение, что этот голос принадлежит Свете, Светке – его любимой, погибшей жене, дважды погибшей и погубленной им. Иван встрепенулся.

Но иное явилось ему.

Быстрым движением вытащил он черный кубик. Сжал в руке.

И не было мига. Не было полумига... Он уже сидел на троне. В этом невероятном сверхагрегате сверхвласти. И он знал, что надо делать. Иван будто двумя руками, резко отпихнул прыгнувшего на него Верховника – и тот отлетел на мрамор, рухнул с грохотом, рассыпался, но тут же вновь воссединился, взревел от бессилия и отчаяния. Верховник все понял. Он проиграл!

Только тогда Иван поднес ладонь к глазам и поглядел на маленький, такой безобидный на вид черный кубик. Ретранс! На этот раз он не подвел! Он перебросил его прямо в это удобное креслице с чудесными мягкими подлокотниками – усадил прямо в Трон. И теперь нет ему равных во всем зале Отдохновений. И Мертвец-Верховник – его раб и слуга.

Иван сунул ретранс в клапан. Потом расслабился... достал из подмышечного карманчика кристалл. Большой, сверкающий всеми гранями, кроваво красный, тот стал настоящим Кристаллом, сверхмощным усилителем пси-энергий. Иван сморщился от досады, но он не мог отдать Кристалла Сихану, не мог, ведь его вынесло в камере. А Авварону он его и не отдаст никогда. Авось еще и самому пригодится!

И тут Мертвец-Верховник начал на глазах таять, растворяться в тумане. Этого и следовало ожидать, как Иван сразу не догадался! Ведь чудовищный монстр, один из властелинов Системы мог пребывать в разных местах... и он убежал! он оставлял поле боя победителю! Нет!

Иван вскинул вверх Кристалл.

– Стоять! – заорал он. – Стоять на месте! Исполинская фигура Верховника содрогнулась, будто ее ударило невидимой молнией. И стала обретать зримые, плотские черты. Кристалл действовал! Прекрасно. Иван мысленно приказал трону окутать Верховника двойным колпаком силовых полей. Пусть постоит немного, пусть подумает, оценит обстановку.

– Вот ты как... – громовым шипом прошипел вдруг Верховник. – Ведь это ты, комаришка! Ты посмел меня укусить? Ты пьешь мою кровь? И ты не догадываешься разве, что я могу тебя прихлопнуть?!

– Попробуй, прихлопни! – с язвительной улыбкой крикнул Иван.

– Не сейчас. Но прихлопну! – пообещал Верховник. И откинул забрало стального, почерневшего от времени шлема. Из прорези смотрела на Ивана пустота, ничто.

– Не пугай меня, – спокойно проговорил Иван. – Теперь ты мой раб. И ты можешь не сомневаться, я уничтожу тебя во всех пространствах и измерениях, во всех твоих ипостасях! Уничтожу, даже если тебя нет!

Верховник начал поднимать руку с зажатым в ней огромным мечом. Но не смог поднять. Незримые барьеры коконом сдавливали его тело, его мертвую плоть, вобравшую в себя нечто, не имеющее названия.

– Но я могу и даровать тебе существование, – сказал вдруг Иван. – Если ты будешь столь же разговорчивым и покладистым как и в прошлый раз. Не жизнь, ибо ты не живешь, а существование и растворение в пространствах. Ну так как?!

– И что же тебя интересует, комаришка?!

Иван вжал руки в подлокотники трона, напрягся. И Верховника затрясло как под током, его корчило и содрогало минуты две. Потом он вдруг выдал сипло и зло:

– Хорошо, я не буду тебя так называть больше. Но что же тебе нужно?!

– Всего две вещи – тихо ответил Иван, расслабляясь. – Мне нужна русоволосая, которую ты похитил у меня, это первое. И мне нужно проникнуть в Систему.

– В Систему? – с сарказмом повторил Верховник. И его мертвецки бледное, изможденное лицо выявилось из пустоты и мрака шлема. – В Систему?! Тебе нет туда хода... – он чуть было снова не назвал Ивана «комаришкой», но вовремя и будто нехотя сдержался.

– Тебе нет хода в твое будущее, понял?!

– Не понял, – признался Иван.

– Ну так знай – Система это связь, это сочленение двух миров, двух Вселенных, нашей и вашей. Но ее еще нет. Она только будет!

– Только будет?

– Да, – подтвердил свои слова Верховник. – Ты никогда не узришь Системы и никогда не попадешь в нее, ибо не пришло время Ее, а твое время уходит, ты смертный есть. Ты уже знаешь, что вокруг тебя и повсюду во Вселенной этой – «система»: мир игры и мир яви. Но ты не знаешь, что «система» негуманоидов, как ты называешь нас, лишь часть Системы, в которую входят и миры вашей Вселенной. Для Мироздания они уже входят, ибо Мироздание есть во всех временах и пространствах сразу. А для тебя и для землян ее еще нет. И возникнет она, по вашему убогому счету, в XXXIII веке от Рождества того, кого нарекаете вы в суете и гордыне Христом, Спасителем вашим.

– Оставим богословские споры, – осек Верховника Иван. – Значит, Система появится только в будущем?!

– Для тебя – да. Правители ваши и правители наши, объединившись в едином стремлении создать лучший мир в Мироздании, образуют Систему, конгломерат всего высшего двух миров, слившихся в мир единый, новый! Из будущего, существующего вне наших субъективных ощущений, управляют они созданием этого нового мира, Нового Порядка! – Верховник неожиданно воззрелся на Иваново предплечье.

И того словно обожгло. Так вот откуда сыпятся на Землю будто манна небесная эти сверхчудесные вещички! Господи, спаси и помилуй! Не может быть! Бред какой-то! Слияние дегенератов-выродков двух чуждых друг для друга миров! Слияние несоединяемого! Как же так? Верховник не врет, это правда! Но тогда все его потуги, все его замыслы и надежды, вся его борьба, страдания, боли, муки, потери – все это бессмысленно и бесполезно. Выродки двух Вселенных нашли общий язык в будущем, чтобы в прошлом уничтожить все невыродившееся, попросту говоря, убрать все здоровое, все,

что может сопротивляться, мешать в будущем. Это непостижимо! Мало того, они облекли геноцид в форму «большой игры»! Они готовят себе азартное и острое времяпрепровождение! Это невозможно...

– Нет! Это возможно! – прочел его мысли Верховник. – Сильные и смелые всегда наслаждались смертью слабых и трусливых. А имущие власть тешили сердца стравливанием сильных и смелых, везде и повсюду, во все времена: на гладиаторских аренах, и на полях сражений, на земле, на воде, под водой и в воздухе, в мраке Космоса и в иных мирах. Жизнь и смерть – это Большая Игра, это большая кровь и огромное наслаждение! Настоящей Большой Игры не бывает без миллионов смертей! Да, мой юный дружок, таково бытие наше. И скоро будет Большая Игра, которая унесет миллиарды, десятки миллиардов жизней, прольет океаны крови, исторгнет триллионы стонов, проклятий, воплей. Мы не будем жалеть воинов «системы». А земные правители не станут жалеть обитателей вашей Вселенной, они будут упиваться гибелью каждого в отдельности и всех вместе. И это высшее наслаждение в Мироздании!

– Наслаждение для выроdkов! – зло выкрикнул Иван.

– Все относительно, – двусмысленно проскрипел Верховник.

– Замолчи, убийца!

– Я молчу. Ты сам спрашивал.

Ивана трясло от услышанного. Он еле сдерживался. Но самое страшное заключалось в том, что слова Верховника во многом лишь подтверждали то, к чему он пришел сам. Горе горькое... Нет, надо держать себя в руках.

– Но зачем тогда все эти «игровые миры»? Зачем все это?!

– Иван развел руками, – Зачем создавали три сочлененных мира здесь?! Вы играли в наши игры будущего... нет, это бред!

– Ты сам бредишь! – Верховник отвечал спокойно и обстоятельно. – Наш древний мир существует в Невидимом спектре, понимаешь. Это особая форма существования. И когда ваши корабли-проходчики проникли в нашу Вселенную из вашей, проникли в XXXIII веке и обнаружили нас, то правители ваши все поняли сразу. И они создали миры, в которых могли встречаться и вы и мы. Так что, Иван, это не совсем «игрушки», это контактные зоны. И на их базе стали создаваться большие полигоны, огромные питомники, и из своей

незримой сферы мы стали переходить в сферу, доступную вам, и мы создали свои крейсера, свои корабли и сторожевики, и мы вышли в прошлое и поставили заслоны, ибо «игровые миры» еще слабы были и не свершилась еще трансформация существ нашей Вселенной в существ, способных проникать в вашу, ты понимаешь ведь меня? И тогда же начался обратный процесс, ибо правители ваши и приближенные их захотели стать сверхлюдьми и обретаться не в одной лишь вашей Вселенной, но и быть у нас. Это сложно, в это сразу невозможно вникнуть, но это так!

– Ты говорил раньше, что ваши уже и прежде развязывали войны на Земле и... и играли, отводили свои черные души в них? – спросил неожиданно Иван.

– У тебя хорошая память, – язвительно проскрипел Верховник, – и так было, время вещь гибкая, но не всем удается блуждать в нем. Только в те чудесные игры мы играли не во плоти своей, ибо не готовы еще были. А играли мы чужими жизнями, сея смерть и кровь, в телах властителей ваших. И они не противились вселению нашему в умы и души их, в сердца и тела, они призывали нас, ибо знали, что мы дадим им вкус жизни и смерти, научим их играть!

– Вы бесы! – заорал Иван. – Вы вселялись в людей, и те становились бесноватыми, губили других!

– Нет, ошибаешься, молодой человек, – глухо ответил Верховник, – мы не плод ваших фантазий, мы иной мир, иная Вселенная. Мы есть! И скоро мы придем сами! Сначала в облике воинов трех сочлененных миров, миров-полигонов. А потом и в ином обличии, ты ведь видел меня?

– Я видел только тьму, – признался Иван.

– Но у тебя ведь есть спетрон!

– Что?!

– Он у тебя в руке!

Иван разжал ладонь и снова воззрился на черный кубик. Ретранс. Так он называется... Но названий может быть много, очень много. Не в них суть.

Иван сжал кубик в ладони. И снова поглядел на Верховника.

Теперь он не видел пред собою исполинского средневекового рыцаря в громоздких и шипастых доспехах, гиганта с двуручным мечом в руках. Он видел сгусток мрака, черную тяжелую, тягостную пустоту, сквозь которую ничто не просвечивало. Где-то он уже видал подобное. Но где?! Сгусток

бился под сверкающим серебристым колпаком полей и никак не мог вырваться наружу. Вот они какие!

Иван разжал ладонь.

– Что, не понравился я тебе?! – спросил Верховник, вновь принявший вид огромного закованного в броню Кощея-Бессмертного.

– Погано выглядишь, – признался Иван.

– Ты мне тоже не нравишься, слизняк, – сказал Верховник.

– Ну и прекрасно, нам с тобой не детей крестить, – отрезал Иван, – век бы тебя не видать. Отвечай, где Лана?!

– Прежней Ланы нет, – вдруг прозвучало сзади. Иван развернулся резко, вместе с тронem. И никого не увидел.

– Я освобожу тебя, если скажешь, где она! – с угрозой обратился к Верховнику Иван. – Ну-у?!

– Ты сам знаешь, – резко ответил тот. – Но лучше поспеши!

Ивана словно огнем прожгло: дурак! болван! тупица! Как он не сообразил сразу! В пересечении квазируссов она, вот где! Вперед!

Разом, со всех сторон выросли мохнатые лиловые и решетчатые переливающиеся структуры, хитросплетения дышащих волокон устремились в бесконечность – Невидимый спектр! И одновременно заструились вверх грохочущие водопады, засверкали подземным ярим огнем сталактиты и сталагмиты бесконечных пещер. Трон был послушен Ивану, он его нес в нужное место, он его оберегал... а Верховник? Да дьявол с ним, с этим сгустком тьмы, рано или поздно барьер силовых полей ослабнет, и тот выкарабкается, сразу выпустить джина из бутылки опасно. Вперед!

Фильтр-паутину он проскочил на одном дыхании. Трон замер.

И Иван увидел Вечную Марту. Ну прямо везло на эту сонную дуру!

– Приполз снова, слизняк? – пролепетала Вечная Марта, и только после этого разлепила слипшиеся набухшие веки. За прошедшие годы она стала еще гаже. Она была невыносимо отвратительна. Огромный мохнатый шар ее чудовищного живота разросся втрое и был непомерен, крохотная головка с потными и сальными жидкими волосами клонила набок, выглядела головой безумной старухи. Жирный слизистый хобот постоянно пульсировал, выдавая порцию за порцией

мальков в заросший илом аквариум. Вонь в пещере стояла неопишуемая. Но на лице у Вечной Марты застыло вечное полусумасшедшее наслаждение.

– Вы все сдохнете, – прошипела матка, – все кроме меня! Уползай отсюда, слизняк! Не нарушай моего покоя!

Иван не стал вступать в перебранку. Ему было плевать на это висящее чучело. Здесь Марта просто приобрела свою подлинную сущность, вот и все. На Земле да и по всей Федерации бродит множество таких же март, таких же животных, безразличных ко всему кроме своего брюха тварей, но бродит в человекообразном виде, а это куда страшнее и гаже. Вперед! Ищи ее! Ищи! Иван приказывал трону, а сам явственно представлял себе русоволосую Лану.

Они пронзали перемычку за перемычкой, приникали из яруса в ярус мимо тысяч висящих живых груш, мимо миллионов зародышей-воинов. И наконец трон замер, будто конь, застывший на всем скаку над пропастью.

– Не может быть! – выдохнул Иван.

Прямо перед ним, чуть повыше его лица висел кокон – свежеспеленутый, мохнатый, просвечивающий. А из кокона смотрело на него... лицо Светы, его жены, погибшей в Осевом. Иван закрыл глаза и потряс головой. Видение не пропало. Света смотрела на него. Но была она необыкновенно хороша: русоволоса, нежна и чиста.

– Это ты? – довольно-таки глуповато спросил Иван.

– Это я, – ответила Света.

– Но ты же погибла... у меня на руках, помнишь? – Иван еле шевелил языком, он ничего не понимал, он думал, что теперь видения стали являться ему не во сне, а наяву, а это уже совсем плохо, что его пора списывать. – Ты же растаяла в Желтом шаре, после того, как мы вырвались из Осевого?! Ты умерла! Тебя нет!

Света улыбнулась, еле-еле приподняв краешки губ, закрыла глаза. – Не умерла! – прошептала она. – Я же говорила тебе, я просто ушла в другой мир, сюда, я воссоединилась со своей же половиной, я не знала раньше, где она, но чувствовала, понимаешь, а после того, после Желтого шара – я очнулась здесь, и мне все стало ясно. А ты чего ждешь?! Что ты висишь посреди этой гнусной пещеры? Или ты и впрямь хочешь, чтобы я погибла? Ты хочешь, чтобы и я стала маткой, вечной мартой?!

Иван тут же пришел в себя, протянул руки. Трон сам поднес его к ней. Он рвал мохнатые полупрозрачные путы и все спрашивал:

– Тебе не больно? Тебе не больно?!

– Нет, – тихо отвечала она. И плакала.

Сейчас Иван видел – да, Света права. Только теперь он увидал ее такой, какой она и была на самом деле: в одном лице сплелись в однородном естестве черты Светы и русоволосой Ланы, его жены, с которой он, десантник-смертник, выполнявший тысячи всяких спецзаданий, встречался так редко, что временами забывал ее, забывал, но любил, страдал без нее, и черты русоволосой спутницы его в блужданиях и странствиях по «системе», его мечты и его были, она пропала в хрустальном кубе... и она была частью той, оставленной им на Земле, брошенной в Осевом, она была всего лишь частью. И та была частью этой... Светлана! Любимая! Родная! Близкая! Потерянная... И найденная! Он сорвал с ее обнаженного стройного тела последние путы, прижал к себе, усадил на колени и зашептал в ухо:

– Не надо ничего объяснять, я все понял, все... я нашел тебя, я вытащу тебя отсюда! Я не уйду без тебя! Пусть хоть все во всех вселенных горит синим пламенем, не уйду!

А она молчала. Она прижималась к нему и плакала, обливая его щеку горячими слезами. Она верила, ибо хотела верить.

– Держись крепче! – сказал он ей.

Трон задрожал, вспыхнул сиреневым свечением и исчез, погрузив пещеры квазиярусов в сумрачный и нелепый сон, вековечный сон.

– Я хочу на Землю! – страстно, с непонятым вождением прошептала ему в ухо Светлана. – Хочу! Я так давно не была там, ты даже не представляешь себе, как я соскучилась по нормальной жизни...

Иван хотел было сказать, что на Земле сейчас не все нормально, но промолчал, не стоит расстраивать ее, не надо. Они висели во мраке межуровневых внепространственных мембран. И ему следовало сделать лишь одно – выбрать направление перемещения. Но Иван никак не мог решиться – после Желтого шара, когда Света растаяла прямо на полу за считанные секунды, он не верил ни во что, ни на что не надеялся, ведь подобное могло повториться. А могло быть что-то и похуже.

– Успеем, – успокоил он Светлану, – никуда Земля от нас не денется. Мне тут кое с кем надо повидаться. И ничего не бойся – это креслице, – он похлопал по подлокотнику трона, – защитит нас от любых напастей!

– Знаю! – шепнула она громче. – Я здесь дольше тебя была, все знаю. Но лучше сразу домой... из Осевого я вырвалась. Даже не верится, что вырвусь и отсюда!

– Вырвешься! – твердо сказал Иван. И прижал ее к себе обеими руками. – Вместе вырвемся! – Он представил, как они «вырвутся» – из этой гнусной системы да прямо в тюремно-больничную камеру без окон и дверей. Может, она еще назад запросится.

Ивану припомнились четырехгрудая красавица в роскошном парике, арена с тысячами жаждущих крови зрителей, столб, к которому он был привязан, на котором его собирались сжечь, старуха с жертвенной чашей и ножом, драконы, птеродактили... Игра. Большая игра! Три сочлененных мира – невероятный «диснейленд» для взрослых скучающих, жаждущих развлечений особей. Да, Верховник не лгал. Это путь эволюции, это путь вырождения. Десятки тысяч лет первые люди на Земле все свое время тратили на добычу пищи, они охотились, собирали съедобное, все растущее, ползающее, бегающее, плавающее, скачущее, им некогда было играть, потом они пахали, сеяли, воевали, защищали себя, и снова пахали, сеяли, строили, возводили, перегораживали. Но время шло, технологии совершенствовались, время высвобождалось – сначала у совсем немногих: у вождей, воинов – и они первыми начали устраивать игрища, турниры, потехи молодецкие. Игрища должны были щекотать нервы и будоражить, разогревать кровь, готовить к чему-то более серьезному, но все равно щекочущему, а потому и желанному, страшному и манящему. Шли годы, столетия – все больше мощи и силы скапливалось в руках у людей, все больше времени высвобождалось у избранных и неизбранных, и те и другие жаждали развлечений, именно так, не только хлеба, но и зрелищ!

Жажда развлечений затмевала все, начинала перерастать в навязчивую манию, в психоз, в одержимость – и власть имущим мало становилось рукопашных боев, гладиаторов на аренах, травли диких зверей, они с азартом и упоением усаживались за игровые доски больших и малых войн, двигали словно фигурками по черным и белым квадратам легионами, когортами, полками, дивизиями, армиями, флотами, звездными эс-

кадрами. Власть вырождалась, пьянея от вседозволенности и вечной игры миллионами «игрушек». Игрушки вырождались, шалея от затеянной не ими игры, от дарованной им на время потехи, от безнаказанности, от возможности вытворять запросто то, чего в обычных условиях вытворять никакие законы не позволят. Играл каждый сверху донизу! На какое-то время, длительное время, жажду игрищ и потех все чаще стали утолять «игровые», ненастоящие миры, где можно было отвести душу, покуражиться, пострелять, порубить, побегать, помахать мечом, топором, секирой или просто кулаками, поубивать кучу врагов, монстров-чудищ, «инопланетян» и себе подобных... и живым-невредимым вернуться назад – эдаким героем, оставшим от боев и собственной удали. Целые планеты превращались в «игровые миры». Не играли, пожалуй, лишь космодесантники да звездопроходцы, которым хватало реальных опасностей и подвигов, не играли те, кто бился в настоящих войнах, будь то планетарные схватки или межгалактические, таковым вообще было не до игр, у них была своя Большая Игра. Но в ограниченных масштабах. Теперь же кое-кто извне собирался «поиграть» всей Вселенной. И самое гнусное заключалось в том, что правители Земной Федерации, охватывающей сотни тысяч населенных миров, готовы были услужливо подыгрывать неведомым и грозным внешним силам. Более того, они способствовали созданию иновселенских баз, выращиванию полчищ убийц и насильников... Это не укладывалось в нормальные человеческие представления, это было и не выше, и не ниже их, а где-то сбоку, поодаль, вонне – это было апофеозом вырождения. Дегенерация в Земных владениях становилась властелином полным, неограниченным и, что самое страшное, совершенно непонятым, необъяснимым для подавляющего большинства людей, ничего не понимающих, блуждающих в потемках, но уже приговоренных к закланию. Не извне страшна опасность, но изнутри! Иван от бессилия стискивал зубы, все напрягалось в нем до последней жилки, переполнялось гневом и чем-то еще не осознанным, неизъяснимым. Он дозревал.

– Мы не надолго задержимся здесь! – прошептал он.

Зал Отдохновений выявился словно из тумана – пустотой, огромностью и гнетущей тишиной. И посреди этой пустоты все еще бесновался в полевых путях Верховник – иновселенский выродок-дегенерат, не имеющий ни пола, ни возраста, ни рода, один из многих миллионов служителей дьявола, «преоб-

разователь»-демократор, разрушитель, игрок и убийца, сгусток тьмы, злобы, ненависти, смерти. Его надо было уничтожить во всех его ипостасях, во всех пространствах и временах. Уничтожить! Ибо иного он не заслуживал. Но Иван не стал убивать Верховника, не стал его распылять, обращать в ничто. Он лишь приказал чудесному трону прихватить защитный кокон вместе с его содержимым – и рванул на Харкан-А. В подземелье. То самое, из которого выбрался лишь несколько часов назад.

Верховник еще не знал, что его ожидает. А четверо споровистых гмыхов и хрягов уже налаживали цепи, сваривали обрывки, крепили крюки.

– Ничего, мой старый друг, ничего, – утешал Верховника Иван, – повисишь немного, отдохнешь, дозреешь, может быть. Это вторжение пройдет без тебя.

Подземелье было вечным. И заключение в нем должно было стать вечным. Верховника вздернули вверх ногами, закрепили цепи, приварили доспехи к железу. Властвуя на троне, Иван подавлял волю вертухаев-охранников, заставлял полуживых негуманоидов работать на себя. И те послушно исполняли его приказы.

– Это не воины, это киберы и биоробы, – шептала ему на ухо Светлана. – Спешите! Если придут другие, нам будет плохо, мы сами повиснем в цепях. Иван, не надо испытывать судьбу!

Иван и сам знал, что слишком долго играть с фортуной не следует. Но это дело он обязан сделать, этого негодяя он подвесит!

Когда все было закончено, Иван внезапно отошел сердцем, он больше не испытывал зла к уродливому и огромному старцу, чье нутро черно и пусто. Он лишь усилил барьерную напряженность поля. И бросил на прощанье:

– Виси, игрок! А нам пора искать свою форточку!

Лязг металла, скрежет, глухие и злобные ругательства понеслись вслед.

Но Ивана и Светланы уже не было в подземелье.

Они застыли посреди напоенного звездным блистанием мрака Космоса – посреди Чужой Вселенной. Иван сжимал в руке ретранс. И выявлялись структуры Невидимого спектра. Высвечивались из вакуума и незримого льда пустот мрачно сверкающие армады. Огромные уродливые боевые звездолеты Иной Вселенной хищными шестикрылыми демонами испо-

линских размеров застили свет мохнатых волокон и кристаллических решеток открывшегося незримого измерения.

Иван машинально, по старой десантной привычке в доли мига разбил пространство на квадраты, определил плотность звездолетов на каждый из квадратов, прикинул, перемножил... и бросил эту пустую затею. В Невидимом спектре глаз проникал на многие миллионы километров вглубь Пространства, и невозможно было исчислить неисчислимое.

– Их не так много, – снова шепнула на ухо Светлана и прижалась плотнее, – это обман зрения, они множатся в структурах.

– Откуда ты знаешь? – спросил Иван.

– Я здесь дольше твоего была, кое-чему обучилась, – она улыбнулась и стала совсем как та, русоволосая Лана, что давным-давно, в другой жизни слушала на лужайке под шаром рассказни своих скучающих подружек.

– Не хочу уходить отсюда несолоно хлебавши, – пояснил Иван, – может, удастся хоть что-то выведать!

– Не удастся! – сразу оборвала его мечтания Светлана. – И даже не надейся. Я вообще не уверена, что они придут к нам на этих вот звездолетах.

– А на каких же еще! – удивился Иван. Он чувствовал, как трон под ним начинал мелко подрагивать – то ли сбои какие-то, то ли с энергетикой нелады, вечных запасов не бывает.

– Я тебе все расскажу на Земле! – взмолилась она. – Бежим! Бежим отсюда!

Иван окаменел. Он не мог раздвоиться, он жестоко страдал и ничего не мог поделать. Еще одного случая проникнуть в Систему никогда не предоставится, это точно. Но и второй такой – любимой, желанной, спасенной им... почти спасенной – тоже не отыскать во всем Мироздании.

– Говори сейчас! – отрезал он. – Говори коротко!

– Ладно! – голос у Светланы дрожал, да и сама она неудержимо тряслась будто в ознобе или лихорадке. – Этот кощей-бессмертный тебе поведал о многом, я ведь все слыхала, я была в прозрачном кубе, там целый мир... но неважно! Настоящая Система – это вовсе не одна только Чужая Вселенная, нет. Система стала складываться в начале четвертого тысячелетия, для нас – в будущем. Тридцать третий век, ты представляешь себе?!

– Да, в нем, наверное, будет как в сказке! – ответил Иван. – Если он только будет.

– По той временной оси, что пока еще не прервалась, он будет... он на ней уже есть, иначе не было бы Системы. Ну так вот, тридцать третье столетие – на Земле двести человек, если их можно назвать людьми, этих выродков, этих полубессмертных уродов. Во всей Федерации – двенадцать тысяч мутантов. Три созвездия на окраинах Вселенной, не вписавшиеся в Систему, блокированы полностью, все живое на них истребляется... я очень коротко рассказываю, на самом деле это невозможно описать, это чудовищно. Земная цивилизация вырождается. Ни один из выродков-правителей не верит другому, они убивают, изживают всеми способами друг друга, но они хотят жить. Им нужна свежая кровь, ты понимаешь, о чем я говорю? А ее уже нет в нашей Вселенной, их полубессмертие вот-вот кончится, они вот-вот передохнут без всяких интриг. И они заключают пакт с Иной Вселенной, где свои правители издыхают в собственном дерьме и не знают, как из него выбраться. У наших – колоссальные энергетические возможности, накопленная сила тысячелетий, беспредельная мощь всей Цивилизации. У тех – фантастические возможности для прорыва во времени! Не одного человечка перебросить, не капсулу, а целые миры, армады! Ты себе представить не сможешь... и я не смогу, я только знаю об этом, но это невероятно! Так вот, слушай, те выродки и наши выродки объединяются в Систему, перебрасывают мощь будущего в прошлое, то есть, в наше с тобой настоящее – их цель изменить будущее, остаться владыками на вечные времена, обновить кровь... и погреть ее так, чтобы тысячелетиями помнить о Большой Игре, понял?! Объединение всемогущих выродков двух «систем» это и есть Система. А все Харханы, Ха-Арханы, Меж-архаанья и прочее – это не только «игровые миры», но и базовые плацдармы. Все было создано в будущем, а потом перенесено сюда, вот так, Иван! Не нам тягаться с ними!;

– О будущем я уже слышал от одной прекрасной дамы, – грустно заметил Иван. – Она сама была из будущего... и я одним глазком видел это будущее: зеленая Земля, белые нити, красиво.

– Короче, без меня ты времени даром не терял?

– Не терял, – задумчиво и отстраненно ответил Иван, – Полигон тоже делали в будущем, в начале четвертого тысячелетия, лет на двести пораньше, правда, чем эту поганую Систему. А вынырнул он из внепространственных измерений почему-то именно сейчас... Странно все это, очень странно!

– Полигон какой-то... ты начинаешь заговариваться, ты устал, – торопливо зашептала Светлана. – Нам надо бежать пока не поздно! Ну чего ты тянешь?!

– Я хочу побывать на таком корабле, – сказал вдруг Иван.

Трон, до того висевший недвижно во мраке и блеске, рванулся, набирая скорость, пошел вперед, к ближайшему из звездолетов. Но не долетев каких-то двух-трех километров, резко остановился, задрожал, затрясся, натужно гудя, и это чудо не было беспредельным, трон не смог преодолеть охранительных слоев звездной армады. Права Светлана, они не дадут проникнуть в свои владения, не так уж они и просты... а Верховник – это просто дряхлое чучело, один из вырождков, окончательно впавших в безумие, маразматический старикан, и никакой не верховник – Зал Отдохновений может каждого наделить любыми, самыми высокими титулами и дать возможность позабавиться, поиграть в нелепые и выпренные игры. Дегенерация! Полное, чудовищное вырождение, когда сами власть имущие и все, кто их еще окружает из выживших, перестают различать грань между действительностью и игрой. Вот он – венец всех цивилизаций, итог всех эволюций и революций – полубезумный вырождок-садист на троне, отродье дьявола, возложившее свои лапы на рычаги власти и уничтожающее с болезненным злорадством все здоровое и разумное, все, что не от дьявола, а от Бога. Неужели Светлана права, неужели через какие-то семь-восемь веков эти выродки безо всяких вторжений истребят человечество?! А чего еще от них ждать! Не тому удивляться надо, а другому, что не раньше они всех замучают, затерзают, в гробы и печи уложат. Своих мало, так еще иноселенские понавязались... Иван тихо и тяжело застонал.

– Что с тобой?! – перепугалась Светлана.

– Ничего! – процедил он. – Нам и впрямь пора бежать отсюда.

– Пора!

Иван прижал ее еще сильнее левой рукой, а правой вцепился в подлокотник трона. Назад! В родную Вселенную!

Все нити, решетки, переплетения Невидимого спектра разом пропали. И в беспроглядном мраке закружило, завертело, понесло невесть куда... встряхнуло. И вышвырнуло вон из черной воронки коллапсара.

– Мы погибли! – застонала она.

Ничто не ограждало их теперь от тьмы и холода Космоса. Ничто! Но в тот последний миг, когда их должно было разорвать собственным давлением, разорвать и тут же превратить в омерзительный кровавый лед, Иван уже вжал в переносицу раскаленный кубик ретранса. Они обманули Пространство. Они обманули Систему. Они обмасли смерть.

– Кто это еще? – неприязненно спросил карлик Цай ван Дау.

И Иван понял, он вернулся, как и обещал – в тот же день, в тот же час. «Меня не будет долго, – вспомнились свои же слова, – но вернусь я через секунду». Цай даже не успел переменить позы, в которой он стоял – угловатой и неудобной для человека. Значит, он ничего не помнит и не знает ни о стражах Синдиката, ни о прочем. Ну и прекрасно. Теперь события потекут по другой оси! Иван улыбнулся и, еще не видя Светланы, лежащей у его ног, но ощущая ее, чувствуя, что она жива, сказал:

– Это моя жена, Цай! Наконец-то я ее вытащил оттуда!

– Надо бы прикрыть хоть чем-то, – извиняющимся тоном посоветовал Цай.

– Конечно, надо! – Иван скинул верх комбинезона, стащил с себя нательную холщовую рубашу. Провел ладонью по голой груди – крестика не было. Сразу вспомнился сын-оборотень, постаревшая Алена и мерзавец Авварон. Нет, не время раскисать. Он успел! Он повидался со всеми. И теперь он не имеет права откладывать главного, он не имеет права больше выжидать... он дозрел. Легкие сомнения вкрались в душу, сжали сердце. Но Иван отмахнулся от этих теней, он присел, накрыл Светлану рубашкой – проснется, сама наденет, а пока пусть спит. Да, она именно спала, она не была в обмороке. И это хорошо.

– Чудо свершилось, – Иван склонился, поцеловал спящую. Потом поднял ее на руки, перенес в угол больничной камеры, осторожно положил и снова прикрыл. – Здесь ей будет спокойней.

Карлик Цай стоял на прежнем месте. Теперь он скрестил свои корявые трехпалые руки на груди и в упор смотрел налившимися кровью глазами из-под белым на Ивана. Он ждал. Но Иван сам не заговаривал. И тогда Цай спросил:

– Ты решился?!

– Я дьявольски устал, – сказал Иван. – Мне надо поспать хотя бы три часа. Я не спал больше двух недель, держался

только на стимуляторах, я не могу больше... дай мне эти три часа отдыха, и я отвечу тебе на все вопросы.

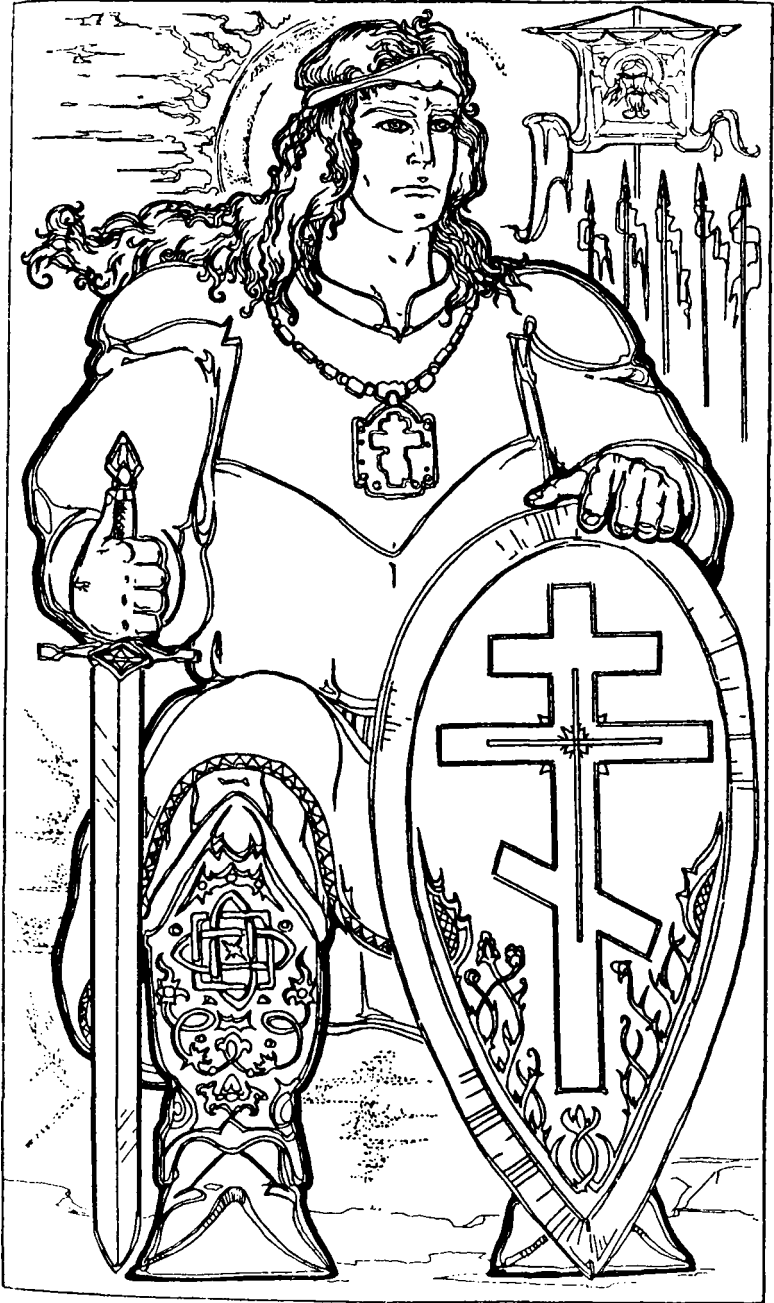
Он привалился к синтоконовой серой стене рядом с безмятежно спящей Светланой. И глаза его закрылись.

Легкий белый туман стелился над землей полупрозрачной пеленой, укутывающим тонким покровом. В высоком и светлом небе, дневном небе светили золотистые звезды. Осевое?! Там тоже туман, там непроглядное небо, меняющее цвет... Нет, это не Осевое. В нем туман гнетущий, наползающий, страшный туман, в нем все гнетет и давит. А здесь... здесь наоборот, здесь легко. И тихо. Но почему он оказался здесь? Зачем? Иван напряг память, да так ничего и не вспомнил. Значит, снова одно из неведомых измерений с ним шутки шутит. А где Цай? Где Светлана? Он огляделся – никого рядом с ним не было. Один. Опять один!

– Нет, ты не один, – прозвучал ниоткуда тихий, но сильный, сдержанный голос. – Ты никогда не был одинок – ни во Вселенной, ни в глухом подземелье, нигде.

– Кто ты?! – встревожено спросил Иван. – Я не вижу тебя!

И почти сразу от самых звезд будто снизошел, опустился вниз еле различимый глазом золотисто-прозрачный столп. Туман, стелившийся над незримой почвой, метрах в восьми поодаль, всклубился под золотистым светом, ожил, поднялся... и обратился в молодого еще мужчину, на вид ровесника Ивана, не старше, может, чуть моложе. Он сидел на чем-то невидимом, клубящемся, будто сам туман держал его – неведомого, но всесильного. Последнее ощущалось во всем облике этого странного и светлого человека. Могучие плечи, чуть прикрытые струящимся книзу тончайшим белым хитоном, крепкие, мускулистые руки, поджарый стан, ровные и сильные ноги, прямая спина, величавая шея. Длинные, ниспадающие на плечи пепельно-русые волосы незнакомца были стянуты золотым обручем на три пальца выше прямых темно-русых бровей, но обруч этот не скрывал высокого благородного лба, прорезанного двумя поперечными складками. Прямой нос, чуть выступающие скулы, ровные прямые губы без изгибов и извивов, мужской подбородок. Глубокие и одновременно необычайно прозрачные серые глаза стального отлива, глаза человека сильного и прямого, не отводящего взгляда. Иван никогда прежде не видел столь притягивающих глаз. Да и сам незнакомец будто светился изнутри тем небесным золотистым

светом, что снизошел со звезд. По левую руку от незнакомца, словно прислоненный к клубящемуся белому возвышению, стоял красный, чуть выпуклый щит в золотистом обрамлении. По правую – хрустально-прозрачный меч с золотой рукоятью и рубиновым навершием. И ото всего этого предстал незнакомец былинным, сказочным витязем древних времен – в золотисто-красных наручах и поножах, с открытым светлым челом и сияющим взором. Казалось, взмахни он чуть рукой, поведи бровью – и десятки тысяч пресветлых витязей, подобных ему, встанут позади из белизны и света звезд, засверкают обнаженные мечи, вздымется лес копий и светлее станет от яркого и ясного света глаз.

– В чем сомненья твои? – спросил витязь небесный, не ответив на вопрос Ивана.

– Долго рассказывать, – отмахнулся Иван, всматриваясь в искрящиеся одеяния светлого воина. И не веря своим глазам.

– Мне не надо ничего рассказывать, – спокойно и неспешно проговорил тот, – я знаю про тебя и про других все, ты же поведай лишь о сомнениях, гнетущих тебя.

Иван уже скривил было губы в насмешливой улыбке, дескать, навидались мы эдаких советчиков и благодетелей. Но тут же блажь пустая и гордыня схлынули с него, будто и не было их – не к месту да и не вовремя. И понял он, что с этим человеком... он даже не знал, можно ли его считать человеком, с этим незнакомцем... но тот был чем-то не просто знаком, но даже близок Ивану, с этим пресветлым небесным воителем нельзя кривить душою, темнить, изворачиваться, пытаться выглядеть лучше чем ты есть, нельзя, ему надо раскрыть душу... потому что он и снизошел для этого оттуда, со звезд, из сияния высокого. И сразу Ивану стало еще легче, благоднее. И сказал он:

– Страшное дело задумал я. Горькое и кровавое. Многими смертями, большим плачем и великим неверием обернется оно. Ты сам сказал – знаешь. И знают еще немногие сподвижники мои. А враги не догадываются. Неправедные правители правят нами повсюду... и хотя сказано, всякая власть от Бога, вижу ясно и верно – не от Всевышнего они, а от дьявола. Но под ними миллионы безвинных ходят и бросать на смерть их будут... Имею ли я, сам погрязший в грехах и страстях, право на дело это страшное? Не проклянут ли меня и идущих за мною потомки наши?!

– Дело страшное и горькое, верно говоришь, – длинные русые волосы витязя приподнялись с плеч, рассыпались, затрепетали, будто против ветра он встал, две жестких складки очертили уголки губ. – И проклясть тебя могут. Ибо не огражден никто от проклятия.

Иван поник, опустил глаза.

– Значит, нехорошее дело задумал я, – пробормотал он еле слышно.

– Как можно оценить несуществующее? Как взвесить не имеющее пока веса?! Ты ничего не сделал, а ответа просишь?!

– Доброго слова прошу. Или запрещения.

– Не будет тебе запрета, ибо волен в поступках своих, как каждый из смертных.

– И благословения не будет? – спросил Иван совсем понуро.

– Видно, память твоя коротка. Вспомни!

Все пропало разом. И стоял Иван под высокими сводами отрешенный и завороченный, как в тот далекий, самый первый раз, когда зашел, пересилив себя, во Храм. И видел он глаза Того, кто, единственный, не бросит его, не оставит в самую трудную и тяжкую минуту. «Что ты ищешь, сын мой?» От ответил: «Правду, правду ищу!» И не голосом священнослужителя, не гласом патриаршим, а небесным Гласом прозвучало под Святыми Куполами: «Значит, ты ищешь Бога. Ибо не в силе Бог, а в Правде!» Да, все именно так и было. Были и другие слова, много слов, много вопросов, много ответов, много ликов на иконостасе и на фресках, но главный Лик был обращен к нему. Главные слова в его уши проникли, не из уст священника, нет, а Свыше: «Иди! И да будь благословен!» Сколько раз во времена тягостных странствий своих, в минуты и часы испытаний, мучений, битв просыпалось что-то незабытое в душе, и звучало внутри, спасая, придавая сил: «Иди! И да будь благословен!» Так было. И так есть! – «Не ты ли рвался в бой за Справедливость? Не ты ли считал себя мечом в руках Добра?! Животворящий Крест Господень хранил тебя в муках и испытаниях. Ты падал в адскую бездну. Но ты и поднимался в выси небесные. Твой дух побывал везде, узнал многое. И он не ослаб. Это тело твое устало! В этой жизни покоя не обретешь ты...» Да, и эти слова он слышал – давным-давно, на ступенях, ведущих к Храму. Покоя не обретешь... Иди! Не на сидение и выжидание его благословили, нет. Но почему никто не скажет прямо, громко:

«Возьми меч в руки свои и повергни их!» Почему?! Или он не услышал... нет. «Выбор за тобой! Только ты сам должен решить, с кем будешь в схватке Вселенских Сил... только ты, ты один... ибо грядущее дышит тебе в лицо Неземным Смертным Дыханием!» Храм наполнился небесным светом, воздух внутри него заискрился, заблестал.

И стоял Иван уже не в Храме, а под пресветлым звездным небом напротив небесного витязя с развевающимися власами.

– Ты вспомнил?

– Да, я вспомнил. Я получил благословение», я никогда и не забывал о нем. Никогда!

– Ну и что же за сомнения тебя одолевают? – еле заметная, мимолетная улыбка коснулась уст посланца небес.

И Иван не смог удержаться, у него словно глаза раскрылись.

– Я знаю кто ты, – прошептал он.

– И кто же? – поинтересовался витязь, глядя бездонными серыми глазами прямо в Иванову душу, но не прощупывая ее, не выискивая в ней чего-либо, а высветляя ее потемки заоблачным неземным светом.

– Ты, – с замиранием сердца начал Иван, – ты Предводитель Небесного воинства Архистратиг Михаил, или, как у нас говорили в народе и сейчас говорят, Михаил-Архангел, покровитель воинов и святой вождь всех сражающихся за Справедливость и Правду?!

– За Бога нашего, – добавил небесный витязь, – ибо Он и есть то, что зовется Правдою и Справедливостью. Ты узнал меня, Иван, и я рад, что ты сам догадался, что тебе не пришлось подсказывать. Но ты назвал лишь одно из многих тысяч моих имен, ибо по-разному зовут меня среди разных народов те, кто и составляет земное воинство Господа Бога... не в именах и прозваниях суть. Теперь ты догадываешься, почему именно я к тебе пришел во снах твоих?!

– Во снах? – отрешенно переспросил Иван. Он не мог поверить, что эта чудесная, необыкновенная встреча лишь сон один, и ничего более.

– Не изумляйся и не печалься, – осек его Архистратиг, – мы сами выбираем, когда и как являться избранникам своим. Во сне душа чистого помыслами чиста и не отягощена невежеством. Ты никогда не забудешь нашей беседы и нашей встречи. И сон этот станет для тебя большим, чем явь, ибо он превыше яви. Но ты не ответил мне!

– Не могу ответить, – Иван вскинул голову и в свою очередь погрузился взглядом в бездонно-серые очи Михаила-Архангела, воителя небесного, – неисповедимы пути высших сил, а догадки – лишь прельщение гордыней.

– Хорошо говоришь, – Архистратиг чуть склонил голову, будто кивнул одобряюще. И продолжил: – Тогда я сам отвечу. Доселе ты был лишь странником – мятущимся, сражающимся, страждущим, ищущим, но странником. А теперь, пройдя чрез круги испытаний премногие и обретя себя в муках и битвах, да приидешь ты под длань мою, – Небесный Воитель воздел руку, и повеяло от нее теплом на Ивана, обрел он сразу уверенность и твердость душевную, словно по мановению чудесному, – и наречешься отныне воином. Да будет так!

С последними словами Архистратига развеялась тонкая пелена тумана, засверкало бриллиантовыми гранями море воинское, океан небесный – и восстали за спиной его неисчислимые полки, пресветлые рати в изумрудном и рубиновом блеске – словно миллионы солнц вспыхнули под непостижимо прекрасным бездонным небом.

Иван зажмурил глаза. Но веки были слишком слабым прикрытием. И он видел все! Тысячи дружин под алыми, небесно-голубыми и золотисто-черно-белыми хоругвями блистали сталью, серебром и золотом прекраснейших доспехов. Воинство Небесное принимало его в свои великолепные ряды.

И улыбался ему сам Вождь Пресветлого Воинства.

И был он среди них.

И был он на страдающей, обреченной на заклятие Земле, в заточении и мраке, за многими метрами бетона, свинца, земли, под охраной не знающих доли своей, под недремлющим оком губителей душ земных, в логове зла, мерзости и вырождения, обреченный, униженный, слабый...

Но был он отныне не странником, но воином.

И не было на всем свете сильнее его.

РУССКИЙ ФАУСТ

«Будьте не мертвые, а живые души»

(Н. В. Гоголь. Духовное завещание)

«Душа зябла. Страшно, когда наступает озноб души.»

(В. В. Розанов. Опавшие листья. Короб первый)

ЗАПИСКА ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я – Джон Линк – нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Меня угораздило родиться в 1966 году в штате Канзас. О России до сего дня я знал только то, что это страна снегов, что она помогала нам воевать с Гитлером, и что до недавних пор там правили кровожадные коммунисты, которые держали большой зуб на Соединенные Штаты.

Причем здесь Россия? Да, собственно, не причем, особенно если вы работаете на бензоколонке сквалыги Пиллиджа, а эта бензоколонка единственная на сто миль пустыни. И если вы несколько лет ничего, кроме буйволовой травы, забегаловки аккуратного Хауза и 19267 автомобилей ничего не видели, а тут вам в руки попадает пачка листов отпечатанных на машинке. На русской машинке, черт ее подери! Так как же вы себя поведете?

Лично я отнес эту рукопись школьному учителю Стиву Макгрегори, с которым меня связывает настоящая мужская дружба. Он-то и растолковал мне, что это есть записи русского парня, сделанные им на том свете или, по крайней мере, где-то между тем и этим. Да нет, только не подумайте, что я наелся «Белой Лошади», спросите у Хауза: мы с Макгрегори целую неделю у него не были, потому что читали эту рукопись. Но про Россию я так ни хрена и не понял – хорошо там или плохо.

Мы с Макгрегори все же отправили письмо этому русско-му поэту Белову в Сибирь, хотя и думали, что адрес вымышленный. Но за спрос, как говорится, денег даже в Америке не берут. «Мало ли какой идиот написал роман на русском языке, присобачил к нему адрес и еще несколько стихотворений малоизвестных русских поэтов, а потом подсунул его мне», – так мы думали, но письмо все-таки написали. И ответ пришел! Через месяц. Этот Андрей Белов уговаривал нас переслать ему рукопись. По его словам, тот, кто написал этот роман, действительно погиб. И все факты из этой рукописи, которые мы упоминали в письме, – правда. Я бы и подумал, что русские рехнулись, если бы не помнил, как мне досталась эта рукопись и если бы собственными глазами не видел, что оставили эти двое русских после себя в Хеллоуине. В особняке исчезла стена, и напротив нее на расстоянии трех миль – невообразимая пустота. Как будто там и трава не росла и дорога через штат не проходила. Видок такой, точно прерию несколько катков утрамбовали.

Оказалось, что рукописи через границу возить нельзя. Наверное поэтому меня и Макгрегори взяли на заметку в ФБР. Но мы все-таки передали рукопись Белову. Об этом можно написать отдельный бестселлер. Но кто бы мог подумать, что это повлечет за собой такие последствия? Однажды я пришел домой и увидел, что все в моей конуре перевернуто вверх дном. Тоже самое было с квартирой Макгрегори. Потом появились эти парни со здоровенными маховиками и стали с их помощью интересоваться, где мы прячем русского и его прибор. И как этим придуркам объяснить, что они ведут войну с русским привидением. Напоследок явились гориллы из ЦРУ и задали те же самые вопросы тем же самым способом.

Да я видел этого русского всего только раз! Они подъехали на несвежем «линкольне» (19250 – потому и запомнил, я каждую пятидесятую машину запоминаю), за рулем сидел черный детина, которого русский называл то ли Бартоломью, то ли Варфоломей. Я заправил их, немного подшаманил карбюратор, а потом русский попросил меня отправить эту злополучную папку по указанному адресу и дал в приданое за ней три тысячи долларов. Я за такие деньги отправил бы ее хоть в Антарктиду. Но я собственными глазами видел, как их «линкольн» буквально исчез, испарился, не отъехав и мили от бензоколонки Пиллиджа. Я так и подумал, что это либо инопланетяне, либо речь идет о новом оружии русских. Белов

выслал мне фотографию своего друга, но, наверное, я так и не узнаю – он это был или нет, потому что не испытываю желания встречаться еще раз с ублюдками из ЦРУ, ФБР или еще откуда-нибудь. Мы с Макгрегори решили уехать.

Макгрегори сказал, что души умерших, прежде чем предстать перед Судом Божиим, три дня находятся на земле, прощаются, потом недельку смотрят: как там живут праведники, а затем на целый месяц погружаются в ад, «где будет стон и скрежет зубов». Так вот, Макгрегори считает, что нашего русского сослали на землю вместо ада. Что-то он тут должен был сделать. И вместо агонизирующей России его отправили в процветающую Америку. Макгрегори сам себе возражает: если Земля – это и есть ад, то половину людей отсюда можно вообще не забирать. Я с ним не согласен по двум причинам: во-первых, моя мама всегда мне говорила, что хороших людей больше, просто глупых не меньше; во-вторых, я даже представить себе боюсь, что русский прибор валяется сейчас где-то в прерии, и думаю, что русского послали «прибрать за собой» Но вы теперь разбирайтесь в этом сами. За мной заехал Макгрегори.

Джон Линк. 9 июня 1994 года. Канзас

ЧАСТЬ I

1

Бросив учительствовать, я метнулся за большими заработками, пытаюсь догнать ушлых и деловых друзей. Но получалось, что я либо мелко посредничал, либо ненадолго прилипал к какому-либо предприятию. Так и несло меня в хвосте этой неожиданной скачки за личным благосостоянием, за призрачным всеобщим благоденствием. А круговорот затягивал все сильнее и сильнее. Частые пьянки, непрекращающиеся телефонные звонки, беспрестанная беготня и лавина информации, вертеп в купленной с трудом однокомнатной квартире, десятки тренированных для такой жизни женщин, передвижная гордость – зачуханный «мерседес», использование половины словарного запаса на разговоры о деньгах и ценах – вот он непосильный труд русского коммерсанта. Зато с каким сознанием собственного трудолюбия, ощущением усталости я мог выкрикнуть в лицо каждому: а ты попробуй, заработай! И вечером можно войти в свой дом или в дом любого другого себе подобного, и вокруг будет клубиться богема, и пениться полноводными реками шампанское.

Иногда я читал или слышал, что есть среди нас какие-то страдающие принципами и заботами о судьбах страны. Даже писать-то такое коробит! В жизни, я вам скажу, таких встречать не приходилось. Бывало, при непосвященных кто-нибудь и заводит разговор о благотворительности и созидательной деятельности, так это только, чтобы выглядеть лучше и не выпячивать, как молодежь, воспитанного в краткие сроки личного эгоизма. Или какой-нибудь дурак вложил деньги в музыку или театр, крупно подзалетел и все убытки назвал меценатством и благотворительностью. Если же кто-то и отстегнет чуть-чуть на задрипанную больничку, детдом или детсад, и даже если из чистосердечных побуждений (уж совсем деньги некуда девать, совесть ли зашевелилась), так эти деньги в свое время у этих же больничек, детдомов, детсадов и «оттенили».

«Деньги – это не цель, а средство», – говорили мы, а получалось, что это и цель, и средство, и оправдание, и смысл, а для кого-то – итог жизни. И плюньте в это зеркало, если я в общем и целом не прав. Ведь мы измеряли деньгами величину собственного достоинства...

Да нет, я не мораль собрался читать, тем более, что в «нашем» случае это дело безнадежное. Я о себе. Может быть, какой-нибудь горе-коммерсант, похожий на меня, прочитав и переварив мою писанину в своей голове, помыслит о чем-то другом, а не только о деньгах, которые, кстати, на Том Свете никому не нужны... Вот ведь парадокс: денежные воротилы Нового Света научили нас грабить ближнего, а тысячелетних истин с Того Света мы не слышали, либо не хотели слышать. Я, конечно, задумывался – зачем живу, но, не найдя толкового ответа ни в какой из человеческих философий, продолжал жить по течению, а значит, – в большей степени для себя. Нет, иногда, разумеется, хотелось помочь ближнему, но это как позабытый инстинкт.

Это теперь, потому что я умер, мне все равно – «мерседес» у меня был или «запорожец», однокомнатная «хрущевка» или коттедж, миллион или медные гроши... Теперь важно – с чем я попал Сюда! Подойдет моя очередь, и Вы этого никогда не узнаете!

Вы-то задумывались – зачем родились и зачем умрете? Или, подобно мне, пока жив – жизнь должна быть в кайф? А Вы спросите об этом умных дяденек из академий, телепередач и толстых журналов – а на хрена мы живем?! И ничего вразумительного в ответ не услышите. Они Вам навешают научной лапши на глухие уши, а сами элементарного знать не знают. Вы у них, например, спросите: почему водород горит, а горение не поддерживает, кислород не горит, но поддерживает горение? Почему из них вода получается? Прогундят что-нибудь про аксиомы природы и все. Даже если сильно задумаются, то изобретут очередную водородную бомбу чтобы всю матушку-Землю разом рвануть. А Кто эту природу так устроил, этого они не знают и знать не хотят.

Ну да бес с ними! У меня и так времени в обрез. Фабула требует движения

2

«Борисы у власти – одни напасти! – так говорила учительница, с которой я работал в одной школе. – Что безбородый Годунов, что наш с безнадежно-равнодушным лицом.» Действительно, пора вывести из этого закономерность. Жуткое сходство: первый убил последнего Рюриковича – царевича Дмитрия, второй стер с лица земли дом, где убили последнего Романова. Далее – смута...

Вы и без меня знаете, как лихорадило страну при «нашем» Борисе и его прикоколдышах. За что не возьмешься, все из рук валится, даже если они из правильного места растут. Значит – нужно браться только за то, что сразу обращается в деньги. Но меня, как и многих других, к этому не допускали: не лезь, мол, в калашный ряд. В конце концов я уже не мог покупать бензин своему росинанту-«мерседесу», питался консервами и терял одного за другим «лучших» деловых друзей. Таким образом я начал в полную силу ощущать все прелести перехода из развитого социализма в умственно-недоразвитый капитализм. И если раньше я выпивал в удовольствие, то теперь пил с горя.

Вокруг меня остались трое: первая любовь и два старых друга. Но в то утро никого из них рядом со мной не оказалось.

В то утро я проснулся трезвый и подавленный. За окнами серо-синия январская оттепель, неизвестно который час, какой день недели и число месяца. Под окном «мерседес» без колес. Вечером я засыпал трезвый, поэтому с уверенностью могу сказать, что вчера они были. Где-то в городе гулко ухнуло, и в ответ что-то оборвалось в груди. С ближайших крыш и деревьев сорвалась в небо огромная стая галок, настолько огромная, что воспаленным моим глазам показалось, будто обильно поперчили нашу грешную землю откуда-то сверху. Так я стоял у окна, ощущая, кроме того, что видел за спиной захламленную комнату, батарею пустых бутылок вдоль стены и груды грязной посуды на столе. А еще было непонятное, едва уловимое чувство, что за окном время движется, а здесь, в комнате, оно замерло, затаилось, а то и вообще сдохло! Протухло! Заспиртовалось. Не направленная, а всеобъемлющая обида на всех и вся, не исключая самого себя, выглянула из-за плеча в окно, потянулась шлейфом в открытую форточку, и захотелось следом за ней. Как-то вдруг все опостылело, надоело и стало до умопомрачения безразличным. И я бы не знал, чем мне убиться в такое утро, если даже не захотелось выпить. И тогда зазвонил телефон.

За последние три месяца я вообще забыл, что он есть в моей квартире. Последний раз мне звонили из домоуправления, чтобы напомнить, за какое время я задолжал квартплату. Но вот он зазвонил снова: резко и въедливо. И надо же быть такой сволочью, так настырно звонить, когда человек выбирает оружие, чтобы сразиться на честной дуэли с собственной жизнью.

– Алло! – выбрал я обратно в трубку накопившийся в комнате зуд звонка.

После некоторого молчания трубка совершенно спокойно спросила приятным мужским голосом:

– Сергей Иванович? – с легким акцентом.

– Да... Я за него... – в общем как-то я ответил.

И голос очень оживился, спросил о моем самочувствии, не поняв слова «хреново», пособолезновал по поводу украденных колес (я даже не успел удивиться такой осведомленности), посоветовал отложить черные мысли о смерти, напротив – порадоваться жизни, в которой так много приятного и неожиданного, что я даже представить себе не могу, и как раз в тот момент, когда я собирался послать этот слащавый голос куда подальше, он спохватился: «О, сорри, я забыл представиться. Сэм Дэвилз, компания «Америкэн перпетум мобиле». Мы хотим заключить с Вами контракт. Тысяча долларов в день для начала Вас устроит?!»

Я офонарел. Электрический ток ко мне уже подключили, меня распирает от энергии, но еще нигде ничего не загорелось.

– Если Вы хотите больше, мы можем обсудить этот вопрос при личной встрече.

– Если это не бред и не дешевая шутка, то где и как вас найти? – это спросил уже я, ожидая подвоха. Сейчас кто-нибудь из старых друзей возьмет трубку и пригласит на очередную пьянку. Но в ответ прозвучало другое:

– Лучше мы приедем к Вам, когда это будет удобно? Да! Вы не будете возражать, если Ваш офис частично будет располагаться в Вашей новой квартире? Для Вашего же удобства?

3

Двадцать минут на душ. Двадцать минут на упорное бритье тупым лезвием и электробритвой «дергун» попеременно. Час на косметическую уборку квартиры. Двадцать пять минут на поиск чистой сорочки, двадцать минут гладил брюки... И ни на минуту не сомневался, что надо мной подшутили. Или не хотел сомневаться.

Без двадцати час я сидел в кресле и искал глазами что-нибудь неприятное взгляду иностранца, чтобы выбросить это что-нибудь из квартиры.

Тысяча долларов в день! Офис! Буду ли я возражать? Не дождетесь! Ни за какие коврижки!

Встречу я назначил на час дня и последние резиновые двадцать минут думал о том, какая именно работа может быть предложена русскому коммерсанту-неудачнику с высшим гуманитарным образованием. Почему именно я? Но тут меня поддерживало и тешило уважение к собственным способностям и вера в какое-то providение. Не все же черная полоса!

В тринадцать ноль одну я начал волноваться. В тринадцать тринадцать (чертова символика!..) в дверь позвонили.

Их было двое. Почти близнецы. Только один блондин, а другой брюнет. Одинаковые деловые костюмы, утепленные плащи, шляпы, галстуки... Одинаковые стрижки, манеры, мимика. Пожалуй, они только двигались не синхронно и не перебивали друг друга. Иногда казалось, что они только что сошли с телеэкрана, из какой-нибудь программы о деловых людях.

Спрашивать я не успевал. Словно читая, или уже прочитав мои мысли за прошедший час и более, они сыпали подробностями, адресами, визитками, суммами, цифрами и премиями. За главного все же был брюнет Сэм Дэвилз, который говорил больше и, оказывается, был директором филиала «Америкэн перпетум мобиле», которая имеет отделы во многих городах России (список прилагает). И вот мне предоставляется честь возглавить отдел америкэн перпетум мобиле в нашем славном сибирском городе меня вычислили на компьютере у них всех так вычисляют проверяют я очень подхожу в КГБ не работал из комсомола выгнали генсеков гомосеков и президентов не люблю вообще мало кого люблю а именно это им и надо кстати мы вам дома уже сегодня установим компьютер и факс будет секретарша и очень Даже...

– И что же я должен делать за тысячу долларов в день?! – наконец-то прорвало мой нарыв.

Сэм Дэвилз осекся. Он, словно, еще не был готов ответить на прозвучавший вопрос. Поэтому снова начал откуда-то издаleка:

– Тысяча долларов в день – это не предел. Хочу Вам напомнить, что в Соединенных Штатах не каждый специалист высокого класса получает такую зарплату. Вы же, кроме ста-

бильного оклада, будете получать проценты от каждой заключенной Вами сделки, а сейчас, разумеется, аванс, подъемные – все, что полагается. Да! Чуть не забыл. Вы не будете возражать, если водитель Вашего автомобиля будет негр? Уверяю Вас, Варфоломей прекрасный водитель и исполнительный работник...

– И все же, что я должен буду делать за тысячу долларов в день, секретаршу, компьютер, лимузин и негра-водителя?!

– Последние за себя все сделают сами, – улыбнулся Сэм Дэвилз.

– Так что же я должен делать?!

– Ничего особенного. Покупать у индивидуумов их биоэнергетические субстанции для нашей фирмы.

– Чего?

– Биоэнергетическую субстанцию.

– ???

– Я понимаю, что это звучит несколько фантастично, но подобную работу наша фирма проводит во всех частях Старого и Нового Света уже очень давно. Все просто: после смерти от человека остается разлагающееся тело, которое вскоре превращается в пожелтевший скелет, и биоэнергетическая субстанция, с которой ничего не происходит, кроме...

– Вы имеете в виду душу? – Наверное, я привстал.

– Ну-у... Это как-то до неприличного буквально. В конце XX века я не стал бы употреблять таких понятий. Вы же начитанный, образованный человек.

– А контракт мы будем подписывать кровью? – скривился я.

– Вообще нет. – Он был невозмутим. – Я тоже читал «Фауста», Сергей Иванович. Но все же попрошу Вас дослушать меня до конца. Перпетум мобиле...

– Вечный двигатель?

– Да! Речь идет именно о нем. Представьте себе, что на Земле кончились запасы энергоносителей. Остановились все машины, механизмы, заводы!.. Обмелели реки и не в силах вращать турбины. Цивилизация под угрозой!

– Ничего, изобретут что-нибудь новенькое.

– А зачем изобретать?! Зачем изобретать велосипед?! Вот тогда и понадобится уже изобретенный и запатентованный нами вечный двигатель. Вечный двигатель, прогресс и счастье человечества! Но для такого двигателя, понятное дело, требуется вечное топливо, которым, как Вы уже догадались, выступи-

пает биоэнергетическая субстанция человека. Без нее человек не существует, хотя, сейчас исследовательский отдел нашей компании уже доказал, что некоторые индивидуумы могут прекрасно обходиться и без субстанции. Но пока только некоторые... Тем не менее, после смерти тела происходит высвобождение этой энергии, и этому телу, этому существовавшему в этой оболочке человеческому «Я» абсолютно наплевать на сгусток этой биоэнергии. А почему бы человеку при жизни не получить свою долю материальных, а то и духовных благ за счет сгустка собственной энергии, которой при жизни его лишать никто не собирается? Почему не порадоваться жизни немного больше, чем, якобы, предопределено. И главное: большинство людей, особенно в вашей стране, особенно сейчас, с радостью и легкостью продают нам свою субстанцию и даже приводят друзей и родственников. Я бы сказал, что порой это принимает повальный характер.

– Некоторые принимают нас за сумасшедших иностранцев или полагают, что под таким видом мы раздаем избранным гуманитарную помощь, – вставил блондин.

– Не стоит сосредотачивать на этом внимание Сергея Ивановича, Билл, – оборвал его Сэм Дэвилз. – Лучше приступай к технической стороне вопроса и объясни весь механизм приобретения субстанции.

Билл послушно раскрыл кейс и достал какой-то прибор с двумя лампами: красной и зеленой.

– В последнее десятилетие мы значительно облегчили работу наших сотрудников. Это индикатор биоэнергетической субстанции. Он крайне прост в обращении: если горит красная лампа, значит энергетическая субстанция человека уже приобретена нашей фирмой, если горит зеленый – вам и карты в руки! Значит, человек располагает субстанцией, при этом, чем ярче горит зеленая лампа, тем больше ее заряд. Приобретая субстанцию, Вы вправе предлагать продавцу-клиенту от нашей фирмы все: деньги, услуги, продвижение по служебной лестнице, любовь, признание, успех... Все, что ему заблагорассудится. В особых случаях Вы должны связываться со мной или мистером Дэвилзом в Москве. Попробовать Вы можете уже завтра, пока нашим ребятам потребуется время, чтобы оборудовать офис и обставить Вашу квартиру. И там, и там мы установим компьютеры, связанные между собой, в любой из которых Вы будете заносить имя, фамилию, отчество и год рождения наших клиентов-продавцов, а также данные

о выплаченном вознаграждении. От клиента Вам необходимо только устное согласие. Никаких документов.

«Бред какой-то.» – Я почти не воспринимал то, о чем мне говорил Билл. Все его указания и объяснения сами срывались и падали в пропасть моей памяти, втискиваясь между инстинктами, рефлексами, воспоминаниями.

– Особой секретности в Вашей деятельности не требуется, она разрешена на уровне правительства, поддерживается и контролируется многими научными учреждениями. Следует Вам сообщить, что прибор никак не реагирует на сотрудников «Америкэн перпетум мобиле». С момента, как Вы поставите свою подпись в контракте, ни одна из двух ламп индикатора не будет на Вас реагировать. А сейчас взгляните, – он направил прибор на меня, ярко загорелась зеленая лампа. – Еще раз о моральной стороне вопроса: Вы, надеюсь, знаете, что многие продают или завещают свое тело или отдельные органы после смерти на благо науки, это делали даже знаменитые люди. Биоэнергетическую субстанцию можно тоже рассматривать как один из органов человеческого организма. При этом к паталогоанатомии Вы не будете иметь никакого отношения. Естественно, могут возникать разного рода неприятности, затруднения, но это, как в любой другой работе...

4

В ночь я провалился, как перо в чернильницу. Но часто просыпался в холодном поту и не помнил, что мне спилось. Так бывает всегда, когда выходишь из долгого запоя. Ночь была не январская, а словно заплутала и пришла не в свою очередь апрельская. Так и осталась в городе до утра, отсчитывая время каплями с крыш. Я даже выходил на балкон, вдохнуть весеннего ветра.

Под утро снился портрет Гоголя в кабинете литературы. На доске дурацкая тема сочинения: «Чичиков – символ бездуховности и авантюризма.» Я не читал «Мертвые души», и Гоголь смотрел на меня с явным сочувствием. Рядом сидел Митька-математик и уже заканчивал свое сочинение, доказывая актуальность борьбы с чичиковщиной с точки зрения идеологической работы комсомола и КПСС. На мою кривую усмешку он отреагировал невозмутимо, почти по-философски:

– Я бы тоже торганул мертвыми душами, чтобы купить себе хорошую аппаратуру, а значит – Чичиков актуален. Тем более, что души-то все равно мертвые.

С передней парты обернулся Андрей и совершенно серьезно спросил:

– Кто-нибудь объяснит мне, как душа может быть мертвой? Эй, Серега, ты чего уставился на Гоголя, ты спишь?! Просыпайся-просыпайся давай! Да быстрее, а то этот Кинг-Конг мне руку оторвет!!!

Я открыл глаза. Лицо Гоголя расплылось, почернело и превратилось в объемную короткостриженную голову негра на толстой шее. Голова открывала рот, называла меня «сэром», себя – Варфоломеем и спрашивала, что ей сделать с этим молодым человеком, который потревожил мой сон, открыв дверь собственным ключом, после чего и был задержан.

Вы спросите: как я все это воспринял? А Вас когда-нибудь будили негры?

И тут «призраки» вчерашнего дня вынырнули из моей памяти, чтобы вновь завладеть моим сознанием. На столе лежал прибор-индикатор, конверт с пачкой долларов, мой экземпляр контракта с «Америкэн перпетум мобиле» и еще какие-то документы и рекомендации.

– Варфоломей? – утвердительно спросил я, и, мгновенно войдя в роль, повелел. – Отпустите его.

Поэт Андрей Белов был настоящим другом, «незаслуженным» поэтом и поэтому имел ключ от моей «хрущевки». Он мог прийти и днем и ночью, когда заканчивалось вдохновение, появлялось желание выпить и заканчивалось терпение его жены. Работая одновременно сторожем в детском саду и дворником, он едва сводил концы с концами и часто жаловался на то, что его жена, «отбывая рабочее время» в еще не закрытом проектно институте, получает больше его. Издал маленький сборник стихов еще в «эпоху» перестройки, на второй он не мог собрать денег. Стихи, как Вы знаете, нынче не в моде. Меценатов не находилось, а я меценатом стать не успел.

Не знаю зачем, но я направил на Андрея индикатор. Вспыхнула зеленая лампа, и я мгновенно испытал сильное искушение заключить с ним устный контракт на приобретение биоэнергетической субстанции, но прежде все же заставил себя пойти умыться. Негр встал молча у входной двери, как часовой, и только движение широких ноздрей говорило о

присутствии жизни в его могучем организме. Пройдя мимо него, я отметил, что едва достаю ему до плеча.

Пока я приводил себя в порядок и одевался (кстати, Варфоломей привез мне новый костюм, пачку сорочек, груду галстуков, плащ как у Сэма Дэвилза и даже престижную авторучку), Андрей, сидя в кресле, пробовал виски различных марок, которые невесть откуда взялись на моем столе. Выпиваемые рюмки он перемежал с вопросительной болтовней: ограбил ли я банк, получил ли наследство за бугром, на какую разведку работаю, по чем проданся, откуда у меня в квартире Майкл Тайсон (глядя на Варфоломея), где нарубил капусты (глядя на приоткрытый конверт с пачкой долларов)?..

– Мы должны куда-то ехать? – осведомился я у водителя.

– Да, сэр, отвезем Вашего приятеля, куда он пожелает, и я покажу Вам офис. – Варфоломей говорил без малейшего акцента, и я подумал, что есть, наверное, специальные русские негры.

Прилично захмелевший Андрей попросил, чтобы его отвезли домой. Всю дорогу мне казалось, будто он что-то хочет сказать мне или спросить. Но слова эти, видимо, еще не созрели, и он угрюмо хмурился, глядя в окно. На пороге своего подъезда он оглянулся, с каким-то сомнением окинул взглядом лимузин, но так ничего и не сказал.

Потом мы петляли по узким улочкам исторического центра, где стоят вперемешку деревянные и каменные особняки, взирающие на день сегодняшний со степенностью и усталым безразличием. Машина остановилась у дома под номером «22» на улице Дзержинского. Сморщенное серое лицо парика – нот что напоминал фасад этого дома. Крашенная за последние тридцать лет только дождями штукатурка кое-где отвалилась пластами, обнажив красную кирпичную кладку. Мутные сонные окна, казалось, больше смотрят вовнутрь, чем наружу. Зато на заборе красовалась яркая голубая табличка, извещающая, что здесь расположено представительство компании «Америкэн перпетум мобиле». Варфоломей сказал что-то о предстоящем капитальном ремонте, и мы вошли в дом.

Внутри оказалось просторно и даже уютно. Большая прихожая-коридор шла мимо четырех дверей и упиралась в одну двустворчатую дверь, на которой висели три таблички: «приемная», «директор филиала» и пустая – место, куда, вероятно, планировалось разместить фамилию и инициалы будущего шефа. Так как шефом был я, то прошел прямо, по-хозяйски

распахнул дверь и остановился на пороге. У светящегося экрана компьютера сидела очаровательная девушка лет двадцати пяти, которая, увидев меня, (а за моей спиной Варфоломея) тут же встала и представилась: «Гражина, секретарь-референт – делопроизводство, оргтехника, машинопись...»

5

Негр-водитель, секретарша – полячка, и начальник – неудачливый российский коммерсант. Хорошая компания! В этой компании уместными мне казались только длинные стройные ноги Гражины. Подробно изучив их визуальные достоинства, я бодро встряхнулся и, потеряв руки, деловито спросил:

– Ну, что у нас на сегодня? – как меню в столовой.

Гражина также деловито открыла лакированную папку и зачитала неожиданно длинный перечень посещений и приемов на сегодняшний день. Список посещений был особенно странным: от распивочной забегаловки на вокзале (где мы часто бывали с Андреем) до посещения заместителя главы администрации Чуфылдинского района. Переварив все это и получив в руки специально подготовленное расписание с подробными инструкциями и пояснениями, я уже мчался на вокзал, задумчиво развалившись на заднем сидении нового служебного «линкольна». Отбросил папку с пояснениями и решил довериться вольной импровизации. На какое-то мгновение, как молния, меня пронзило некое подобие интуитивного сомнения, чувство опасности, испуг перед таким головокружительным разворотом событий, но, посудите сами, какая хорошая начиналась жизнь! Кто бы из вас отказался?

– Что я должен делать в этой забегаловке? – спросил я у Варфоломея на вокзале.

– Пойдите и чего-нибудь выпейте, сэр, – четко ответил он.
– У Вас будет несколько возможностей заключить контракты.
– И неодобрительно посмотрел в сторону оставленной на заднем сидении папки с инструкциями.

Я уверен, что только благодаря своему пижонскому одеянию, испытывал в тот день невероятное отвращение к подземному вокзальному буфету, где нередко, бывало, напивался до чертиков. И какими липкими мне показались пол и стены, и какими невымытыми – стаканы, и какими отвратительными – лица посетителей! Заказав привычную «сотку» и бутерброд, я встал у столика в углу, за которым боролся с бутылкой одино-

кий мужчина лет пятидесяти, судя по одеянию – бывший (загнанный перестройкой в это подземелье) интеллигент. Окинув меня мутным, изначально неприязненным взглядом, он напрямик спросил:

– Неужели и такие как ты здесь опохмеляются?

– Я завсегда, – ответил я, опрокинув стакан для вящей убедительности. Водка была теплой и противной.

– А я здесь в первый раз, – сообщил мне мужчина и плеснул в мой стакан из своей бутылки. – Петр Петрович. – Представился он и, подняв свою емкость, предложил: – Выпьем, чтобы наши дети не были такими сволочами?!1

Я согласился, и мы выпили. Потом выпили еще. И еще. Я купил вторую бутылку, а Петр Петрович стал клевать, но при этом пытался рассказывать о своей беде.

– Ты не поймешь, вот будет у тебя сын сволочь, тогда поймешь... Не дай Бог, конечно опять же чем черт шутит... От «адидасов» и «панасоников» до сволочизма один шаг ша-а-аг!!! Я блин инженер по специальным спе-ци-аль-ным средствам связи я ему все отдал а он такое... Мать лет десять назад умерла от рака а я усирался на работе чтобы эти сами «адида-сь» у моего Ромочки бы-ы-ли... Но ведь теперь хоть лоб раз-бей не угонишься... Опрезидентили страну!!! Мозги не нужны стали а у Ромочки мозг ком-м-мерчески устроен стал... Пони-маешь? Бабка с нами живет мать моя в-восемьдесят лет ей едва ходит всю войну прошла теперь еле ходит еле сообража-ет н-ну кое-как соображает медали целыми днями переклады-вает да фотографии старые но ведь это не значит что ее уби-вать надо! Д-да д-да уби-вать!!! Эт Ромочка... Бабу-ленька его с пеленок нянчила, а теперь своим существованием досажда-ет он и говорит: давай батя застрахуем бабу Клаву на десять ли-монов а она в ванной поскользнется и об уг-гол виском день-ги говорит для страховки найду только п-проценты п-потом вер-нем а так мол тот же лимон на похороны понадобится... Ты не думай! Не думай слыш-шь!!! Я Ромочке хотел Тараса Бульбу показать: я тебя породил я тебя и убью но он мне своей адида-синой так промеж ног заехал что еле до сюда доковылял здесь и уп-паду... Он напоследок мне еще и сказал: Д-ду-май, ста-рик, а то впустую коптишь небо, не лучше бабы Клавы, та-то хоть не соображает, а ты – ж-жертва коммунизма, во как! Жертва! – и тут Петр Петрович зашелся навзрыд.

Я вдруг понял, что от меня требуется. Пьяные мои мысли подло нащупали беззащитную цель, и я лупанул прямо из пушки:

– Хочешь десять миллионов, Петр Петрович?

Он даже не отреагировал. Потом что-то промямлил про издевательство и хотел было упасть под стол, но я почти закричал:

– Я куплю у тебя биоэнергетическую субстанцию!

Какая Вам разница, как я ему объяснил, что от него требуется. Он готов был продать и душу. Когда я записывал в блокнот «Полуэктов Петр Петрович, 1946 г. р.» и т. д., Варфоломей за моей спиной уже держал туго набитый конверт. И я даже позавидовал Петру Петровичу, что он за день заработал столько, сколько даже в лучшие свои коммерческие времена я не мог заработать за две недели. Кстати, Варфоломей благополучно доставил его домой, к Ромочке. Я же вернулся к рюмочке и слышал, как за моей спиной двигался приглушенный ропот, а для беседы со мной созрел новый клиент...

Расценки в этот день были разные: от бутылки до десяти миллионов. Видимо, Петр Петрович задал потолок. Никто не спрашивал, что это за зеленая лампочка почти не гаснет у меня в руках, никто не спрашивал, что такое биоэнергетическая субстанция и на хрена она мне нужна (зато об этом велись пьяно-научные разговоры за другими столиками). Это то, что я помню. А вот как я отдал маленькой женщине двести долларов просто так (потому что ее больному ребенку необходимо дорогое лекарство), я не помню. Был провал. До нее, а потом смутно и размыто: маленькая женщина со слезами на глазах. У нее слезы – у меня слезы. И дал эти паршивые двести долларов просто так. Я даже не подумал, что с нее следует требовать биоэнергетическую субстанцию. После нее на очереди оказался какой-то бугай, направив на которого индикатор, я с трудом определил, что не горит ни одна лампочка. Это был Варфоломей.

– Вам нельзя столько пить на работе, сэр. Это может отразиться на Вашей карьере, сэр. Могут быть вычеты и штрафы. И главное: мистер Билл, вероятно, забыл Вам объяснить, что когда Вы не используете возможность заключения контракта, оказывая при этом услуги за счет фирмы, Вы теряете свою биоэнергетическую субстанцию, хоть и незначительно – в микродозах, но нельзя быть таким сентиментальным, я понимаю Ваши чувства к этой женщине, они обострены алкоголем,

я отвезу Вас в офис, сэр, где Вы сможете отдохнуть и принять специальные таблетки от алкогольного опьянения, Гражина Вам поможет, а пока отдыхайте здесь, сэр... – И я провалился с его огромных рук на заднее сиденье автомобиля.

Что-то я хотел у него тогда спросить на счет своей биоэнергетической субстанции, сказать ему, что он хороший мужик, но наползавшая бессмысленная темнота была сильнее.

6

Гражина разбудила меня после двух. Я в одних трусах лежал на диване, подпирая головой маленькую упругую подушку. После двухчасового сна и горсти таблеток я почувствовал себя лучше и отрезвел. Умывшись, я вновь облачился в «спецовку» и выслушал от Гражины расписание на вторую половину дня. Честно говоря, я уже думал о вечере и думал о том, куда дену сегодняшнюю тысячу долларов. Представьте себе, тысяча долларов за один день, а завтра будет столько же! Да еще я не считал выданных мне вчера подъемных. Поэтому, поглощая кофе с бутербродами, я ломал голову над предстоящими затратами, вспоминал долги и даже не помышлял о каких-то там посетителях. Но вошла Гражина, и поезд тронулся дальше...

Первым был нагловатый молодой человек в джинсовом костюме. Не расшаркиваясь особо у входа, он ломанулся к моему столу и кинул на полированную поверхность цветастую визитку:

– Ваша?

Визитки я раздавал сегодня в забегаловке на вокзале, и мне (невзирая на стыд о пьяном состоянии) пришлось сознаться:

– Моя.

– Я – Рома, – сообщил молодой человек. – Вы моему пахану десять кисленьких на вокзале отвалили. Так вот, я и мои три друга готовы продать Вам наши... Как их там?..'

– Биоэнергетические субстанции.

– Да. Биоэнергетические субстанции. Но, учитывая оптовую поставку, мы желаем иметь тридцать пять лимонов.

Кое-как я сдерживал тошнотворную неприязнь, перебирая в голове матерщину в девятнадцать этажей, но вынужденное профессиональное отношение к клиенту заставило меня холодно, но весьма вежливо ответить:

– Во-первых, молодой человек, оптовые цены по законам рынка всегда ниже розничных. Во-вторых, биоэнергетическая субстанция Вашего отца значительно качественнее, тем более – прошла обработку временем (под столом я уже любовался зеленой лампочкой индикатора, которая и впрямь была тускловата), поэтому могу предложить Вам только по 5 миллионов рублей, что в сумме на троих составит... – с достоинством я воспользовался калькулятором, чтобы совершить эту сложнейшую математическую операцию, – 15 миллионов рублей.

В моих глазах, видимо, было столько сонного безразличия, что Рома, оглянувшись на дверь, решил посоветоваться с друзьями. Я знал, что они согласятся. И когда контракт был заключен, и Гражина заносила данные в компьютер, я смотрел в окно, где трое молодых людей перепрыгивали сугробы и попеременно крутили пальцем у виска.

– Прекрасная работа, сэр, – услышал я за спиной одобрение Варфоломея, и, подмигнув ему, вернулся в кабинет.

Следующим посетителем был лысый круглый и неприятный толстяк. В руках его была папка, из которой он извлек листы с длинными списками фамилий и дат.

– Вот, – ответил он на мой немой вопрос, – это списки работников моего предприятия, их биоэнергетические субстанции в Вашем распоряжении. С тех пор, как с помощью Вашей замечательной фирмы сохранил за собой управление заводом и получил новые материальные перспективы, я решил, что вправе, нет, даже просто обязан предложить Вам биоэнергетические субстанции моих подчиненных.

– Они все согласны? – спросил я.

– Разве их следовало об этом спрашивать? – возмутился он.

– Без их согласия я не могу заключить с Вами контракт. – Под столом горела красная лампа.

– Но я не прошу многого! Человеку просто необходим дальнейший рост!

Его возмущение насмешило меня.

– Когда-то Вы уже воспользовались услугами «Америкэн перпетум мобиле» и сами назначили цену за своя биоэнергетическую субстанцию. Продавать же чужую, даже ради общественного, в Вашем понятии, блага, Вы не вправе. До свидания.

Уходя, он пообещал пожаловаться президенту Соединенных Штатов и в ООН. «Вы еще услышите вой русских бомбардировщиков, Вы еще вспомните шведов под Полтавой!»

Потом в кабинет вошла тихая совершенно седая старушка с хозяйственной сумкой в руках. Примостившие, на самый край стула, она некоторое время молчала. Смотрела на меня так, будто хотела заглянуть в душу, а может быть, наоборот – раскрыть свою.

– Это, конечно, нельзя, – наконец начала она, – но я все же зашла спросить: можно ли вернуть социализм. Хоть какой – хоть сталинский, хоть развитой, хоть застойный... Ненадолго, чтобы я успела умереть.

Даже зная, что за моей спиной вся мощь «Америкэн перпетум мобиле», я не решился ей ничего ответить.

– Я отдам Вам эту самую субстанцию и половину пенсии буду приносить каждый месяц...

Я схватил трубку и попросил:

– Гражина! Соедините меня с мистером Биллом. – И почти сразу услышал его тихий, но уверенный голос.

– Я знаю, у Вас проблемы с пожилой леди. Это как раз тот случай, те трудности, о которых мы Вас предупреждали. Все дело в том, что из социализма за 70 лет мы уже взяли всю возможную и даже невозможную энергию. А последний горбачевский период был просто небывало урожайным. Так что поворачивать историю вспять ради сентиментальных воспоминаний этой пожилой женщины не в наших интересах, но не все потеряно. Предложите ей коммунизм для отдельно взятой личности. Ведь хотели сначала построить социализм в отдельно взятой стране?! Так и мы – предлагаем ей сразу же коммунизм, только для отдельно взятой личности. Бесплатное питание, одежда, проезд на транспорте, забота школьников, статьи в газетах о пройденном трудовом пути... – словом, все, что она связывает с понятием о коммунизме. Но сами понимаете, ее биоэнергетическая субстанция особо ценна!..

Старушка печально глядела в окно и поминутно вздыхала. Руки ее перебирали затертые лямки авоськи. Мистер Билл еще говорил о различных способах воздействия на ее сентиментальное сознание, когда она вдруг встала и, смущенно сказав «извините», вышла из кабинета. Я в растерянности положил трубку, в дверь заглянула встревоженная Гражина:

– Что-нибудь нужно, Сергей Иванович?

Я хотел, чтобы старушка вернулась, но этого Гражина сделать не могла. Я хотел помочь старушке просто так... Гражина, закрывая дверь, предупредила:

– Нельзя так волноваться из-за каждого клиента, Сергей Иванович.

Следующая клиентка требовала продолжения очередного телесериала не менее, чем на год. И хотя меня давно уже тошнило от иностранных мыльных опер, я с удовольствием заключил с ней контракт, пообещав завтрашним вечером первую серию.

Под конец дня мы выехали с Варфоломеем в Чуфылдинский район, где ожидал нас заместитель главы администрации. Первоначально он показался мне человеком серьезным и озабоченным. Представившись Иваном Юлиановичем Остапчуком, он с небольшим малороссийским акцентом заговорил о сложном международном положении, о небывалом за последнее десятилетие возрождении американо-российских отношений, общечеловеческих ценностях, вхождении России в мировое сообщество и, наконец, перешел к своему личному вкладу в Развитие российско-американских отношений на уровне вверенного ему Чуфылдинского района. В то время, как глава администрации целыми днями следит за исправностью кочегарок, ремонтом комбайнов и сенокосилок, его заместитель настойчиво создает совместные предприятия даже в небольших и неприметных деревнях. Если присмотреться к российской глубинке, оказывается, и там можно найти интерес для иностранных инвесторов. Тем самым Иван Юлианович подготавливает быстрое и безболезненное присоединение Чуфылдинского района к мировому сообществу, и даже, если потребуется, вхождение его в НАТО как полигона для проведения широкомасштабных учений в условиях российского бездорожья. Учитывая свой скромный вклад в развитие международных отношений и экономики района, Иван Юлианович полагал, что на следующих выборах он... Я достал индикатор и вдруг подумал, что никогда не верил в правдивость публикуемых результатов выборов и переписей.

7

Поздно вечером я сидел в кресле у себя дома и пил дармовое виски. Ни о каких развлечениях думать не хотелось. Стоило закрыть глаза, как начинали плыть в темноте зеленые лица американских президентов на долларовых купюрах раз-

личного достоинства. Но как я ни силился, не мог вспомнить ни одного лица прошедших за день через мои руки клиентов. Зато, отчетливо вспомнил ту маленькую женщину на вокзале. Я бы так и уснул в кресле от усталости и тошноты, если бы не стук в дверь. На пороге стоял Иван – второй друг детства в форме старшего лейтенанта милиции.

Когда после университета пришлось выбирать между школой и милицией, он предпочел школу милиции. Разницу в наших школах он определял так: «У вас образование общее, а у нас астрологическое – ориентируемся по звездам на серо-синем суконном небе.»

– Земля слухом полнится, – сказал он, перешагнув порог.

– Ты встретил Андрея?

– Нет, – продолжил он уже после первой рюмки. – Знакомый опер из безопасности сообщил, что мой друг открыл филиал богатой американской компании и сыплет долларами направо и налево в обмен на какую-то туфтовую биоэнергетическую субстанцию. Цитирую документ: «Америкэн перпетум мобиле» содействует дальнейшему развитию российско-американских связей, а также являет собой пример достойного инвестирования в отечественную экономику». Что скажешь? Но, между прочим, они там подумывают – не пришить ли тебе дело о подрыве российской экономики. Даже доллары твои на вшивость проверяли...

Я слушал его вполуха с полным наплевательским отношением к силовым структурам нашего государства. Старший лейтенант милиции напротив меня хлестал виски, закусывая консервированной германской ветчиной. Что-то он там говорил об отупевшем спивающемся народе, о том, что пора позаботиться о себе и своей семье. Мол, в этой жизни у нас и так мало хорошего. «А для меня семья – главное, Серега». Нет, он ни о чем не просил. Не таким был Иван. Но я уже сонно читал подстрочник его слов и достал индикатор, хотя прекрасно знал – ярко загорит зеленая лампа. Почему-то я испытал приступ ненависти к этому заморскому прибору и швырнул его на диван. Заметьте: ограниченный приступ ненависти! Осторожный такой! Самому себе показушный. Я ведь не на пол его бросил, где он мог разлететься на части, вскрыв свое хитроумное нутро.

– Ты составил список своих пожеланий, Ваню? – раздраженно спросил я, перебив друга.

– Ну, в принципе, я всегда знаю – чего я хочу.

– Знаешь?! Так вот, перечисли все это в своей ментовской башке и забудь навсегда. Мне в твои «один раз живем» не уложиться. Не буду я у тебя биоэнергетическую субстанцию покупать. Нутром чую, еще спасибо скажешь. Не знаю, правда, когда. Капусты, Вань, я тебе на любое материальное благополучие дам...

– А мне подачек не надо, – сказал старый друг и, опрокинув адцатую рюмку, стал застегивать шинель.

Я даже не смогу Вам передать, как мне стало хреново. Просто больно где-то внутри и тупо. Я видел, что ему хочется потрясти меня – хапугу за грудки, а мой заквашенный мозг искал хоть какой-нибудь компромисс. И придумал...

Для наглядности я заставил Ивана собственноручно писать договор о купле-продаже его биоэнергетической субстанции. Приложением к нему служил довольно длинный список требуемого (тут уж я не скупился): от семейного счастья и здоровья, до автомобиля и дачного участка... Нет, не подумайте только, что я его осуждаю. Просто именно в тот момент меня мутило от этого списка, мутило от того, что Иван встал в конец длинной очереди сегодняшних клиентов. Положив договор в карман, я застолбил в своей голове, что компьютер никогда не узнает о его содержании. Мы стали пить.

Где-то после второй бутылки появился Андрей. Он тоже был немного пьян, но полон решимости продолжать начатое.

– Привет от Бахуса! – радостно выкрикнул он с порога и сразу же налил себе штрафную дозу. – В «подземке» сказали, что какой-то идиот сегодня скупал там биоэнергетические субстанции (!!!) других идиотов по значительным ценам. – Он вопросительно посмотрел на меня. – А я вот хрен тебе – продам! Думаю, выпить ты мне и без этой самой субстанции нальешь... – и он выпил. – Может быть, мои стихи на хрен никому не нужны, может быть, я вообще зря копчу небо, но уж что от Бога мое – то мое. – И он перешел на стихи: – Случайная, безвестная Изгнанница небесная Падучая звезда – Засветится над бездною И вновь за гранью звездною Догаснет без следа... Не так ли ей попутная, Пройдешь ты, жизнь минутная, В безвестные края? Не так ли ты, случайная, Уснешь, как греза тайная, За гранью бытия?

С минуту мы молчали. Я спросил:

– Твое?

– Нет. Гарцевский, начало века.

Иван криво усмехнулся и переменял рюмку на стакан.

– А я материалист, – словно оправдался он, – иногда. – У него была своя правда, в подобных случаях он не обижался.

Часа в три ночи меня разбудил телефонный звонок. Холодный голос Билла предложил мне больше не путать служебные обязанности и приятельские отношения, ибо этим я могу очень сильно навредить себе. «Вы не распускайте добрые нюни, – как-то интересно выразился он, – в этом мире каждый выбирает себя. А сейчас примите таблетки Гражины и ложитесь спать полноценно – в постель. Варфоломей заедет за Вами в восемь тридцать.»

8

Следующий день мало чем отличался от предыдущего: две поездки к отцам города после обеда (они, естественно, выражая заботу о городских нуждах, заботились о своей карьере) и длинная вереница посетителей до обеда.

Просматривая утром газеты, я неожиданно для себя обнаружил шикарную (на целый газетный лист) рекламу «Америкэн перпетум мобиле». «Биоэнергетическая субстанция – это то, что не нужно Вам и необходимо человечеству!» – огромными буквами в центре листа. Внизу более мелко: «Биоэнергетическую субстанцию у Вас приобретут по адресу: ул. Дзержинского, 22, с 9 до 13 часов ежедневно, кроме субботы и воскресения, телефоны для справок...» Ну прямо донорский пункт! И снова здоровенными буквами внизу листа на фоне груды автомобилей и бытовой техники: «Станьте богаче, исполните свое заветное желание!» Внизу – совсем мелко – подробности. Чуть позже я узнал от Гражины, что реклама шла также на радио и телевидении.

Сколько же я принял в этот день продавцов-посетителей, если в среднем я затрачивал на человека 3-5 минут, а в коридоре томилась длинная очередь? Я не переставал удивляться, почему не растут цены на биоэнергетическую субстанцию, плавают от мелочи до миллионных сумм, но остаются в разумных пределах? Ведь люди в очереди порой рассказывали небылицы о предлагаемых и уже выданных фирмой миллиардах. Потом уже, в мелком шрифте рекламы (а уж ее-то они умеют делать) из лежавшей на столе свежей газеты снова вычитал о заветном желании. Получалось, «Америкэн перпетум мобиле» – этаким добрый волшебник, который как бы бескорыстно помогает людям достичь желаемого. И ведь никто не

усомнился! Просить больше заветного желания не рекомендовалось. Из какого же завета нужно было откопать это заветное желание?

Обо всем этом думал я, раздавая дачи, автомобили, квартиры, различные денежные суммы, платья от Кардена, парфюмерные наборы, путевки во все части света или, например, сборник всех пластинок «Битлз»... Это в материальном смысле. Реже просили нечто «для души»: женщины – мужей-иностранцев (хотя бы со средним достатком), мужей-академиков, генералов; мужчины, если и интересовались женщинами, то только в количественно-качественном смысле. Что уж тут говорить о тещах, ненавидящих своих зятьев и, наоборот, просто – о злопамятных людях, которые за мелкую обиду желали «своим кровным врагам» всяких пакостей. Двум из них я отказал. Они просили смерти. Один – для себя (но легкой), другой – для бывшей, изменившей ему любовницы (но мучительной и долгой). Я отказал им. Какой-то предохранитель внутри меня сам по себе сработал. И сделав это, сразу вспомнил ночной звонок мистера Билла. Честно говоря, его советы начинали надоедать мне с той же арифметической прогрессией, с какой нравились нашему президенту постоянные советы американского. Я даже представил себе, как и что мистер Билл может мне сказать: «...мы же Вас предупреждали... мы позаботимся сами о наших клиентах... уверяю Вас, лучшей судьбы они сами себе даже и не придумают и, тем более, никогда не смогут этого получить...» Звонил он мне? Говорил это?

Зато, хорошо помню посещение двух милых на вид пенсионеров. Старик и бабуля лет под семьдесят. Худощавые и невысокие, с доброжелательными улыбками на лицах, они вошли и, смущаясь некоторое время, переминались с ноги на ногу.

– У нас к Вам очень необычная просьба, – сказала старушка.

– Я к этому привык, – ответил я таким тоном, будто занимался этой работой не два дня, а два года. – Садитесь.

– Вы приобретаете так называемые биоэнергетические субстанции? – вероятно, в этом возрасте семьей командовала старушка.

– Да.

– Мы прожили с Порфирием долгую и счастливую жизнь. Недавно отметили полувековой юбилей совместной жизни. У нас четверо детей, восемь внуков...

Я приготовился долго слушать, изображая на лице вежливую внимательность. Старики были милыми, но выслушанные за день тысяча и одна просьба, пожелания, излияния делали их вступительную речь нестерпимо долгой. Главное было – услышать главное.

– ...И вот мы решили не продать Вам, а приобрести у Вас биоэнергетическую субстанцию...

– ??? – таким было у меня лицо.

– Да! Да! Мы готовы предложить довольно крупную по нашим временам сумму. Спасибо, дети помогли. Вы на эти деньги сможете приобрести биоэнергетическую субстанцию других жителей нашего города. Хотя по городу и идет слух, что ваша перпетум мобиле чрезвычайно богата, но...

Вероятно, они решили, что субстанция продлит их счастливую жизнь. Я мог предложить им то же самое в обмен на их субстанцию, но почему-то растерялся. В первый раз за два этих суматошных дня кто-то пытался купить у американской фирмы биоэнергетическую субстанцию! И я отбросил свою растерянность совершенно чиновничьей шаблонной фразой:

– Простите, но я не уполномочен продавать биоэнергетическую субстанцию, и работа моя заключается как раз в обратном.

Когда за извиняющимися, явно расстроенными стариками закрылась дверь, я поймал себя на мысли, что даже не попытался проверить их индикатором. Остальное за меня сделала усталость: пригласил через селектор Гражину и попросил закончить прием.

– У Вас еще разговор с мистером Биллом.

ЧАСТЬ II

1

Обычно март в нашем городе серый и грязновато-скользкий. Весна, как запыхавшаяся спортсменка, дышит вдоль улиц резкими порывами такого же серого ветра: вот, мол, прибежала, не опоздала, и финишная ленточка на груди. А зима уходит лениво, ворча небольшими морозцами да бросая иногда через левое плечо редкие хлопья снега. Так и топчутся целый месяц.

Иногда у каждого человека бывает счастливое утро, и он объяснить не может почему. У меня всегда так было... Когда не с похмелья. И весна наступала, как счастливое утро, только сутками в этом случае выступал целый год. А к маю, когда по меркам этого утра в город оранжево вкатится солнце, обрамленное белизной яблоневого цвета, наступал апогей этого беспричинного счастья...

Эта весна была другой, хотя сквозь туманную серость вдруг прорывалось светло-голубое небо, и растроганно плакали крыши. Может быть, лишь для меня она была другой. Только иногда (а пешком я ходил благодаря навязчивой заботе Варфоломея тоже только иногда), словно давно забытый вкус, и только мельком я чувствовал, ощущал летящее мимо меня дыхание весны. И мне было больно и хорошо.

Самым тяжелым в каждом дне был вечер. Тогда одолевала вязкая беспроглядная тоска и безысходность. А самой беспокойной порой, временем кошмаров становилась ночь.

Сны! Я проваливался в них из какого-то липкого полузабытья и сразу становился беспомощным рабом-наблюдателем жутких зрелищ и действий, в которых вроде бы сам я участия не принимал. То виделась мне адские машины (не подумайте о «безобидных» взрывных устройствах), то миллионы роящихся друг вокруг друга, сидящих друг на друге чудовищ, то брели по зеленым болотам то ли гуманоиды, то ли мутанты, то водили вокруг меня дикий хоровод голые ведьмы. Настолько голые, что все их прелести просто торчали в мою сторону невообразимым способом. И всюду раздавался стон и скрежет зубов... Это последнее, мне кажется, я где-то уже читал.

Да нет, господа-товарищи, я вам тут не рисую очередную эколого-ядерно-демографическую катастрофу из очередного супер-американо-фантастического фильма, режиссер которого сердобольно-патетически-пророчески предупреждает: вот оно как будет, через мое искусство зрите! Фига ли предупреждать!?! Главное предупреждение, почитай, за две тысячи лет до него написано (это мне уже здесь сообщили, так что вы лучше там читайте). Я тоже, как и большинство из нас, переболел полтергейстами, барабашками, НЛЮ различных модификаций, гуманоидами и прочей нечистью. Было время, когда говорить об этом считалось правилом хорошего тона. Но одно дело говорить об этом, читать и кидаться в любой угол, где кому-нибудь что-нибудь померещилось, и совсем другое дело видеть всю эту мерзость каждую ночь во сне.

Узнав о моих «психоделических» проблемах, мистер Билл серьезно озаботился моим здоровьем и выписал для меня всяческих экстрасенсов отечественного и зарубежного производства. То, что они со мной делали, можно увидеть во множестве телепрограмм. Но я все же вынужден признать, что на какое-то время они смогли мне помочь. Видения покинули меня, сны стали обычной черной бездной, и только днем оставалась тяжелая тягучая тоска. Знаете, на что она похожа? Представьте себе, что Вы все уже в этом мире знаете, все уже перепробовали, и каждый новый день приносит только мучительные повторения. Как ежедневное сдираание присохших бинтов со старой раны.

2

Я разбогател настолько, что перечислять мою собственность следует в отдельной главе. Такого времени у меня нет. Фирма, между прочим, даже разрешила мне заниматься благотворительностью. В разумных, разумеется, пределах. И, наверное, ради того, чтобы потешить мое самолюбие, создать иллюзию доброго дяденьки из очередного совместного предприятия.

Порой я срывался с работы в дневные часы, оставляя на пороге изумленно-испуганного Варфоломея, и пускался слоняться по городу. Просто так, без всякой известной цели. Зато я знал, какие цифры старательно помнит компьютер Гражины, и как подмигивает ему голубым экраном мой домашний. Несколько новых, нанятых мною с помощью мистера Билла помощников с несказанным рвением сновали по городу в поисках новых продавцов биоэнергетической субстанции. И находили. За свои пятьдесят баксов в день они находили чуть ли не пятьсот человек ежедневно. Для них оборудовали еще три кабинета, на улице и в коридоре постоянно толпились посетители. А я отвечал за солидных или особо необходимых фирме клиентов. Прежняя «рутинная» работа доставалась мне редко. Кто были мои помощники? Ну что с того, если я скажу Вам, что один был музыкант (да еще какой!), другой – известный в городе психотерапевт, третий – доцент, профессор ВУЗа?..

Я ходил по весенним улицам как живой дозиметр, держа в опущенной руке индикатор с постоянно нажатой кнопкой, и она радостно мигала мне красной кнопкой на каждом четвертом, а то и на каждом третьем встречном. С витрин и щитов, с афиш и плакатов – со всех углов и стен (так мне казалось)

била в глаза «сладкая» зазывная реклама «Америкэн перпетум мобиле». На деньги которой я так привык жить.

Многие горожане почтительно, или, наоборот, торопливо, как бы с чувством легкого стыда, здоровались со мной, а я отвечал им каким-то сквозьзубным «за-се» и двигался прочь, выбирая районы постариннее, помалозэтажнее, потише. Если случалось забрести в деревянный, раскосый, судя по столбам и домам, «шанхай», то часто встречал навязчивых знакомых из забегаловок и первых клиентов, отдавших свою субстанцию за ящик, а то и литр водки. Они каждый по-своему начинали кланчить на бутылку, жаловаться на жизнь или упрекать меня, и я как-то сонно, будто под гипнозом, раздавал им долларовые и рублевые купюры различного достоинства. На этом наше общение прекращалось. Только один раз пьяная компания хотела набить мне рожу из пролетарских соображений, но, откуда ни возмись, появился Варфоломей и возбудил в них своим великанством чувство интернационального раскаяния.

Гуляя по городу, я мог случайно набрести на брошенную в какой-то из дней на какой-то из улиц какую-то из своих машин. И тогда, если у автомобиля были на месте колеса, дворцы, лобовое стекло, бензин в баке и т. д., я нехотя возвращался на нем в офис.

Кроме «особых» клиентов, которых я любезно лишал биоэнергетической субстанции за услуги чуть ли не государственного масштаба, ко мне на аудиенцию прорывались порой «простые смертные». Они, что называется, и выбивали меня из рабочего ритма. Поэтому Гражина, как могла сокращала их ежедневный поток. И, тем не менее, они тоже выработали на нее иммунитет и придавали себе напускной важности, изображая чиновников и деловых людей, даже заставляли Гражину раскрывать перед ними дверь. А на поверку оказывалось...

Один клиент – очередной отец «заблудшего» сына – напомнил мне моего первого клиента – Полуэктова Петра Петровича. Чисто визуально. Было в нем что-то от работника обанкротившегося НИИ. Но внутри он оказался совсем другим человеком. Не такой размазней. Он решительно вошел в кабинет и с порога представился:

– Семенов Андрей Григорьевич. – Сел напротив без приглашения.

Я кивнул, мол – слушаю.

– Выручай, Сергей Иванович! – Резко и горько сказал он, руки у него при этом слегка тряслись. – Выручай, а то я их всех поубиваю! Да если бы он мог, я бы его вот этими руками – как Тарас Бульба! Я тебе породил, я тебя и... Эх! – здесь ему нужно было помолчать, поиграть желваками. – Сын у меня, Алешка, – снова начал он, – он, понимаешь, самостоятельный. Студент университета, а от отцовской помощи отказался. Не надо – и все! Вырастили, и на том спасибо! Стал по ночам дежурить в нашем захирелом НИИ, я его туда сам и устроил, в котором кроме макулатуры и пары компьютеров сторожить нечего. Шестьдесят комнат на двух этажах, сто двадцать столов... И первый этаж, как нынче водится, зарешеченный. Почему именно в его дежурство?! – он снова выдержал нервную паузу, растирая кулаки. – Короче: залезли из подвала, компьютерную кухню вскрыли и спустили все эти ящики со второго этажа на талый снежок. Наследили прилично, сам видел. Поутру, естественно, милиция, как официант с заказанным час назад обедом. Вопросов много задавать не стали. Повязали моего Алешку и в КПЗ. Версия у них, как у Холмсов, еще в дороге, видать, родилась. Следов много – искать долго. На хрена время тратить, если преступник под боком. Стали шить это дело Алешке: якобы он наводчик, сообщник, а то и главарь этой команды. Бьют, конечно, но аккуратно, чтобы следов не оставалось. Алешка на свидании сказал, что даже бывалые зэки такому беспределу удивляются. А каково ему – восемнадцатилетнему?! Да что я тут тебе расписываю! Если можешь, забирай мою биоэнергетическую субстанцию и выручай. Мать с ума сойдет... Я, как только о вашей фирме вычитал – сразу сюда. А если надо, то и мать прибежит.

Я молчал минуты две. У меня так бывает: когда перевариваю несправедливость, внутри кипит. Он ждал. О чем я думал? Если в двух словах: о том, что я ему верил. Мы и без всяких объяснений из тюряги еще и не таких выцарапывали (если, конечно, я на это шел). А тут!

– Ничего я у тебя, Андрей Григорьевич, брать не буду. Оставь себе свою биосубстанцию (мистер Билл, ты закусил губу?). Попробуем решить это дело частным образом. Вот тебе восемь тысяч долларов. На них можно купить два неплохих компьютера, но лучше купить одного следователя. Поймать его за руку при этом весьма сложно, там отлаженный механизм. Так что, как употребить эти деньги, решайте сами.

Он взял конверт с деньгами и протянул мне листок с адресом:

– Будет плохо – приходи, – и ушел.

Мистер Билл не заставил себя долго ждать. Телефонный звонок позвал мою руку, когда за Семеновым только-только закрылась дверь.

– Вы уверены, что его сын действительно не является сообщником?

– Я ему верю!

– Пусть так. Ваше право, – как-то сразу согласился он. – Но вот, что касается Вас... Мне кажется, месяц напряженной работы расшатал Ваши нервы. В какой части земного шара Вы хотели бы провести несколько дней? Подумайте об этом очень хорошо. Фирма ценит Вас как отличного специалиста, и мы готовы на любые расходы. Отдохните от вашей российской серинки, а если Вам по душе серость, езжайте на туманный Альбион и попробуйте классической лондонской серятины.

– Я возьму пока один день. Здесь. В городе. – Я еще только смутно догадывался, что я хочу сделать. В подсознании, если оно есть, что-то болело, как будто силишься, и не можешь вспомнить.

– Хорошо. Но на будущее мое предложение остается в силе. В любое время, исключая выборы и референдумы, тогда у нас, извините, аврал. Надеюсь, Ваше настроение поправится, и Вы не совершите каких-либо сентиментально-сомнительных поступков. Желаю приятно провести время. – Он был невыносимо вежлив и спокоен и, казалось, знал лучше меня, как я проведу этот день.

Тут же зашел Варфоломей и озабоченно предложил:

– Я отвезу Вас домой, сэр?

– Да какой я тебе сэр!

3

Как-то отвык я от обшарпанных подъездов и душных «хрущевок». Исписанные сплошь стены, занозистые, несколько лет не крашенные перила. И усталые двери. Номерки на них, даже если и новые, заражаются всеобщей старостью, выглядят как иероглифы и ничего не говорят.

Дверь мне открыла Елена. Смотрела на меня равнодушно, как будто пришел сантехник.

В жизни мужчины может быть много женщин, но только одна от Бога. Из рук, из уст этой женщины мужчина приемлет все: радость, боль, счастье, зло, пищу, одежду, ласку – все, что принял бы от той жизни, какую, как ему кажется, он выбрал себе сам. Такой женщиной для меня была Елена.

– Ты почему не на работе? – это у меня получилось вместо «здравствуй».

– Проходи, – вместо ответа, – неужели что-то случилось или тебе стало плохо. – Это когда за мной захлопнулась дверь. – Ты же вспоминаешь обо мне только тогда, когда тебе становится жутко плохо... Проходи в большую комнату, у меня еще лежит пара твоих стиранных рубашек. Сейчас найду.

– Не надо.

Она в простеньком халатике с неприбранной головой. Не знает, куда деть руки. И ноги тоже. На халате нет нижней пуговицы. И я даже в этот момент успел сравнить похотливо: у Гражины ноги как у киношных красавиц, а у Лены они живые. По-дурацки, наверное, сказано, но именно такое у меня было чувство. Да и вообще, я тут не эротические полотна эпохи разгула «русской демократии» создаю!.. Фиг вам! Хорошие у нее ноги! Длинные. И сама стройная. И глаза... И губы... И нос...

А я сидел, как последний не знаю кто, пялился на нее и молчал. Я, действительно, не заходил к ней целый месяц, и она не приходила тоже. У нее здесь маленький островок и размеренная провинциальная жизнь. И если понесло меня куда-то бурным течением, то так мне и надо. Нужен я здесь, как Миклухо-Маклай эскимосам.

– Я думал, я тебя не застаю, думал – уроки у тебя. У тебя же обычно уроки в это время. Методдень? – надо же было с чего-то начинать, говорить о чем-то!

– Нет у меня уроков. И работы нет. И школы нашей нет. Ты что-нибудь о развитии безработицы в России слышал? Или твой новый бизнес позволяет тебе не думать об этом?

– Да я сам... месяца два назад... ты же знаешь...

– Я думала, ты позвонишь.

– Что со школой?

– Помнишь нашего директора?

Еще бы не помнить! Два года отданных за бесценку (то бишь маленькую зарплату) советской школе под начальством хамелеона.

– Он решил посреди учебного года из нашей школы гимназию для «особо одаренных» детей сделать. «Одаренные» в его понятии те, за обучение которых на новом якобы уровне родители готовы платить круглые суммы, а директор львиную их долю будет пускать «на развитие и материальную базу учебного процесса» в свой карман и карман заврону. И не надо такому проходимцу менять привычную обжитую сферу образования на белое пятно на карте российского бизнеса. Видал, как в газете сказала.

– И это ему удалось?

– Махом! Хотя такие штучки, сам знаешь, с объектами образования даже сейчас проходят со скрипом. Масса подводных течений и противоречивых законов. Но он своего добился. Сходил всего раз в «Америкэн перпетум мобиле» – и все само собой решилось.

Гром среди ясного неба. Я, наверное, переменялся в этот момент в лице.

Но ведь я об этом не знал ничего. Значит, дело нашего директора прошло через замов, хотя условно и считалось крупняком. Может быть, здесь приложил руку Билл, «оберегая» мою ранимую психику? И был прав. Трудно найти на карте место, куда я послал бы нашего дирию (как мы его называли)...

Ну сделал он гимназию, а ты почему без работы? Ты же неплохой специалист.

Следующий этап: вытеснение «неодаренных» учеников в другие школы и увольнение неугодных учителей. Неугодными стали все, кто не пошел подписывать контракт в этот американский вечный двигатель. И звучит-то даже не по-русски: «идите подписывать устный контракт». Да в гробу я его видела! Мне талантливых ребят стало жаль. А может, еще спать с этими американцами тухлыми заставят, носки и рубашки им стирать!?

– Ты уже стирала...

– Что-о??!!

– Я директор филиала «Америкэн перпетум мобиле».

И глаза у нее красивые... И ноги стройные...

Ах, как давно я не пил! Две недели!

Я в рот не брал, настолько почувствовал себя порядочным работником. Даже когда у меня оставалась Гражина, я не прикасался к ее шампанскому.

От Елены я шел, собирая по дороге все кабаки и рюмочные. Не мудрено, что к тому времени, когда я ввалился в

подъезд собственного дома, у меня включилось состояние «автопилота».

До вечера я спал, не раздевшись, даже не сняв плаща, на диване. Протрезвел быстро, но долго не хотелось просыпаться, потому что вокруг все останется то же самое. Все будет как обычно, и утром придет Варфоломей и привезет, если надо, Гражину, чтобы погладила смятый костюм и огласила список необходимых мероприятий.

В комнате работал телевизор. Девятичасовые новости общали об очередных перестановках в очередном правительстве. Новые интервью – новые обещания. Машинально я достал из кармана плаща индикатор и направил его на телевизор. Этого я еще не пробовал делать. Ярко загорелась красная лампа и почти не гасла до конца программы. Только иногда не горели обе: ни красная, ни зеленая. Первый раз, когда показали нового американского советника по каким-то новым делам, другой – французского предпринимателя, подвизавшегося на покупке российского сырья. Какая у них связь с «Америкэн перпетум мобиле», я мог только догадываться.

Неожиданное любопытство заставило меня направить индикатор на самого себя. И это не могло показаться, слишком я был сосредоточен – ярко загорелась красная лампа, но тут же, словно испугавшись, погасла и больше не загоралась. Однако, я был уверен, что и это недолгое горение означало для меня не самое лучшее. Во всяком случае я мог рассматривать подобную «засветку» только как предупреждение в свой адрес. Я отбросил индикатор, плеснул себе водки и попытался после ударной дозы заснуть.

4

Утро наступило в двенадцать часов дня – так об этом можно сказать. Меня совершенно не удивило, что Варфоломей за мной не заехал. Полная апатия и полная уверенность в том, что мистер Билл держит ситуацию под контролем. Будто смотрит с улицы в окно и мило улыбается. «Что, нажрались, Сергей Иванович?.. Нус-с, теперь не обрыгайтесь...»

Тяжелое похмелье едва-едва позволило мне умыться и доковылять до холодильника, где таились припрятанные от самого себя на сей черный час несколько банок пива. Одну за другой я опрокидывал их в раскаленное нутро, но пивная пена казалась мне кипящей на сковороде водой. Дармовое американское пиво могло только слегка разгладить складки на моем

лице. А в голове и груди пульсировала давящая тупая боль. Скоро она охватит все мое брэнное тело и будет трясти его мелким бесом, пока душа из него не вылетит вон. Боль эта швырнула меня на улицу измятого и небритого, бросила через Два квартала в небольшую «кулинарию», где наливали страждущим с самого раннего утра. Если бы мне кто-нибудь десять минут назад сказал, что я дойду сюда без посторонней помощи, я бы из последних сил рассмеялся ему в лицо самым жутким перегаром... Никогда еще мне не было так плохо. Плохо отравленному телу, плохо затравленной душе.

У столика в углу стоял Андрей. Он уже принял первые сто грамм, и ему было значительно легче, чем мне. Он молча наблюдал, как я нетерпеливо расплатился за бутылку и торопливо выпил первую стопку. И только после этого заговорил.

– Я знал, что ты все равно сюда придешь.

– Это ты, выходит, меня здесь дожидаяешься? – съязвил я после второй.

– Тебя, – совершенно серьезно ответил он, театрально откусив пирожок с ливером. – Уж месяц дожидаясь. Так что давай еще по одной за встречу. Сегодня выпьем, но завтра, чур, не похмеляться! А вот этого, – он кивнул на окно, – еще вчера не было. Полюбуйся-полюбуйся!

Первое, что мне бросилось в глаза на противоположной стороне улицы, – огромная надпись: «ОСВОБОДИТЕ СЕБЯ ОТ БИОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СУБСТАНЦИИ! ИСПОЛНИТЕ СВОЕ ЗАВЕТНОЕ ЖЕЛАНИЕ! «Америкэн перпетум мобиле» объявляет месяц всеобщей дебиознергетизации. Дополнительные услуги только в этот месяц...» И т. д.

– Понял? Дебиознергетизация! Все-общая! Как обязательная флюорография при развитом социализме.

– Бред какой-то, я ничего об этом не знал, – я действительно ничего об этом не знал. Может быть, поэтому мистер Билл торопливо отправил меня на «заслуженный отдых»? Но еще вчера я даже не подумал бы этому возражать. Разве сказал бы, что текст рекламы дурацкий. Не знаю... Личное благополучие всегда помогает оправдывать не самые лучшие поступки.

– А ты знаешь, как называют эту компанию в простонародье? – опять заговорил Андрей. – Есть там у тебя специальная служба разведки и контрразведки? Или, может, ЦЭРЭУ докладывало?

– Нет.

- Душегубкой!
- Выходит, я?..
- Выходит.

И мы стали пить молча. Или, наверное, мы так разговаривали. Понемногу вокруг нас собирались другие алчущие опохмелки. Я угощал, Андрей читал стихи, и даже продавщицы встали поближе к нам, облокотившись на прилавок, чтобы лучше слышать. Как-то само собой разговор вновь закрутился вокруг «перпетум мобиле», и Андрей толкнул меня локтем в бок. Слушай, мол. Изрядно опьяневший, я пытался следить за спорящими «подогретыми» мужиками.

– Да я свою субстанцию за пузырь, как ваучер, отдал. На хрена она мне?!

– Это все равно западные штучки. Войной нас не взяли, так измором возьмут.

– Во-во! А кто им субстанцию эту продал, тот, считай, сам в рабство продан и детям своим подписал. Я слышал об этом, один мужик из умников лекцию читал.

– А я, между прочим, никаких документов им не подписывал, только паспорт показал, что я совершеннолетний. – И засмеялся какой-то старик.

– А мне платить нечем было – куда деваться? Я спьяну на своем четыреста двенадцатом в «мерседес» одного рэкетира въехал. Так он бы с меня живого шкуру содрал, а тут я ему новый «мерседес» поставил, а старый себе оставил. Там делов-то – крыло подправить.

– Да какая разница – хоть Америка, хоть тридевятое царство. Теперь, что у них президент, что у нас. Они нас хоть жить научат.

– Вот уж спасибо – научили – похмелиться не на что!

– Зато сами водку смирновскую жарят и не морщатся...

– Да у них все равно лучше!

– Потому и лучше, что со всего света тянут.

– Да ничего они не тянут. Просто жить и работать умеют.

– Это тебе, дураку, по телевизору рассказали? Ты как семьдесят лет всем газетенкам верил и в телик пялился, так и теперь... Ну уж такого дурака и американцы ничему не научат. Тебе завтра скажут, что лучше всего пидары живут, так ты тоже штаны сымешь?

– Зато на демонстрацию ходить не надо.

Общий хохот. И тут в углу заговорил самый пьяный. Он как-то весь вскинулся, долбанул стаканом по столу, и когда

все обратили на него внимание, снял очки, протер их грязным носовым платком и заговорил тихо, без надрыва, но внутренняя его напряженность передалась всем.

– Душу они из нас тянут. Последнюю, какая еще осталась. А мы дальше стакана и не видим уже. Знаете, почему Александр Невский с татарами мир держал, а просвещенных рыцарей-крестоносцев гнал в шею?

– Не знаем, господин интеллигент, – хохотнул какой-то татарин, но никто его не поддержал.

– Татары, они с нас десятину брали, десятую долю всего, что делалось, производилось... А крестоносцы не только грабить хотели, они хотели душу в рабство взять, а этого русскому человеку нельзя никак. Сам папа римский их на это благословлял. Миротворец, мать его!.. Семьсот лет они нашу душу наизнанку вывернуть хотели, да под себя подладить, а за семьдесят лет почти вывернули. Под себя подладили. За шмотки, за красивые обертки, за сладкую жизнь. Был я в этой Америке – хлеб там и то кислый. Хуже нашего нынешнего. Пресные они все, у каждого только за себя задница болит. И мы теперь такие.

– Ой наплел, наплел, умник! – закричала полногрудая продавщица. – Вон у меня сестра Нинка один раз в этот «перпетум» сходила и все! Как в сказке! Все, чего душа пожелала, то и получила: квартиру и мужа! Не вам, алкоголикам, чета! И себя и детей на три поколения вперед обеспечит. А при ваших коммунистах чего бы она получила? Гипертонию, десяток абортот и светлое будущее по телевизору!

Мужики одобрительно загудели.

– Да при чем тут коммунисты?! Во всякую дыру затычку нашли! У нас, точнее у вас – президент, между прочим, большой коммунист, – опять вскинулся очкарик. Он раздосадовано махнул рукой, выпил и направился к выходу. – Говорил же себе сто раз – не мечи бисер, без толку, телевизор не перекричишь...

Продавщица еще что-то пробурчала ему вслед, и через минуту все говорили о чем-то другом.

5

Где-то в пятом часу вечера мы с, Андреем вывернули на улицу Дзержинского. Ни пьяные, ни трезвые. Какое-то облако единого порыва двигалось вокруг нас: дурманило, будоражило и тянуло на подвиги. Мы громко разговаривали, грозили

всем кому ни попадя, хохотали, декламировали политическую тарабарщину и хорошие стихи. На нас смотрели как на подвыпивших школьников, которые только что сдали последний экзамен. Какого черта нас несло на Дзержинского, 22? И чем ближе мы подходили к этому дому, тем больше убавлялось в нас игривого веселья.

На крыльце нас встретил Варфоломей. Он молча и с достоинством слуги великого государя открыл перед нами дверь. И Андрей, который всю дорогу грозился разнести эту контору, вдруг приутих и как-то весь сжался. Я тоже более не испытывал эмоционального подъема. Смутное предчувствие начала беды дохнуло в лицо, и день из оранжевого заката провалился в серые облака, в пасмурное болото.

В приемной Гражина сообщила, что нас уже ждут. Несколько секунд она сомневалась насчет Андрея, но потом все же пустила нас обоих. За «моим» столом сидел Сэм Дэвилз и с кем-то разговаривал по телефону. Увидев нас, он сразу же положил трубку и пригласил сесть.

– Надеюсь, наш разговор пройдет в цивилизованной обстановке, и мы обойдемся без театральных эксцессов, – он подозрительно посмотрел на хмурого Андрея. – К моему величайшему сожалению, – теперь он обратился ко мне, – мы не можем больше поддерживать с Вами деловые отношения, Сергей Иванович. И это действительно искреннее сожаление. Человека с Вашими способностями на определенной территории компьютер вычисляет раз в три-пять лет! Но Вы не сможете больше работать по той простой причине, – он достал из ящика стола индикатор и направил его на меня. Ярko и уверенно загорелась красная лампа. – По той простой причине, что Вы растратили по пустякам, на ненужное сюсюканье свою биоэнергетическую субстанцию. Кстати, Вам никто никогда не скажет за это спасибо. Наша работа не терпит эмоций, а псевдодоброта только еще больше вносит в этот мир неразберихи, беспорядка, что всякий раз подчеркивает его полное убожество и несовершенство. И все же Вы прекрасно поработали на нашу компанию, и Ваша биоэнергетическая субстанция, хотите Вы того или нет, тоже теперь принадлежит «Америкэн перпетум мобиле», поэтому, как это было принято у вас при социализме, мы назначаем Вам солидную пожизненную пенсию и право пользоваться нашими услугами бесплатно.

– Похоже, Серега, это у тебя профессиональное заболевание, – без всякой иронии заметил Андрей. – Инвалид американского труда.

– Да, что-то вроде того, – подтвердил Сэм Дэвилз.

– Выходит, ты человек еще не совсем пропащий... – о чем-то задумался Андрей.

– А если мы выступим с разоблачением в средствах массовой информации? – по-американски выразился я. Но сказал это просто так, ради того, чтоб хоть что-то неприятное сказать для «дядюшки Сэма».

– Пожалуйста! Сколько угодно! – Сэм Дэвилз был невозмутим. – На Ваше злопыхательство откликнется дюжина прогрессивных газет, и ВЫ, в свою очередь, будете разоблачены как люди, мешающие международному научно-техническому эксперименту. В конце концов мы не нарушаем никаких обязательств, не причиняем нашим клиентам никакого ущерба: ни физического, ни морального. Наоборот, мы меняем их жизнь к лучшему и делаем это только за то, что вносим их имена в наш компьютер. Мы вовсе не виноваты, что некоторые предпочитают менять биоэнергетическую субстанцию на минутные бесперспективные желания. Но, сами понимаете, для нас особо важна свобода выбора. А как Вы поступите с высоким моральным аспектом нашего предприятия? Ведь речь идет о счастливом будущем всего человечества! Так что Ваши личные домыслы не приведут Вас никуда, кроме психиатрической лечебницы самого строгого режима.

Последняя фраза в его отповеди звучала особенно убедительно. Все это время в руках у него вертелся индикатор. Он, словно играя, направлял его то на меня, то на Андрея, и лампы мигали как светофор: красный-зеленый, зеленый-красный. Зеленым он любовался, как любителю охотник подплывающей к берегу дичью.

– А Вы, Андрей Юрьевич, если действительно хотите помочь Вашему другу, – лицо Сэма Дэвилза стало насмешливо-ехидным, – можете заключить с нами контракт-пари. Мы со своей стороны ставим биоэнергетическую субстанцию Сергея Ивановича. Вы – свою. Вы же читали, я надеюсь, достаточное количество русских сказок. Например, если Вы помните, героиня сказки, чтобы спасти своего друга, идет за тридевять земель за живой водой и при этом рискует собственной жизнью. Вы же с точки зрения материализма и даже диалектического не рискуете ничем. Так что...

– Я согласен! – неожиданно обрубил Андрей. – Говорят, что хотя бы одна спасенная душа... – он осекся. – Я согласен, и все.

Мистер Дэвилз еще долго излагал условия новой сделки. Андрей его внимательно слушал, а меня вдруг стало неумолимо клонить в сон. Сэм Дэвилз начинал новую игру, получая от этого только ему понятные выгоду и удовольствие. Андрей играл в благородство, а я просто спал с открытыми глазами. Мы уходили, или я остался? Помню расплывчато: Сэм Дэвилз картинно раскланивается с Андреем, улыбается. Меня словно нет для них обоих. Сэм Дэвилз сама вежливость из тихого омута. А был ли здесь Андрей?

А теперь представьте себе, что второй части, только что написанной (только что прочитанной?) не было. Я написал ее только для того, чтобы не сбить с толку тех, кто привык к поступательному изложению в рассказе и не терпит перескакиваний с начала на конец и наоборот. Конечно, все, о чем здесь рассказано, произошло, но об этом я узнал значительно позже. Я о многом узнал значительно позже. Теперь поставьте себя на мое место: все это было, но для меня, начиная со следующей главы, не было. Т. е. я, не нарушая последовательность событий, нарушаю последовательность своего сознания, ибо к утру следующего дня я не знал об этом ничего. Тьфу ты! Попробуй растолкуй! Читающий да прочитает, соображающий – поймет. Антракт окончен.

ЧАСТЬ III

1

Странные сны снятся порой за очень короткое время. Только что, несколько минут назад, сомкнул глаза и за эти минуты прожил частичку жизни во сне. Пробуждение оборвало сюжет сна на самом интересном месте, и как раз оно не запомнилось. После того пробуждения еще полдня ходишь сам не свой. Словно твой мир остался там – в коротком взбалмошном сне. И тогда вся явь кажется нелепым наваждением, нагромождением случайностей. И начинаешь невольно задумываться: а не посторонний ли я в этой суете?

Оказывается, я заснул прямо на рабочем столе. Две трети рабочего дня позади, и меня победила рыхлая слабость. Весна? Авитаминоз?

Услужливая Гражина тут как тут:

– Я заварю вам кофе, Сергей Иванович, и заодно принесу сводки из районов. Курьер с дискетами уже вылетел в Москву. Мистер Билл не очень-то доверяет спутниковой связи. Перед обедом звонил мистер Дэвилз, но вас не было, он перезвонил еще раз, но, узнав, что вы вздремнули, просил не будить.

За окном кто-то кинул в небо стаю черных птиц. Они разбились о голубое дно, растеклись по нему пестрым пятном, снова собрались воедино и длинной лентой исчезли в пролетах между далекими многоэтажками. Когда-то я видел нечто подобное. Новый отсчет времени начался в эту минуту. Птицы, вероятно, чувствуют не только дождь или бурю.

Это за окном. А здесь...

В апреле наш филиал занимался не только скупкой биоэнергетической субстанции, но и контролировал половину культурно-массовых заведений города и области. Там проводились различные шоу на американский манер, и публика туда валом валила в ожидании шикарных и красочных зрелищ. Меня удивляло только одно: почему «перпетум мобиле», вроде бы по смыслу связанная с техническим прогрессом, совершенно не интересуется производством, добычей и распределением природных ресурсов и т. п. В то время, как другие импортные строители капитализма в России рвали из-под носа «перпетум мобиле» отслеживала политику и культуру, скупая кинотеатры, дворцы культуры, демонстрационные залы и стадионы.

Между тем, события развивались с головокружительной быстротой. Карьера моя вовсе не была упрямым подъемом наверх, а была буквальным скольжением с горы в сторону всевластия, вседозволенности и материального благополучия. А это, уверяю Вас, даже из самого стойкого аскета-материалиста-атеиста может сделать за определенный срок законченного эгоиста, полного премудростей самооправдания. А ну-ка, господа чиновники, добавьте что-нибудь из собственного опыта!

В ближайшие дни мне предстоял перелет в Нью-Йорк для знакомства с руководством компании, а также для участия в каких-то торжественных церемониях. Билл по этому поводу говорил, что передо мной откроются новые перспективы. Мол, с обычной человеческой точки зрения я своей удачи даже оценить не могу. Все это должно будет происходить в за-

бытом Богом городке Хеллоуине, где-то посреди прерий, воспетых Фенимором Купером.

Звонок «дядюшки» Сэма застал меня как раз в тот момент, когда я обдумывал планы на ближайшие дни. Он как всегда вкрадчиво-вежливо поинтересовался моим здоровьем, «не разбудил ли?». Суть же разговора сводилась к тому, что 22 апреля мы с Биллом должны быть в ХеллоуинсНадо – так надо. Хоть Хеллоуин, хоть Лысая Гора. Ехать не хотелось по причине природной лени, и я попытался намекнуть, что без меня может уменьшиться количество закупаемых биоэнергетических субстанций, что, в свою очередь, повлияет на работу вечного двигателя. Даже не знаю откуда ко мне пришел в голову такой вопрос:

– А что будет, когда мы скупили все биоэнергетические субстанции? Кончатся люди – кончится топливо?

– Нет, – ответил невозмутимый Сэм Дэвилз, – для работы «перпетум мобиле» достаточно одной субстанции. Количество – это уже вопрос мощности. Чем больше, тем мощнее. Но будьте спокойны, пока двигатель питает хотя бы одна субстанция, он будет функционировать. И уж если есть хотя бы одна субстанция, то всегда найдутся вторая и третья. Так что не отлынивайте от поездки, тем более, что это не обязательный выезд в совхоз на уборку картофеля.

2

Андрей прорвался ко мне на правах старого друга. Он тащил с собой за руку седую бабулю-одуванчика, которая, похоже, не очень-то хотела быть гостем этого кабинета. За спинами их маячила Гражина, пожимала плечами: мол, Ваши друзья – Вы и разбирайтесь. А за ее спиной стоял Варфоломей и всем своим видом выражал подозрительность и неудовольствие по поводу появления здесь Андрея. Андрей же аккуратно закрыл за собой дверь, усадил старушку и сел сам.

– Это моя бабушка. Баба Лина, – представил он спутницу.

– Насколько я помню, у тебя последние десять лет не было бабушки, – то ли возразил, то ли спросил я.

– Я – троюродная, — ответила за Андрея старушка, которая, по всей видимости, стала понемногу осваиваться. Голос у нее был мягкий и добрый.

Не знаю почему, но присутствие Андрея раздражало и тревожило меня. А уж ходить на работу к друзьям, таская за собой бабушку, это совсем ни в какие ворота. Мне ничего не

оставалось, как сесть в свое кресло и ждать продолжения этого спектакля. Уловив мое состояние, Андрей «успокоил»:

– Ты не переживай. Мы только посмотрим на тебя и уйдем. Баба Лина очень хотела посмотреть, кто тут у нас скупает биоэнергетические субстанции. Да и у меня к тебе дело.

– Выкладывай, – я был насторожен, ждал подвоха или насмешки. Если Андрей трезв и при этом не сочиняет стихи, значит он одержим чем-то другим. И сам черт не знает, что у него на уме. Последний раз во время такой одержимости он занимался скупкой птиц на базаре, которых отпускал на волю. Когда во время очередного запоя я спросил у него, зачем он это делал, он совершенно серьезно ответил: «Я где-то читал, что птицы – это души умерших людей». Теперь рядом с ним сидела занятная старушка и добрыми большими глазами изучала меня самым бесстыдным образом.

– Ну что? – спросил у нее Андрей. – Как наш инвалид американского труда?

– Так и есть, милоч, – ответила баба Лина.

Я даже не представлял себе, что я должен делать в подобной ситуации. Они точно состояли в каком-то сговоре в отношении меня.

– Так какое у тебя дело? – не совсем любезно повторил я.

– У тебя есть заместитель?

– М-мм... У меня есть дюжина помощников в городе, есть отделения в других городах области. Так что...

– Я хочу быть твоим заместителем, непосредственным заместителем. Человек номер два – понимаешь? – огорошил меня Андрей.

– Н-но...

– Не сомневайся, а лучше посоветуйся со своим боссом. Только скажи ему, что за два-три месяца своей работы твоим заместителем я отдам фирме свою биоэнергетическую субстанцию.

– Он согласится, – в этом я был совершенно уверен, условия Андрея были излюбленным вариантом Сэма Дэвилза. И все же я потянулся к телефонной трубке, чтобы услышать его очень довольный голос и получить соответствующее разрешение.

– Кстати, возьмите поэта с собой в Хеллоуин, – заключил Сэм Дэвилз.

– Но ведь ты не собирався продать свою биоэнергетическую субстанцию? – попытался я отговорить его. Но он только махнул рукой: делай, как сказано.

Через несколько минут мне пришлось пригласить в кабинет Гражину и Варфоломея и представить им своего новоиспеченного заместителя. Описывать выражение их лиц необязательно, хотя уже использованное мной словечко «офонарели» подходит более всего.

– Но у нас только одна машина, сэр, – то ли возразил, то ли озадачился Варфоломей. Гражина промолчала, и я поймал взгляд Андрея на ее зовущих ногах.

Вечером Андрей вынудил меня устроить грандиозное застолье старых друзей. Отметить его «повышение по службе».

– Русский поэт на службе американского бизнеса! – кричал он. И о чем-то с серьезным видом шептался с Иваном.

Не помню: кажется, я не пил больше месяца. И, может быть, поэтому напился до чертиков. Процесс переливания так же похож на таинство, как и деление клетки.

3

Клетки мне снились ночью. Здоровенные клетки из толстых чугунных прутьев. В них яростно метались запертые монстры. Опять монстры? Я бежал меж двух рядов клеток куда-то по направлению к далекому свету. Монстры бросались в мою сторону, разбивая морды о металлические прутья, и кровавые слюни текли из-под их уродливых брылей. Отсюда-то я легко могу описывать всю эту мерзость. Но есть ли смысл? Всех тварей, созданных когда-либо в Голливуде, не хватит, чтобы передать хотя бы треть их слизкого «великолепия».

Тоннель кончился, и меня вынесло на залитую солнцем зеленую поляну. Из грязного пьяного апреля в жаркий июль, под голубое облакастое небо. Наверное, эта же неведомая сила сна уложила к моим ногам извилистую тропинку к видимой за полем деревеньке. И следуя желанию этого сна, я пошел по ней, а точнее полетел, как дух. И не чувствовал под собой ног. И от всего окружающего было невыразимо хорошо на душе. Земными словами о неземном сказать трудно. Так хорошо бывает редко, когда сливаешься в едином порыве с велемудрой природой. Наверное, в этом было что-то от человеческих представлений о рае. Опять же ад был настолько недалеко, что я опасался оглядываться.

Первым меня встретил небольшой дом на отшибе. Он приглашал распахнутой настежь дверью, вылетавшими из окон от легкого ветерка белыми занавесками. На какое-то время мне показалось, что именно этот дом я уже видел когда-то в детстве. И был удивлен, что псевдоповторения случаются даже во сне. Ложная память – кажется так это называется? Ложная?

Кстати, я совершенно четко осознавал, что я сплю вдрызг пьяный в своей холостяцкой квартире, и, наверное, рядом спит на полу Андрей. Но более явственно я ощущал на себе дыхание лета, слышал пение птиц, шелест деревьев. Раньше, в других снах, даже если и слышал что-либо, то все эти сны все равно были глухие в сравнении с этой неожиданной полифонией. Единственное, чего я не чувствовал – своего собственного тела. Прикасался к траве, к палисаднику, к цветам под окном – и они отвечали мне осязанием прикосновения, причем более ярким, нежели когда я трогал наяву их руками. Тогда я, пожалуй, в первый раз подумал, что окружающая меня там апрельская явь и не явь вовсе, а серый, с ватой в ушах, сон. И в этом сне крайне редко случаются счастливые пробуждения.

Поднявшись на низкое крыльцо, пройдя сени, я вошел в просторную светлую комнату. И вошел так, будто бывал здесь тысячи раз. Небогатая обстановка: стол (швейная машина на нем), стулья у стен, допотопный шифоньер, половичок у входа, фотографии на стенах, иконы и лампадка в углу и кресло, в котором сидела баба Лина. Она кивнула мне, даже, показалось, подмигнула:

– Садись-садись, осмотрись, может, что нужное высмотришь или услышишь...

И никакого вопроса не возникло в моем сознании. Я словно знал, что будет дальше, как предугадываемый сюжет читаемой книги. Сел на плетеный стул у окна и вдруг подумал: «Интересно, который час? Сколько времени, если там ночь, а здесь день? И где часы? Здесь должны быть выдавшие виды ходики с гирями на цепях...»

– А зачем здесь время?! – удивилась баба Лина. И от слов ее мне стало вдруг настолько спокойно, что течение времени абсолютно перестало меня интересовать. Я стал смотреть в окно на недалекие дома, на проселочную дорогу и поразительно живой лес этого сна. В аккуратных деревянных домах текла какая-то размеренная неторопливая жизнь, но здесь – на

улице – она ничем себя не выдавала. Тихий полдень замер у самого окна, и только еле заметное движение облаков подталкивало солнце.

Я не видел, когда в комнату пришел кто-то первый, но именно с того момента она стала наполняться знакомыми и незнакомыми людьми, которые садились на свободные стулья, стоя прислонялись к стенам, и все они здоровались со мной и с бабой Линой. Те, которые казались мне знакомыми или когда-то виденными, ничем не выражали своего отношения ко мне. Говорили вполголоса о чем-то отвлеченном, были взаимно вежливы, и, казалось, все знали что-то такое, чего не знал я. По крайней мере они знали, зачем пришли сюда. Чтобы ничем не выдать своего беспокойства, я снова стал смотреть в окно, поворачивая голову только ради очередного «здравствуйте». И так продолжалось какое-то время или совсем не продолжалось, просто было и все. Как я не чувствовал течение времени, так не мог бы определить возраст хотя бы одного из присутствовавших. Просто в этом доме не было такого понятия. Возраст был только у бабы Лины и у меня.

И вдруг в комнату вошел ангел. Совершенно точно – это был ангел. Во плоти или не во плоти, во всяком случае он был видим, и спящие белые одежды колыхались на нем. У ангела тоже не было возраста, но было красивое просветленное лицо, и не было за спиной никаких крыльев. Зато каждому из присутствующих он давал невидимые крылья. Их не было видно, но судя по тому, как легко и радостно становилось людям, как они взмывали, выйдя на улицу, в июльское небо – это были крылья.

Когда комнату покинул последний человек, я, повинувшись инстинкту коллектива, тоже подошел к ангелу. Подошел и услышал:

– Дающему – дано будет. – И не дав мне крыльев, он повернулся и вышел.

Так я стоял, ничего не понимая, и склонен был принимать происходящее за простой, лишенный какой-либо логики сон, но голос бабы Лины рассудительно успокоил:

– Проснешься когда-нибудь, я тебе все растолкую.

– Ты ведьма, баб Лина? – спросил я.

– Ну уж только не ведьма, – немного обиделась старушка и торопливо перекрестилась.

– Тогда откуда ты в моем сне?

– А где еще с тобой разговаривать, если ты наяву спишь?
– и подтолкнула меня – мол, иди.

Так ничего и не поняв в этом сне, я побрел через поле обратно в свое тело. И уже проснувшись, долго не мог избавиться от ощущения, что оно не хотело пускать меня обратно. А, может, я не хотел в него возвращаться...

4

С Андреем работать было веселее. Он поставил свой стол торцом к моему и «обжил» его за какие-то полчаса. Завалил толстыми литературными журналами, рукописями и бумагами. Его напускная деловитость заставила улыбаться даже степенного Варфоломея. Граждине в свободное время он читал стихи и, надо сказать, произвел на нее буквально трогательное впечатление, т. е. уже в первый вечер он мог ощущать стройность ее фигуры, когда они сидели на подоконнике, а он увлеченно наполнял комнату дремучим гексаметром. Недовольны деятельностью Андрея могли быть только Сэм Дэвилз и Билл, но они многозначительно помалкивали, как будто так и надо.

Больше всего от Андрея страдали посетители. В последнее время к нам зачастили рационализаторы-изобретатели, шоумены и посетители с различными психическими расстройствами. Первые просили спонсорской помощи, утверждая, что их изобретение является величайшим открытием современности (а наша компания, судя по ее названию, просто обязана помочь внедрению этого инженерного чуда); вторые предлагали сотрудничество по организации массовых мероприятий, дабы привлечь к деятельности «Америкэн перпетум мобиле» новое поколение россиян (среди них действительно попадались ушлые организаторы, которые более всего рассчитывали пронырнуть не только в «перпетум мобиле», но и – саму Америку); последние представляли собой целое воинство пророков различных вероисповеданий, инопланетян из различных уголков Вселенной и фантастических романов, жителей параллельных миров и родственников известных личностей – новый тип детей лейтенанта Шмидта.

Самыми безопасными были все же изобретатели, хотя их изобретения не всегда можно было назвать безобидными. Один из таких рационализаторов принес прибор, который он называл ПЭВД-1. Расшифровывалось это ПЭВД не иначе как «преобразовать энергии вечного двигателя». Цифра «1» означала одновременно его первенство в мире и единственность в

числе. Принес ПЭВД-1 Евразии Борисович Сладков: физик, литератор и убежденный демократ – так он представился. А на моем столе оказался небольшой металлический ящик-куб, из которого тянулись два метровых провода с присосками на концах, а сверху торчала направляемая антенна-штырь. Маленький тумблер на боку, вероятно, был предназначен для включения этого незамысловатого прибора. Евразии Борисович сразу же предупредил, что это еще опытный образец, который нуждается в длительном совершенствовании. Суть действия прибора сводилась к следующему: присосками он крепился к любой неподвижной части вечного двигателя, антенна-пушка (так она, оказывается, называлась) приводилась в боевое положение (!), т. е. должна быть направлена на нужный объект. Включался тумблер, и пучок энергии превращал этот объект в вечную пыль (при условии подключения прибора именно к вечному двигателю).

– Таким образом можно стереть с лица земли ненужные горы, мешающие строительству, осушить водоемы, разверзнуть небо, а при необходимости продемонстрировать силу этого прибора врагам демократии. Единственный на сегодня недостаток этого прибора, – поэтический тон Евразия Борисовича несколько поугас, – отсутствие блока регулировки мощности, который я в данный момент разрабатываю. Для этого мне необходимо знать хотя бы примерную мощность перпетум мобиле. Вот поэтому я у Вас! – и он стал выжидательно улыбаться.

Привыкший ко всякого рода «чудесам», я не решался сразу же обвинить Сладкова в шарлатанстве. Первое, что я сделал, прощупал его индикатором и определил наличие в нем рыхленькой биоэнергетической субстанции. Зато Андрей словно и не собирался никого разоблачать. Он с самым серьезным видом стал осматривать прибор, одобрительно угукая.

– Ну а если мы подключим этот прибор не к вечному двигателю, а к чему-нибудь другому? – спросил он.

Действие прибора будет несколько другое и не будет носить необратимого характера, как в случае с вечным двигателем. Если из вечной пыли ничего уже создать невозможно, то из других состояний материи – не исключено. Я, например, в качестве эксперимента подключал ПЭВэДушу к своему холодильнику.

– И?..

– Моя квартира, часть соседних и лестничная площадка превратились в морозильную камеру. В считанные минуты – иней на потолке и стенах, представляете! Сугробы под ногами!

– Невероятно! – Андрей вдруг оживился и окинул кабинет хозяйственным взглядом. – Я думаю, у нас есть некое подобие вечного двигателя, чтобы произвести опыт. Вот что может послужить этому хоть каким-то заменителем – радио! Вечный говоритель! – и он перетащил ПЭВД на тумбочку в углу, где едва слышно журчала речь диктора. – Кстати, с помощью регулятора мощности мы, наверное, сможем регулировать мощность? – Андрей вопросительно посмотрел на растерявшегося изобретателя.

– Я бы хотел Вас предостеречь! – Евразии Борисович обрел дар речи. – Трудно представить, во что преобразуется энергия нашего радио. Например, мой сын подключил прибор к своему горшку...

– Наука требует жертв! – объявил Андрей, мусоля присоски, чтобы закрепить их на корпусе репродуктора. Добавив громкости, он предусмотрительно направил антенну-пушку вверх, в открытую форточку. И прежде чем мы успели придумать новые возражения, он щелкнул тумблером прибора.

Сначала это походило на скопившийся под небесами инфразвук. Набухающая тяжелая черная капля – вот-вот оторвется от неба и сделает большую кляксу на земле. Низкий и протяжный звук крался над крышами, заставляя испуганно вибрировать стекла в оконных рамах. Подобный звук можно услышать, когда ТЭЦ спускает пары, но этот все же был ниже и тревожнее. Не так ли звучали иерихонские трубы? Если бы в этот момент близ города стояла штурмующая его армия, то она неминуемо обратилась бы вспять, в бегство. По всем правилам средневекового ужаса. Но уже через три минуты звук этот прекратился и уступил место оглушительной какофонии из голосов, позывных радиостанций и музыки всех стилей, времен и народов. Как будто кто-то настроил радиоприемник на несколько волн сразу, или несколько радиостанций стали работать на одной волне. Иногда та или иная «волна» забивала другие и тогда можно было услышать что-нибудь знакомое. То прорывался вдруг недавно забытый голос Горбачева – упражнения в словоблудии, то темпераментно картавил вождь мирового пролетариата, обещая раздавить гидру мирового империализма в духе лучших фильмов о революции, то «Рол-

линг стоунз» обещали всем сатисфакшен, то – какая-то реклама, то совершенно неожиданно зазвучало: "Ахтунг! Ахтунг! Все шителя корода, кто не прошли регистрация в комендатура путут секодня вечером иметь арест...», то непроизвольно матерились китайцы, то – вальс, то – танго, то – рок... И кульминация: все смолкло – зазвучала реклама «Америкэн перпетум мобиле»:

– Избавьте себя от биоэнергетической субстанции, – нежный женский, но очень убедительный голос. Таким голосом зывают к ответной нежности.

Это вывело Андрея из оцепенения, он тряхнул головой, как бы освобождаясь от наваждения, и щелкнул тумблером.

– Гениально! – выпалил он не менее удивленному услышанным и увиденным Евразию Борисовичу. – Вы дали нам в руки не просто преобразователь, Вы дали нам идеологическое оружие широкомасштабного действия. Ты ж задумайся, Сергеич, – он хитро посмотрел на меня, – телевизор и радио обыватель может выключить, а это никак. Поди, дотянись до неба! Я думаю, мы прямо сейчас заключим с Вами контракт на приобретение Вашего изобретения, а также определим дальнейшее субсидирование его усовершенствования. Деньги на лабораторию, необходимые приборы – все как полагается, – он вопросительно посмотрел на меня. Я кивнул.

А начнем мы, пожалуй, с разговора о приобретении Вашей биоэнергетической субстанции. Предвижу, Вы, не раздумывая, пожертвуете ей на благо человеческого прогресса. – И далее Андрей нагнал такого пафоса, что Евразии Борисович геройски выпятил грудь, нахмурил брови и с сознанием выполненного долга покинул нас, оставив на моем столе преобразователь (якобы для демонстрации вышестоящему начальству) и свою биоэнергетическую субстанцию в нашем компьютере. Он ушел, а его будущие планы согревали толстые пачки рублей и долларов. Андрей же сразу после его ухода стал звонить по телефону.

– Иван? Это я. Ну так как, договорились? – и назвал ему адрес незадачливого изобретателя. – А га, и пусть спросят подробнее про изобретение!.. Там на килограмм транквилизаторов хватит...

5

Известный в городе шоумен Марк Бжезинский явился к нам с видом цивилизованного европейца, покоряющего пер-

вобытные джунгли. Притащив на себе кроме шикарного броского костюма и модно остриженной бороды целый коллаж парфюмерных ароматов, он без приглашения плюхнулся в кресло для особо важных гостей и театрально забросил ногу на ногу. От такого его поведения я почувствовал себя непросвященным мумбу-юмбу, который в неоплатном долгу перед снизошедшим до него европейцем.

– Не стоит утруждать себя, – вскинул брови Марк Ефремович, когда я машинально потянул из ящика стола индикатор, – я уже давно и плодотворно сотрудничаю с «Америкэн перпетум мобиле» и потому прошу рассматривать мой визит в рабочем порядке. (А я думал, надо вызвать оркестр и стрелять из пушек!) Я просто хотел обговорить с Вами проблемы нашего сотрудничества. Дело в том, что в нашу область с просветительской миссией приезжает известный во всем мире проповедник и богослов Грэм Шуллер. Если вы заметили, по городу уже висят плакаты с его портретами. Там еще написано что-то типа: он говорит с людьми!.. Ну, естественно, в рекламных целях мы сообщаем населению о целительных свойствах сеансов Грэма Шуллера. Ну знаете там, массовое бросание костылей, танцы парализованных, избавление от заикания и так далее. В духе иисусовых чудес.

– А чем мы Вам можем помочь? – спросил я.

– Не вы мне, а я вам. Причем почти за бесплатно! Мы уже оговорили этот вопрос с мистером Дэвилзом в Москве. Странно, что он еще не позвонил вам. Мистер Шуллер также выразил свое согласие. Надо проявлять большую активность в районах Сибири и Дальнего Востока – это новое направление работы компании. Насколько я знаю, массовая дебиоэнергетизация идет, мягко говоря, со скрипом. Более того, в городе появились негативные силы, которые стремятся дискредитировать идею общечеловеческого прогресса.

– Давайте ближе к делу, – не слишком любезно перебил его Андрей.

– Гм... Хорошо! Освобождение от биоэнергетической субстанции будет пропагандироваться как путь к исцелению, выход к новым возможностям человеческого организма. Многие, действительно, прямо на сеансе почувствуют состояние эйфории. Это, разумеется, определенные приемы воздействия и тонкости Грэма Шуллера. Кроме того, на специальных сеансах для молодежи с выступлениями рок-групп мы планируем организовать донорские пункты, где каждый сможет добро-

вольно расстаться со своей биоэнергетической субстанцией. Все это тоже определяется новой политикой «Америкэн перпетум мобиле» в России. Ставка на материальную заинтересованность в значительной степени отработала свой потенциал, и пора выводить работу с клиентом на качественно новый уровень. Кстати, это способствует сохранению финансовых и материальных средств фирмы. Мелочи, которые тратятся на самые широкомасштабные рекламные кампании, не в счет. Они окупаются с лихвой. Необходимая литература в город уже завезена. И опять же, несмотря на высокие цены, она раскупается и не только окупается, но и приносит прибыль. В основном это трактаты по самоусовершенствованию, выжимки, винегрет из различных религий, верований, философских учений. Так что, как видите, нами выполнена львиная доля работы.

– Вопрос! – перебил его вновь Андрей. – По-моему, раньше мы заверяли клиентов, что компания воспользуется их биоэнергетической субстанцией только после их смерти, а сейчас получается, что этот процесс начинается еще при жизни?..

– О да! Хотя это не существенно. Дело в том, что пошедшие исследования, как объяснил мне мистер Дэвилз и как объясняется в популярной литературе, показали, что отказ человека от биоэнергетической субстанции уже при жизни оказывает влияние на его жизнедеятельность. Такие люди, как правило, легко достигают поставленных целей, у них все в порядке с карьерой, они обладают неплохим, а чаще – завидным здоровьем, меньше подвержены стрессам, ну и в таком духе. Читайте научно-популярные журналы, господа! Примером может послужить уровень жизни и состояние здоровья населения развитых стран. А Россия, как всегда, ковыляет по своим некончающимся непобедимым ухабам.

– Да это, блин, лекция какая-то! – взорвался я.

– Это не лекция, это уже ликбез! Естественно, все, о чем я только что рассказал, определяет немалый рекламный момент, отказываться от которого совсем не в интересах нашего общего дела, не правда ли? – Бжезинский с вызовом посмотрел на Андрея.

Мне все же стало немного обидно: приходит какой-то бывший деятель совдеповской культуры и рассказывает мне, как я должен делать свою работу. Но в том, что он только что здесь изложил, чувствовалась рука – стратегия и тактика Сэма

Дэвилза. Непонятно только, почему директор филиала «Америкэн перпетум мобиле» в здоровенном областном центре узнает об этой стратегии в последнюю очередь? Наверное, я должен был обидеться и начать либо прогибаться перед своим руководством, либо послать всех далече и похерить все эти мероприятия. Но во мне снова проснулось и восторжествовало безразличие. Я вдруг понял, что с некоторых пор смотрю на все происходящее со мной и вокруг меня со стороны. И чем дальше, тем труднее и ненужнее было прорывать его пелену. Размышления мои об этом прервал звонок Сэма Дэвилза, который с запозданием сообщил, что господин Бжезинский назначен моим вторым заместителем и будет возглавлять региональный отдел рекламы. Мне было все равно; Андрей, когда Бжезинский самозабвенно удалился, смачно выматерился.

6

«Бурная деятельность» Андрея сходилась на нет, если к нам прорывались редкие продавцы биоэнергетической субстанции с «особыми просьбами». Он в таких случаях садился за свой стол и начинал рыться в своих многочисленных бумагах и клочках с рукописями, оставляя беседу с клиентом на меня. Было заметно, как иногда он бросает исподлобья косые взгляды, но вмешивался в разговор он редко.

Что-то прорвалось в мою память, когда в кабинет вошла молодая учительница старших классов средней школы. Где-то там, в бездонных провалах этой хитроумной памяти, промелькнуло лицо Лены, и снова дверь туда захлопнулась. Заскрипели засовы...

Учительница была красивой молодой женщиной. Отсутствие обручального кольца давало повод думать, что сама она об этом ничего не знает. Поэтому бескорыстно жертвует собой ради воспитания подрастающего поколения. Единственное, что портило ее выразительное лицо – жевательная резинка. От усиленной борьбы с ней по лицу ее пробегали неприятные гримасы, и, казалось, что даже серые спокойные глаза тоже участвуют в процессе остервенелого, точно бесконечного жевания. Цвет неба в этих глазах был мертвым, а выражение лица становилось тупым. Наверное, прочитав мои мысли, она незаметным движением руки (поправила локон) постаралась избавиться от своей челюстной спутницы и заговорила.

– Знаете, я к вам пришла со своим выпускным классом. Они ждут на улице. Их не пустил этот большой человек-негр.

Но дело касается нас всех. Недавно мы провели классный час о наших американских сверстниках, ну вообще о сверстниках из других стран, очень долго рассуждали, сравнивали... – она замолчала. Видимо, наступил момент, когда должна была прозвучать просьба или предложение. – Сейчас многие школьники ездят в другие страны, чтобы знакомиться с новыми друзьями, узнавать, как они учатся, чем увлекаются, чем живут. Но это, сами понимаете, привилегия особых школ или забота богатых родителей. Мы в это прокрустово ложе не умещаемся. Поэтому решили обратиться к вам. У меня все ученики старше шестнадцати, паспорта у всех на руках, поэтому решение принимают самостоятельно, да и родители, как мы выяснили, в основном не возражают. Мы хотим поехать в Штаты. Естественно, денег на такую поездку да еще целым классом у нас нет, но у всех нас есть эти самые биоэнергетические субстанции. Мы читали в вашей рекламе о заветном желании, так что можете считать это заветным желанием целого коллектива... – теперь она замолчала, ожидая моей реакции. Зато за окном дружный хор начал скандировать: «Ни-на Ива-нов-на!... Дашь Шта-ты!...» Благодаря этому у меня появилась возможность задуматься обо всем: я попросил ее сходить к своим питомцам и заставить их замолчать.

– У нас здесь не митинг в защиту туризма для неимущих.

Пока она бегала, я снова ощутил в себе многозначительное «все равно» и подумывал позвонить Биллу, чтобы организовать страждущим поездку после выпускных экзаменов. Андрей молчал, и я не стал обращаться к нему за советом. Билл выслушал предложение Нины Ивановны и 11-а и, разумеется, дал добро, начиная предлагать различные города и веси Нового Света. Вот тут и вмешался Андрей.

– Я не знаю, как там у вас в Америке, Билли, – он взял параллельный телефон, – но у нас не принято торговаться с детьми. Вы носитесь по всему миру со своей демократией и правами человека, а сами тут же отбираете у детей последнее!

– Но-о... – Билл несомненно растерялся. Что-то пытался сказать о правах совершеннолетних детей, но Андрей хитро выворачивал разговор на свою сторону и получалось, что именно эти права Билл сотоварищи пытается попирать.

– И вообще, я не думаю, что подобный подход красит «Америкэн перпетум мобиле» в глазах мировой общественности! – вот как Андрей завернул. – Это чистейшей воды анти-реклама! Про эту поездку никто никогда не скажет, что это

визит доброй воли, гостеприимство и тому подобное! Это будет называться однозначно – сделка! Сделка с детьми и их учительницей. Звучит, Билли?

– Но ведь у нас существует целое направление по работе с подрастающим поколением! Вот и мистер Бжезинский считает...

– Это не тот случай!

– Вы так думаете? Г-хе... – и Билл сдался на милость победителя. – Ну тогда оформляйте как благотворительную акцию с нашей стороны. Только постарайтесь, чтобы сведения об этой акции попали в газеты, пусть благодарная учительница что-нибудь придумает...

И прежде, чем вошла Нина Ивановна, Андрей успел еще пару раз матюгнуться в сторону замолчавшего телефона и удивился в мою сторону:

– И чего там особенного? Сколько их фильмов не смотрю: у них там все только через «фак ю» делается. Вся страна зафаканная. А с другой стороны посмотришь – здоровые, красивые и умные люди. Вот Билл, например.

– Единственное, что мне не по душе: Нина Ивановна ушла в полном восторге от «Америкэн перпетум мобиле», – признался вечером Андрей.

– У меня такое чувство, что мой заместитель всячески препятствует приобретению биоэнергетических субстанций, – подначил я.

– Кишка у меня тонка, – ответил Андрей.

7

Нина Ивановна и 11-а ничего сверхъестественного не просили. А случались посетители совсем не в себе. Так, однажды к нам ворвался взъерошенный очкарик и с порога командным тоном востребовал:

– Я требую немедленного контакта с ними! И не смейте мне говорить, что вы ничего об этом не знаете. Только дураку может быть не ясно, что ваши биоэнергетические субстанции – это только ширма!

Мы с Андреем переглянулись и насторожились.

– Да-да! Прикрытие вербовки жителей на другую планету. И ведь платите здешними ценностями, которые там ничего не стоят!

В тот момент я чуть не подавился хохотом, но значительно позже Андрей сказал, что как у всякого дурака, у этого то-

же были им самим не понимаемые, но все же правильные мысли. А я кусал губы, чтобы не засмеяться.

– И не надо многозначительных улыбочек! Лучше скажите – где они?

– Кто?

– Представители инопланетной цивилизации. Я имею полное право на контакт! Мне не нужно ваших эфемерных материальных благ, моя биоэнергетическая субстанция стоит значительно дороже, чем дача или автомобиль! В обмен на нее я требую прямого контакта и непосредственного участия в вашем проекте. Хочу быть первым колонистом!

Нет, видали, каков космонавт, мать его! И не знаешь, смеяться над ним или вызвать неотложку? И опять вмешался Андрей.

– Вам каких? – спросил он. – Зелененьких? С рожками или без? А, может, с двумя головами?

– Кого? Каких? – не понял потенциальный контактер.

– Инопланетян!

Этим чудачком потом занимался сам Сэм Дэвилз. Они открыли в городе целое отделение уфологии при каком-то краевом институте. Думаю, что претензий к «инопланетной» фирме по качеству и количеству доставляемых гуманоидов не было. Имя его вместо меня аккуратно запомнил компьютер Гражины.

Но были и другие посетители.

Маленькую женщину с сыном Гражина долго не пускала.

– Да Вы поймите, мы же из района. Полдня на поезде ехали: нам только на минуту – поблагодарить и все.

Наверное, они так бы и не прорвались, но я пошел в это время то ли в туалет, то ли по какой-то надобности к Варфоломею. Об этом я уже через минуту не помнил. Увидев лицо женщины, я замер.

– Вы помните меня? – обрадовалась она. – Вот, я даже визитную карточку вашу сохранила! В буфете, на вокзале, помните!..

– У Вас болел сын, – вспомнил и почему-то стало стыдно.

– Точно! Вот мы со Стасиком к Вам приехали. Поблагодарить. Меня все совесть мучает: как я Вам долг отдам. А Стасику лекарства очень помогли, он теперь сам может писать и даже в школу пошел. Ну, Стасик, скажи сам...

Стасик смутился, он смотрел куда-то себе под ноги.

– Спасибо Вам... Большое... Возьмите, пожалуйста, от меня. Я сам сделал, а раньше не мог, руки совсем не могли ничего держать, – и он протянул мне сделанный из разноцветной проволоки брелок. С одной стороны его лучилось оранжевое солнце, с другой – целый пейзаж: горы, синее озеро. Все это из причудливых сплетений проволоки. Я даже примерно не мог представить, как это сделано. Теперь Стасик смотрел на меня – как я оценю его подарок. Подмигнув ему, я повесил брелок на связку ключей.

У Вас когда-нибудь было чувство, что хотя бы часть жизни Вы прожили не зря? У меня было. Ненадолго. Благодаря этому мальчику. Сентиментальность, скажете Вы. Но если скажете, значит у Вас такого чувства не было, либо оно ложное.

– Спасибо, – сказал я Стасику и его маме и уж совсем по-американски добавил: – Могу я еще чем-то помочь?

Наверное, американцы все же произносят эти слова от души. А мы? Когда в последний раз Вам предлагали помощь на улице посторонние люди?

Уже потом, запевшись в своем кабинете, я думал: вот, ведь, парадокс – не будь этой самой «Америкэн перпетум мобиле», я не помог бы этому мальчику. Не было бы у меня таких денег, да и вообще меня бы там в тот день не оказалось. По чьей воле все произошло именно так?

8

Шоу Грэма Шуллера проходило на Центральном стадионе. Учитывая благоприятную метеосводку, Бжезинский отказался от услуг крытого Дворца Спорта. Апрель как по заказу переломился в бархатное тепло. Даже стал непривычно жарковатым, и жители города, снимая куртки и плащи, устав от смурной зимы и задерганной жизни, стекались ручьями на выцветшие, облупившиеся скамьи стадиона.

Сотни плакатов и афиш зазывали обывателей, жаждущих исцелиться и услышать истинное слово, на проповедь. Группа сопровождающих электромузыкантов исполняла перед началом слащаво-органную музыку, даже пели на разных языках какие-то невразумительные псалмы. Потеплевший апрельский ветер разносил звуки по всему городу. Чересчур лучезарно-улыбистые девушки в белых одеждах раздавали листовки, призывавшие в расхожих и общих выражениях читающего стать добрым и трудиться на благо человечества. Но что под

этим подразумевали авторы этих листовок объяснено не было. Вероятно, об этом знал Бжезинский, который суетился на импровизированной сцене в центре стадиона.

Мы с Андреем решили сесть на трибунах – «как простые смертные». Поэтому листовки вручили и нам, а также открытки с фотографией и автографом знаменитого проповедника (в народе ходили разговоры о целительном свойстве этих штамповок). Отказаться от этих полиграфических услуг было невозможно: улыбки девушек подкупили бы самого Торквемаду. Поставленные на обеих бумагах кресты означали, наверное, принадлежность к какой-либо христианской церкви или ко всем сразу. Андрей скомкал эти листовки, не глядя.

– И многие будут приходить под именем моим... – сказал он.

– Что?

– Поют, говорю, сладенько. Колыбельно поют. Пение закончилось и к микрофону подошел Бжезинский. Ни «здравствуйте», ни «уважаемая публика», но зато вырвалось из динамиков повелительное и многозначительное:

– Я прошу всех встать.

И все встали. Почти все. Я даже испугался этого дружного, чуть ли не армейского вставания. Остались сидеть немногие. В нашем секторе это были мы с Андреем, стриженный парень слева от нас (не суд, мол, вскакивать тут, что-то подобное крикнул он в нашу сторону, ожидая поддержки) да еще старушка, которая, судя по ее отсутствующему виду, не очень-то сознавала, зачем она здесь оказалась.

– Слово Грэма Шуллера – это полет радости в Вашем сердце! – патетически (по законам жанра) продолжал Бжезинский. – Примите его в ваши сердца и оно навсегда облегчит вашу душу!

Грэм Шуллер был академичен: черный смокинг, аккуратная бабочка и белоснежные воротничок и манжеты. Он даже больше походил на конферансье или церемониймейстера, чем расфуфыренный Бжезинский. Лицо его действительно было добрым и располагающим. Ничего не было в нем, что могло бы насторожить собеседника. Но и не было в нем настоящей открытости. Как это объяснить? Что взять за эталон открытости? Да возьмите любую улыбку Гагарина с любой фотографии и Вы увидите ее! Улыбка Грэма Шуллера была тренированной! И была в каждом его слове, в каждом его жесте. Он был обаятелен и невелеречив, и все же мелькало в нем пока-

зушное, театральное, может быть, это была навеваемая им самим и его окружением причастность к сверхъестественному. Как он не пропевал каждую фразу (заставляя, между прочим, повторять за собой целый стадион) – но акцент иностранца вливал в бочку меда ложку фальши. И все же три четверти сидящих на стадионе заворожено слушали, повторяли всяческие нелепости, когда он требовал этого, и мамыши пшикали на баловливых неугомонных детей, чтобы те заглядывали в рот иностранного кумира. Была в этом какая-то магия, раз целая толпа еще недавно самых отъявленных атеистов сознательно участвовала в этом словесно-музыкальном колдовстве. И даже умытое весной чистое голубое небо над Центральным стадионом тоже колдовало, выполняя роль безоблачной декорации. И неслись в него усиленные мощными динамиками слова, наспех переведенные на русский язык, но все же до конца непонятных шуллеровских молитв.

Кульминацией зрелища стал обещанный танец «хромоножек». Якобы вдохновленные общением с Шуллером, они отбросили костыли и трости и очень правдоподобно, прихрамывая, на нетвердых (но все же ходячих) ногах устремились с трибун к сцене, плакали и обнимались. Кто-то встал с инвалидной коляски. У некоторых перестали трястись руки, дергаться глаз, и мальчик, которого принесли на руках (интересно, почему именно этого мальчика заметил весь стадион и говорили потом именно о нем?), сделал несколько несмелых шагов, чем привел публику в изумление и вызвал реки умильных слез. Если бы на сцене не подвывал этому всеобщему ликованию Бжезинский, я бы со спокойным сердцем принял исцеления за чистую монету. От знакомой подстроенности меня просто воротило. Андрей же потом утверждал, что в воздухе и без того пахло дешевым обманом, поэтому он сквернословил сквозь зубы и презрительно шурился. И даже благая идея и речь проповедника не могли вытравить из нас чувства стыда за всех, кто присутствовал при этом цирковом действе. Никто из этих удивленных горожан не увидит, как суетливые помощники Бжезинского скрупулезно соберут инвентарь: трости, костыли, укатят Инвалидную коляску, а профессиональные актеры захолустных театров сядут в тот же поезд, что и Грэм Шуллер, чтобы поражать чудесами исцеления жителей других пасмурных городов. И даже если кто-то скажет об этом вслух, как это делаю я, ему не поверят, потому что верить Грэму Шуллеру легче, проще и выгоднее, потому что

ему хочется верить. Он «приносит радость и счастье» и ничего не требует взамен.

– И ведь действительно хочется чуда! Махом и оптом! Чтоб без покаяний и страданий! Раз, два – и чудо! И хорошо, блин, всем вокруг. И охреневшее голубое небо над головой, – сказал, почти выкрикнул сидевший рядом со мной поэт.

От братства всех народов перешел Грэм Шуллер к «Америкэн перпетум мобиле». Нет смысла и желания повторять его бред об общечеловеческом прогрессе. Речь Горбачева с американским акцентом – вот что это было. Разница только в том, что горбачевское многословие не являлось тонко продуманной рекламой одной отдельно взятой компании, тот рекламировал целый образ жизни. И не раздавал Горбачев задремавшим слушателям после своих выступлений бесплатных библий, изданных в Чикаго. Я сказал об этом сравнении Андрею. Сначала он чертыхнулся, затем перекрестился:

– Свят, свят, свят... Не к выборам будет помянут.

У небольших лотков, где раздавалась бесплатная литература, оснащенных лучшими штатовскими компьютерами, можно было расстаться со своей биоэнергетической субстанцией, которая, оказывается, осложняла человеку его существование на бренной земле. Как по инерции, как за последней стадией шуллеровского исцеления к лоткам выстроилась очередь.

– Я где-то читал, что первый такой компьютер стоил по воле своих создателей 666 долларов. Совпаденьице, мать их в сельсовет! – это сказал Андрей, рассматривая мигающую экраном персоналку. – Да и яблоко надкушенное на нем изображено.

– Ну и что, что 666? – пожал я плечами.

– Число зверя, дьявола – вот что! – раздраженно пояснил Андрей, и взяв с лотка мини-издание Нового Завета, сунул его мне в карман. – Хотя бы такой, американский, прочитай, чтобы детских вопросов не задавать.

– А я читал: «Макинтош» – лучший в мире компьютер.

– А я не возражаю...

На вечернее выступление Грэма Шуллера для молодежи, где должны были выступать еще известные рок-группы, мы с Андреем не пошли, хотя Бжезинский торжественно обещал незабываемый взлет популярности «Америкэн перпетум мобиле». Я же объяснил ему, что этот взлет начинался в подвальной забегаловке на вокзале. И потом, когда мы пили с

Андреем водку на моей захламленной кухне, я признался ему, что сегодня испытал жуткий приступ ненависти к своей фирме, а сейчас мне вообще тошно. Услышав это, Андрей скривился и покачал головой:

– Похоже, тебя только водка и может разгипнотизировать. – Он взял с полки томик Достоевского и, полистав, вдруг стал читать вслух: – Народ божий любите, не отдавайте стада отбивать пришельцам, ибо если заснете в лени и в брезгливой гордости вашей, а пуще в корыстолюбии, то придут со всех стран и отобьют у вас стадо ваше, – и, помолчав, захлопнул книгу. – Предсмертные наставления старца Зосимы. Деятнадцатый век. Пророк Достоевский. Стадо... Толпа! Интересно, чем были заняты в это время наши священники?

Тогда я не понял, что так беспокоило Андрея. Меня больше волновало происходившее во мне необъяснимое беспокойство.

– У меня иногда бывает чувство, будто я уже умер и только как безвольный наблюдатель брожу по этому свету. Мне кажется, что я помню то, что будет и забыл то, что было.

9

Об этом же говорила Лена. Она принесла мои постиранные рубашки, которые лежали у нее уже не первый месяц. Были ли эти сорочки поводом, чтобы прийти? Честно говоря, я был просто рад, что они у нее оказались – и у нее оказался повод посетить мою холостяцкую берлогу. Это были первые стиранные рубашки в моем доме за несколько месяцев. Грязные я просто выбрасывал, всякий раз скупая в каком-нибудь магазине почти все импортные сорочки своего размера. «Каждая сорочка – это несколько кирпичей Вашего коттеджа в центре города!» – изумлялся Варфоломей, глядя, как я заваливаю упаковками заднее сиденье нашего «линкольна». «И ты хочешь, чтобы я строил свой дом рядом с нашими самыми известными клиентами? – отшучивался я. – Моя расточительность – не больше, чем холостяцкая лень».

Глядя на то, как Лена моет посуду, я вспоминал серый похмельный январь, измеренный вдоль выпитыми бутылками и заваленный консервными банками. Январь, в котором безысходности было больше, чем снега, но над ней, над этой безысходностью точно также стояла Елена и была абсолютно уверена, что чистая посуда и постиранное белье важнее глухого отчаяния, в котором прозябал предмет ее забот.

Теперь она мыла посуду и снова негромко ругала меня за все подряд. Мол, у кого в доме непорядок, у того и в душе хлам, и рассказывала сказку про снежную королеву. В сказке я оказался мальчиком, сердце которого постепенно превращается в лед.

– Там еще была девочка, которая растопила это сердце, – усмехнулся я.

Она повернулась ко мне, и я впервые увидел в ее глазах тихую долготерпимую обиду.

– Если ты считаешь на меня... То... – она вновь повернулась к посуде, чтобы я не видел, как в глазах у нее появились слезы. Просто выплеснулись от избытка этой затаенной обиды. – Ты правда не помнишь, как приходил ко мне в марте? Андрей сказал, что ты ничего не помнишь. Напился? – и вдруг резко повернулась. – Герда тебе нужна, говоришь?! У тебя есть этот злополучный индикатор биосубстанции?

– Конечно.

– Принеси.

Взяв в руки индикатор, она направила его на меня и спросила еще раз:

– Значит, ты не помнишь? Тогда скажи, какая лампа должна загореться?

– Никакая. Я же сотрудник «Америкэн перпетум мобиле».

Лена нажала на кнопку, индикатор в ее руках вспыхнул зеленым светом, а она стала насмешливо улыбаться.

– А теперь ты, господин-мистер-товарищ...

Я взял индикатор и, направил его на себя, нажал кнопку. Также уверенно, как только что горела зеленая, загорелась красная лампа. «Да она на меня и раньше мигала», – подумал я.

– Только не вздумай докладывать своим боссам, – услышал я голос Лены сквозь сумбур и вязкую тупость в голове.

– Он неисправен, – лучшее, что я мог придумать в этот момент.

– Скорее, ты неисправен.

ЧАСТЬ IV

1

Я Вам со всей ответственностью заявляю: у меня ни разу не заложило уши! И вообще, толстопузый, как буржуй Маяковского и с виду неуклюжий «боинг» рванул в небо под

углом почти 90°. Этот взлет разбил для меня миф о превосходстве отечественной авиации. При взлете пилот закладывал такие виражи, что пассажиры должны были выпадать из кресел, но этого не происходило. Более того, я не ощущал никаких маломальских перегрузок. Как только мы прорвались за сугробы низких облаков над Шереметьево, половина пассажиров смачно закурила, раскрыв газеты и журналы, а там, где в родных «тушках» я привык видеть вечногорящую надпись «Не курить. Пристегните ремни», засветился телеэкран. После научно-познавательного фильма о правилах пользования кислородными масками и спасательными жилетами желающие могли любоваться североамериканскими пейзажами, городскими достопримечательностями и сценами счастливой американской жизни. Уже через несколько минут появились обаятельные стюардессы с тележками, на которых прекрасно помещался магазин «соки-воды», пивной ларек и водка-виски-брэнди на выбор.

Андрей тоже закурил. Но закурил «Беломор», что привлекло к нему внимание близлежащих пассажиров и оказавшихся неподалеку стюардесс. После трех затяжек ему пришлось объяснить, что содержимое его папиросы не является никаким видом наркотиков. Видимо, пассажиры «боингов» не часто курят «Беломор». Билл, который сидел ближе к проходу, посмеиваясь, объяснил на английском удивленным стюардессам, что такое папироса и с чем ее едят. Нам он сказал на русском:

– Самое интересное и самое скучное – океан. До него можно спать и над ним можно спать. Я предпочитаю спать все время полета – плохо переносу разницу во времени, – и, откинув спинку кресла, с явным удовольствием закрыл глаза.

Я стал смотреть в иллюминатор: хотелось узнать – правда ли, что русское небо не похоже на небо Европы или Америки. Потом понял – это заметно только снизу. Сверху небо везде одинаковое...

2

Мы тоже уснули, когда напились. Водка, пиво и девять часов висения в воздухе между Старым и Новым Светом – это даже не повод выпить, это обязательный ритуал. В этом нас убедили многочисленные соотечественники. Кроме того, мы не рассчитывали, что этот день удлинится почти наполовину.

Уже когда самолет провалился под облака, заходя на посадку, Билл растолкал нас. Я уставился в иллюминатор, надеясь разглядеть муравейник из небоскребов, за крыши которых мы должны были цепляться, но с моей стороны был виден только океан. Лишь когда лайнер маневрировал, запрокидывая бока, мелькнуло побережье Лонг-Айленда.

На посадочную полосу мы плюхнулись также неожиданно (но мягко!), как и взлетели в Шереметьево. Аэропорт «Джей Эф Кэй» (то бишь имени президента Кеннеди) встретил нас прекрасной солнечной погодой и размеренной суетой. Первое, что я сделал, ступил на землю, посмотрел на небо. Оно здесь, действительно, было другим. Последнее русское небо, которое я видел – пасмурное апрельское над Москвой – было похоже на застиранное плоховыжатое белье, с которого постоянно капает. Русское небо было усталым и печальным, медленным и степенным, мудрым и необъятным. Небо над Нью-Йорком виделось совершенно иным – более щедрым, это небо работало на людей, оно не заставляло думать о небе, потому что было солнечно-идеальным. Я потом понял – это даже не небо – это крыша! Добротная сияющая крыша над сияющей Америкой.

– Я бы сказал, что ты ловишь ворон, – заметил Андрей, когда мы усаживались в микроавтобус с надписью «Америкэн перпетум мобиле».

– Мыслишь не масштабно, не по-американски, – отшутился я. – Здесь Можно ловить только «боинги».

Билл объяснил, что от аэропорта час езды до Манхэтэнна. Нью-Йорк нам предстоит увидеть в другой раз, потому как нас уже ждет другой самолет. Нужно ехать в другой аэропорт.

И все же минут через двадцать-тридцать Андрей не выдержал:

– Я понимаю, что я в служебной командировке, но если не сейчас, то уже никогда не почувствую себя русским туристом в Америке.

– Что для этого нужно?

– Хотя бы зайти в магазин! – естественное желание бывшего строителя коммунизма.

Билл попытался нас отговаривать, ссылаясь на то, что мы проезжаем не в лучшем районе, но Андрей настаивал на своем, и я поддержал его. Мы прижались к тротуару где-то в неположенном месте, и Биллу тут же пришлось объясняться с чернокожим полисменом. Улица вокруг текла человеческими

фигурами и автомобилями, шум казался вечным и неодолимым, и негров было, пожалуй, больше, чем в Африке. Русский негр Варфоломей показался бы здесь добродушной снегурочкой.

Андрей все же нырнул в какую-то лавку, где продавали радиоаппаратуру и компакт-диски, и мне пришлось последовать за ним. В магазине оказались опять таки негры. Следует сказать, смотри они на нас совсем не в духе привитого нам интернационализма и антирасизма. Скорее наоборот. Один из них даже «факнул» что-то про мой джентльменский вид. Но уходить сразу было позорно и трусливо, я принялся рассматривать прилавки, Андрей же вдруг проявил интерес к плэйерам и купил самый дорогой, который здесь был. В довесок он взял две кассеты: Рэя Чарльза и Тину Тёрнер. Но и этот непонятный мне акт интернационализма не удался. На нежелательность нашего здесь присутствия нам «намекнули» подругому: здоровенная горилла, перемальвающая своими челюстями полкило бабл-гама, просто и откровенно бзднула в нашу сторону, дико захохотав. Андрей сквозь зубы помянул мать этого негра, но невозмутимо надел наушники и вышел на улицу. Больше он не просил останавливать машину на улицах славного Нью-Йорка. А я позабыл у него спросить – на хрена ему плэйер, начиненный негритянской поп-музыкой.

В маленьком частном аэропорту нас посадили на подобие «Як-40» и повезли навстречу оранжевому закату.

3

Хеллоуин – городок из ковбойского вестерна. По степени заброшенности он превосходит наши самые захолустные рай-центры, и, судя по той дороге, что привела нас сюда, более забытого Богом места в Америке не сыскать. И хотя Билл уверял, что маленькие города Соединенных Штатов самые чистые, на улицах Хеллоуина словно только что прошла первомайская демонстрация – ветер нес ворохи пестрого мусора: яркие этикетки, пакеты, кожура и скорлупа от всего, на чем они могут быть, обрывки рекламных плакатов, афиш и газет. Именно мусор делает Хеллоуин пустынным и заброшенным. Здесь будто еще вчера бурлила цивилизация, а сегодня городок превратился в декорации уже отснятого и тут же забытого фильма.

Станным казалось то, что «Америкэн перпетум мобиле», которая без ощутимых затрат могла купить для своих нужд

несколько кварталов в Нью-Йорке или Сан-Франциско, выбрала затерянный в прериях Хеллоуин, где жили хмурые неразговорчивые люди, собранные со всего континента по принципу замкнутости. Казалось, их лица ничего не выражают, кроме природной, только им понятной суровости. Наверное, такими были лица освоителей Нового Света. Исключение составлял персонал небольшой, но на удивление шикарной гостиницы, в которой нас разместили. Здесь царили профессиональная обаятельность и покупаемая услужливость. Несмотря на свою видимую заброшенность и провинциальность, городок был цивилизован во всех смыслах этого понятия. Отсюда, например, без труда можно было дозвониться до нашего Кологрива. Попробуйте сделать подобное в обратном порядке.

Судя по всему, достопримечательности в этом городе не прижились, война и стихийные бедствия обходили его стороной, а экскурсий для нас не предполагалось. Поэтому мы с Андреем предприняли самостоятельную пешеходную прогулку по главной улице (Хеллриверз стрит), которая тянулась через весь Хеллоуин с запада на восток и начиналась от стоящей на окраине бензоколонки. Два-три административных здания, пара пивнушек и несколько магазинов-лавок – вот далеко не особые приметы Хеллриверз стрит, начинавшейся от бензоколонки на одной окраине, и упиравшейся в чугунные литые ворота огромного серого особняка – с другой.

Дом этот, огороженный черными копиями чугунной ограды с насаженными внутри нее аккуратно подстриженными кустарниками, издали показался мне дворянским особняком, перенесенным сюда из России XIX века. Но уже через несколько минут это «показалось» развеялось. Его рассеяли охранники (прилизанные мордovorоты с рациями и автоматическими винтовками), которые сонно прогуливались по периметру ограды. На нас они не обратили внимания, поэтому мы подошли к самой решетке, чтобы рассмотреть дом поближе.

Аллея, начинавшаяся от ворот, обрывалась у лестницы из черного мрамора. За двумя рядами гладких колонн виднелись двустворчатые двери, мощь и негостеприимность которых были сродни крепостным воротам средневекового замка. И ничего нельзя было увидеть в окнах этого дома. Они были такими же темными, как и камень, из которого был построен весь дворец. Два этажа по высоте можно приравнять к нашей пятиэтажке. Мрачное величие его венчала высеченная под

углом крыши на фасаде шестиконечная звезда с расходящимися вдоль по стене маленькими пятиконечными. Других знаков и вывесок на здании не было.

– Логово, – определил Андрей. – Есть у них Белый дом, а это, выходит, Черный. Готов поспорить, простому смертному легче попасть в рай, нежели за эти двери.

Я представлял себе, как должен выглядеть этот дворец сверху, с высоты птичьего полета. Как въезжают в него бронированные «роллс-ройсы», как один этот дом перевешивает в мрачном пейзаже весь Хеллоуин, и даже получается, что дорога через весь штат ведет только к нему, чтобы ни с того ни с сего оборваться у его ворот. А, может, она и проложена ради этого? Андрей потянул меня обратно, и я вернулся на землю.

– Потолки здесь высокие, – заметил я положительное.

4

Обедали мы, как в пионерском лагере, в определенное время в гостиничном ресторане. Присматриваясь к сотрапезникам за другими столиками, я определил, что кроме нас здесь есть (т. е. питаются) другие русские... Украинцы, узбеки, белорусы, татары, французы, китайцы, малайцы и прочая и прочая. Мне показалось, что я видел цыгана, но утверждать не берусь. Так или иначе можно было подумать, что мы попали на очередное заседание ООН или в Артек для взрослых.

Билл постоянно сопровождал меня. Пас. Похоже, Андрей интересовал его постольку, поскольку он оказывался рядом со мной. И Андрей вел себя как заправский турист. Везде ходил, не расставаясь с купленным в Нью-Йорке плэйером, почти не снимая наушников. Плэйер и еще какую-то чепуху он таскал в сумке через плечо, отчего был похож на школьника-переростка. Мне же было не до отдыха. Приходилось ежедневно выслушивать биллионы (от слова Билл) наставлений, суть которых сводилась к тому, что я поднимаюсь на новую ступень по иерархической лестнице «Америкэн перпетум мобиле», что я не должен многому, с чем мне предстоит столкнуться, удивляться. Наоборот, мне следует привыкать и настраиваться на некоторые, может быть, символические, но немаловажные акты. В любом случае я должен сохранять спокойствие и гордиться своей принадлежностью к крупнейшей американской компании. Большого он не объяснял. Зато многое пытался объяснить для себя Андрей. В то утро он спросил меня:

– Тебе не хочется выйти на субботник?

– На ленинский? – не понял я.

– У них патологическая любовь к цифре 22! Дом номер 22, быть в Хеллоуине 22 апреля, у меня так и напрашивается продолжение – 22 июля, 22 декабря...

– А декабрь-то причем?

– Самый короткий день в году. Праздник зимы и темноты.

– Ты утрируешь.

– Черт его знает.

Но день 22 апреля действительно начинался, и нам предстояло удивляться чем дальше, тем больше.

После завтрака Билл пригласил нас на «небольшую экскурсию», ознакомиться с некоторыми реликвиями «Америкэн перпетум мобиле» и «совсем немного поработать». Это «совсем немного», как мы поняли, касалось только меня.

Раньше мы не посвящали в это рядовых сотрудников, но теперь многое из нашей истории деятельности открыто даже для гостей, – рассказывал Билл в машине. – Это определяется мощью компании, ну и, конечно, изменением, лучше сказать – просветлением в умах человеческих. Пора темного средневековья и коммунистической морали миновала. Хотя, следует признаться, мы неплохо пользовались услугами и той и другой инквизиции.

– Какое отношение имеет инквизиция к современным Соединенным Штатам? – спросил я.

– Никакого. Она имеет отношение к «Америкэн перпетум мобиле». Косвенное, разумеется. О вечном двигателе тогда хотя и думали, но о таком виде топлива даже смутно не догадывались. Тем не менее, о некоторых прозрениях можно сказать с полной уверенностью.

Нас везли на западную окраину, и я сразу же вспомнил о серо-черном особняке. Да и увидев его в первый раз, я не особенно сомневался, что этот дворец принадлежит «нашей» компании. Иначе для чего тогда нужен весь Хеллоуин со всеми его хмурыми жителями?

– Скажите-ка, Билл, а почему мистер Дэвилз не полетел в Штаты? – спросил Андрей. Я тоже вопросительно посмотрел на Билла, которому в общении с нами явно не хватало дьявольской пронизательности и нетерпящего возражений тона Сэма Дэвилза.

– Нынешняя ситуация в России не позволяет директору такого крупного отдела отдыхать даже положенное время.

После смерти Брежнева мистер Дэвилз только пару раз бывал в родине, и то по неотложным делам.

Андрей присвистнул:

– Преданный делу человек.

– Да. Кроме того, мистер Дэвилз один из совладельцев компании. Именно для того, чтобы расширить штат сотрудников компании, нам пришлось организовать здесь нечто вроде сбора, таких курсов повышения квалификации для региональных представителей.

– Таких, как Серега? – кивнул на меня Андрей.

– Таких, как Сергей Иванович, – ответил Билл и очень многозначительно посмотрел на Андрея. Будто выиграл у него партию в шахматы. – Это для Вас данная поездка является в большей степени увеселительной.

– Ага, – криво ухмыльнулся Андрей, – если забыть, что за подобное увеселение я заплатил своей биосубстанцией.

– Это был Ваш выбор.

На некоторое время в салоне воцарилось недружелюбное молчание. Андрей демонстративно нацепил наушники. Неприятнее всего было мне: я вспомнил, как почти не препятствовал взбалмошному желанию Андрея стать моим заместителем. Вспомнил, как отбрил Ивана...

Машина вырвалась из города, и водитель добавил газу.

– Это что, главная штаб-квартира «Америкэн перпетум мобиле»? – спросил я, указывая на выросший перед лобовым стеклом особняк. Спросил просто так, чтобы заткнуть глотку этой неприятной тишине, но Билл вдруг посмотрел на меня, как на плохозамаскированного лазутчика.

– Нет. Не главная, – ответил он. – Где-то есть другой дом. Но где – я не знаю.

– А мистер Дэвилз?

– Мистер Дэвилз знает.

5

Потолки в Темном Дворце (так я решил его называть, и таким он был внутри и снаружи) действительно оказались высокие. Арочные.

Мы стояли в просторном зале на первом этаже. Десятки дверей и две лестницы вели из этого зала в другие помещения. Казалось, чего-то во внутреннем убранстве этого зала не достает, хотелось видеть на его стенах фрески или какую-либо лепку – мифических чудовищ, профили и могучие торсы геро-

ев, крупнотелых венер... Ничего этого не было. Только задрал голову, я увидел над собой – в центре равновогнутого потолка – какого-то человека-козла со звездой во лбу и черными крыльями за спиной. Торс и руки у него были человеческими, и человеческими были многознающие глаза на козлиной морде. Правой рукой летающий козел будто благословлял стоящих под ним, поднимая вверх сложенные указательный и средний пальцы, левая рука указывала вниз – на черный полумесяц, рядом с которым извивалась зеленая змея.

– Это Бафомет, – пояснил Билл. – Раньше это здание принадлежало масонской ложе. Они тут игрались в архитекторов Вселенной со своими циркулями, а в этом зале принимали неофитов. Почти из каждого угла смотрел глаз – око Архитектора. Такой же как на долларовой купюре. Сами понимаете, теперь это мало для кого секрет, в Америке каждый жаждущий карьеры политик – масон.

– А Вы? – немного насмешливо спросил Андрей.

– Я тоже... Был. Дело в том, что «Америкэн перпетум мобиле» нечто большее, чем игры в священное братство ради власти над миром. «Америкэн перпетум мобиле» – это и есть воплощение власти. Это тоже своего рода служение определенной идее. Большинство масонов, особенно низших градусов, даже не подозревая того, осуществляют в разных частях света проект «Америкэн перпетум мобиле». Масоны управляют миром, а кто-то управляет масонами.

– Почему Вы все рассказываете без малейшей опаски, Билл? – спросил я.

– Потому что Вы так или иначе принадлежите «Америкэн перпетум мобиле» и не сможете причинить ей даже маломальского вреда. Впрочем, многое вы поймете и увидите сами. Пройдемте дальше.

Мы вошли в параллельный первому, не менее просторный зал, смотрящий окнами в сад, где петляли высаженные акациями аллеи. В этом зале также царили полумрак и гулкая тишина. От первого зала его отличало отсутствие рисунка на потолке и многочисленные подпирающие потолок в совершенном беспорядке тонкие колонны. Каменные стволы в этом лесу как попало торчали из мраморного пола. Казалось, в этом лабиринте кто-то прячется, мечутся неясные тени.

– Я не знаю, что увидит здесь каждый из вас или вы оба вместе. – Голос Билла слышался как будто из другой комнаты. Голос спортивного комментатора, не болеющего ни за какую

из играющих команд. – Здесь определенным образом материализуется работа вечного двигателя. При этом для каждого посетителя по-разному. Сразу же хочу предупредить – от работников компании здесь абсолютно ничего не зависит, мы не можем влиять на происходящее здесь. Но не пугайтесь, за время действия этого зала ни с кем из входящих ничего страшного не произошло. Разве что небольшие нервные потрясения у особо чувствительных. Но такие сюда попадают редко. Теперь я вас оставляю.

Как только он вышел, действие, которое до сих пор таилось за колоннами, стало мало-помалу окружать нас.

Это было похоже на несколько снов. Они наслаивались друг на друга. Некоторые из них бессмысленные и непродолжительные даже не отметились в памяти. Они замысловато переплетались с искаженной реальностью, и заставляли нас играть роль вынужденных героев, подчиненных навязываемому свыше сюжету.

Вы когда-нибудь убивали во сне? Во сне вообще легче побеждать, а если нет подходящей оправдательной ситуации, то утром никто не спросит с Вас за совершенный (возможно пугающий даже Вас) поступок. Я пока что не знаю, спросится ли за совершенное зло во сне на Высшем Суде. Но бывает и по-другому: в Вашем сне царит вопиющая несправедливость, сон переполнен насилием против Вас и Ваших близких – самое время проявить ответную жестокость, совершить героический поступок, но руки и ноги Вас не слушаются. Вы большой кусок ваты, не способный даже закричать. Вы можете только смотреть и чувствовать подающее с ужасающей высоты сердце. От такого падения можно вскрикнуть во сне, можно разметать вокруг себя постель, можно проснуться в холодном поту, можно вообще не проснуться.

Андрей никогда не рассказывал мне, что видел и чувствовал он. А я ему рассказать не успел. Уже после, когда мы вернулись, он вдруг ни с того ни с сего спросил:

– Тебе Ленина жалко?

– Ты о чем? – удивился я.

– Я, как и все советские дети, в детстве любил дедушку Ленина, а когда узнал, что он нигде не похоронен, а лежит в мавзолее, мне стало его жалко. Я тогда думал, что если человек не похоронен, то его душа не находит себе покоя, ее ни в рай ни в ад не берут. Она обречена на полное одиночество. Жутко она при этом мучается и не дает никому покоя. Теперь

я знаю, что так оно и есть. Оказывается, антихристов много. Они стоят в длинную очередь у дверей в человеческую историю, чтобы потом занять свое место в огненном озере. Антихрист – имя собирательное. Они приходят по одному и целыми орденами, приходят и уходят в самое глубокое небытие. А за ними вереница несчастных носителей зла, околдованных или золотом или новой идеей – осуществлением царства божьего на земле. Мы не можем охватить разумом Вечность, они не хотят знать, что она есть... – так он говорил долго, а закончил также неожиданно, как и начал. – Крестился бы ты, Серега!

В моих видениях Ленина не было. Но «персонажей» было предостаточно.

Сначала пронеслись, как порывы ветра, какие-то смутные воспоминания. Откуда-то из далекого, теперь уже туманного детства. Потом картины становились ярче, и, наконец, на меня опрокинулся совсем другой день из другого времени, из другой жизни. Он, как всплеск от брошенного в воду камня, произвел десятки, сотни брызг, и в тысяче зеркал промелькнули тысяча отражений этого дня, но в каждом по-разному. Они промелькнули, но миг этот выражался понятием вечности и мог совсем не кончиться. И я мог навсегда остаться в одном из этих зеркал, сделай я хотя бы один неверный шаг по направлению к соответствующей реальности. И каждый новый шаг вырывал кусок, часть времени из каких-то других жизней и эпох, причудливо переплетая их вокруг моего, выросшего до астрономических размеров Я.

6

На лестнице, ведущей к капищу, медленная процессия – седые бесчувственные жрецы ведут юных пленников и пленниц. Еще несколько шагов и, под завывание этих идолопоклонников на каменной наковальне жертвенника будет биться чье-то молодое сердце. А я – вождь или царь – сижу на золоченом троне, утопая в драгоценных одеждах, в окружении бесстрашных воинов, нетерпеливо поглаживающих рукоятки мечей, среди замерших у трона невольниц, готовых по первому моему зову отдать мне не только тело, но и душу, потому что я для них живой бог. Я, имеющий власть над народами, над законами и беззакониями, даже если захочу – не смогу остановить кривой нож жреца. Не смогу, потому что боюсь

даже захотеть этого. И когда ударят барабаны, мое сердце сожмется также, как сердца обреченных невольников, и мне будет казаться, что это мое сердце берет сморщенными жилистыми руками жрец и бережно кладет его в центр жертвенника, то выкрикивая, то несвязно бормоча только ему одному понятное заклинания. Лицо мое останется каменным, и когда-нибудь вместе с ним окаменеет сердце.

Сидя на троне, я вспомнил, как плакала на маленькой кухне в моей квартире Лена. Мальчик из «Снежной королевы»? Может быть, именно так попадают в наши сердца маленькие льдинки. Через бесчувственный к чужой боли глаз – и обращают его в лед и камень, в мешок для перекачки холодной крови.

В один из дней, в одном из отражений я был именитым чекистом. Или был в его теле. Был в его сознании? Сидя за столом, я небрежно решал человеческие судьбы, уподобляясь самовлюбленному божку, который и сам завтра может быть разбит вдребезги, как античная скульптура от удара варвара. Передо мной списки заложников: от офицеров до гимназистов, которых через несколько часов расстреляют. И что мне стоит пожалеть «буржуазных» мальцов, вычеркнуть их из черного списка по причине абсолютной невиновности? Но рука моя даже не дрогнет для этого движения. Ей не позволяет «классовое» сознание.

Конвоиры приводят гордого арестанта в офицерской форме. Сначала я смотрю в тонкую папку с его «делом», только потом – ему в глаза. Что мне до его глаз? Их за день бывают сотни, и только для них самих важно, с каким выражением на лицах они умирают. Очень трудно попасть в историю из внутреннего двора черезвычайки, где прозвучит последний в их жизни звук – выстрел. Ещё труднее попасть туда с загородной свалки, где в общую яму пьяные красноармейцы валят по ночам трупы. На миру, говорят, и смерть красна. А каково этим – гордо вскидывающим спокойный взгляд в черное дуло безвестности? Я поднимаю глаза, и они обжигаются. Передо мной сидит Иван в рваной, испачканной кровью форме русского офицера. Как он переселился в нее из уродливо-нев्यразительной милицейской? Сейчас именитый чекист задаст ему два – три вопроса и, не услышав ни раскаяния, ни намек на предательство или испуг, напишет размашисто и уверенно в левом верхнем углу: **расстрелять**, выведя под сим витиеватую подпись земного божка. И пока я думаю, для чего я

здесь, зачем я в сознании этого человека, почему напротив меня сидит мой старый друг, которому он-я подписываем смертный приговор (уже изначально зная, что иначе и быть не могло), все это действительно происходит. И конвоиры уводят белого офицера, будь он мой друг Иван или поэт Гумилев. Я же уверяю себя в том, что являюсь здесь пассивным наблюдателем, безучастным зрителем, лишенным права слова. Этой всепригодной настойкой я прижигаю собственную совесть. Не оголяйся, сука!

И чужие дни-видения стали раскручиваться с каждым разом все быстрее и быстрее, все меньше и меньше оставляя времени на раздумья. Ум мой метался среди кривых зеркал, не находя нужного или хотя бы приемлемого (в смысле покоя: оглядеться, задуматься) отражения. И я бежал по бесконечным древним лабиринтам, по коридорам Кремля, но кем бы и где бы я ни был – везде я был обличен бременем власти над людьми, словно кто-то хотел узнать, что я испытываю, когда чужие разум и воля беспрекословно подчиняются моей, а если не подчиняются – я могу обратить их в пыль и забвение. И в то же время я сам ощущаю над собой чью-то тяжелую волю, знакомое с детства чувство внутренней свободы покинуло меня. Вместо него в сердце стала расплываться вседозволенность. Но в самом потаенном уголке души росло осознание невидимой, непонятной и ужасающей зависимости.

Герои мои (я как будто стал актером одновременно в нескольких пьесах) четко следовали написанным ролям и чем дальше, все меньше могли позволить себе долю импровизации, собственный жест, свою мимику... дурацкий парадокс! Это называется свобода пули перед выстрелом, когда уже спущен боек.

Помните, я искал настоящую открытую улыбку и нашел ее только на фотографии Гагарина? И сейчас я также искал образ внутренней свободы. Судорожно, торопливо искал. Даже дыхание сбивалось, словно от того, найду я или нет зависела моя оставшаяся жизнь. Наверное, именно пример с Гагариным натолкнул меня на мысль искать таким же образом: пересматривая в памяти виденные когда-либо фотографии. Память перелистывала груды журналов и ворохи газет, но оттуда смотрели на меня только «мертвые», запрограммированные лица политиков и общественных деятелей всех рангов и масштабов. Свобода этих людей заключалась в собственной

власти, престиже, богатстве и поэтому никогда не была настоящей свободой.

Живыми оказались лица действительно мертвых людей! Это были лица погибших защитников Белого дома (нашего Белого дома). Светлые лица, выражающие высшую степень духовной свободы. Лица людей от двенадцати до семидесяти, соединенные именно этим необъяснимым выражением высшей свободы.

В те дни, когда в них стреляли из танков, я пил. Пил беспробудно. Едва очухался, включил телевизор, увидел сальные рожи мнимых телестрадальцев, услышал их гнусаво-картавые голоса, потом понял, что расстрел советского правительства демонстрируется на весь мир телекомпанией Си-Эн-Эн, и какой-то мудливый англоязычный комментатор удовлетворенно факает после каждого выстрела. Я ужаснулся, выматерился и снова стал пить... Только через месяц увидел фотографии защитников – «ужасных боевиков-фашистов». Среди них не было ни одного лица, которое вызвало хотя бы чуточку неприязни или отвращения. Более открытых и наполненных свободой лиц я не встречал. Посмотрите сами и плюньте на эту страницу, если я не прав.

Театр Сэма Дэвилза тем временем подстраивался под мой внутренний мир. И когда я вдруг вспомнил эту горькую октябрьскую боль, я оказался в шкуре (в блестящем костюме) одного из советников президента. Я шел к «пахану» докладывать об осмотре места славной победы.

Советник остановился у двери, прокручивая в голове свой предстоящий доклад, и я вместе с ним. И мог бы я сказать его языком что-нибудь позабористее, но еще пять минут назад по воле перпетум мобиле я был Иудой, предающим Христа, был Юровским, хладнокровно расстреливающим Романовых, был базилевсом, по приказу которого ослепили сотни тысяч болгар, был Петерсом... Но я уже не был собой и не мог ничего добавить от себя в этот мрачный репертуар. Рука советника опустилась в карман – там должна лежать шпаргалка. Но вместо блокнотных листов в кармане оказался самодельный брелок из проволоки и связка ключей. Советник остолбенел.

А я всегда таскаю с собой ключи – и в отпуск и в командировки. И в Америку и в Африку. Ключи от дома – они и в Африке ключи от дома.

И вот что-то сорвалось в этом спектакле. Чего-то режиссер не предусмотрел. Маленькая женщина из вокзального бу-

фета и ее больной сын в сюжет не вписывались. И, наверное, поэтому весь окружающий меня мир фантастических декораций стал исчезать и все, более походило на естественную реальность. Я снова увидел зал с беспорядочно понатыканными колоннами и невесть откуда взявшимися людьми. Пожалуй, это следует назвать последним актом абсурдной пьесы.

7

В зале звенели аплодисменты. Как только что проснувшийся человек я долго не мог понять, что происходит. И все же через некоторое время до моего сознания дошло, что аплодисменты обращены ко мне. Одетые в смокинги господа и дамы в вечерних туалетах, собравшиеся будто на бал, блуждали парами или поодиночке среди каменного леса. Некоторые подходили ко мне, чтобы сказать несколько одобрительных слов на разных языках, тем не менее неожиданно для меня понятных. Не знаю, смог ли я говорить хотя бы на одном из этих языков, но то, что я легко понимал их все, не подлежало никакому сомнению.

– Этот эффект вавилонской башни, – раздался рядом голос Билла. – Кто-то смешивает языки и ломает башни, а кому-то приходится заново строить и учить людей понимать друг друга.

– Вы о Боге и...

– А Вы всегда такой до тошноты буквальный?! Расскажите об этом кому-нибудь на улицах Москвы или Владивостока, да где угодно расскажите, и Вас не просто назовут дураком, но и возможно вызовут специальную «скорую помощь». Не обижайтесь, Вы и сами знаете, что это так. А людей может объединять не только строительство башен, а, например, любовь к доллару. Вы знаете о такой любви?

Присматриваясь и привыкая, я определил, что среди гуляющих по залу гостей и стоящих за разговорами, достаточно было знакомых личностей, и что особенно удивило меня, тех, которых человечество уже с почестями похоронило и даже воздвигло в их честь величественные памятники. Так, рядом с вездесущей четой. Горбачевых можно было увидеть скучающего Эйнштейна, недавно почившего Кагановича, нашего звонколысого Хрущева, который к тому же доверительно шептался с холодноглазым Берией. Я понял, что несмотря на некое обреливание окружающей действительности, фарс продолжался. Теперь следовало ожидать свою очередную

роль. Было похоже, что все собравшиеся здесь ждут чего-то именно от меня.

Зачем здесь все эти привидения? — оглянулся я к Биллу.

Вам неприятно находиться среди столь известных и уважаемых людей? — искренне удивился он. — Это как раз здесь они не привидения.

Признаюсь Вам, изучая всеобщую историю, над многими из них я просто посмеивался. Белыми нитками интриги шили. Вот если б тут оказался Владимир Мономах или Суворов...

К сожалению, здесь нет даже Ивана Грозного. Может быть, Вас устроит аудиенция у Петра Великого?

Да нет. Не стоит. У них очень много общего с Горбачевым, так что пусть между собой поболтают. Я империй бездарно не создавал и бездарно не разваливал. Всякую иностранщину в Россию как спасение не зазывал.

Вы уже забыли, как хотели выброситься в окно, и если бы не «Америкэн перпетум мобиле»... — напомнил Билл.

Я смутился.

— Извините, Билл.

Открылась одна из дверей в торце зала, и степенно вошел седовласый церемониймейстер-герольд. Три раза длинным шестом ударил в мраморный пол.

— Прошу всех в демонстрационный зал, — объявил он, и неспешная толпа живых и мертвых привидений двинулась к выходу. В слове демонстрационный отчетливо прозвучало слово демон.

— А где Андрей? — спохватился я.

— Он занят тем же, чем и всегда, — невозмутимо ответил Билл.

— ???

— Безуспешно ищет, как навредить «Америкэн перпетум мобиле». Нам особенно ценно приобретать биоэнергетическую субстанцию таких провинциальных героев. У нее хороший потенциал. Но не переживайте, он скоро явится.

Я молча проглотил его усмешку над своим другом. Между тем, мы вошли в новый зал, отделанный по принципу амфитеатра. Этакий домашний коллизей с небольшим овальным полем для гладиаторских ристалищ. На память пришли десятки американских фильмов о кулачных бойцах, забивающих друг друга насмерть на потеху визжащей от удовольствия публике. Я хотел было двинуться к тесным «семейным» трибунам, но Билл остановил меня.

– Нет, сегодня ваше место там, – он указал на арену. И тут же ответил на вопрос, который я еще не успел задать. – Это именно то, о чем я говорил Вам. Небольшой, чисто символический акт, после которого Вы станете полноправным членом корпорации. Не волнуйтесь, я думаю, Вам не придется с кем-либо сражаться. Зрители тоже не должны Вас смущать. Они не более, чем зрители. Каждый из них испытал нечто подобное, и не раз.

– Но мне кажется они делают ставки!

– Вас это действительно волнует? Не Вы ли минуту назад называли их привидениями?

– А если я не стану выходить на поле? – за сегодняшний день я впервые сказал не то, что от меня хотели. – Если меня устраивает мое нынешнее положение?

– Оно не устраивает нас. – Тон его начал принимать все более прохладный оттенок. – Устраивает или не устраивает Вас, Вы сейчас сами и проверите. – Он сказал это так, что я понял: центра арены мне сегодня не избежать. Подтверждением этому, кроме всего прочего, служили пустовзглядые охранники у входа. Мысленно я плюнул на всю эту дребедень, на весь этот не совсем, а то и вообще непонятный цирк, а заодно и на тот день, когда наивно обрадовался легким деньгам Сэма Дэвилза. Неторопливо вышагивая на арену, я вдруг оглянулся и увидел, как судорожно дернулась бровь Билла, как будто в него действительно кто-то плюнул.

Почему-то я был абсолютно спокоен. Уверенность в том, что меня притащили через океан не на убой (это можно было без труда сделать в Сибири), оставляла опасения только перед самыми несуразными неожиданностями, кои сегодня продемонстрировал Билл в предыдущем помещении этого идиотского дворца.

Я окинул взглядом трибуны – вот они привычные, «дорогие сердцу каждого землянина» лица сильных мира сего.

Билл тоже вышел на арену. Видимо, представление нуждалось в услугах конферансье.

– Господа! – начал Билл. – Перед нами именно тот тип русского человека, который с теми или иными вариациями представляет собой основную часть населения бывшего Советского Союза, где наша компания развернула самую обширную деятельность. И перед Вами именно сотрудник «Америкэн перпетум мобиле», принесший компании, – вероятно для пущей значительности Билл взглянул на маленький

листок, который держал в ладони, – восемьдесят пять тысяч триста сорок две биоэнергетические субстанции. И это за неполных четыре месяца работы!

Аплодисменты зала не заставили себя ждать.

– Не мне Вам объяснять значение этой цифры, хотя в большей степени она обусловлена новой политикой компании на территории бывшего СССР. И все же Сергей Иванович по доброте душевной совершил свыше 49 отказов потенциальным продавцам биосубстанции, причем большинство – по собственной инициативе, что, как вы знаете, по условиям работы в компании определяет растрату собственной биоэнергетической субстанции. Вы знаете, что прежде чем принять Сергея Ивановича на работу, нами были проведены подробные вычисления кандидатуры на всей территории Западно-Сибирской низменности. Нами были учтены и запрограммированы все обстоятельства вокруг индивидуума. Тем не менее, срыв свыше 49 произошел. Это, как водится, можно списать на необъяснимые движения русской души, на русский характер... – вероятно, это была шутка, потому что на трибунах пролетел приглушенный хохоток. Криво усмехнулся Наполеон, широко улыбнулся Никита Хрущев... Билл тоже улыбался обезоруживающей улыбкой Билла Клинтона. – Мы с вами знаем, что для поступательного развития научно-технического прогресса человечества (интересно, что он вкладывал в это понятие?) крайне необходимо увеличивать количество и качество приобретаемых биосубстанций, которые в конечном итоге определяют и наше и ваше существование... – на слове «ваше» Билл сделал особое многозначительное ударение. – Поэтому, когда в филиале Сергея Ивановича появилась некая персона нон-грата – поэт Андрей Белов, мы решили предоставить нашему сотруднику еще один шанс, который на сегодняшний день остается неиспользованным. На Ваших глазах я вручаю ему специальный индикатор биосубстанции и предоставляю слово поэту. – Билл откинул руку широким жестом в сторону входа, где открылись двери и на пороге появился Андрей с совершенно дурацкой школьной сумкой через плечо. За спиной его маячили охранники, он же, как ни в чем не бывало, улыбался.

– Ага! Спектакль начался! Посмотрим, кто здесь правит бал?!

Его слегка подтолкнули в спину, и он вышел на арену. Подмигнул мне: мол, не дрейфь, еще покувыркаемся. Мне же, чем дальше, тем больше становилось не по себе.

– Вы знаете, что мы служим общечеловеческому прогрессу и Вечному Двигателю! – теперь Билл обращался не только к залу, но и к нам с Андреем, и я был уверен, что "перпетум мобиле" он действительно сказал с большой буквы. – Поэтому сегодняшний эксперимент являет собой не только определение психологического типа наших работников в российских филиалах, но во многом будет зависеть от воздействия энергии Вечного Двигателя. Одно из таких воздействий, – это относилось только к нам с Андреем, – Вы сегодня уже испытали. Сейчас, когда вы останетесь на этом поле вдвоем, вам будет предоставлено три минуты, чтобы решить, кому из вас остаться в живых.

Не буду врать и корчить из себя супергероя – ноги у меня стали ватными, а в груди екнуло сердце.

– Там, где совершался договор между персоной нон-грата и мистером Дэвилзом остановлено личное время индивидуумов, – продолжал Билл. В этот момент я, стоя на арене Темного Дворца в захолустном американском Хеллоуине, вдруг увидел себя сидящим на стуле в своем кабинете на улице Дзержинского, 22 (см. часть II, № 5). Рядом – Андрей. Напротив – Сэм Дэвилз.

– Ну и рожа у тебя, Сергеич, – негромко прокомментировал Андрей, который, получается, тоже лицезрел эту картину. Действительно, у меня на лице было написано, что через минуту я упаду со стула и потеряю сознание.

– Смерть наступит не здесь, а там. – Билл словно читал мои мысли. Сердечный приступ на фоне сильного похмельного синдрома, аневризма, все, что угодно.

– А у тебя тоже лицо нездоровое, – заметил я Андрею.

– Вашему другу выбора не предоставляется, – как бы кстати объявил Билл, – у Вас в руках индикатор, нажав на кнопку которого Вы переместите биосубстанцию господина Белова в электрод вечного двигателя. При этом Ваша совесть останется чиста: господин Белов сам изъявил желание обменять свою биоэнергетическую субстанцию на возможность помочь Вам, поработать Вашим заместителем. Так что, если сейчас Вы и проявите неуместное благородство и пожертвуете собой, сделка останется в силе. Не будет директора филиала, не будет, естественно, и зама. Если же Вы предпочтете ос-

таться сотрудником "Америкэн перпетум мобиле", у Вас есть шанс получить повышение по службе, никогда не мучиться угрызениями совести и, кроме того, обеспечить своему другу пребывание в лучших больницах мира, потому что с сегодняшнего дня он начнет медленно умирать. Вам же я предлагаю – ни много ни мало – вечную жизнь на Земле. И в свое время Вы сможете занять почетное место на этих трибунах. Кто-то, не будем называть вслух, предлагает вечную жизнь после смерти, мы же предлагаем ее здесь! Так что, когда на поверхности появится электрод вечного двигателя, у Вас будет ровно три минуты, отделяющие Вас от вечности в обоих смыслах. – Это были последние слова Билла, прежде чем он покинул арену.

Сначала я хотел громко и смачно выматериться. Любой, уважающий себя мужчина, поймет, как хотелось мне сказать несколько слов улыбчивому "добряку" Биллу, а заодно врезать ему по роже. Когда он вышел с поля, по периметру арены выросли гладкие стены из толстого (наверное, такое называют пуленепробиваемым) стекла, отделившие нас с Андреем от замерзшего в ожидании зала. Вот, стало быть, на кого работает перпетум мобиле. Если он хоть чем-то похож на двигатель внутреннего сгорания, то в нем сгорают человеческие души, чтобы жили и вновь рождались эти "приведения". Они здесь не то что кровно, они здесь насмерть повязаны. Андрей, видимо, думал о том же.

– Интересно, на что идет энергия вечного двигателя? – озадачился Андрей. – На изобретение оружия? Организацию мировых побоищ? Выведение новых вирусов? Все это похоже на научную фантастику эпохи развитого социализма.

Я как-то не был настроен ерничать и болтать о глобальных проблемах. Ныло сердце, как будто предвкушало свою остановку.

– Ты знаешь, Андрей... – начал, было, я.

– Я знаю, что ты не собираешься воспользоваться индикатором. Но, похоже, кроме того, ты собираешься умереть.

В это время в центре арены открылся круглый люк, из которого дохнуло горячим воздухом и появилось какое-то подобие перископа. Это был обещанный электрод вечного двигателя.

– Вечную жизнь я тебе гарантировать не могу. Это в компетенции Страшного Суда, но кое-что у меня для нас припасено... Так что пока не умирай, Серега!

Он подошел к электроду, расстегнул висевшую на плече сумку и извлек оттуда наушники от плэйера, а следом на проводе – металлическую коробку с торчащей из нее антенной. Наушники в руках Андрея моментально превратились в знакомые присоски. Их скрывали поролоновые прокладки.

– Электрод к электроду? Как ты думаешь?

Дошло до меня мгновенно, но я долго не мог вспомнить замысловатое название этого прибора:

– ПЭВЭДэ?

– ПЭВЭДэ, ПЭВЭДэ!..

Тумблер ПЭВД щелкнул быстрее, чем затворы автоматических винтовок в руках охранников. Да и бронестекло вокруг арены не торопилось погрузиться обратно в пол. Похоже, на испытания какого-либо прибора в полевых условиях здесь никто не рассчитывал. Я не эксперт министерства обороны, но заметил, что Хрущев успел позавидовать: его бомбе под названием "кузькина мать" (с маленькой буквы в связи с серийным производством) далеко было до этого ПЭВД по неожиданности и бесшумности действия. Да, пожалуй, и по многим другим характеристикам. Не зря в народе десятилетиями ходят слухи о русском чудо-оружии.

8

– Во всякой сказке есть живая и мертвая вода, – сказал Андрей, когда мы бежали по ошестинившейся низкорослой траве прерии.

За спиной что-то непонятное творилось с Темным Дворцом и его обитателями.

После того, как Андрей включил ПЭВД и направил антенну-пушку на электрод, из колодца раздался жуткий вопль, как будто прижгли лапу страшному чудовищу. Стекло вокруг арены осело, а зрители на трибунах просто стали таять, как таяло бы мороженое в микроволновой печи. Это не касалось только современных "привидений", Билла и растерявшихся охранников. Андрей опасно толкнул антенну ногой, и невидимый луч уперся в стену, которая мгновенно исчезла. Исчез сад за ней и чугунная изгородь. Андрей щелкнул тумблером.

– Вот вам и боевик, господа! – крикнул он и толкнул меня в образовавшуюся пустоту.

– Слушай, а зачем мы бежим? – спросил я.

– Я знаю, что здесь принято скакать на лошади, надвинув на глаза ковбойскую шляпу, но на русских поэтов и бывших учителей это не распространяется. А бежим мы на всякий случай, потому что пошалили маленько, но, думаю, что скоро гостеприимные хозяева придут в себя и, вполне возможно, устроят погоню. А мне надо хорошенько расколотить ПЭВД...

– Но это же великолепное оружие!

– В том-то и дело! Ты думаешь, следует передать его какому-нибудь министру обороны?

Я остановился, переводя дыхание:

– Да уж. По меньшей мере, любой министр обороны клиент "Америкэн перпетум мобиле", а в худшем случае – высокопоставленный сотрудник.

– Я думаю, Жуков составляет исключение.

– Согласен, да ему и не дали побыть министром. Мы стали прыгать на металлическую коробку ПЭВД. Андрей оторвал электроды с присосками и выломал антенну.

– И как тебе удалось протащить его в Темный Дворец?

– Немного смекалки: я что – зря таскал столько времени электроды на голове? Естественно, что прибор в это время помогал мне всех дурить.

– Да уж! Я думал ты слушаешь Тину Тернер.

В центре сумеречных прерий два русских мужика прыгали на железный ящик.

ЧАСТЬ V

1

– Вы чё, мужики, ё...сь?! – это на родном языке спросил нас удивленный дворник.

Было, наверное, около семи утра. Светало. Самое время для дворников. И любому дворнику могло показаться, что с нами не все в порядке: два взрослых мужика ранним утром, что есть мочи, прыгали на здоровенную банку из-под "атлантической сельди". Это происходило напротив дома 22, по улице Дзержинского.

– Слышь, а какое сегодня число? – спросил Андрей у дворника.

– 23 апреля сегодня с утра. У вас че – запой был? – со-страдательно осведомился дворник.

– Хуже, – ответил я и почувствовал, что голова раскалывается. Апрельское утро добавило к этому озноба.

– Посмотри! – позвал Андрей. Он подошел к воротам, изучая вывеску. Выцветшая потрескавшаяся табличка извещала, что здесь находится отдел социального обеспечения Центрального района. – И давно здесь райсобес? – кивнул Андрей дворнику.

– Сколько себя помню, – отрезал он и по его виду стало ясно, что он совершенно убежден в нашей ненормальности.

– Ты думаешь, что все кончилось? – спросил я.

– Боюсь, нет, – Андрей снова посмотрел на новую старую вывеску. – Тут можно даже некоторую преемственность установить: одну богадельню сменила другая.

Я заглянул за калитку: все тот же изъеденный временем фасад, немые неприветливые окна и тонкие серые колонны. Точь-в-точь такие, как в Темном Дворце.

За моей спиной хриплым фальцетом пропели тормоза. Грациозный "линкольн" аккуратно прижался к тротуару. Из машины вылез Варфоломей.

– Я отвезу Вас домой, сэр.

– Но мне кажется – я больше не работаю на "Америкэн перпетум мобиле".

– Я просто отвезу Вас домой.

2

Наверное, на этом можно было бы закончить. Наши победили: хэппи энд. Вроде ясно или вообще ничего не ясно. Но Андрей оказался прав, такие истории не кончаются.

Я вовсе не собирался искать следы "Америкэн перпетум мобиле", они сами находили меня.

Стоило мне отоспаться после кросса по американским степям и выйти на улицу, как ко мне подошел дед Василий, ветеран из соседнего подъезда.

– Слышь, Сережа, дело у меня к тебе на 28 тысяч. – Дед был прямой, поэтому говорил все сразу. – Ты ж знаешь, я под Киевом легко ранен был. Как раз тогда Ватутина убили. Теперь с этого ранения мне еще какие-то льготы получаются, инвалидность определяется. Оно, ведь, ранение-то по молодости лет, может, и легким было, а теперь я еле ногу волочу. В нынешнее время лишняя льгота никому не помешает. Да я бы плюнул на нее, кабы раньше знал, но всякую документацию уже собрал. Там надо было показания свидетелей, потому как легкие ранения не регистрировали. Уж на следующий день могли снова на передовую послать. А у нас зенитчиков какая

передовая? Перевязали и можешь снова голову задирать. Если б по танкам молотить не пришлось, то и не ранили бы.

– Так что надо, дед Василий?

– Ну вот я и говорю: показания свидетелей собрал, еще кто живые остались нашел, ну а теперь, говорят, у нотариуса заверять надо. И здесь уж ветеранам никаких скидок: плати юристу 28 тысяч за печать и подпись. А откуда у меня такие деньги? Пенсия-то, сам знаешь... Дак если ты спец по американским компаниям, говорят, ка-ки-то субстанции скупал, так, может, и моя союзникам сгодится.

– Все! Все, дед Василий! Закрыли мы эту лавочку! – так хотелось закричать, но зачем об этом знать старику? Быстрее забудет. В кармане я нашел несколько десятитысячных и три из них протянул старику: – Это тебе, дед Василий, гуманитарная помощь. Я вот только встретить тебя никак не мог, передать. Да тут еще в командировку съездить пришлось.

– Куда? – старик в знак благодарности проявил интерес.

– В Америку.

– Ну и как?

– Америка – она и в Африке Америка. – И пошел поскорее, опустив лицо.

Лену я дома не застал и долго сидел на подоконнике в подъезде. Она вернулась под вечер и ни о чем не спрашивала. Больше рассказывала о себе. О своей работе в другой школе. Кормила меня пирожками с картошкой и поила чаем. Честное слово, мне тогда захотелось сидеть на этой маленькой кухонке до конца жизни и слушать ее. Только какая-то незавершенность в душе мешала этому временному успокоению.

Несколько дней я прожил у Лены и даже не заходил домой. Дней пять я хотел предложить ей выйти за меня замуж, но непривычная тревога, на душе останавливала меня. Такого чувства столь длительное время я не испытывал никогда. Порой я готов был биться сам с собой об заклад, что за мной кто-то неотступно следит, дышит в спину, и с этим дыханием в мое сознание проникает тревога, мнительное и болезненное беспокойство. С каждым днем ощущения эти обострялись, превращая меня в сжатую пружину.

В один из вечеров мы вышли на балкон.

В чернильницу апрельских сумерек капнули луны. Никогда еще полнолуние не производило на меня столь удручающее впечатление. Холодный свет проникал даже под сомкнутые веки и мертвил душу.

В эту ночь заболел Андрей.

3

Жена Андрея позвонила утром.

– Никогда не болел, а тут вдруг сразу – сердце. Его в кардиоцентр увезли, – с порога сказала она мне. В голосе ее одновременно звучали и обида на судьбу и какое-то высшее смирение.

Так начали сбываться обещания Билла.

– Андрей просил передать вот это. – В руках у меня оказались местные и центральные газеты за последнюю неделю. – Он последние дни ждал твоего звонка, ждал, что ты зайдешь, сам звонил тебе. А ленин телефон ему только вчера Иван сказал...

Газеты, собранные Андреем, я просматривал в троллейбусе по дороге в больницу. В первой же из них бросилась в глаза фотография Бжезинского. Где-то за его спиной угадывалось нерезкое, размытое лицо Гражины (контора пишет!). Заголовок крупнокалиберно обещал: "Работа для российских девушек за рубежом – обыденная реальность". Принцип приема заявок показался мне знакомым: данные заносились в компьютер, якобы для создания банка данных и систематизации. За этим, очень знакомым мне компьютером, и сидела Гражина. От "абитуриенток" требовалось немного: большое желание и отсутствие мужа. Тут же – интервью с "удачливыми" горожанками: фотомодель "Пентхауза", официантка ночного стрип-бара, продавщица киоска на российском теплоходе, зафрахтованном иностранной турфирмой и даже представительница русского секса по телефону в Бельгии. "Молодые бельгийцы шумно занимаются онанизмом, когда слышат мой голос..." – хвасталась она. Над всем этим чувствовалась рука проницательного шоу-мэна.

В другой газете сообщалось об открытии в областном центре филиала немецкой фирмы "Моторы Крупна", разумеется, прилагалось интервью с директором Адольфом фон Тойфелем. Фотографии, к сожалению, не было. Зато под именем Тойфеля рукой Андрея было подписано: Сэм Дэвилз со-товарищи.

В третьей газете сообщалось о приезде в город нового проповедника-целителя. На этот раз из Финляндии.

Так или иначе, в любой из собранных Андреем газет я наталкивался на следы или прямое явление "Америкэн перпетум

мобиле". И, наконец, "Московские новости", которые оказались последней газетой в пачке, с прискорбием сообщили о закрытии нескольких филиалов крупнейшей американской компании "Америкэн перпетум мобиле", "проводившей на территории России широкую исследовательскую и благотворительную деятельность". Я не склонен был связывать это с нашим пребыванием в Темном Дворце, может, разве что с действием ПЭВД. Газетчики объясняли все просто: наше правительство не создало режим максимального благоприятствования. Я же для себя решил, что компания Дэвилза достаточно засветилась и теперь должна была появиться в тысяче городов под тысячей новых названий.

К Андрею меня просто-напросто не пустили. Пришлось употребить всяческие хитрости и заговаривать зубы дежурившим на этаже медсестрам. Он лежал в серой четырехместной палате, напичканной обшарпанными приборами времен расцвета СЭВ. К руке его тянулась капельница. Серость в палату добавляло окно, за которым висели облака, похожие на грязную, небрежно надерганную вату.

– Ну наконец-то, – сказал Андрей, увидев меня на пороге палаты, – я уж думал, ты устроился в какую-нибудь вновь открытую корпорейшен и трудишься без выходных.

– Лучше скажи, как ты?

– Да прижало чуть-чуть. Неприятно, конечно, но и в этом есть свои преимущества: раньше я только знал, где находится сердце, а теперь, вот, даже чувствую. В вечные двигатели, правда, мой мотор не годится, хотя он и пламенный.

– Разве инфаркт в тридцать лет бывает?

– Теперь – это норма. Но у меня до инфаркта не дошло. Так что можно считать, что я просто ушел в отпуск, завалился полежать, подумать, а главное – есть время работать над стихами. А то разъездился тут по америкам. Жене я сказал, что ездил в Москву, мол, там сборничек намечается, так что ты не сболтни, все равно не поверит. Да и что я расскажу? Как я в Нью-Йорке негра на хрен послал? Так это теперь и в Урюпинске сделать можно.

– Мне кажется, я тоже вроде как заболел, – признался я. – Какой-то страх ходит следом и тянет из меня душу. Понемногу-помаленьку... Ночью всякая дрянь – чернуха снится. Современный кинематограф, да и только. Один раз у меня нечто подобное уже было: пригласили мне за счет "Америкэн перпетум мобиле" толпу экстрасенсов – вроде полегче стало.

– Вот это ты, брат, зря. От них пользы – одна видимость, а вот сколько вреда – этого-то ты сразу и не увидишь, не почувствуешь. Ты лучше съезди к бабе Лине в Кмышев.

– ?..

– Съезди-съезди. Она тебе и скажет, где у тебя болит, и как они тебя залечили. Не вздумай только по психотерапевтам и невропатологам ходить – валерьянкой не отделаешься. Посадят на "колеса" – поедешь в дурдом. – Он тут же стал писать адрес. – К бабе Лине на электричке чуть больше часа, а там – через поле – дом на окраине. Это не Нью-Йорк, ближе.

Пока он писал и рисовал план, я взял небольшой сборник стихов, лежавший на тумбочке.

– Это не мои, – как бы извиняясь, предупредил Андрей.

На титульном листе – имя поэта: Михаил Федосенков.

Я, как и многие сейчас, не то что не читал, вообще забыл о существовании стихов. Даже стихи Андрея я читал редко, будучи уверен, что большие таланты в провинции не уживаются.

В детстве я представлял себе, что стихи – это птицы, которые летят, когда их читаешь. Строка – взмах крыльев. И сам, читая, летел от строки к строке. Позднее я думал, что стихи – это музыка из слов. Этому было много подтверждений: существование размера и ритма, звучание одного голоса и целая полифония... Теперь я знаю, что настоящие стихи – это чистая капля души поэта. Падая на водную гладь с высоты птичьего полета, она заставляет содрогнуться человеческую душу, опускается на самую глубину и остается там навсегда. Выходит, все поэты постоянно отдают по каплям свою душу. Но я уверен, если направить на талантливого поэта индикатор Сэма Дэвилза, вряд ли загорится красная лампа. В худшем случае – не загорится ни одна. Значит – поэт либо продал свою душу, либо купил свой талант. Я спросил об этом Андрея.

– Знаешь, старина, мне кажется тут все просто: тот, кто отдает свое сердце людям, как бы это помпезно не звучало, делает свою душу богаче, и это происходит свыше. И все же вспомни: в каком возрасте убили Пушкина, Лермонтова, Есенина, Рубцова, Талькова, Лысцова... Получается, что иссушить душу поэта невозможно, убить ее тоже нельзя, можно убить поэта. И это касается не только поэтов. А убивают, как ты знаешь, тоже по-разному. Могут пулей, как Пушкина, могут задушить, как Рубцова, могут сострелять самоубийство, как для Есенина. При этом убийцы всегда остаются безнака-

занными. Особенно, когда речь идет об убийстве поэта. Можно даже закономерность вывести...

– А помнишь, как в августе 91-го года боевые генералы, прошедшие войну, вешались в своих кабинетах, выбрасывались из окон. Это же чушь! Никогда не поверю! Тут тоже закономерность?

– Здесь проще: страх судей перед открытым судом.

– Интересно, что легче: родиться поэтом или дослужиться до генерала?

– Легче убить и поэта и генерала.

– А я ни то ни другое. Знаешь, я недавно понял, что я и есть современный Чичиков. Американский Чичиков.

– Не бери в голову. Ты больше похож на русского Фауста, но слово "русский" предполагает совершенно иной сюжет...

Я вдруг вспомнил, как Лена направила на меня индикатор Сэма Дэвилза и в ее руках он горел зеленым светом. Совсем иной сюжет?

4

СОН

Видно, худо моим братьям:
Полотенца их кровью набрякли,
Там и сям по махровым краям
Отвисают багровые капли.

Я же меч свой никак не найду –
Заплутала нечистая сила,
Наслала маету-колготу,
Морок в очи мои напустила

Я мечусь – а меча нет как нет!
И вокруг – словно вата густая,
Вязнут пальцы во всякий предмет,
Вяжет сон к братьям не пуская...

Стихи Михаила Федосеевича я читал в электричке. Андрей дал в дорогу. Раньше я думал, что поэты живут только в столицах, называются Евтушенками и Вознесенскими и получают премии ленинского комсомола. А теперь не мог вспомнить ни единой строчки столичных знаменитостей. По моей теории – их стихи не были частью души. Набор умствований в рифму и только. Глядя в вагонное окно, я вдруг понял, что эту "провинциальную", но вечную красоту многим столичным мэтрам выразить не дано. Они больше любят весь мир в целом

и себя в нем, нежели его малую неповторимость и себя как ничтожную былинку в ней.

Если эта природа удобопревратна
И с греха первородного повреждена,
То понятно, откуда кровавые пятна
Посреди златотканого полотна.

То понятно, с чего над моей головою
Стонут в роще деревья на все голоса,
А поверх – от вселенского плача и воя
Захлебнулись как будто в себе небеса...

Я готов оплатить эти горькие грозди,
Эти стоны берез, в мятеже облака, –
Пусть ладони прошьют мне за прашуров гвозди,
Но сперва красоты пусть коснется рука!

"Сентябрьское" в апрельском поезде... Потом я читал стихи Андрея...

Поезд приближался к станции Кмышев. Серая, будто посевшая за зиму, земля на обнаженных полях отражалась в пасмурном небе. Грязное стекло вагона скрадывало первую зелень. Было еще безнадежно далеко до лета, но все же я вспомнил: луг – зеленое озеро – с петляющей посередине тропой. Я вспомнил окна, из которых ветер махал белыми кружевными занавесками. А когда спросил у бабы Лины, был ли я здесь, она хитровато улыбнулась и ответила:

– Раз помнишь – значит был, а будет надо – еще придешь.

Потом она долго молилась перед образами, долго собирала из разных пучков травы и коренья, бросала их в кипящую воду, что-то приговаривая. Заставила меня принести чистой воды из колодца и налила ее в трехлитровую банку. Еще раз перекрестилась на образа:

– Господи, благослови. – И повернувшись ко мне, сказала.

– Плохо, что ты некрещеный. Евангелия-то хоть читал?

– Андрей дал, читал.

Потом успокоила сама себя:

– Ну, а коли некрещеный, то и спросу с тебя меньше. У знахарей-то лечится грех. Вон тебя как бесы облепили Да замучили. Зачем к экстрасенсам ходил? И что за моду нынче взяли, чуть что – к самому дьяволу за микстурой пойдут, прости, Господи.

– А ты – баба Лина?.. – не успел спросить.

– Я – божий одуванчик, девяносто лет мне. Не я лечу, Бог исцеляет, да и то не всех. А говоришь, Евангелие читал. Хри-

стос и апостолы денег за врачевание не брали, исцеляли Духом Святым, а не какими-то бесовскими энергиями. Ну да ладно, сядь вон там, сиди тихо и не перебивай, а то все на-марку будет. – И зашептала скороговоркой над водой...

– Шла Божья Матушка через мост. Ей навстречу Николай Угодник, Илья пророк, Иоанн Богослов. Куда идешь, Божья Матушка? Иду умыть нервы, продувать глаза и горечь выгонять из раба Божьего Сергия, из его головы, из рук, из ног, из живота, из сердца, из печени, из зелени, из селезёнки, из яичников, из мочевого пузыря, из шеи, из позвоночника, из синих жил, из красной крови. Спаситель с крестом. Спаситель над нечистой силой победитель. Уходите, сатаны, с раба Божьего Сергия. Уходите нечистые духи на все четыре стороны. Аминь. Аминь. Аминь... Не я лечу, не я заговариваю, а Божья Матушка. Она лечит, умывает, заговаривает, Господа Бога на помощь призывает с Ангелами, с Архангелами, с Небесными Силами, с Господней зарей, с вечерней звездой. Михаил Архангел шел с небес, нес на голове животворящий крест... – то шептала, то говорила громко нараспев, иногда крестила воду. Порой, казалось, что она уже дремлет и только продолжают шевелиться губы, повторяя давно заученное. – Поставил этот крест на каменном полу и оградил железными штыками, запер тридцатью тремя замками и все под один ключ. И отдал ключ Пресвятой Божьей Матери во правую руку. Никто эти замки не откроет, никто раба Божьего Сергия не испортит ни в жилье, ни на пиру, ни в пути...

Потом вдруг неожиданно и резко встала, словно не старушка, а молодлица. Снова перекрестилась.

– Теперь умойся этой водой да стакан выпей. Затем ложись спать. Вечером поедешь домой. Дам тебе еще отвары трав для тебя, и Андрюше в больницу снесешь. Трава – она и здоровью не повредит.

Вечером я проснулся, как будто родился заново.

На сердце и на душе было легко и радостно. Ни болей, ни тревог, ни страха, и какое-то необъяснимое чувство бесконечного и прекрасного впереди. Я возвращался на станцию с блуждающей улыбкой на лице (только сейчас понял, как это выглядит). Наверное так, радуясь всему на свете, ходят по миру безобидные деревенские дурачки.

Сэм Дэвилз нашел меня у Елены. Он звонил из Москвы. Выражал искреннее огорчение моим "самоуволением", пытался делать какие-то предложения, интересовался состоянием здоровья и даже спросил про Андрея.

– К сожалению, вам придется нести материальную ответственность за нанесенный компании ущерб посредством ПЭВД. У Вас будут изъяты квартира, автомобили, Ваши счета в банках будут закрыты...

– Да и хрен с ними! – рядом стояла Лена, и мне не хотелось с ним долго разговаривать.

– Кроме того, хочу Вас предупредить, – как ни в чем ни бывало продолжал мистер Дэвилз, – что теперь компания не несет ответственности за Ваше душевное равновесие и состояние вашего здоровья.

– Можете быть спокойны. Я чувствую себя прекрасно, на душе у меня спокойно и радостно, и из окна я выбрасываться не собираюсь. А сейчас, извините, я тороплюсь, – и положил трубку.

В комнате еще некоторое время висела тревога. Дэвилз явно звонил напомнить, что счета со мной не закончены. Высказывать прямые угрозы после того, что я узнал об "Американ перпетум мобиле", не имело никакого смысла.

– Может быть мне пойти с тобой? – предложила Лена.

– Нет, мне хочется одному.

С тех пор, как демонстрации перестали быть обязательными, а митинги изрядно поднадоели, я впервые видел столько людей, собравшихся вместе. Как скала возвышался в свете прожекторов Знаменский собор из волнующегося людского моря.

Серая цепь милицейских фуражек не выдержала волнения этого моря и рассыпалась на отдельные буйки и Рифы. Но это был не натиск митингующих, нечего было опасаться – народ качнулся навстречу открывшимся Дверям храма. Вслед облакам устремился Благовест, и к народу вышел празднично одетый Владыко. В живом коридоре, где стеною стояли казаки, он возглавил крестный ход кругом храма. В запели: "Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси, и нас на земли сподоби чистым сердцем Теби славить".

– Привет американским шпионам. – Тяжелая рука легла мне на плечо. Такую неуместность мог сказать только один человек, на которого я не стал бы обижаться.

– Я не думал, что преподавателей высшей школы милиции гоняют в оцепление.

– И даже, случается, в патруль по улицам, – подтвердил Иван. – Но, честно говоря, здесь я по собственной инициативе. Епископ не каждый год служит. Ты, кстати, ближе его видел?

– Нет.

– Потом поближе пробьемся. Так и быть, власть тебе подействует. Кстати, он будет тут целую неделю служить.

– Светлую Седьмицу.

– Во-во. Между прочим, сегодня совпадение трех праздников.

– Солидарность трудящихся, а третий-то какой?

– Да ведь на первое мая Вальпургиева ночь бывает, товарищ историк. У сатаны сегодня свой праздник. Ты посмотри, какой на небе Армагеддон, вряд ли к утру расчистится. Где, интересно, в такую ночь вся нечисть собралась?

– Если ты о погоде, то циклон где-то над Екатеринбургом.

Упоминание сатаны и нечистой силы в таком месте и в такое время отвлекло от общего праздника. С порывом холодного ночного ветра принесло обыденную мирскую тревогу, какие-то суетные мысли вторили ей. Но тут же отбросило их в небо рванувшееся под купола:

– Воистину воскресе!!!

– Христос воскресе! – поздравлял и радовался священник.

– Воистину воскресе! – отвечало людское море. И волна поклона проносилась по нему в сторону пастыря. И пели: "Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав".

Иван выполнил обещание: мы смогли пробраться поближе к епископу, и я разглядел его. Просветленное радостью великого праздника лицо Владыки, казалось, имело совершенно детское выражение. Особенно глаза, из которых лучились доброта. Небольшая реденькая бородка нисколько не убавляла детскости этому лицу. Было заметно, как он хочет увидеть всех, ответить всем, кто направлял к нему жаждущие взоры. Наверное впервые я увидел духовность на лице человека и увидел всеобщее желание соприкоснуться с ней, и сам его испытал.

И вместе со всеми я перекрестился, и до сих пор не знаю – можно ли это было делать мне – некрещеному. И если тогда было немного стыдно и неловко, то теперь стыдно за то, что сделал это украдкой. Словно в ответ на это движение свет двух прожекторов пересекся над звонницей, и в темном плывущем небе несколько минут виднелся крест.

6

Сэм Дэвилз оказался банален, как киношный советский мафиози.

Их было трое, и я ни на секунду не сомневался, что это, так или иначе, посланцы мистера Дэвилза. Скромные труженики "Америкэн перпетум мобиле" – рыцари плаща и кинжала. Ан нет! Рыцари кожаных курток, узнаваемые по толстой рельефной шее, переходящей в бритую и пустую голову. Каждый из них весил по центнеру. Вот они – сыновья Ильи Муромца – чудо-богатыри, у которых никогда не хватит ума и памяти на осознание этого родства.

Был второй час вальпургиевой ночи, а я был всего в трех кварталах от Знаменского собора. Его колокола звонили совсем рядом.

Я даже себе не смог объяснить того, что не испытывал и маленькой толики страха. Лишь было какое-то всепоглощающее сожаление, и в нем таяли все чувства, обрывки судорожных торопящихся мыслей и соображений. Пожалуй, я мог неплохо убежать или, как бы то ни было, сопротивляться, во всяком случае – закричать, но даже не попытался сделать ни того, ни другого, ни третьего.

Теперь мне кажется, я хотел им что-то сказать, и именно эта мысль угадала на полуслове вместе с первым ударом. В руках одного из них оказался кусок арматуры, как будто им не хватило бы трех пар рук и ног. Они не посчитали нужным объяснять мне причину нападения и только матюгались раз от разу, нанося уже ненужные удары.

Когда раздался выстрел и один из них упал, я видел все это сверху. Я видел, как Иван всадил в живот пулю второму и только потом выстрелил в воздух (так, вроде бы, полагается – сначала в воздух: "стой, стрелять буду", а затем – на поражение). Если какой-нибудь докучливый следователь будет потом разбирать дело о правомерности применения табельного оружия, данным свидетельством пусть себе голову не забивает. К этому времени я был уже мертв, и в свидетели по земным

меркам не гожусь. Да и как обвинять человека за праведный гнев? Я даже почувствовал, как у Ивана перевернулось внутри, когда он увидел, что это был я. Пользуясь случаем, хочу, Иван, тебя попросить: когда возьмут через год третьего, не избивай его в камере до полусмерти, как ты об этом подумал в ту ночь. Да ты и сам остынешь...

Сходите с Андреем в "хрущевку", где я жил до встречи с "дядюшкой Сэмом". Там под ванной прикреплена на липкую ленту толстая пачка долларов в полиэтиленовом пакете. Зарплата Андрея и мой первый гонорар – этого хватит на издание новой книги Андрея.

7

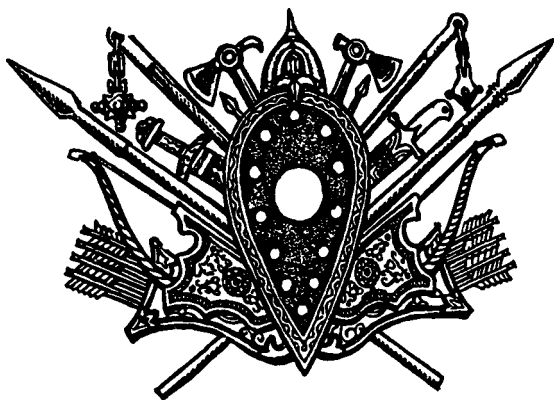
И еще два дня я летал, куда душа пожелает. Я в долю секунды покрывал самые невероятные расстояния. Был у Лены, но от этого стало особенно тяжело и печально. Видел, как пил горькую Иван, что-то рассказывая жене о старой дружбе. Не навестил только Андрея. Боялся, что он почувствует мое присутствие, а кто может поручиться за больное сердце? Иван тоже поступил правильно – не поехал к нему ни на второй, ни на третий день. И все же мне было легче, чем тем, кто остался...

На исходе третьего дня неумолимая сила потянула меня прочь из города. Это было одновременно похоже на сильный ветер и на длинный коридор. Хотя, объединить два этих понятия по обычным человеческим меркам было бы весьма абсурдно. Меня потянуло с такой силой и скоростью, что город в долю секунды превратился в угловатое пятно на живой топографической карте. И через несколько мгновений я падал на залитый солнцем зеленый луг и, только падая, увидел, что отделяюсь от большой стаи белых и черных птиц. Стая, точно провалилась в воздушную яму, нырнула за мной, но потом вновь устремилась ввысь и растаяла в безоблачной глубине.

Опустившись на луг, я удивился, что снова могу чувствовать: и прикосновение травы, и дыхание ветра, и запах вечно-го лета. И все это где-то в сердце Евразии, неподалеку от Транссибирской магистрали. И если пройти через луг к небольшому домику на окраине тихого поселка, непременно придется увериться, что именно здесь начинается покой и душевное равновесие, соразмеренные с окружающей, скромной, но величественной природой. И еще: здесь ничто не кончается, не может кончиться...

Двери мне открыл ангел.

"Были древних русичей"

Александр Чернобровкин

ДЕННИЦА

Рассказ

На безоблачном небе, сплошь усеянном звездами, яркими и ядреными, красовался молодой месяц, молочно белый и словно набухший от росы, которую, наливая взамен серебристым сиянием, впитывал из цветов, листьев и травинок на лесной поляне, посреди которой выстроились полукругом двенадцать девушек-погодков, голубоглазых и со светлорусыми волосами, заплетенными в косу: у старшей – длиной до середины бедер и толщиной в руку, у следующих – все короче и тоньше и у самой младшей – хвостик, перехваченный ленточкой. Одеты они были в белые просторные рубахи до пят с вытканной на животе золотыми нитками головой Дажьбога – густые, нахмуренные брови, наполовину скрывающие глаза, способные испепелить переполняющей их злобой, широкий нос с вывороченными ноздрями, казалось, учуявшими

врага, сурово сжатые губы, не ведающие жалости и сострадания, и вздыбленные пряди волос, обрамляющие, как языки пламени, круглое лицо. Перед дюжиной красавиц замерла, склонив наголо стриженную голову, двенадцатилетняя девочка, обнаженная, с худеньким, угловатым телом и едва проклюнувшейся грудью.

В глубине леса тревожно ухнула сова, между деревьями прокатилось троекратное эхо, постепенно слабеющее, будто стиралось об еловые иглы. Старшая девушка отделилась от подружек и лебединой бесшумной походной, гордо держа голову, оттянутую тяжелой косой, поплыла, оставляя на посеребренной траве широкую темную полосу, по кругу, в центре которого находилась обнаженная девочка, а когда оказалась у нее за спиной, повернула к ней. На ходу собрав росу с цветов и травы, остановилась позади девочки и омыла стриженную голову. Руки медленно проползли по колючему ершику, перебрались на лоб, скользнули указательными пальцами по закрытым векам, сдавили подрагивающие крылья носа, сошлись на плотно сжатых губах, вернулись на затылок и отпрянули, точно обожглись. Старшая красавица обошла девочку и замерла в трех шагах лицом к ней. Подошла вторая девушка и окропила росой шею и плечи обнаженной, но не встала рядом с первой, а поплыла дальше по кругу и остановилась на нем как раз напротив того места, где вначале была старшая. Затем третья выполнила свою часть обряда и присоединилась ко второй, четвертая, пятая... Предпоследняя омыла ноги обнаженной, а последняя, самая юная, на год старше девочки, надела на нее белую просторную рубаху с широкими рукавами и вышитой на животе головой Дажьбога и повела вновьобращенную к Десяти девушкам, выстроившимся полукругом, перед которыми стояла со склоненной головой старшая красавица.

Все тринадцать не двигались, молча прислушивались к ночным лесным звукам: шелесту листьев, потрескиванию веток, трущихся друг о друга, попискиванию мелких зверьков, хлопанью крыльев потревоженных птиц да скрипучей перекличке журавлей на болоте вдалеке. Вновь ухнула сова, прокатилось троекратное эхо, и на короткое время лес затих, словно насторожился. Старшая из стоявших полукругом девушек отделилась от подруг и плавной бесшумной походкой обогнула свою бывшую предводительницу, зашла со спины. В ее руке блеснул короткий нож – и толстая коса мертвой змеей

упала на траву. Лезвие оттянуло отворот рубахи, поползло вниз, с треском распарывая материю. Рубаха сама собой соскользнула на землю, обнажив стройное тело с упругой, налитой грудью, густой порослью внизу плоского живота и длинными и ровными, будто выточенными ногами. Новая предводительница завернула отрезанную косу в распоротую рубаху и стала шагах в трех позади обнаженной. Остальные девушки омыли обнаженную с головы до ног росой и построились по старшинству в колонну. Бывшая предводительница попробовала гордо вскинуть голову, но та без косы никла, как надломленный цветок. Нерешительно, точно и ноги вдруг стали непослушны, она сделала маленький шагок, еще один и еще, немного приободрилась и засемила прямо через поляну к тропинке, ведущей вглубь леса, оставляя на посеребренной траве темные овалы – следы босых ног. Дюжина красавиц-погодков, отпустив обнаженную шагов на десять, цепочкой потянулись следом.

Тропинка привела их на другую поляну, большую и разделенную на две неравные части холмом, поросшим высокими густыми кустами. Посреди большей части рос древний дуб в несколько обхватов, нижние ветки которого были увешаны разноцветными ленточками, новыми и старыми, беличьими шкурками, увядшими венками. Под деревом были сложены поленицы дров, видимо, для костра, который собирались жечь во впадине, заполненной черными головешками, и серовато-белыми костями и расположенной посередине между дубом и черным деревянным идолом, стоявшим на возвышенности из обомшелых валунов. У идола были золотые волосы и борода, которые, напоминая языки пламени, обрамляли круглое свирепое лицо с сурово сжатыми губами, вывороченными ноздрями и густыми бровями, наплывшими на красные глаза из драгоценных камней. Глаза смотрели на восход и время от времени словно бы наливались злобой, когда на них падали отблески большого костра, горевшего на противоположном склоне холма почти у вершины. Оттуда доносились мужские голоса и звон чаш и тянуло запахом жареного мяса: видать, вдоволь было и еды, и хмельного, и желания пировать.

Обнаженная девушка остановилась на краю поляны, прислушалась к мужским голосам, то ли пытаясь распознать знакомый, то ли еще почему. Из-за кустов слышалось пение: высокий и чистый мужской голос, цепляющий душу, затянул

щемяще-грустную песню о расставании с любимой перед походом:

Не плачь, моя лада,
Потускнеют очи,
Не увидят в синем небе
Сокола сизого.
Лететь ему далеко,
В края чужие,
Ударить острым клювом
Ворона черного...

Песня растекалась по поляне, как бы вбирая в себя серебристый блеск росы и становясь чище и звонче, ударялась о деревья и по новой накатывалась на девушек, слушавших жадно, боясь упустить хоть слово, а обнаженная даже подавалась вперед грудью и вскинула непокорную голову, точно именно ей и только ей одной предназначалась эта песня.

Певец вдруг смолк, послышались задорные возгласы и перезвон чаш. Костер взметнул к темному небу багряные языки, которые отразились в глазах идола и как бы наполнили их яростью. Обнаженная пожухла под их взглядом и, словно подстегнутая кнутом, торопливо засемила к пещерам, вырытым в склоне холма, к ближней к дубу и наособицу от остальных, в которой ни разу не была. Двенадцать одетых девушек проводили ее до входа и, не обменявшись ни словом, ни жестом, пошли, к самой большой пещере, расположенной в другом конце склона.

Обнаженная приподняла край бычьей шкуры, тяжелой и негнущейся, которая загораживала вход в пещеру, шагнула вперед, в темноту. В нос ударила густая вонь волчьего логова. Девушка протянула руку и нащупала шкуру, наверное, волчью, подвешенную за хвост. Справа и слева от этой шкуры висели другие, а за ними – еще несколько рядов, словно бы вход охраняла стая волков. Девушка пробралась между ними и оказалась в треугольной пещере, теплой и сухой, в одном из углов которой стояла она, в другом стояло ложе, низкое и широкое, застеленное одеялом из серо-рыжих беличьих шкурок, а в третьем был сложен из валунов очаг. В очаге горел огонь, дым поднимался к потолку и как бы втягивался в расщелины. У огня сидел на скамеечке кудесник – дряхлый старец с длинными седыми волосами и бородой, свернувшейся, точно кошка, клубочком на его коленях, напоминающий ликом своим идола, голова которого была вышита золотом на его белой

рубаше, длинной, с широкими рукавами и подпоясанной золотым ремешком. Деревянной ложкой кудесник помешивал пунцовое варево в глиняной чаше, стоявшей на камне у очага. От варева шел пьянящий аромат, одновременно и сладкий и горький, и мягкий и острый. Девушка еле заметно пошевелила ноздрями, втягивая дурман, который будто бы сразу же попадал в зрачки, наливая и расширяя их. Руки, прикрывавшие грудь и низ живота, опустились, словно подчинились кому-то ласковому и настойчивому, темные соски набухли, а по плоскому животу пробежала судорога и будто бы запуталась в светло-русой поросли на лобке, ноги раздвинулись, чтобы помочь ей выбраться – и резко сжались. Девушка обмякла, еще ниже понурила голову, закрыла глаза и безвольно, точно во сне, но ни разу не споткнувшись, подошла к кудеснику и остановилась в той точке в двух шагах от него, в которую был направлен его взгляд. Старец зачерпнул из чаши варева, понюхал, болезненно морщась, а когда отнес ложку от носа, лицо его помолодело, посветлело, в расширенных зрачках появился блеск и они невольно покосились на девушку. Раздраженно отшвырнув ложку, кудесник поднялся, сложил руки на животе, как раз под головой Дажьбога, словно поддерживал ее, сильнее нахмурил брови и заговори тихим, старческим, но еще твердым голосом:

– Мы, русичи, – дажьбожьи внуки, а ты – его дочь, денница, полуденная звезда. Двенадцать лет ты исправно служила своему отцу, поддерживая по ночам огонь в его очаге, и Дажьбог был милостив к своим внукам. Служба твоя кончилась. Этой ночью – самой короткой в году – ты изменишь ему, став женой Месяца. – Кудесник потрогал чашу: горяча ли? – Через жизнь каждой женщины проходят двенадцать мужчин. Каждый забирает частичку ее души – кто больше, кто меньше. После них женщине уже нечего отдавать, души у нее нет. Нечего отдавать – нечем любить, нечем любить – незачем жить. – Он снова потрогал чашу и решил, что недостаточно остыла. – Дажьбог ревнив, не прощает дочерям измену с Месяцем. Разгневавшись, он перестанет помогать своим внукам: зной испелит злаки и травы, высушит реки и озера – наступят глад и мор. В такой несчастный год умерли твои родители, братья и сестры. Чтобы не случилось беды с русичами, поутру ты предстанешь перед очами Дажьбога и искупишь грехи, свои и всего племени.

Кудесник двумя руками поднял чашу. Пунцовое варево как бы трепетало, переливаясь оттенками красного цвета, отчего казалось живым – душой, только что вырванной из человеческой груди.

– Любовный напиток. Он малое делает большим, а важное – суетой, – сказал старец, передавая чашу. – Пей зараз до дна.

Денница поднесла чашу к губам, вдохнула трепещущими ноздрями сладкий дурман. Крупная дрожь пробежала по телу девушки, руки затряслись, едва не расплескав напиток.

Кудесник напрягся, сжал руки в кулаки, глаза исчезли под нахмуренными бровями.

Денница уняла дрожь в теле и плавными движениями, как сонная, припала к чаше. Первый глоток дался тяжело – горяч ли был напиток или горек? – она справилась с собой, глотнула во второй раз, в третий... Лицо ее начало наливаться пунцовым румянцем. Выпив чуть меньше половины, денница поперхнулась. Пунцовая капля вытекла из уголка рта, пробежала по подбородку, прыгнула на грудь, которая, казалось, набухла еще больше и закаменела.

Кудесник испуганно дернул головой, впился взглядом в каплю, будто надеялся остановить ее. Капля, уменьшаясь, добралась до пупка и спряталась там. Старец подождал немного, убедился, что не вытечет и не упадет на землю, облегченно вздохнул.

– И эта... – глухо буркнул он и подстегнул денницу злым взглядом.

Девушка быстро допила чашу и передала ее старцу. На покрасневших и будто припухших губах денницы играла улыбка, сочная, сучья, щеки полыхали от румянца, а глаза казались двумя темно-синими кусочками весеннего грозового неба. Когда ее пальцы ненароком дотронулись До руки старика, она одернула их и впервые посмотрела на него, как на мужчину.

Кудесник поднял чашу на уровень ее глаз, точно загоразживался от них, и резким движением разломил пополам. Обе половинки были брошены в очаг, где занялись синевато-зеленым пламенем, а по пещере растекся острый, возбуждающий запах.

– Помни, – слабеющим, но все еще строгим голосом молвил кудесник, – ночь эта коротка и бездонна, как любовь, а там, – показал он скрюченным пальцем на выход из пещеры, –

смерть, черная или белая, долгая или легкая. – Помолчав немного, будто собирал силы, чтобы произнести последние слова, приказал: – Ложись и жди.

Денница, широко расставляя ноги, приблизилась слабой, больной походкой к ложу, оглянулась. В пещере никого больше не было. Она села на ложе – и застонала томно: прикосновение ягодич и бедер к мягкому, ласковому меху оказалось необычайно приятным. Закусив нижнюю губу и плотно смежив веки, она, вздрагивая от наслаждения, легла навзничь. Деннице показалось, что чувствует, как от очага катятся волны тепла, каждая следующая – теплее предыдущей, словно пламя разрастается ввысь и вширь, запахло гарью, послышались мужские голоса, пьяные и злые, и звон оружия...

...горело где-то рядом, соседний, наверное, дом, оттуда и голоса доносились. Никто не ожидал нападения среди бела дня, большая часть селян была в поле, а те, кто, как она, остались присматривать за домом, не успели убежать в лес. Она, двенадцатилетняя девочка, залезла под лавку и накрылась старым рядом, тревожно прислушиваясь к голосам, доносившимся со двора.

– Моя! – крикнул молодой мужчина, и ступеньки крыльца заскрипели под тяжестью его шагов.

Сильный удар распахнул входную дверь, жалобно заскрипели петли, в сенях загрохотал, покотившись, пустой бочонок Свистнул меч, легко переполовинив полог из волчьих шкур, и со стуком вонзился в притолоку. Мужчина перешел из сеней в горницу, поддел ногой скамеечку, которая с шумом покати-лась к лавке и остановилась в полусажени от нее. Зазвенело железо о железо – сбили замок с сундука, стукнулась крышка о стену, с тихим шорохом начала падать на пол одежда, штуки полотна.

Девочка чуть приподняла угол ряда, посмотрела в сторону сундука. Возле вороха вываленной на пол одежды она увидела сапоги, большие и стоптанные наружу, о левое голенище бились ножны меча. Ноги торопливо сгребали одежду и штуки полотна на расстеленный рядом платок с желто-красными цветами по черному полю. Руки схватили два противоположные угла платка, связали их, потянулись за двумя другими – и девочка увидела лицо грабителя, молодое и загорелое, с короткой русой бородкой и, кажется, серыми глазами: разглядеть не успела, потому что испуганно закрылась рядом.

Грабитель подошел к лавке, нащупал под рядом девочку, рывком вытянул ее. Спрятав меч в ножны, он намотал на левую руку девичью косу, а правой разорвал рубаху. Худенькое, угловатое тело с едва проклюнувшейся грудью не сильно заинтересовало его. Какое-то время он молча разглядывал девочку, затем помял грудь, бедра, одобрительно гмыкнул. Толкнув девочку на лавку, он не спеша снял пояс с мечом.

Девочка лежала неподвижно, хоть и боялась, но уже не так, как раньше, потому что поняла: не убьют, сделают другое. В ноздри ей ударил запах чужого тела – тяжелый дух пропотевшего мужчины. Шершавая, мозолистая рука помяла ее бедра, раздвинула, согнув в коленях, ноги. Твердое и упругое вдавилось в ее промежность, наполнив тупой болью. Мужчина дернулся и хекнул, словно рубил дрова, – и другая боль, острая и короткая, пронзила ее тело, заставила жалобно вскрикнуть. Потом было терпимо, вот только ноги начали затекать.

Скрипнув зубами, мужчина замер и напрягся, через какое-то время ослаб телом и как бы потяжелел, дыхание стало реже и тише и переместилось с темечка девочки на ее щеку и шею. Он отпустил ее ноги, и девочка осторожно, боясь потревожить мужчину, разогнула их и облегченно вздохнула. Грабитель слез с нее, сел на край лавки. Шумно зевнув, он почесал через одежду грудь, пошел к печи. Заслонка полетела на пол, из печи были вытащены обе кринки топленого молока, желтовато-белого, с темно-коричневой пенкой. Мужчина выдул одну кринку и разбил ее о стену, из второй выловил пальцем пенку, а молоко выплеснул в печь. Вернувшись к лавке, он подпоясался, вынул меч из ножен.

Девочка, испуганно всхлипнув, отвернулась к стене, закрыла лицо руками. Острые меча коснулось ее шеи, поддело косу. Грабитель другой рукой оттянул косу и перерезал ее мечом, полюбовался добычей, весело хохотнув, сунул в узел к награбленному добру и вышел из избы.

Девочка слышала, как проскрипели ступеньки крыльца, как заржал во дворе конь, как мужчина перекинулся с кем-то короткими фразами, как вдалеке прокричали зычно и всадники поскакали туда. В деревне стало тихо, даже собаки не брехали, но девочка боялась пошевелиться. Между ног было мокро и липко, наверное, текла кровь. И еще жалко было косы – девочка дотронулась до коротких и колючих прядей на за-

тылке, – без которой хоть из дому не выходи. Она ткнулась лицом в подушку и заревела от стыда и обиды...

...пролились слезы и как бы размыли горе. Она еще раз потрогала волосы на затылке, упругие, отталкивающие ладонь, перевернулась на спину и открыла глаза. Огонь в очаге горел ярко – кто-то подкинул несколько поленьев – и блики бегали по неровным стенам пещеры, словно бы выгоняя темноту из трещин и впадин. Возле очага валялись черепки от разбитой кринки, у входа в пещеру – перерубленные волчьи шкуры, а в полусажени от ложа – сломанная скамеечка. С поляны доносились звуки веселого пиршества и захлебистый, бесстыдный смех, каким провожают из-за свадебного стола жениха и невесту...

...жених стоял с самодовольной улыбкой на красном лице, покрытом крупными каплями пота, и будто не видел невесты, неотрывно смотрел на ложе, словно сомневался, то ли это или найдется другое? Убедившись, что другого нет, подошел к ложу, сел на край и как-то сразу растерял самодовольство, превратившись в усталого человека, наконец-то обретшего тишину и покой. Он оперся руками о колени и задумался о чем-то, затем привычным жестом расстегнул неподатливые крючки нового кафтана, богатого, шитого серебром, потянулся к сапогам и тут вспомнил, почему здесь находится. Выставив ногу вперед, он скорее попросил, чем приказал:

– Разувай.

Невеста опустила перед ним на колени, взялась двумя руками за остроносый сапог из мягкой кожи, потянула на себя. В нос ей шибанула вонь потной ноги, а портянка была такой мокрой, будто в ней ходили по лужам. Жених пошевелил бледными пальцами с толстыми желтыми ногтями, поставил разутую ногу на холодный пол, блаженно застонал и протянул невесте обутую. Пока она стягивала второй сапог, произнес извиняющимся тоном:

– Умаялся в них: нерастоптанные, первый раз обул, – а когда она поднялась с коленей, похлопал ее по заду и радостно воскликнул: – Жена!

И сразу приободрился – усталости как ни бывало! – торопливо разделся, роняя на пол семена хмеля и ржи, которым гости посыпали молодых, и развалился на ложе.

Невеста раздевалась медленно, стесняясь неотрывного мужского взгляда, а легла так, чтобы не касаться мужа, и стыдливо закрыла глаза. Он назвал ее женой, выбрал из всех девушек деревни, потому что любит, и она будет любить его. Влажными полными губами припал он к ее сухим губам – и она откликнулась на ласку. По телу невесты растекалась теплая истома, приглушившая боль, хоть и не такую острую, как тогда, пять лет назад, но тоже неприятную, а когда стало полегче, раздвинула шире ноги, чтобы мужу было удобней.

Вскоре он вцепился зубами в ее шею у ключицы, зарычал сладострастно. Потом зубы его медленно разжались, а тело будто расплылось и стало мягче. Муж лег рядом с ней, повозился малость, устраиваясь поудобней, и замер со скрещенными на животе руками.

Опять из нее что-то вытекало, наверное, кровь, надо бы подложить что-нибудь, но стеснялась, ждала, когда муж заснет. А он, хоть и дышал теперь ровно, засыпать не собирался. Она почувствовала, как волнами начала расходиться от него злость: первые были бледно-красными и невысокими, обещали быстро затухнуть, но следующие вдруг стали багроветь и вырастать, побежали быстрее и чаще. Она догадалась, что взбесило мужа, и придвинувшись и прижавшись щекой к его плечу, собралась рассказать, как все случилось, что не виновна, блюла себя, но не успела. Дальней рукой с маху ударил муж ее по лицу, отчего из глаз брызнули искорки, в ухе зазвенело, а скулу свело, если бы и захотела что-нибудь сказать, теперь бы уже не смогла. Больше ее не били, и она потихоньку отодвинулась от мужа. В голове стоял тихий звон, какой издаст лишь пустота, и в сердце было пусто...

...и в пещере. Откуда-то издалека, казалось, с другого края леса, доносилась песня, в которой трудно было разобрать слова, но легко угадывались грусть-тоска в высоком мужском голосе...

...пели за околицей, где по вечерам собиралась молодежь. Пойти бы послушать, но замужней женщине туда ходу нет. И она сидела у окошка, смотрела на темную улицу, надеясь, что молодежь вздумает пройти через деревню, и можно будет наконец-то увидеть, кто поет. Вроде бы так и должно случиться: песня зазвучала громче и отчетливей, будто певец приближался к центру деревни.

За спиной послышались шаги – вернулся муж. Осторожно, словно хотел шутки ради испугать жену, подкрался он, обхватил ручищами и ткнулся холодным носом в ее шею. Жена недовольно пошевелила плечами, высвобождаясь из объятий.

– Пойдем спать, – просительно молвил муж, – поздно уже, а мне до зари надо встать, сама знаешь.

Она молчала и не шевелилась, прислушиваясь к песне, пытаясь по отдельным понятным словам догадаться, о чем в пей поется. Наверное, о том, как тяжело жить с постылым мужем, как уходят годы, а вместе с ними красота. И детей нет – боги не дали, – и не на кого истратить любовь, которой накопилось так много, что тесно ей в сердце, душит сама себя.

– Пойдем, – муж нежно, но требовательно сдвинул ее плечо, заставляя подняться.

Она сбросила его руку и прильнула к окошку: пели уже совсем близко, сейчас будут проходить мимо их дома.

...Ой, собрались вороны –
Почернело небо –
И напали грозной тучей
На добра молодца
Долго бил их сизокрылый,
От зори до зореньки
Окропил сухую землю
Кровью вражьей...

Песня вдруг оборвалась, послышался веселый смех, постепенно затихающий: молодежь пошла назад, к околице.

– Пойдем, а? – скулил муж.

– Ложись, я посижу чуток, – ответила она.

– Подождешь, пока я засну?! – обиженно крикнул он. – Не выйдет! А будешь упрячиться, к родителям отправлю, не нужна мне такая жена!

– Отправляй, – промолвила она. Чем так мучиться, пусть лучше родной отец убьет. А может, и к лучшему все обернется.

Словно угадав ее мысли, муж спросил язвительно:

– Думаешь, другой возьмет в жены? Кому ты нужна, пустоцвет?!

Она вздрогнула, как от удара, поникла головой. Глаза ее уставились на живот, так и не познавший материнства. Она покорно встала, задула лучину, подождала, когда глаза привыкнут к темноте. Перешла к лавке. Муж уже лежал, нетерпе-

ливо ерзал. Пусть помается, и чем дольше, тем меньше ей потом мучиться под ним. Она легла на спину, раздвинула на самую малость ноги: ему и так хватит, а ей все легче...

...огонь в очаге догорал, еле заметные язычки пламени вырастали над углями и быстро никли, почти не освещая пещеру. Денница лежала на спине и с тоской прислушивалась к звукам, глухим и непонятым, словно истершимся о стенки пещерного лаза. Кажется, мужчины спорили о чем-то, а может, просто разговаривали – пьяные, поди их разбери! Сейчас кто-то из них вспомнит, что наступил его черед, и попрется в пещеру. Пусть не спешит, здесь ему не шибко рады. А с другой стороны – скорей бы все это кончилось...

...она лежала лицом к стене и прислушивалась к звукам в сениях. Муж нетвердой походкой, перевернув по пути лохань, добрался до двери в горницу. Какое-то время он царапал дверь, как кошка, не мог, наверное, вспомнить, как открывается. Вспомнил-таки и, споткнувшись о порожек, с грохотом ввалился в горницу. Пробурчав что-то невразумительное, но веселое, он на четвереньках подполз к лавке.

– Слышь? – толкнул он жену в плечо. – А что я тебе принес!

Она не отозвалась, притворяясь спящей. Муж долго рылся за пазухой, разыскивая подарок, а найдя, снова толкнул ее в плечо.

– Во, смотри!

В темноте немного-то и увидишь, но любопытство взяло верх. Не оборачиваясь, жена ощупью нашла руку мужа, толстопалую, с грубой, шершавой кожей, и бусы в ней, снизанные из продолговатых твердых зернышек, наверное, из «кошачьего глаза», о таких давно мечтала, упрашивала купить. Она бережно высвободила бусы из мужней руки, перебрала зернышки, гладкие и теплые, приложила к шее, примеряя. Вроде бы впору, муж не дал толком померить, полез целоваться. Она оттолкнула его:

– погоди!

Расстроено вздохнув – не даст ведь полюбоваться подарком, пока своего не получит! – она зажала бусы в руке и перевернулась на спину.

Когда муж после долгих и, кажется, бесполезных стараний слез с ней и захрапел, негромко и монотонно, убаюки-

вающе, жена справилась с дремотой, встала с лавки, подбежала к окну. Месяц светил ярко, видно было, как днем. Она медленно разжала пальцы, подставив серебристому свету бусы, свернувшиеся на ладони темной змейкой. Зернышки не вспыхнули зеленоватым огнем, были тусклы, даже лунный свет как бы сползал с них, не задерживаясь. Дерево, твердое дерево, может, бук или граб, но уж никак не «кошачий глаз»...

...угли в очаге покрылись сероватым пеплом, однако еще не потухли и еле-еле подсвечивали пещеру бледным красноватым сиянием, которое не задерживалось на тусклых деревянных зернышках бус, и денница сжала пальцы, пряча в ладони обманутую надежду. Слезы, крупные и горячие, покатились по щекам, унося с собой и силу любовного напитка. Хотелось заснуть, забыться до восхода солнца, пока не кончатся ее муки...

...она с трудом открыла глаза, потому что веки налились тяжестью, по пуду в каждом. Много выпила вчера, надо было отказать от последней чарки, и муж не советовал, но именно назло ему и приняла ее. Распухшим языком, едва помещающимся во рту, облизала сухие, словно покрытые рыбьей чешуей, губы, попробовала сглотнуть слюну, вязкую и кислую, не смогла и протяжно застонала, стыдясь самой себя. И тело болело, особенно бедра и низ живота. Она провела рукой по груди, животу, просунула в промежность, дотронувшись до волосков, мокрых и слипшихся. Кажется, было. А с кем? Что, если не с мужем? Если и не с ним, то сам виноват у хорошего мужа и жена хорошая...

...она повернула тяжелую, одурманенную голову к очагу. Пламя, еще робкое, еле заметное, протискивалось в щели между серыми углями и жадно облизывало светлые березовые поленья, наваленные как попало. Значит, было. А с кем? Какая разница, пусть и остальные пройдут так же незаметно! Деннице вдруг стало весело, по телу словно бы пробежала горсть горячих искорок, сделав его легким и сильным. Наверное, опять подействовал чудесников напиток, вторая, большая, часть его, выпитая после того, как поперхнулась.

К- пещере приближались шаги, твердые и неторопливые: идущий не сомневался, что получит положенное ему. Полу-

чит, но не сразу, сперва попросит хорошо, пока не решит, что напрасно старается, пока не перегорит в нем желание, тогда она и уступит, чтобы награда показалась ему наказанием...

...он вошел в горницу, снял шапку, тряхнул русыми кудрями, пригладил курчавую бороду, улыбнулся, одновременно и задиристо и робко, показав ровные белые зубы, глянул зеленовато-голубыми глазами ей в глаза и проник, казалось, прямо в самые тайные уголки ее сердца. И не стало у нее сердца, хотя и билось что-то в груди, бешено и гулко, оно словно бы растаяло, как воск на огне, и перетекло из ее глаз в мужские, такие родные, будто всю жизнь их знала. Он приоткрыл рот, намереваясь что-то сказать, а она уже знала, какой у него голос – тот, высокий и чистый, цепляющий за душу, будящий шемящую грусть.

– Здравствуй, хозяйюшка! Примешь гостя?

При первых же звуках его речи что-то оборвалось и лопнуло у нее в груди – не сердце, того уже словно бы не было, – и расплескалось жидким жаром по всему ее телу, полностью обессилив, даже ноги подогнулись.

– Что молчишь? Али не рада? – с наигранной обидой спросил он. – А то могу к соседям пойти!

– Оставайся, – разрешила она тоном, больше похожим на просьбу. Щеки ее полыхнули пунцовым румянцем: ведет себя, как потаскуха! Она сложила руки на животе, вцепившись одной в другую, и строгим голосом добавила: – Если ничего дурного в мыслях не держишь.

– Дурного? – переспросил он, облизав сочные губы. – Глядя на такую красоту, можно думать только о хорошем!

Он подошел к ней вплотную – отшагнуть бы ей, да не было моченьки! – и обнял крепко – косточки хрустнули, – прижал к себе, заставив приподняться на цыпочки. Она обмякла, повисла на его руках, а тело ее словно бы опало бесшумно на пол, как одежда, оставив в мужских руках лишь женскую душу, исстрадавшуюся без любви. Он поцеловал ее, затем подхватил на руки и отнес на лавку, ловкими и нежными движениями раздел ее, застыдившуюся, точно впервые была с мужчиной. Целовал долго и неторопливо, будто собирал по капле любовный мед, в который превратилось, растаяв, ее сердце, и ей захотелось, чтобы поскорее сделал больно, иначе выпьет до дна и нечего будет дать ему в следующий раз. Она верила, что они еще встретятся, много раз, больше, чем поцелуев, которые

она уже получила и еще получит этой ночью. И когда она изнемогла от ласк, он сделал ей больно, однако боль была настолько приятной, насколько болезненно жутким своей необъятностью, глубиной и остротой оказалось наслаждение, заставившее закричать ее не своим голосом.

Она словно бы выбиралась из рдяной кудели, теплой и мягкой, не веря еще, что все это было на самом деле, а не приснилось. Чуть скосив глаза, она увидела лежавшего рядом мужчину с прилипшими ко лбу, мокрыми от пота, русыми кудрями. Прижавшись носом к его горячему плечу, положила руку ему на грудь, в которой надсадно билось сердце, погладила, помогая успокоиться. Мужчина понял ее жест по-своему и, крепко сжав ее ослабевшую ладонь, произнес тихо и твердо, как клятву:

– Я вернусь. Обязательно вернусь...

...она лежала с закрытыми глазами и вспоминала то, что было с ней совсем недавно и вроде бы много-много лет назад, вновь переживала самые приятные мгновения, путь и не так ярко, как было на самом деле, зато их можно повторять бесконечно.

В пещеру доносились отголоски мужского пира, невнятные, точно размытые росой. Вдруг послышался звон железа о железо – опять дерутся, опять какой-то женщине плакать. Протяжный, предсмертный стон комком влетел в пещеру, побился о неровные стены и сполз, будто растаял в тепле, прекратился и звон клинков. Над поляной повисла тишина, гнетущая, недобрая. Нарушил ее мужской голос, высокий и чистый, но песню пел грустную, словно прощался с жизнью.

...Где кровь вражья капала,
Земля загоралась,
Покрывалась скалами —
Клыками черными.
Обессилел сокол ясный,
Ослабели крылья,
И упал широкой грудью
На камни острые...

...она стояла у лавки и с тревогой прислушивалась к шуму во дворе. У крыльца часто всхрапывала и перебирала копытами лошадь, загнанная, наверное, в мыле вся, а бока западают глубоко и часто. Всадник спешил, заводил коня по кругу, не расседлав, делал все неспешно, по-хозяйски, как обычно и вел

себя муж, сколько бы долго не был в отъезде: конь ему дорожке, чем жена. Значит, напрасно надеялась и ждала, не судьба ей еще раз свидеться с любимым. Ноги ее подломились в коленях, она осела на лавку и вцепилась руками в крайнюю доску, чтобы не упасть от дурноты, подкатившей из глубины живота к горлу. Не услышала она, как скрипнули ступеньки крыльца, как дважды хлопнула дверь, открытая ударом кулака и закрытая толчком ноги, как шаги пересекли горницу, но почувствовала, что кто-то приблизился и подняла заплаканное лицо, чтобы выложить мужу всю правду – и умереть от его руки.

– Али не рада? – спросил вошедший и потрянул русыми кудрями.

И опять в ее груди оборвалось и лопнуло что-то, по всему телу прокатился жар, от темечка до подошв, и она ухватилась обеими руками за мужскую рубаху, мокрую то ли от росы, то ли от крови и выскальзывающую из пальцев. Любимый подхватил ее на руки и заходил по горнице, баюкая, как маленького ребенка, а она редела навзрыд, не в силах остановиться.

– Не плачь, моя лада, – произнес он, утешая; первую строку песни.

И женщина затихла, чтобы не услышать продолжения грустной повести о двух влюбленных, чтобы не накликал на себя такую же беду.

– Я люблю тебя, – молвил он охрипшим голосом, – и никому не отдам.

– И я, – выдохнула она.

– Я увезу тебя далеко-далеко, туда, где никто не живет. Только ты и я...

– ...и наши дети, – добавила она.

– Не побоишься кары богов?

– С тобой я никого не боюсь.

Он положил ее на лавку и поцеловал страстно, а она прижала его к себе, не желая отпустить ни на миг. Он попробовал высвободиться из ее рук, неожиданно сильных, цепких, не сумел и подчинился им, позабыв о том, что времени у него нет...

...с поляны не доносилось ни звука: то ли пирующие загляделись на что-то необычное и от удивления не могли произнести ни слова, то ли упились и спали. Где-то вдалеке за-

ржала лошадь, словно в ответ ей ухнула сова, коротко и грозно, и тишину разорвали истошные крики и звон мечей...

...она зажала уши руками и спрятала лицо в подушку, еще хранившую запах мужской головы. Если бы все шло хорошо, не было бы шума: побег любит тишину. Женщина беззвучно шевелила губами, призывая богов на помощь любимому, и если уберегут его, она больше не прогневит их, будет жить с мужем, храня ему верность до конца жизни.

Шум стих внезапно, словно дерущиеся окаменели по велению богов. Она встала с лавки, направилась к окну, не дошла и замерла посреди горницы, спиной к двери, к которой приближались шаги, неторопливые и уверенные – шаги победителя. Она знала, что ее ждет, поэтому с закрытыми глазами повернулась к вошедшему и гордо вскинула голову. Холодное острие меча уперлось в ее тело чуть ниже левой груди, напротив сердца, которое стучало часто и еле слышно, ожидая, когда железо прорвет кожу, легко пронзит мясо и располовинит маленький, трепещущий комочек, способный любить и ненавидеть. Острие замерло, словно наткнулось на кольчугу, жена открыла глаза, чтобы оскорблением добавить мужу решительности, увидела на клинке темные пятна и подалась вперед всем телом.

Муж ожидал этого, успел отдернуть меч, спрятал в ножны и со всей силы ударил ее кулаком в лицо. Она, словно перышко, улетела на лавку, стукнулась головой о стену и больше не чувствовала боли, ни телесной, ни душевной, как бы со стороны наблюдала за происходящим. Муж снял пояс с мечом, швырнул на пол с тем пренебрежением, с каким избавляются от ненужной вещи. Не разувшись, он залез на лавку, рывком перевернул женщину па живот и овладел ею грубо и по-скотски, намереваясь посильнее унижить, но так и не понял, не услышав ни стоны, ни плача, добился ли своего...

..добился-таки, однако плакать начала лишь тогда, когда он вышел из пещеры, а если бы и остался, все равно ничего бы не заметил, потому что огонь в очаге почти потух, лица ее не разглядишь, а рот зажимала двумя руками, чтобы не вырвалось ни звука.

Обильные слезы – короткие слезы, на смену им пришли мысли о мести, и даже если за нее придется заплатить жизнью – быстрее встретиться с любимым в мире мертвых...

...она так сильно задумалась, что не услышала, как в избу зашел странник – молодой мужчина, высокий и худой, как жердь, с изможденным лицом и большими, глубокопосаженными глазами с длинными, на зависть женщинам, ресницами. Он, не спросив разрешения у хозяйки, подкинул дров в печь и протянул к огню руки, маленькие, с тонкими пальцами, собрался что-то сказать, но зашелся в кашле, затяжном, чахоточном, согнувшим его пополам, а когда затих и распрямился на лбу и на висках крупным бисером засверкали капли пота, а глаза запали еще глубже и словно бы стали больше и печальнее. На тонких алых губах появилась робкая улыбка, извиняющаяся не только за болезнь, но и за то, что пришел сюда.

– Я хотел... – начал он объяснять – и опять согнулся в кашле.

Она подошла к чахоточному, прижала его склоненную голову к своей груди и погладила по-матерински. Волосы были необычайно мягки, казалось, к пуху прикасаешься, такие бывают у маленьких детей. Откашлявшись, странник опустил на колени, взял ее руку, покрыл поцелуями. Не отпуская руки, он прижался лицом к теплым женским бедрам и всхлипнул, одновременно и жалобно и блаженно. А она свободной рукой перебирала его пуховые волосы, позабыв все обиды, причиненные ей мужчинами...

...рука ее скользнула по беличьему меху, и показалось, что все еще гладит мужские волосы, утешая, а заодно и благодаря, что снял коросту с ее сердца. В очаге задорно потрескивали поленья, и теплый воздух волнами накатывался на ее тело, размлевшее от мужских ласк, нежных и утонченных. Хоть и не был он похож на ее любимого, все равно чудилось, что эти два мужчины – две половинки одного целого. Как бы там ни было, а теперь она в каждом будет видеть своего любимого, представлять, что целуется именно с ним – и так оно и будет...

...муж был настолько пьян, что умудрился удариться о дверной косяк и правым и левым плечом. Остановившись посреди горницы, он почесал оба плеча и спину между лопатками, оторыгнул громко и смачно, наполнив избу густым запахом перегара и лука.

– М-м... – замычал он, то ли от удовольствия, то ли поняв, где находится, добрался на заплетающихся ногах до лавки и рухнул на нее, как подкошенный, придавив жену.

Жена оттолкнула его на край и потеряла ушибленное бедро и бок. Следовало бы высказать мужу все, что думает о его беспробудном пьянстве, но он уже захрапел. Она стянула с его ног сапоги и мокрые от пота портянки, швырнула в сени, снова легла и, когда муж во сне перевернулся на спину и откинул руку ей на живот, толкнула его в бок что есть мочи.

– М-м... – промышчал он и повернулся к жене лицом. Широко распахнутые глаза долго всматривались в женщину, наконец-то узнали, и тогда в ход пошли руки, помявшие грудь и ягодыцы. Муж еще раз мыкнул и требовательно раздвинул женины ноги.

Она покорно подчинилась и начала думать о любимом, однако никак не могла сосредоточиться на воспоминаниях: мешали вонь перегара и лука. Жена прикрыла нос ладонью, это не помогло, тогда принялась в уме делать завтрашние дела по дому: доила корову, растапливала печь, шла за водой, готовила обед... Вроде бы все переделала, а муж еще пыхтел на ней, не столько от удовольствия, сколько из упрямства, не любил оставлять работу недоделанной. Тогда жена перешла к послезавтрашнему дню, и когда она собиралась накрывать стол к ужину, муж добился своего и слез с нее, моментально захрапев. Жена оттолкнула его, чтобы не дышал в ухо перегаром и луком, да так сильно, что муж свалился на пол.

– М-м... – послышалось из-под лавки, муж встал на четвереньки и пополз к двери, наверное, по нужде захотел...

...около входа в пещеру пожурчала, разбиваясь о камни, мощная струя, и нетвердые шаги удалились в ту сторону, где шел пир. Оттуда послышались веселые и насмешливые голоса, грохнули раскаты безудержного хохота. Пьяные – почему бы и не посмеяться?! Пирующие в очередной раз позвенели чашами, затихли ненадолго, и к пещере начали приближаться шаги – не совсем трезвые, но и пьяными не назовешь, неторопливые и усталые, как у пахаря в конце рабочего дня...

...он сел на лавку, широко рото зевнул, потянулся, хрустнув костями. Заметив, что жена не спит, похлопал ее с грубоватой лаской по заду. Рука его, тяжелая и твердая, словно вытесанная из дубовой доски, погладила женин живот и замерла, потому что муж задумался о чем-то невеселом, судя по тому, как кривились его губы. Он махнул рукой, будто отгоняя неприятные мысли, разулся, аккуратно повесив портянки на са-

поги, лег, крепко обнял жену. Она прижалась к нему всем телом, поцеловала в губы, уколотившись о короткие, недавно подстриженные усы. Любил он жену ни быстро, ни медленно, с падающей силы сноровкой и добросовестностью, с какими пахал землю...

...на кровати рядом с ней еще сохранилась впадина от мужского тела, тяжелого и сильного, денница взъерошила там мех, влажный, слипшийся в острые сосульки, отчего напоминал ежика, и сразу пригладила, чтобы не укололся тот, кому предстоит здесь лежать...

...он устало смотрел на жену и крутил рукой свои седые волосы над ухом, будто хотел намотать на палец и выдернуть, но слишком коротки были, соскальзывали. Тогда он, кряхтя и сопя, стянул сапоги, долго разглядывал их, мял руками, напоминая покупателя, собравшегося по дешевке приобрести добротную вещь. Товар не понравился и был отброшен к печи, муж лег на бок, спиной к жене, и затих. Через какое-то время перевернулся на другой бок и погладил жену по голове, нежно, как ребёнка.

Она сразу отозвалась на ласку, придвинулась к нему, поцеловала в щеку, поросшую жесткой бородой, наполовину уже седой, отыскала губы и жадно припала к ним. Муж не откликнулся, но и не оттолкнул, и тогда она погладила рукой его живот, пах, бедра. И таки расшевелила его. Муж крепко обнял ее, навалился грузным телом. Она задвигалась, помогая ему, и получалось у них так ладно, что уже одно это доставляло удовольствие. Жена сдерживала себя, растягивая блаженство, а когда стало совсем невмоготу, когда решила, что пора, муж вдруг замер и постепенно ослаб. От обиды она вцепилась ногтями в пенину и с громким скрипом пробороздила ее...

...она поднесла руки к глазам и повыковыривала из-под ногтей рыжие, беличьи шерстинки, собрала на ладони и дунула на них, отправив медленно спускаться на землю. Вот так и на денницу скоро дунут боги и улетит она из этого мира в другой, где встретится с родителями, братьями и сестрами и с любимым. Жаль, что так рано это случится, когда тело еще не научилось чувствовать, но, с другой стороны, нет и желающих любить это тело.

Кто-то приподнял закрывающую вход бычьей шкуру и в пещеру проник свет утренних сумерек и робкий посвист ранних птиц. Шаркающей походкой вошел кудесник, остановился у очага. Худые руки его нависли над покрывшимися пеплом углями, лоя последнее тепло.

– Пора? – спросила денница, приподнявшись на локтях и не спуская со старика испуганных глаз.

– Рано, – ответил он, не поворачиваясь к ней. – Должно быть двенадцать мужчин. Один погиб. Найти замену до восхода не успеем. Придется мне. – Кудесник посмотрел на денницу, которая, облегченно вздохнув, вновь легла, принял ее вздох за огорченный и добавил: – Трогать не буду: старый уже.

– Сколько тебе лет? – спросила она, чтобы оттянуть время.

– Много. Я был подростком, когда родилась мать твоей матери. – Он подошел к ложу, сел рядом с денницей. – Зажил-ся, не забирают боги к себе. Долгая старость – наказание за нерастратченную молодость. – Он лег так, чтобы между ним и женщиной было расстояние в локоть, погладил бороду, длинную и седую, прокашлялся. – Ты похожа на свою бабушку, такая же красивая. Пока я был в плену – целых восемь лет, – она стала женой твоего деда...

...сгорбленный, с седыми, давно не стриженными волосами и бородой, разбитыми и грязными ногами, стоял он перед ней, опершись на клюку, и смотрел бесцветными, будто выгоревшими, и холодными глазами, а брови, кустистые и широкие, подергивались, выдавая тщательно скрываемое волнение. Что-то знакомое угадывалось в его лице, по крайней мере, не вызывал враждебности, какую испытываешь к чужаку, но и припомнить, где и когда встречалась с ним, она не смогла.

– Не узнаешь? – спросил он дребезжащим от старости или волнения голосом и попробовал улыбнуться, отчего брови задергались чаще, а крылья носа задрожали, как у хищника, почуявшего кровь. – Да, много воды утекло...

И она вспоминала, у кого так же дрожали крылья носа, когда она как бы ненароком дотрагивалась до его руки. Тогда они были юны и красивы и верили, что проживут жизнь вместе. Он ушел в поход – и сгинул, ни слуху ни духу, а она заплакала-погоревала два лета и вышла замуж родители настаив-

вали да и засидеться в девках боялась, детишек хотелось, которых боги так и не дали.

Она дотронулась кончиками пальцев до его носа, щеки, обветренной и морщинистой, попробовала пригладить пряди спутанной бороды. Он прижал ее руку к своим губам и посмотрел тем влюбленным взглядом, каким глядел много лет назад, и глаза его помолодели, налились синью весеннего неба. Она поцеловала его, благодаря за то, что сохранил юношеское чувство ярким и чистым, несмотря на все беды, а он погладил ее по голове так же нежно, ласково, как и в молодости...

...рука кудесника взлохматила волосы на затылке денницы и требовательно сжала их.

– Пора, – буднично молвил кудесник, точно деннице предстояло сделать то, что делала каждый день, привычное и не страшное.

Она поверила этому голосу, неспешно встала с кровати, как вставала каждое утро, только не оделась, потому что не во что было, а отошла к очагу, угли в котором погасли и покрылись толстым слоем темно-серого пепла. Она чувствовала себя такой усталой, будто всю ночь носила тяжести, а может, и всю жизнь, долгую, как у кудесника, и не знала в ней ни счастья, ни радости, ни покоя, и теперь хотела избавиться от бремени, чем скорее, тем лучше. На ее плечо легла рука кудесника, мягкая, приободряющая, но денница скинула дополнительную ношу – свою бы донести – и, с трудом переставляя непослушные, больные ноги, вышла из пещеры. Холодная и мокрая от росы трава приятно щекотала стопы, будила воспоминание из детства: солнечное утро, двор, поросший травой, лающая собачонка...

Там, где ночью была впадина с углями и костями, теперь стоял свежееоструганный столб, обложенный со всех сторон поленищами дров, теми самыми, что хранились под дубом, и из-под нижних выглядывали белые в черную крапинку языки бересты. Неподалеку от столба стояли в ряд десять мужчин с опухшими от пьянки лицами, кто с синяком под глазом, кто с разбитым носом или губами, но не было среди них того, кого хотела бы видеть денница. Она задержала взгляд лишь на пятом – была ли с ним? – и благодарно улыбнулась чахоточному, который, держась правой рукой за рукоять меча, дернулся было к ней, наверное, хотел спасти или погибнуть вместе с

ней и замер, вперившись в нее полными удивления и брезгливости глазами, а затем попятился, как от зачумленной. И остальные мужчины смотрели с отвращением на обнаженную старуху с коротко стриженными, седыми лохмами, синяками под обоими глазами, дряблой, морщинистой кожей, покрытой коричневыми, старческими пятнами, обвисшей грудью и задом, опухшими ногами со вздувшимися синими венами. Каждый из них, наверное, клял себя за то, что спяну переспал с таким страшилищем.

Словно не заметив их презрения, денница неспешно подошла к столбу и, отказавшись от помощи кудесника, залезла на дрова. Старик, кряхтя, взобрался следом, привязал ее к столбу, лицом к идолу, стоявшему на возвышении из валунов. Темно-красные безжалостные глаза были как раз на одной высоте с ее глазами, и как она ни поворачивала голову, никуда не могла деться от его взгляда, только спину поцарапала о плохооструганный столб.

– Дрова отсырели, – тихо шепнул ей кудесник, – будет много дыма, он поможет тебе.

Кудесник слез с жертвенного костра, посмотрел на идола, кончики золотых волос которого уже вспыхнули под первыми лучами восходящего солнца и еще больше стали похожи на языки пламени, достал из костра длинную палку с намотанным на конце пучком сена, облитым какой-то темно-коричневой, вонючей жидкостью, и повернулся к мужчинам так, чтобы они не видели его левую руку.

Солнечные лучи опустили с волос на лоб идола, задержались ненадолго на нахмуренных бровях и зажгли ярко-красным огнем глаза. Кудесник сделал левой рукой еле заметное движение, которое уловила лишь денница, – и сено на конце палки вспыхнуло, а мужчины удивленно охнули, решив, что это идол воспламенил своим взглядом, и боязливо попятиться. Старик обошел вокруг столба, поджигая бересту, которая затрещала и завертелась, как живая. Огонь перекинулся на дрова, они занялись сначала нехотя, потом все веселее и веселее.

Денница пошевелила ногами, стараясь прижать их к столбу, убрать подальше от пламени, но ремни не дали, и тогда она гордо вскинула голову и уставилась прямо в горящие, безжалостные глаза черного деревянного идола. Снизу подымался сизый дым, густой и горький, и, словно нарочно, обволакивал тело женщины, не спешил улетать в небо. Денница

сперва старалась дышать пореже, но вспомнила слова кудесника и вдохнула полной грудью. Шершавый, терпкий дым продрал горло, заскреб легкие. Денница закашлялась, из глаз потекли слезы, идол расплылся и потерял грозность, превратился в кого-то очень знакомого, а треск горящих дров, радостный и ритмичный, сладывался в мелодию...

...она узнала эту песню и голос певца, высокий и чистый, цепляющий за душу, будящий в ней щемящую грусть.

...Долго ждала суженого –
Выплакала очи.
Затянулось сине небо
Тучами багровыми.
Вышла на берег крутой
К бездонному омуту,
Утолила жар сердечный
Холодной водицей.

Он встал перед ней на колени, припал к стопам губами, горячими, страстными, поднимаясь все выше и выше...

...заходящее солнце неторопливо спряталось за деревья на краю леса, налив напоследок розовым светом облака, точно давало знать, что насытилось кровью и больше не гневается на русичей.

Кудесник протер слезящиеся глаза, проморгался, снимая с них усталость, повернулся к впадине, в которой дымились угли, долго смотрел на них, будто ожидал, что сейчас из-под пепла восстанет денница, живая и еще краше, чем была. Не дождался и пошаркал к идолу, сел на нижний валун. Ноги идола оказались как раз над головой старика, как бы стояли на ней, и чудилось, что оба они идолы – победитель и побежденный.

ВОЛХВ

Рассказ

Пещера была вырыта в склоне пологого холма, поросшего соснами, высокими и стройными, и смотрела входом, завешенным медвежьей шкурой, на ручей, широкий, в пару саженьей, в котором зеленоватая вода текла так медленно, что казалась стоячей. Неподалеку от пещеры горел костер, еле заметное в солнечных лучах пламя облизывало крутые бока чугуника, на дне которого булькало густое фиолетовое варево. Около костра прогуливался крупный ворон, прихрамывающий на левую лапу, часто останавливался и наклонял и выворачивал голову, будто прислушивался к идущим из земли звукам, потом встряхивался и ковлял дальше. С ближней к входу в пещеру сосны серо-оранжевой лентой соскользнула на землю белка, села на задние лапки и требовательно зацокала, настроженно косясь на ворона. Тот дважды поклонился, словно приветствовал зверька, и неспешно направился к нему.

Из пещеры вышел высокий, худой и жилистый старик с длинными седыми волосами, спадающими на плечи и спину из-под островерхой волчьей шапки, и бородой, раздвоенной внизу, одетый в серую холщовую рубаху, почти сплошь покрытую латками, и черные холщовые штаны. Присев на кор-

точки, он угостил белку орехами, а ворона – салом. Бледно-голубые глаза его смотрели на зверька и птицу и, казалось, не видели их, потому что переполнены были грустью и тревожным ожиданием.

Вдалеке, ниже по течению ручья, застрекотала сорока. Старик вздрогнул, прислушался. Стрекотание повторилось, теперь уже ближе к пещере: кто-то шел сюда. На губах старика появилась слабая улыбка, он чуть слышно произнес: «Ищите себе другого хозяина...» и погладил указательным пальцем белку, которая сразу же убежала с недогрызанным орехом в зубах на сосну, а затем ворона, который дважды поклонился, точно благодарил за угощение и ласку, встряхнулся и поковылял к костру. Старик переоделся в пещере в белую рубаху, новую и чистую, сходил к ручью, где, собрав в пучок, спрятал под шапку длинные седые волосы и тщательно вымыл руки, лицо и шею, жилистую и морщинистую, покрытую густым белесым пушком. Подойдя к костру, он сел на лежащее там бревно, наполовину вдавившееся в землю, снял с огня чугунок и аккуратно перелил фиолетовое густое варево в приготовленный загодя туюсочек. Плотно закрыв крышку, поставил туюсочек на край бревна и погладил, как живого, прося не подвести.

Сорока стрекотала все ближе и ближе, и вот из-за деревьев вышел к ручью отряд из четырех человек и направился вверх по течению. Первым шел худой низкорослый монах с рыжей козлиной бородой и торчащими из-под черной скуфейки длинными патлами, одетый в черную рясу, подпоясанную бечевой. За ним шагали три стрельца: пожилой дородный мужчина в зеленой шапке и кафтане, подпоясанном серебряным ремнем, на котором слева висела сабля, а справа – кинжал; юноша лет двадцати, одетый в малиновую шапку и серый кафтан и вооруженный саблей и коротким копьем; и замыкал шествие кривоногий мужчина средних лет со скуластым плоским лицом, на котором росли жиденькие черные усики, а вместо бороды торчало несколько длинных волосин, одетый в испятнанный ржавчиной шишак и длинный, не по росту, армяк и вооруженный луком со стрелами и саблей. Заметив старика, маленький отряд ускорил шаг и сбился поплотнее.

К костру они подошли цепью и остановились полукругом, переводя дыхание. На старика они глядели молча, с любопытством и злым торжеством: попался! А тот вроде бы и не заме-

чал их, подталкивал прутиком в огонь выпавшие головешки. Усмехнувшись чему-то своему, он поднял голову и посмотрел на пожилого стрельца, как догадался, старшего над отрядом.

– Долго добирались. Или проводник дорогу неверно указал?

– Да нет, заплутали маленько – вытирая пот со лба, ответил пожилой.

– А чего же прямо сюда не довел? – спросил старик и сам ответил: – Побоялся, вражина. Обещал я ему руки пообрывать, если в лесу встречу. Капканы и самострелы он ставит, зверя почем зря бьет, не ради мяса или меха – какой сейчас мех?! – а так, для забавы. А что самки сейчас котные или с детенышами – ему все равно. Человек, а хуже зверя...

– Не тебе судить! – вмешался монах. – Какой ни есть, а в истинного бога верует, не чета тебе, идолопоклоннику!

– Бог у него – нажива, возразил старик. – Меня предал и к тебе смерть приведет.

Монах перекрестился и опасно оглянулся, будто проверял, не прячется ли сзади проводник.

– Ничего, мы с тобой в долгу не останемся, – успокоил его старик.

– Я с волхвами ничего вместе не делал и делать не собираюсь! – надменно сказал монах.

– Ну-ну, – улыбнувшись, произнес старик.

– Не нукай, не запряг! – раздраженно крикнул монах и повернулся к старшему над отрядом: – Вяжите его!

– Ой, не спешили бы! – шутливо предупредил старик. – Чем дольше я проживу, тем дольше и вы по земле ходить будете, – добавил он серьезно, кинул прутик в костер и собрался встать, но плосколицый стрелец выхватил саблю из ножен, а юноша приставил острие копья к стариковой груди, открытой вырезом рубахи.

Волхв взялся за древко копья сразу за наконечником, с силой вонзил его в себя. Острый, поблескивающий на солнце, железный треугольник легко прорвал дряблую кожу, вошел в тело. Стрелец от удивления расслабил пальцы, не мешая самоубийству. Когда наконечник влез в грудь на две трети, старик медленно вынул его. Железо осталось чистым и сухим, и из раны не полилась кровь, она быстро затянулась, остался только темно-красный надрез. Волхв отпустил копье, и оно упало на землю.

– Радуйтесь: не так-то легко меня убить, а значит, и вы дольше солнцем полюбуетесь.

– Ну, смерть по-разному можно принять, – справившись с удивлением, возразил пожилой стрелец. – Не берет железо, возьмет...

– ...огонь? – Старик наклонился к костру, выбрал из середины самый алый уголек, покатав его на ладони, показывая всем, а потом протянул пожилому.

Стрелец, повинувшись неведомой силе, подставил руку, а когда в нее упал уголек, вскрикнул и затряс ею в воздухе.

– Ты брось так шутить! – пригрозил он и оближал обожженную ладонь.

– Разве я шучу? Просто показал, что и огнем меня не возьмешь... И отравой тоже.

Старик открыл стоявший на бревне туюсок, вылил из него тягучую фиолетовую каплю на желтый одуванчик. Цветок мигом почернел и пожух, а затем рассыпался на кусочки. Волхв отпил из туюска, закрыл его крышкой и поставил на край бревна, поближе к монаху. С трудом шевеля окрасившимися в фиолетовый цвет губами, произнес:

– Видите: живучий. – Он улыбнулся, наклонил голову и зажмурил глаза.

Плосколицый стрелец, который подошел поближе, чтобы посмотреть, как отравы подействует на цветок, и теперь оказался позади старика, уперся взглядом в склоненную жилистую шею, покрытую густым белесым пухом, и вдруг привычным жестом, не думая, что творит, рубанул по ней саблей. Голова как-то слишком легко отделилась от шеи, упала на землю, уронив шапку, и, брызгая кровью, закатилась в костер, откуда будто с насмешкой уставилась на убийцу прищуренным, бледно-голубым глазом. Запахло палеными шерстью и мясом.

Два других стрельца и монах разом перекрестились. С ближних сосен донеслось карканье ворона и цокотание белки.

Плосколицый стрелец удивленно посмотрел на саблю, точно она действовала без его ведома, потом на волхва, ожидая, не вынет ли тот свою голову из костра и не прирастит ли опять к шее, но не дождался и столкнул с бревна безголовое туловище, из которого ручьем хлестала кровь, и вытер клинок о белую рубаху, новую и чистую.

Монах, гадливо морщась, вытолкнул ногой из костра голову.

– В аду дожарится... Пойдем в пещеру, капище порушим.

С ним пошел плосколицый стрелец, и вскоре оттуда слышались грохот и треск, а пожилой стрелец и юноша направились к ручью, где попили воды, зачерпывая ее ладонями. Юноша утерся рукавом и лег навзничь на траву, положив под голову малиновую шапку, пожилой сел рядом, сорвал длинную травинку и, откусывая и сплевывая маленькие кусочки ее, сказал:

– И железо его берет, и огонь. Кудесил, кудесил, а помер как все – жаль, да?

Юный стрелец не ответил, смотрел на облако, похожее на стельную корову, которая, подкралась к солнцу и собиралась боднуть его.

Из пещеры вышел плосколицый стрелец, неся в одной руке плотно набитую торбу, а в другой – серебряного идола в локоть высотой и со вставленными в глазницы красными драгоценными камнями. Следом появился монах с серебряными баклагой и тремя стопками, сорвал закрывающую вход медвежью шкуру, потащил ее по земле за собой.

– Во! – похвастался стрелец серебряным идолом. Идол, повернутый лицом к солнцу, грозно блеснул красными глазами.

– Богатая добыча! – оценил пожилой. – Вот уж не думал, что найдем что-нибудь ценное у такого... – он посмотрел на старые порты на безголовом теле. – Этого хватит месяц гулять.

– В монастырь надо отдать, – вмешался монах. – Очистим его молитвами от скверны, и тогда можно будет переплавить.

– И без монастыря очистим. – Пожилой высыпал из торбы на траву каравай хлеба, куски сала и вяленого мяса и несколько луковиц, положил в нее идола. – А монастырской долей будут баклага и стопки – это даже больше, чем четвертая часть, так что не ропщи.

Монах криво усмехнулся, пожевал рыжий ус, не отрывая жадного взгляда от торбы. Поняв, что спорить со стрельцами бесполезно, сказал:

– Пусть будет по-вашему... Ну что, перекусим перед дорогой – не пропадать же добру?

– Это можно, – согласился пожилой.

Стрельцы расстелили медвежью шкуру, сели на нее и принялись нарезать хлеб, мясо и сало и чистить луковицы, а монах подошел к костру будто бы посмотреть еще раз на

мертвого идолопоклонника, а сам незаметно взял с бревна туесок и перелил фиолетовую жидкость в баклагу. Вернувшись к стрельцам, он потряс баклагу в воздухе, отчего в ней заплескалось вино, сделал вид, что пробует его, а затем предложил:

– Ой, вкусное вино заморское – отведаем? В монастырь его незачем нести, на всех братьев не хватит, значит, настоятелю достанется.

– Обойдется без вина настоятель! – поддержал его пожилой стрелец.

Монах расставил перед ними серебряные стопки, налил темно-вишневого тягучего вина.

– Ну, пейте, а я из горлышка отхлебну.

Пожилый взял стопку левой рукой, перекрестился правой.

– За упокой души грешной.

Два другие стрельца тоже перекрестились, но выпили молча. Поставив стопки на шкуру медвежью, все трое потянулись к закуске. Пожилой удивленно глянул на монаха, спросил:

– А ты почему не пьешь? – и тут же обхватил руками свое горло, заскреб его, словно хотел разорвать невидимую удавку. Лицо его потемнело, глаза выпучились, губы искривились судорожно и посинели.

– Га-ад!.. – прохрипел пожилой стрелец и упал навзничь.

Дольше всех боролся со смертью юноша: даже упав на спину и перестав шкрябать шею, все еще дрыгал ногами. Монах смотрел на них и ошупью собирал со шкуры серебряные стопки и кидал их в торбу, где лежали идол и баклага. Когда стрелец затих, монах сломя голову побежал в лес.

– Волхв отравил! Волхв!.. – бормотал он на бегу, не желая брать грех на душу.

Колючие еловые ветки хлестали его по лицу, по губам, словно наказывали за вранье, а валежник будто хватал за ноги, заставлял остановиться, но монах летел, не разбирая дороги и не обращая внимания на боль, часто падал и какое-то время передвигался на четвереньках. Остановило его болото. Сделав десятка два шагов по топи, монах упал грудью на кочку, ухватился за растущую на ней тонкую березку и жалостливо всхлипнул, точно избежал страшной беды.

С края болота донеслись карканье ворона и цокотание белки. Монах вздрогнул, вскарабкался на кочку и сел лицом к лесу. Погони не было и не могло быть – и он еще раз всхлип-

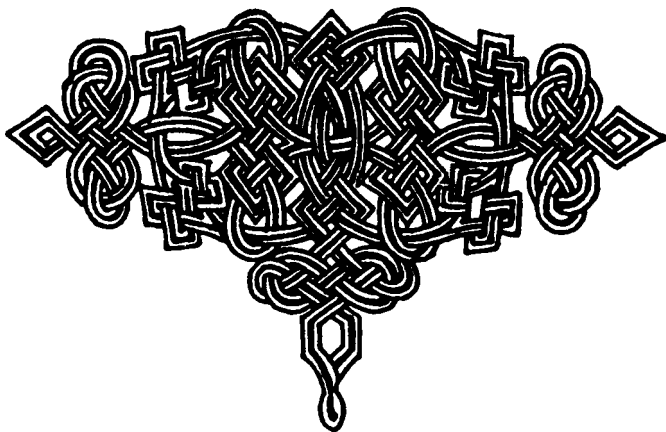
нул и вытер с конопатого лица то ли пот, то ли слезы. Развязав торбу, монах достал из нее идола. Красные глаза посмотрели на монаха и вспыхнули от гнева, казалось, а не от солнечных лучей.

– Не долго тебе зыркать осталось! – со злобной радостью сказал монах. – Повыковыряю тебе гляделки, а самого на куски порубаю... С таким богатством!.. – он захохотал громко, истерично.

Вернувшись из болота в лес, монах определил по солуцу направление, в котором была ближняя деревня, и пошел в ту сторону по звериной тропе. Шел медленно и мурлыкал под нос незатейливую мелодию, мечтая о том, как распорядится попавшим в его руки богатством. Сверху, с деревьев, раздались громкое карканье и цокотание, монах поднял голову, отыскивая затуманенным мечтами взглядом птицу и зверька, и не заметил натянутую поперек тропинки бечевку. В кустах тенькнула тетива, и толстая длинная стрела впилась монаху между ребрами, прошила тело и вылезла наконечником с другого бока. Монах сделал по инерции шаг вперед и вправо и упал ничком. Справившись с удивлением и подкатившей к горлу тошнотой, он прошептал:

– Накаркал волхв...

Жадно хватая ртом воздух, монах развязал торбу, вынул из нее баклагу и положил рядом с собой, на видном месте, а торбу сунул под куст и последними, судорожными движениями присыпал ее опавшими листьями и хвоей.

СКОМОРОХ

Рассказ

Древний княжеский терем, обнесенный валом с высоким тыном, стоял на краю пологого на бараний череп холма и нависал над дорогой и окраиной села, в которое она вела, и от строгого, гнетущего величия потемневших стен башен веяло силой, грозной и справедливой, но при более внимательном взгляде – не то из-за напоминающих клыки бревен тына, не то из-за узких бойниц и особенно окон, словно второпях прорубленных в уже построенном здании, не то из-за ярко-зеленых пятен мха на крыше, – возникало ощущение, что видишь обманку: снаружи крепкую, а внутри гнилую или червивую.

– Гнездо змеиное, – изрек приговор скоморох – бодрый старик невысокого роста с гибким, юношеским телом и с редкими рыжеватыми усами, одетый в вылинявшие рубаху и порты, сшитые из разноцветных лоскутов, и островерхую суконную шапку, почти новую.

– Почему, деда? – спросил мальчик лет десяти, конопатый, замурзанный и с давно нестриженными волосами, тоже рыжеватыми, но пока густыми. Догнав деда, он пошел медленнее, подволакивая, будто скользил на лыжах, босые ноги, по щиколотку утопающие в мягкой теплой серой пыли. – Почему? – повторил он вопрос и оглянулся на терем.

– Бог его знает, – ответил скоморох, поправляя на плечах лямки торбы, латаной-перелатаной, точно перешитой из со-

превшей старой рубахи хозяина. – Иной раз видишь не умом, а сердцем, а оно близорукое, корень плохо зрит. Пойдем быстрее: народ разойдется с базара, ничего не заработаем.

Село было не из бедных, но какое-то неухоженное, словно хозяева знали, что скоро покинут дворы, подадутся искать счастья в другие места. Однако сонные и будто безликие люди, похожие на осенних мух, бродили по улицам с такой ленью и безразличием, что трудно было поверить, что решатся на такой отчаянный и трудно выполнимый поступок, скорее забьются в щели и как-нибудь переждут плохие времена. Собаки и те, заметив чужих людей, не бросились на них с лаем, а затрусили, поджав хвосты, к погосту на краю села.

На базарной площади, где народу собралось много, было не то, чтобы тихо, но и обычной, – громкой и веселой – многоголосицы не слышалось, даже скотина и птица, выставленные на продажу, особо не гомонили. На паперти большой, ухоженной церкви сидел всего один нищий, видимо, слепоглухонемой, потому что не пошевелился, когда сердобольная женщина торопливо, будто боялась, что кто-нибудь заметит, кинула монету в шапку, да промахнулась, и копейка со звоном упала у ног убогого.

Так бы и осталась лежать монета у ног нищего, если бы скоморох не поднял ее и не положил в шапку. Калека закивал благодарно головой, запрыгали длинные волосы, обнажив обрезанные уши и уставившиеся прямо перед собой пустые глазницы. Уверенно и безошибочно, будто видел дарителя, перекрестил нищий скомороха и что-то промычал, широко разезвая безъязыкий рот и обнажая почерневшие, голые десны, только кутние зубы сохранились.

– Не приведи, господи! – перекрестившись, пожелал себе скоморох и пошел в дальний конец базарной площади, где около телег, охраняемых мальчишками, была незанятая широкая площадка.

Скоморох снял торбу, вынул из нее жалеюку и четыре разноцветных мячика из конского волоса. Встав на побелевший, вылизанный дождями камень, дед выдул из жалеюки несколько звонких, веселых трелей и закричал бодрым голосом:

– Эй-гей, народ честной! Подходи, не робей, собирайся быстрее! Мы вам споем и спляшем и такое покажем, что растяните рот до ушей и в него залетит воробей!..

Внук прошелся колесом, несколько раз подпрыгнул, перекувыркнувшись через голову. Худое тело его, будто сплетен-

ное из ивовых прутьев, гибких и легких, словно от порыва ветра изогнулось назад, достав руками и головой до утрамбованной земли, встало на них и опять закувыркалось, напоминающая перекати-поле, подгоняемое бурей.

Первыми сбежались мальчишки. Засунув грязные пальцы в приоткрытые рты, они с восхищением смотрели на своего ровесника, такого ловкого и бойкого. За ними подтянулись взрослые, остановились чуть поодаль и глядели с легким пренебрежением: эка невидаль!

Скоморох взял четыре мячика, и они словно сами по себе закувыркались над его головой, подлетая то выше, то ниже, или исчезая за спиной старика, а появляясь из-под приподнятой ноги, или падая вроде бы и в вырез рубахи, а вылетая из-за спины. Внук перестал прыгать и тоже достал из торбы три мячика, которые закружились над его головой чуточку быстрее, чем дедовы. Иногда дед и внук обменивались мячиками, и у мальчика оказывались то три красных, то два синих и два черных, то два красных и черный.

Из церкви вышли пятеро молодцов в серо-коричневых кафтанах, отчего напоминали коршунов. Всей стаей налетели они, как на куропатку-подранка, на нищего, замахали нагайками. Народ на площади отпрянул от паперти, плотнее сбился у площадки, где трудились дед и внук. Из церкви неспешно вышагал дородный муж с седой головой и бородой, одетый в ярко-красную атласную ферязь с золотыми пуговицами. Он развернулся и перекрестился, глядя на купол церкви. Движения были степенны, строги, в них угадывалась привычка властвовать. Он развернулся лицом к площади, оглядел ее, задержался на скоморохе, возвышающимся на голову над толпой, на разноцветных мячиках, подлетающих вверх. Размягченное молитвами лицо не изменило своего выражения, но взгляд посуровел и как бы хлестнул старшего молодца, высокого и розовощекого, с загнутыми кверху кончиками усов. Тот покорно склонил голову, затем сказал коротко что-то двум другим молодцам и, отделившись от процессии, которая во главе с мужем в ферязи направилась к терему, пошел неспеша, грубо расталкивая людей, в дальний конец базарной площади, к скомороху.

Дед понял безмолвный разговор хозяина и слуги и так же безмолвно, одними глазами, приказал мальчику заканчивать представление. Теперь все семь мячиков оказались у старика, а внук, будто балуясь, сорвал с его головы шапку и пошел по

кругу, призывая зрителей заплатить, кто сколько может. То ли не желая расставаться с деньгами, то ли испугавшись приближения «коршунов», то или еще почему, но люди стали быстро расходиться, лишь несколько человек торопливо, на ходу, кинули в шапку по медяку.

Старший слуга, вертанув ухо белобрысого мальчишки, оказавшегося на его пути, подошел к скомороху, немного поглазел на старика и как бы дал себе время налиться злостью, потому что щеки из ярко-красных стали бурыми. Коротко махнув нагайкой, он ударил скомороха по рукам и, когда мячики попадали на землю, весело заржал. Вторя ему, засмеялись и двое подручных.

– Что ж это ты народ прельщаешь, отвлекаешь от церкви, а?! – одновременно с гневом и с издевкой спросил старший слуга. – Вместо того, чтобы грехи замаливать, они тут торчат, на бесовские игрища смотрят!

Двое младших слуг обошли скомороха с боков, остановились, поигрывая нагайками, в ожидании, когда старший натежится нравоучениями и даст знак приступить к делу. Они, казалось, не замечали мальчика, который ползал у их ног, собирая мячики.

– Ты, поди, безбожник? А ну, кажи крест! Скоморох вынул из-за пазухи медный крестик на льняном гайтане, поднял на уровень глаз старшего слуги и, неотрывно глядя в них, заговорил монотонно и растягивая гласные:

– Смотри. Внимательно смотри. Вот сюда. В перекрестие. – Он повел крестик чуть влево – головы всех трех «коршунов» повернулись в ту сторону, повел крестик чуть вправо – головы повернулись туда. – Видишь? Крест истинный, освященный. Не безбожник я. – Старик покачал крестиком вниз-вверх – и «коршуны» закачали головами, точно соглашаясь с ним. – Ты уже отхлестал меня нагайкой. Пригрозил убить, если не уберешь из села. Можешь возвращаться к хозяину и доложить, что приказ выполнил. Понял?

– Да-а, – еле шевеля языком, вымолвил старший слуга.

Скоморох убрал крестик за пазуху и тихо, но властно произнес:

– Забирай подручных и иди в терем, – и громко добавил: – Иди!

Старший слуга вздрогнул, словно от пощечины, и с удивлением уставился на старика, не в силах понять, откуда здесь появился скоморох.

– Иди, – шепотом повторил дед и закрыл лицо руками, словно только что получил по нему нагайкой.

– Иди, – повторил старший «коршун», показал нагайкой помощникам, чтобы следовали за ним, и вразвалку, с ленцой пошел к княжескому терему.

– Эх, он тебя, ирод! – посочувствовал скомороху плюгавенький мужичонка, от которого за версту несло медовухой. – Рад выслужаться, пес шелудивый!

Скоморох опустил руки, и мужичонка заметил, что на лице нет отметин от нагайки, и недоуменно скривился. Подергал клочковатую бороду, настолько растрепанную, будто только что за нее таскали, мужичок произнес менее гневным тоном:

– Этот еще ничего: не слишком ретивый, жалость знает. Не служи он у тиуна, золотой человек был бы. – Он опять подергал бороду. – Вот тиун у нас – этот воистину ехидна кровожадная! По лику – праведник, по делам – отродье сатаны.

– Что ж князю не пожалуется?

– Били челом на тиуна – а толку? – Мужичонка поскреб снизу подбородок – Тиун так повернул, что челобитчики и оказались виновными. Князь уехал, со свету их сжил. Видать, за грехи наши бог наказал нас этим отродьем. – Он перекрестился и пошел к тому ряду, где торговали медами.

Мальчик отдал деду пять монет – две копейки и три полукопейки – и произнес без обиды:

– И отсюда гонят.

– На то они и вольные хлеба: вольно и без хлеба остаться, – с наигранной бодростью сказал скоморох. – Что ж, пойдем дальше искать счастья.

Они купили два калача и кринку топленого молока, которые съели тут же, вернув посудину торговке – худой и сутулой старухе с кривым носом. Походив между рядами, скоморох поприценивался к разным товарам, поторговался и даже уговорил глуповатого мужика продать телушку за полушку, а когда пришло время бить по рукам, рассмеялся весело. Засмеялись и те, кто любопытства ради наблюдал за торгом, и начали подшучивать над мужиком, хотя перед этим принимали все на полном серьезе и даже советовали не платить так дорого.

С базарной площади скоморох и мальчик вышли на ту улицу, по которой попали в село. Впереди заворачивали к замку три «коршуна». Видимо, из-за них и была пуста улица. Лишь кудлатая собака лежала в тени колодезного сруба и со

страхом поглядывала на чужих. Во дворе напротив колодца с шумом распахнулись ворота, и собака, пождав хвост и уши, метнулась в кусты.

Из ворот вылетел черно-коричневый бык, широкогрудый, с налитыми кровью глазами и обломанным левым рогом. В ноздре торчало кольцо, с которого свисал обрывок толстой цепи.

Со двора послышался крик мужчины, одновременно сердитый и испуганный:

– Стой, чертово семя! Стой, кому говорят!

Бык мотнул головой, притопнул копытом и, наклонив голову и волоча обрывок цепи по дороге, попер на деда и внука. Казалось, нет на свете силы, которая сможет остановить эту глыбищу.

Скоморох скинул с плеч торбу, сунул ее мальчику и загородил его собой. Глубоко вздохнув, он уставился в бычьи глаза, большие и красно-черные, и напрягся всем телом так, точно уже столкнулся с рассвирепевшим животным. Буквально в сажени от человека бык словно бы налетел на крепкий дубовый забор, замер на месте и гневно забил копытами и замотал головой и цепью, поднимая серую пыль. Скоморох наклонил голову к левому плечу – и бык наклонил голову, но к правому, человек наклонил к правому – животное отзеркалило его движение; тогда старик резко запрокинул голову, будто от удара по затылку, – бык попробовал повторить, но не сумел и сразу обмяк, стал казаться ниже и худее. Человеческая рука опустилась на обломанный рог и повела покорное животное к распахнутым воротам, в которых стоял с кнутом босой мужик в рубахе навыпуск и смотрел на быка с подозрительностью, точно ему хотели всучить чужую скотину вместо его собственной. Отпущенный скоморохом, бык прошел в дальний конец подворья и остановился у столба, на котором висел обрывок цепи и, тихий и послушный, ждал, когда прикуют по новой. Очнувшись, хозяин быстро подбежал к нему и сноровисто сделал это.

– Вернулся, чертово семя, – с любовью приговаривал мужик, – не успел набедокурить.

– И часто он срывается? – спросил скоморох.

– Частенько. И такой разбойник: двух человек уже покалечил, а сколько добра переломал – не счесть! Совсем меня разорил!

– Продал бы его или забил.

– Продать – никто не покупает, знают его норы, а забить – рука не поднимается: больно люб он мне, – пожаловался хозяин-мужик, почесывая быка за ухом, большим и заросшим длинной густой шерстью.

Скоморох сочувственно покивал головой и, вспомнив что-то, уставился на хозяина быка пристальным, тяжелым взглядом. Мужик обмяк, глаза его посоловели, а ноги подогнулись, словно вот-вот упадет.

– Цепь тонковата, поменять надо, – заговорил скоморох монотонно и растягивая гласные. – Ладно, в следующее воскресенье поменяю. Как служба в церкви закончится, тиун будет проходить мимо моего двора, тогда и раскую быка, чтобы цепь поменять. Раскую, а бык вырвется, чертово семя. А пусть побегает! Заплачу еще раз вино – всего делов. Зато тиуна пуганет. Ферязь на тиуне, красная – ох как не понравится быку! Рассвирепееет! А пусть свирепееет. Не я виноват буду, а бык... Не я виноват буду... Не я... В следующее воскресенье, после заутрени... После заутрени.

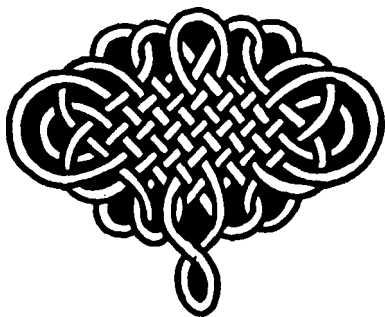
Скоморох провел рукой перед лицом мужика, будто протер запотевшее окно, и другим голосом, громким и печальным, произнес:

– Так, говоришь, нет молока на продажу, хозяйка все на базар снесла?

– Нет, – быстро подтвердил мужик и уставился на скомороха удивленно, словно тот из-под земли появился.

– Нет так нет, – развел руками старик и повернулся к мальчику: – Пойдем у соседей спросим.

Хозяин быка проводил их до ворот и надолго замер там, глядя вслед старику и мальчику и пытаясь вспомнить что-то очень важное.

МАВКА

Рассказ

Зеленые камыши, высокие и густые, со светло-коричневыми метелочками-«наконечниками», придающими им вид копий, плотной стеной окружали озеро, точно защищая от берега, и лишь в нескольких местах размыкались, образуя неширокие проходы, в которых бирюзовую воду прикрывали кое-где, словно раскиданные по столу хозяйкой-неумехой темно-зеленые блины, большие округлые листья, а возле них, напоминая комочки коровьего масла, желтели кувшинки, сочные и упругие, да под обрывом прорвал их плотные ряды темный и глубокий омут. В ближнем к омуту проходе имелся деревянный причальчик, малость перекосившийся, а рядом с ним высунулись тупым носом на узкую полоску серо-желтого песка ветхая плоскодонка, на белесом, выгоревшем сидении которой свернулся черный уж, грелся на солнце, наколовшемся на верхушки деревьев на западном берегу озера.

Вот росшая посередине прохода кувшинка заколыхалась, как поплавок при поклевке, утонула. Окружавшие ее листья-блины подтянулись к тому месту, где она была, и медленно вернулись назад, словно поняли, что не смогут ее спасти. Затем исчез под водой соседний цветок, еще один и еще, и вскоре в протоке не осталось распустившихся кувшинок.

У причальчика вынырнула обнаженная девушка с распущенными зелеными волосами, положила на него охапку кувшинок, взобралась сама. Тело и лицо у нее были неестественно бледными и как бы принадлежали разным людям: тело – с развитой грудью и широким бедрами – взрослой девушки, а лицо – невинное и лишенное каких бы то ни было чувств или

мыслей – ребенку-несмышлелышу. Она потянулась, посмотрела зелеными глазами сквозь прищуренные веки с зелеными ресницами на заходящее солнце, недовольно повела зелеными бровями и принялась отжимать волосы, длинные, до колен, и густые. Когда она перекинула их на грудь, оказалось, что спины нет и видны внутренности: серо-лиловые легкие, словно гроздь сирени, бурое сердце, похожее на паука, раскинувшего сине-красную паутину вен и артерий, сизые кишки, напоминающие клубок змей – и все это бездействовало, потому что не нужны им были ни воздух, ни кровь, ни пища. Отжав волосы, девушка закинула их назад, спрятав внутренности от чужих взглядов, и начала плести венки из желтых кувшинок со светло-зелеными мясистыми стеблями, напевая чуть слышно песню без слов, напоминающую плеск волн. Уж, привлеченный ее голосом, перебрался из лодки на причальчик, потерся, как кошка, головой о живот девушки и свернулся черной спиралью на белых бедрах, как бы пряча от чужих взглядов и пушистый зеленый треугольник.

Маленькие пальцы ловко сплетали стебли в венок, сочные цветы выстраивались в ряд, дружка к дружке, а потом последний был соединен с первым. Девушка надела венок на голову, полюбовалась своим отражением в воде. Зеленый обруч сливался с волосами, и казалось, что бутоны вставлены прямо в них и каким-то чудом не выпадают. Девушка радостно улыбнулась и забултыхала ногами, созывая, наверное, своих подводных подружек, чтобы полюбовались, какой красивый у нее венок и как смотрится на ней.

Никто из подружек на призыв не откликнулся, зато в лесу послышался топот копыт. Девушка бережно сняла сонного ужа с бедер и опустила в воду, пробежала по мели к камышам, углубилась в них сажени на две и присела, прикрыв лицо и плечи волосами, отчего стала похожа на высокую кочку, на которой кто-то позабыл венок из кувшинок.

Неоседланный гнедой жеребец вынес из леса на берег озера русоволосого юношу с рыжеватым пушком на щеках и подбородке, одетого в рубаху навывпуск и штаны, закатанные до колен, и державшего в руке вместо кнута пучок полыни. Юноша спрыгнул с лошади, звонко шлепнул ее по крупу, загоня в озеро, мигом разделся. Прикрывая стыд руками, он пробежался по причальчику и упал грудью в воду, а когда вынырнул, громко ухнул, снял с лица светло-коричневую водоросль и позвал коня:

– Рыжик, иди ко мне!.. Иди-иди, не бойся! Жеребец, пивший воду, поднял голову, посмотрел большими черными глазами на хозяина и нерешительно помахал длинным черным хвостом.

– Догоняй! – крикнул юноша и поплыл по проходу к большой воде.

Жеребец еще какое-то время нерешительно махал хвостом, потом заржал, как бы подгоняя самого себя, и рванулся за хозяином. Догнал уже в конце прохода и поплыл медленнее, голова к голове с человеком.

Девушка бесшумно выбралась из камышей на берег, обошла брезгливо, как коровью лепешку, пучок полыни и осторожным движением, словно боялась обжечься, дотронулась до рубашки юноши, помяла ткань и тихо засмеялась. Поднеся рубашку к лицу, понюхала ее с звериной подозрительностью, поморщила носик, еще раз понюхала и снова засмеялась. Заметив, что юноша разворачивается к берегу, она одной рукой прижала рубашку к груди, второй подхватила штаны и спряталась в ближних кустах.

На мелководье юноша надергал с дна водорослей и, как мочалкой, прошелся ими по холке, спине, крупу и брюху лошади. Рыжеватая шерсть, высыхая, заигралась золотистыми искорками. Получив шлепок по крупу, жеребец выскочил на берег, обмахнулся мокрым черным хвостом и принялся щипать траву. Юноша вышел следом, попрыгал сначала на левой ноге, потом на правой, вытряхивая воду из ушей. Одежды на месте не оказалось, юноша поискал ее взглядом, посмотрел на лес.

– Эй, кто шутить вздумал?

Ответа не получил.

– Сейчас кто-то бедный будет! – пригрозил юноша.

Из кустов послышался девичий смех, хрустнула ветка.

Юноша прикрыл руками низ живота и смущенно гмыкнул.

– Ну, побаловались – и хватит, верни одежду.

– Не верну, – послышалось из кустов, – так ходи.

– Ну, ты скажешь! – возмутился он. – Отдавай быстро, бесстыжая!

– Не-а!

– Силой заберу и по мягкому месту нашлепаю!

– Ой-ей, какие мы грозные!

– Сейчас узнаешь! – Юноша рванулся к кустам. Девушка, прижимая его одежду к груди, перебежала в ельник. Укрытое зелеными волосами тело ее как бы растворилось между елками, заметны были лишь желтые кувшинки. Бежала она быстро, почти бесшумно и, казалось, не задевая колючих веток, которые больно хлестали юношу, мешали гнаться, и он вскоре отстал от девушки и потерял ее из виду. Выбравшись на лужайку посреди ельника, он тяжело опустился на траву и просительно крикнул:

– Эй, где ты там?

– Ау! – послушалось за его спиной. Юноша развернулся и устало произнес:

– Поигрались – и хватит, отдай.

– Не-а!

– Не могу же я голым вернуться в деревню!

– Тут оставайся!

– Ночь скоро, а сейчас идет русаличья неделя, сегодня четверг – Русальчин велик день: поймают меня – защекочут. – Он перекрестился и испуганно огляделся по сторонам. – Матушка не пускала меня на озеро, пока не пообещал, что купаться не буду и полынь из рук не выпущу. – Юноша посмотрел на свои пустые руки и закончил огорченно: – На берегу забыл!

Девушка весело засмеялась.

– А ты случаем не русалка?

– Нет.

– Что-то я тебя раньше не встречал. В деревне на том берегу живешь?

– Да.

– Ан, врешь! Я знаю там всех, а тебя – нет.

– А и вру – так что?!

– Ничего... Если ты не из той деревни и не русалка – тогда откуда ты?

– Из озера. Я не совсем русалка, я мавка.

– Ты – мавка?! – удивился юноша. – Мавки же – это утонувшие некрещеные младенцы, а ты вон какая – девица на выданье!

– Когда-то была маленькая, а теперь подросла.

– Да-а – Он почесал затылок, опасливо оглядел потемневший лес. – А ты меня не защекочешь?

– А как это?

– Ну, это... – юноша запнулся. – Не знаешь – и не надо.

– Я хочу знать, скажи.
– Ну, зачем тебе...
– Одежду не верну! – пригрозила мавка.
– Да я и сам не знаю, – схитрил он. – У подружек русалок спросишь.

– Они со мной не играют, говорят, маленькая еще. Вот когда стану русалкой...

– А когда ты станешь?

– Они не говорят. Спрошу, а они перемигиваются и хохочут, – обиженно сообщила мавка.

– Да-а... – Юноша опять почесал затылок и хитро улыбнулся. – Вышла б, что ли, на полянку, а то заговариваю и не вижу с кем.

Мавка вышла из ельника, села неподалеку от юноши, положив одежду посередине между ним и собой. Двумя руками она, нимало не смущаясь, перекинула волосы назад, открыв красивое детское личико, острые груди, плоский живот и пушистый треугольник в низу его. То, что юноша стыдливо отвел взгляд, она поняла по-своему:

– Некрасивая, не нравлюсь тебе?

– Красивая – выдавил он.

– Почему же отворачиваешься?

– Голая ведь, прикрылась бы, – он подтолкнул свою рубашку к ней.

– Зачем? – Не поняла она. – Тебе неприятно смотреть на мое тело?

– Приятно – потупив глаза, ответил он.

– Ну и смотри на здоровье – Она пересела ближе. – Мне нравится любоваться тобой, когда купаешься: ты тоже красивый. – Она дотронулась до его плеча, испуганно отдернула руку – Какой ты горячий!

– Разве?? – удивился юноша.

– Ну да! – Она взяла его руку и положила на свою грудь.

– Это потому, что ты холодная, – сказал он, все еще отводя глаза.

– Так погрей меня, – попросила она и прижалась к его плечу.

Юноша отпрянул и, сглаживая грубость, произнес:

– Ты не очень холодная.

Мавка тихо засмеялась, пересела вплотную к нему и дотронулась кончиком указательного пальца до висевшего на юношеской груди темно-коричневого деревянного крестика.

- Подари его мне.
– Нельзя, – сказал юноша. – Мне его при крещении наде-
ли. Вот крестишься, и у тебя... – Он запнулся.
– Я и хочу, чтоб ты меня крестил.
– Это поп делает, я не умею.
– А как умеешь, – предложила она и добавила с мольбой:
– Что тебе – жалко?
– Да нет, только силы такое крещение иметь не будет...
– А вдруг будет? – предположила мавка. – Попробуй, а?
– Ну, хорошо, – согласился юноша.

Торопливо пробормотав «Отче наш», он осенил ее трое-
кратно крестным знамением, снял с себя гайтан с крестиком и
надел на мавкину шею. Она задержала руки юноши на своих
плечах, прошептала:

– Теперь я крещеная, и ты можешь взять меня в жены,
прямо сейчас.

– Но ведь венчаются в церкви, – нерешительно возразил
он, однако руки не убрал.

– Венчаются там, где влюбляются, – сказала мавка и по-
целовала его.

Она лежала с открытыми глазами, смотрела на темное не-
бо, на котором появились звезды, тусклые, еле различимые, и
казалось, что они интересуют ее больше, чем торопливые лас-
ки юноши, но вот ресницы ее затрепетали от боли, зрачки
расширились и медленно сузились, а на губах появилась сла-
бая улыбка. Рукой она принялась поглаживать юношу, стара-
ясь попадать в такт его движениям, а когда он напрягся и за-
стонал, мавка тоже застонала, потому что внутри нее разорва-
лось что-то очень горячее и растеклось по всему телу. Ей ста-
ло так жарко, будто окунулась в кипяток, и так же медленно,
как остывает кипяток в теплую погоду, покидал ее этот жар и
уносил с собой ее силы. Открыв глаза, увидела, что небо по-
светлело, а звездочки исчезли, и вспомнила, что пора возвра-
щаться в озеро. Она попробовала выбраться из-под юноши,
тяжелого и холодного, не смогла и жалобно попросила:

– Встань, мне тяжело... Слышишь?

Он ничего не ответил и не пошевелился.

Собрав остатки сил, она все-таки выползла из-под юноши,
встала на колени. Настороженно, будто дотрагивалась до чу-
жого тела, провела рукой по своему лицу, шее, удивляясь, что
они теплые, задержалась на левой груди, уловив толчки внут-
ри.

– Живая... – засмеявшись, произнесла она. – Слышишь, я живая! – крикнула она и шлепнула юношу по плечу, твердому и холодному.

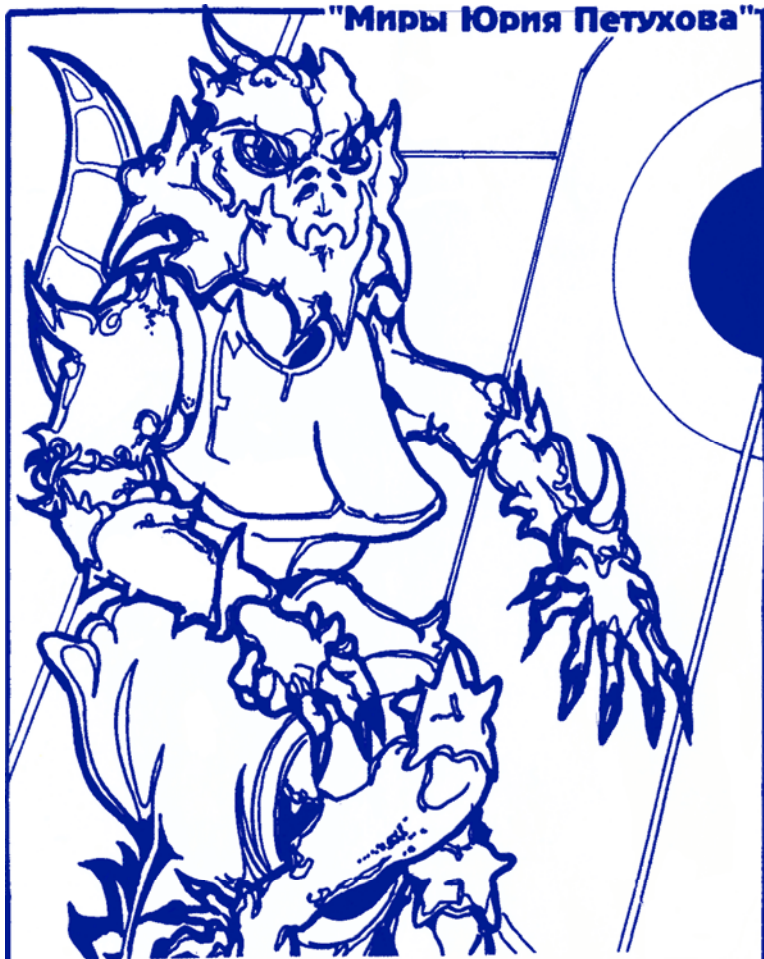
Не дождавшись от него ни звука, перевернула юношу на спину. На нее глянули переполненные белками глаза, и она вскрикнула от ужаса и закрылась руками, а затем упала головой на грудь юноши и зарыдала. Длинные зеленые волосы разметались по его телу, обнажив девичью спину с бледно-розовой кожей.

Ржание лошади, донесшееся от озера, заставило ее оторваться от юноши. Какое-то время на повсхлипывала, размазывая слезы по порозовевшим щекам, потом закрыла юноше глаза, поцеловала в губы.

– Мы будем вместе: где ты – там и я! – поклялась она и побежала к озеру.

На краю обрыва она остановилась, схватилась двумя руками за гайтан и, тихо всхлипнув, кинулась в омут. Разбежались круги, заставив пошуршать камыши, и на поверхность всплыли венок с измятыми кувшинками и деревянный крестик с порванным гайтаном.

"Миры Юрия Петухова"

Суперфантастика Юрия Петухова
Собрание сочинения в 8 томах

Объем каждого тома 700 стр., черный твердый переплет
с золотым тиснением, суперобложки, иллюстрации.

Высылаются первые четыре тома + абонемент
– стоимость 40 тыс.руб.

(еще четыре тома выйдут до 1997 года –
подписчикам гарантируется получение).

Для получения подписки выслать почтовый перевод
по адресу: 111123, Москва, а/я 40, Петухову Ю.Д.
Изд-во "Метагалактика" гарантирует исполнение заказа.

qп ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

В номере:

Юрий Петухов

"Вторжение из Ада. Странник"

Фантастический роман

